Николай Васильевич

ГОГОЛЬ

Полное собрание сочинений и писем
в семнадцати томах

Н. Гоголь

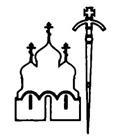
Николай Васильевич Гоголь

1809–1852

Н. В. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем

в семнадцати томах

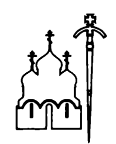

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

Н. В. Гоголь

Том X

Переписка 1820–1834

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

По благословению
Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА

Составление, подготовка текстов и комментарии:

И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета «История мировой культуры» РАН

Издание выпущено при содействии
Некоммерческого партнерства
«Полтавское землячество» (Москва)
и Благотворительного фонда «Богуслав» (Киев)

Переписка
1820–1834

1820

1. В. А. и М. И. Гоголям

<Вторая половина — конец июня 1820. Полтава>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Я весьма рад, что узнал о благополучном здравии вашем. Я поставил для себя первым долгом и первым удовольствием молить Бога о сохранении бесцен<н>ого для меня здравия вашего. Ваканции быстро приближаются. Я не успел еще оконьчить всего, следовательно, нужно заняться ваканциями, чтобы поспеть с честью во второй клас<с>. Учитель математики мне необходим.

Естли вы будете в Полтаву сами скоро, то я уверен, что всё устроете вся для моей пользы. Цалуя бесцен<н>ые ручки ваши,

имею честь быть,
с сыновным моим к вам высокопочитанием
ваш послушный сын

Николай Гоголь Яновский.

2. Т. С. Гоголь-Яновской

<Июль 1820. Полтава>

Дражайшая Бабушка.

Извините меня в том, что долгое время не мог писать к вам, Дражайшая Бабушка. Покорно вас благодарю, что вы прислали гостинец мне. От всего сердца желаю вам благополучия и долголетней жизни, при чем остаюсь

Ваш покорный внук

Николай Яновский.

Пришлите мне, дражайшая бабушка, погребец; я куплю для него прибор. Обрадуйте Папиньку и Маминьку, что я успел в науках то, что в первом классе гимназии, и учитель мною доволен. Прошу поцеловать за меня Гапу и сестриц моих.

3. В. А. и М. И. Гоголям

<25 июля 1820. Полтава>

Почтеннейшие Родители,
Папинька и Маминька.

Благодаря родительскому вашему о мне попечению, я слава

Богу чувствую себя здоровым совершенно. Настойку оставлен<н>ую вами, Папинька, я продолжаю по данному наставлению.

В прошедшее воскресение я обедал у Ивана Алексеевича, на другой день видел Ивана Дмитриевича, возвращаясь из саду с Гаврилом Максимовичем, Иван Дмитриевич показывал нам свой дом. К величайшему моему удовольствию узнал я от него, что вы слава Богу живы и здоровы. Дай Бог, чтобы бесценное ваше для меня здоровье продолжалось вечно в самом цветущем состоянии.

Учение в Гимназии начнется чрез неделю, а до того времени я слегка занимаюсь повторением.

С глубочайшим высокопочитанием и сыновнею преданностию

Имею честь быть

Любезнейшие Родители!

вашим покорнейшим и послушнейшим сыном

Ни<колай>.

1821

4. В. А. и М. И. Гоголям

<10 июня 1821. Нежин>

Дражайшие Родители,

Папинька и Маминька.

С величайшим удовольствием принимаюсь за перо, чтоб писать к вам, уже несколько времени собира<лся>, искал удобной минуты, чтоб изъявить вам благодарность за ваше родительское о мне попечение.

Благодаря Бога я здоров. И вам также желаю здоровья и благополучия. Платие[1] нам будут шить после каникул, но как во мне недостаток в платье, то Егор Иванович заказал мне сделать летнее платие. За мною присылаите на каникулы 20-го июня.

С сыновним почтением и предан<н>остью остаюсь навсегда вашим покорным слугою[2] и послушным сыном

Н. Г. Яновский.

1821-го года
10 июня.
Нежин.
Федор Иванович Чекиев свидетельствует вам свое почтение.

[1] *В подлиннике:* Платье

[2] сыном

5. В. А. и М. И. Гоголям

<13 августа 1821. Нежин>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Осведомившись, что вы находитесь здоровы, пишу к вам единствен<н>о для того, чтоб благодарить вас за ваше Родительское ко мне расположение и просить[1] Бога, чтоб даровал вам совершен<н>ое здравие и спокойствие. Что касается до меня, я славу Богу здоров, чого желая вам, остаюсь навсегда вашим послушнейшим сыном
и покорным слугою

Николай Гоголь-Яновский.

1821-го года
Августа 13 числа.
Нежин.

6. В. А. и М. И. Гоголям

<14 августа 1821. Нежин>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Весьма опечалился, услыша, что вы приедете еще в о<к>т<я>бре Месяце. Ах! как бы я желал, естлиб вы приехали как можно поскорей и узнали б о участи своего сына. Прежде каникул писал я, что мне здесь хорошо, а теперь напротив того. О! естлибы Дражайшие родители приехали в нынешнем месяце, тогда бы вы услышали, что со мною делается. Мне после каникул сделалось так грустно, что всякой Божий день слезы рекой льются и сам не знаю от чего, а особливо когда спомню об вас, то градом так и льются.

И те<пе>рь у меня грудь так болит что даже не могу много писать. Простите мне за мою дерзость, но нужда всё заставит делать.

Прощайте дражайшие родители далее слезы мешают мне писать.

Не забудте также доброго моего Симона, которой так старается обо мне, что не прошло ни одной нощи, чтобы он не увещевал меня не плакать об вас, Дражайшие родители, и часто просиживал по целой ночи над мною, уже его просил, чтоб он пошол

[1] и благодарить

спать, но никак не мог его принудить. Жалования ему не выдают, и он принужден сам на нас всех готовить кушанье, ибо другого повара нету, был один и тот выпросился домой на два месяца. С величайшим почтением и предан<н>остию честь имею быть вашим покорным сыном и послушным

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Учеников же еще о сю пор и половины нету.

1821 года
Августа 14-го.
Нежин.

7. В. А. и М. И. Гоголям

<26 августа 1821. Нежин>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Долгое время не получаю я от вас никакого известия и начинаю уже думать что вы как-нибудь потревоженны. Ах как бы я желал что<бы> вы были в совершен<н>ом здравии и благополучии дай Бог чтоб Он принял желание вашего сына Которой навсегда с истин<н>ым почтением

И преданностию навсегда останется вашим послушнейшим и покорнейшим сыном

Николай Гоголь-Яновский.

1821 года
Августа 26
Нежин.

8. В. А. и М. И. Гоголям

<6 сентября 1821. Нежин>

Дражайшие родители
Папинька и Маминька.

Извините меня, что я писал такое письмо к вам. Но когда бы вы знали, в каком я тогда находился положении. Приехавши в Нежин, на другой день стала у меня болеть грудь. Ночью так у меня болела грудь, что я не мог свободно дышать. Поутру стало лучше, но грудь моя все-таки болела, и потому я опасался, чтоб не было чего-нибудь худого, и притом мне было очень грустно в разлуке с вами. Но теперь слава Богу всё прошло, и я здоров и весел, вам же желая совершенного здравия и благополучия,

остаюсь с истинным почтением и преданностию ваш послушнейший сын

Николай Яновский.

1821 года
Сентября 6 числа.
Нежин.

9. В. А. и М. И. Гоголям

<6 октября 1821. Нежин>

Дражайшие Родители
Папинька и Маминька.

Извините меня, что толь долгое время не мог писать к вам. Причиною сему, что не имел свободного времени; но теперь с полным удовольствием пишу к вам и извещаю о новостя<х> здешних, которые будут для вас любопытны. Сюды ожидают со дня на ден директора, которой уже утвержден в здешнюю гимназию. Директор же вам известный, доктор Орлай, которой был в Кибенцах.

А что касается до меня, то я здоров и желая вам, остаюсь навсег<д>а вашим

Послушнейшим сыном
и покорным слугою

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Еще прошу вас прислать несколько книг, потому что мне в них великая надобность. Итак пришлите мне следующие книги: Латинскую граматику, Латинский Лексикон, Греческую граматику, Священную Историю, Катихизис, Арифметику, Маф<е>матику Фусса в трех частях и рисовальную книгу.

1821-го года
Октября 6-го.
Нежин.

10. В. А. и М. И. Гоголям

<10 декабря 1821. Нежин>

Дражайшие Родители!
Папинька и Маминька.

Крайне обрадовался, получа от вас письмо, от которого узнал я, что вы слава Богу здоровы. Извините меня, что о сю пор еще не писал к вам. Благодарю вас за деньги, только книги вы не все прислали, и для того я прошу покорнейше прислать мне книги,

необходимо нужные именно: Латинскую Граматику Бандыша-Каменскаго, Латинский Лексикон, Французские разговоры и Немецкие разговоры и рисовальную книгу. Пожалуста, пришлите сии книги поскорей, потому что м<н>е в них большая нужда. Что касается до меня, то я слава Богу здоров и, желая вам всякого здравия и благополучия, остаюсь вашим

послушным сыном
и покорным слугою

Н. Гоголь-Яновский.

P. S. Еще прошу вас прислать мне Нравоучительные Сказки Г-на Мармонтеля, потому что мы их переводим на французской язык. У всех здесь есть, а у меня нет.

Ежели угодно вам будет, чтоб я учился танцовать и играть на скрыпке и фортепиано, так извольте заплатить 10 рублей в месяц, я уже подписался хотевшим учиться на сих инструментах также и танцованию, но не знаю, как вам будет угодно.

1821 года
Декабря 10.
Нежин.

11. В. А. и М. И. Гоголям

<Декабрь 1821. Нежин>

Дражайшие Родители!

Папинька и Маминька.

Крайне желая вас видить, пишу к вам, чтобы приехали хотя вы, Дражайший Папинька, за мною на праздник. А не то так прислали бы за мною, но только с письмом. Но лутче бы было, ежелиб вы сами приехали.

Третего дни я был у Ивана Семеновича, и он говорил, ежели я буду хорошо весть себе, то он отпустит меня домой на праздник. Я слава Богу здоров и, желая вам быть благополучным и здаровым,

Остаюсь вашим послушным сином
и покорным слугою

Н. Гоголь-Яновский.

1822

12. В. А. и М. И. Гоголям

<7 января 1822. Нежин>

Дражайшие родители
папинька и маминька.

Несказанно обрадовался, получа ваше письмо, в котором узнал о вашем здоровьи. Я слава Богу здоров, но только имею недостаток в книгах весьма нужных, о которых я вам писал. И теперь прошу, чтоб вы прислали или ежели приедете сюда, то привезите мне сии книги: Французскую грамматику, Латинский лексикон Ивана Кронебурга, Арифметику 2-ю часть, Священную Историю, Катихизис, Нравоучительные сказки г-на Мармонтеля и рисовальную книгу. И еще нравственные примеры с картинками, о коих я уже вам писал, что они нужны для перевода с русского на французской язык.

Еще ль ежели бы вы прислали денег мне, потому что моя казна вся истощилась, один мой товарищ купил за восемь рублей ножик, я просил его, чтоб дал мне посмотреть, и я забыл ему отдать сейчас, а положил в свой ящик, но чрез минуту посмотрел в ящик, и его уже там не было. Теперь он говорит, чтобы я отдал сейчас ему восемь рублей, а не то так он возьмет все мои вещи и еще пожалуется гувернерам, и они меня накажут со всею строгостию. Простите мне это. Я впредь уж никогда не буду чужих вещей брать, а когда и попрошу вперед, то буду сей час отдавать и со всею осторожностию. И прошу вас, пожалуста, пришлите мне денег хоть рублей десять, то я отдам ему восемь рублей, а два рубля оставлю на письма. Еще прошу вас, пришлите мне тулуп, потому что нам не дают казенного ни тулупа, ни шинели, а только в одних мундирах, несмотря на стужу. И еще ежели б вы прислали жилетов хоть два. Здесь нам дают по одному жилету.

Между тем желая вам совершенного здоровья, остаюсь ваш послушнейший и покорнейший слуга

Николай Яновский.

1822 года,
7-го января.
Нежин.

13. В. А. и М. И. Гоголям

<Август 1822. Нежин>

Дражайшие родители
папинька и маминька!

Извините меня, что я в первом моем письме не мог обстоятельно описать приезд мой сюда, причиною сему была скорость, с каковою я вам писал, боясь не опоздать. Я теперь переведен в четвертый класс и, слава Богу, учусь со всем старанием. Но меня беспокоит более всего ваше молчание, и не знаю, получили ли вы то письмо, которое я вам писал. К нам приехал новый профессор французского языка Ландражень. И я теперь со всяким старанием предаюсь сему языку. Но советуете ли мне учиться греческому языку, которого профессор уже приехал?

Я, слава Богу, здоров и весел... немного грустно, расставшись с вами да нечего делать, книги же пришлю по первой почте, как с<коро> пришлете мне деньги, потому ч<то> нечем будет заплатить на почту. Я и теперь позычил денег немного за письмо это, которое я к вам пишу; а потому прошу вас покорнейше прислать мне оных денег.

Остаюсь вашим покорнейшим слугой и послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. А вы, дражайшая маминька, не позабудьте мне прислать припасов, которых вы обещались, и еще ежели можно бархату, потому что того не стало. Еще прошу меня известить о здоровье вашем, также и о моих сестрицах, бабушке.

14. В. А. и М. И. Гоголям

<10 октября 1822. Нежин>

Дражайшие родители,
папинька и маминька.

Извините, что столь долгое время не мог писать к вам, причиною сему было, что я опасно был болен. Но теперь уже почти выздоровел.

Учитель танцования и музыки будет к нам в последних числах сего месяца, и для того нам объявлено, что кто хочет учиться на каком-либо инструменте, должен писать, чтоб ему прислали оные инструменты, услышав что, и пишу, чтоб вы прислали мне скрыпку, на которой я хочу учиться.

К нам прибыли множество новых воспитан<н>иков и пансионеров.

Прошу вас, дражайшие родители, прислать мне сколько-нибудь денег, потому что у меня они вовсе сошли, так что я найдусь принужденным занять да и взаймы достать негде, а мне надо ужасно, а особливо в теперешных моих обстоятельствах.

Также ежели б еще прислали чего-нибудь из съестных припасов, как маминька еще тогда обещались прислать сушеных вишен без косточек. Но мне хоть чего-нибудь и похуже, а много ежели это.

Впрочем, с истин<н>ым почтением и предан<н>остию
честь имею быть
вашим покорным слугою и
послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1822-го года,
Октября 10 дня.
Нежин.

1823

15. В. А. и М. И. Гоголям

<23 марта 1823. Нежин>

Дражайшие родители,
папинька и маминька!

Уведомляю вас, что я благодаря Бога здоров и стараюсь всеми силами учиться и весть себя хорошо. Я не знаю, отчего вы до сих пор ко мне не пишете. Между тем как я уже писал к вам три письма, и ни на одно из них не получил ответа, что меня крайне беспокоит. Сделайте милость не оставьте меня в сем беспокойном недоумении. Уведомьте меня о своем здоровье, которого вам желая навсегда остаюсь

вашим послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1823 года,
Марта 23-го дня.
Нежин.

16. В. А. и М. И. Гоголям

<3 октября 1823. Нежин>

Дражайшие родители,
папинька и маминька.

Письмо ваше я получил 2-го числа и был им весьма доволен. Однако бы мне хотелось, ежели б Федька приехал ко мне прежде. Прошу вас покорнейше не позабыть мне прислать Вестник Европы, о котором я вас просил в предыдущем, я вам его скоро возвращу. Что же касается о принятии мальчика в живописцы, то я вам посылаю записку живописца, где он уведомляет, как и на каком положении он согласится его принять.

Иван Семенович возвратился из Орла, но на другой день уехал опять у Киев, и думают, что он пробудет там недели три. Денег же я у него не успел взять на заплату танцмейстеру, и я еще не начинал учиться танцовать, однако время не уйдет. Ежели вы только пришлете денег через Федьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно уметь танцовать. Однако же, папинька, не забудьте прислать всего того, чего я у вас просил, за что я вас буду благодарить. Да я и забыл вам напомнить п<р>о <*1 нрзб.*> вы, кажется, обещали мне прислать, еще знаете что, пришлите мне вишневого клею. У нас, я думаю, мальчики собирали его.

Извините, что я так худо пишу. Это от непривычки, ибо я, по правде вам сказать, был болен, но теперь слава Богу здоров и с трудом могу писать. Засвидетельствуйте мое почтение дедушке, бабушке, также всем родным. Я же с истинным почтением и преданностью честь имею быть вашим покорным слугою и послушнейшим сыном.

Н. Гоголь-Яновский.

1823-го года,
Октября 3 дня.
Нежин.

17. В. А. и М. И. Гоголям

<Ноябрь—декабрь 1823. Нежин>

Дражайшие родители,
папинька и маминька.

Уведомляю вас, что нас будут распускать на праздник Р<ождества> Х<ристова> и для того прошу вас покорнейше или самим приехать, как папинька говорил, что он будет сам скоро, а ежели вы не приедете, то пришлить за мною, ибо вы

сами знаете, что я еще ни разу на сей праздник, или лучше сказать зимою никогда не был дома и для того прошу вас покорнейше приехать за мною. Я однако ж надеюсь, что вы исполните мою просьбу.

Я трудился долго и наконец успел нарисовать 3 картины, а 4-ю еще только что начал, и можно сказать, что стоит чего-нибудь. Ежели б вы их повидели, то, верно бы, не могли поверить, что я рисовал. Только жаль, что они пропадут, ежели не будет рамок, ибо они все рисованы на грунту и долго лежать никак не могут, и для того прошу вас покорнейше прислать как можно поскорей рамки с стеклами. Я бы вам их так прислал, но никак нельзя, ибо когда уже на месте чуть одна не потерлась, то что б было с нею в дороге. Итак прошу вас покорнейше заказать оные рамки: две такие, чтобы имели в длину пол аршина с вершком, а в ширину четверть аршина и полтора вершка; другие две в длину на 3 четверти аршина, в ширину на пол аршина и два вершка. Сделайте милость, дражайший папинька, вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимся рисункам. Ожидая, что вы мне их пришлете вскорости и что вы пришлете за мною 20-го декабря, остаюсь

вашим послушнейшим и покорнейшим сыном

Николай Гоголь-Яновский.

18. В. А. и М. И. Гоголям

<11 декабря 1823. Нежин>

Дражайшие родители!

Папинька и маминька!

Вы пишете, что не можно за мною прислать. — Ах! сделайте милость, пришлите за мною. — Нужды нет, что живёте в Кибенцах; мне с вами везде будет весело. Притом же погода к празднику ежедневно становится лучше. Не откажите моей прос<ь>бе! и осчастливте своего сына, который с истинным почтением и преданностию имеет честь быть

вашим послушнейшим сыном

и покорным слугою.

Н. Гоголь-Яновский.

1823-го года.

Декабря 11-го.

Нежин.

19. А. С. Данилевскому <?>

<1822—1823>

С пылающим небом слиясь, загорелося море,
И пурпур и золото залили[1] рощи и домы.
Шпиц башни Петровой, возвышенный, вспыхнул над градом,
Как огненный столп, на лазури небесной играя.
Угас он; но пурпур не гаснет на западном небе;
Вот ночь, но не меркнут златистые полосы облак.
Без звезд и без месяца вся озаряется дальность;
На взморье далеком сребристые видны ветрила
Чуть видных судов, по синему небу плывущих.
Сияньем бессумрачным небо ночное сияет.
И пурпур заката сливается с златом востока;
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро.

А это каково тебе кажется?[2]

Та ясность, подобно прелестям северной девы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва оттеняются русыми локон волнами.

Чем далее, тем лучше — писал бы еще, но, право, не могу, сон смыкает мои глаза, теперь и так уже пробило 2 часа. Прощай, милый друг.[3] Но еще говорю тебе и повторяю: пиши ко мне, сделай милость, пиши. Я этим только и могу еще несколько утешаться. Я намерен достать еще несколько хорошиньких штучек, которые пришлю к тебе в Харьков. Только, пожалуста, адрес твой.

Твой друг Н. Гоголь.

1824

20. В. А. и М. И. Гоголям

<22 января 1824. Нежин>

Дражайшие родители
папинька и маминька.
Скрыпку и другие присланные вами мне вещи исправно

[1] *В подлиннике:* залило
[2] *Было:* нравится
[3] *Далее начато:* Т<ы>

получил. Но вы еще писали, что присылаете мне деньги на смычок, которых я не получил, и не могу до сих пор узнать, почему они не дошли ко мне, или вы забыли или что-нибудь другое.

Извините, что я вам не посылаю картин. Вы, видно, не поняли, что я вам говорил, потому что эти картины, которые я вам хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могут никак дня пробыть, чтоб не потереться, ежели сейчас не вставить в рамки. И для того прошу вас и повторяю прислать мне рамки такой величины, как я вам писал, т. е. две таких, которые бы имели ¾ аршина в длину и ½ в ширину[1], а одна такая, которая бы имела 1 ¼ длины и ¾ ширины, да еще маленьких две ¼ и 2 вершка длины и ¼ ширины[2].

Посылаю вам при сем Вестник Европы в целости и прошу вас покорнейше прислать мне комедии, к<ак> т<о> Бедность и благородство души, Ненависть к людям и раскаяние, Богатонов, или Провинциал в столице. И еще ежели каких можно прислать других, за что я вам очень буду благодарен и возвращу в целости.

Также ежели можете, то пришлите мне полотна и других пособий для театра. Первая пиеса у нас будет представлена Эдип в Афинах, трагедия Озерова. Я думаю, дражайший папинька, вы не откажете мне в удовольствии сем и прислать нужные пособия. Так ежели можно прислать и сделать несколько костюмов сколько можно, даже хоть и один, но лучше ежели бы побольше, также хоть немного денег. Сделайте только милость, не откажите мне в этой просьбе. Каждый из нас уже пожертвовал что мог, а я еще только. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу.

Уведомляю вас, что я учусь хорошо, по крайней мере сколько дозволяют силы. Вы пишете, что я вас не извещаю о том, что у нас делается и случается со мною. Позвольте мне вам сказать, что мне бы самому очень бы было любопытно знать, что делается как с вами, так и с посторонними лицами. Например, к величайшему моему сожалению узнал я о смерти Василия Васильевича Капниста. Но вы мне об этом ничего не сказали. Как будто бы еще о сю пору я ребенок и еще не в совершенных летах и будто бы на меня ничего нельзя положиться. Я думаю, дражайший папинька, ежели бы меня увидели, то точно бы сказали, что я переменился как в нравственности, так и успехах. Ежели бы вы увидели, как я теперь рисую (Я говорю о себе без всякого самолюбия).

[1] ширины

[2] *Далее начато:* то только бы ск<азали>

Машиньку вы отдали в пансион или нет? Что делает Аннинька и Лизанька? Надеюсь, что вы на это мне дадите ответ. Ожидая ж оного, остаюсь вашим послушнейшим и искренно Вас любящим сыном

Николай Гоголь-Яновский.

1824 года,
Генваря 22-го.
Нежин.

21. В. А. и М. И. Гоголям

<30 марта 1824. Нежин>

Дражайшие родители,
папинька и маминька!

Долгое молчание ваше удивляет меня, не знаю, какая тому причина. Месяца три не получаю от вас известия. Это повергает меня в горестное уныние. Я начинаю думать, не случилось ли вам какого несчастия (чего сохрани Бог). Ради Бога не терзайте меня сим печальным недоумением. Утешьте хоть двумя словами искренно вас любящего сына

Николая Гоголь-Яновского.

P. S. Я с нетерпением ожидаю присылки тех вещей, о которых я вас просил. Прошу вас покорнейше прислать мне для рисования тонкого полотна несколько аршин.

1824 года,
Марта 30 числа.
Нежин.

22. В. А. и М. И. Гоголям

1824-го года, июня 13 дня. <Нежин>

Непонятным для меня кажется ваше молчание. Или вы не получили письма моего; или другие посторонние обстоятельства удерживают вас.

Мне бы очень хотелось иметь ответ на прежнее мое письмо; хотелось бы услышать от вас самих о скором нашем свидании, или по крайней мере мог бы быть двумя строчками, которые для меня сократили бы медлительность моего ожидания, успокоен[1].

[1] *Было:* или по крайней мере двумя строчками - быть успокоен. *Затем вписано:* мог бы быть

Я вам писал о приятном путешествии, которое мы скоро предприимем; о радостном нашем свидании; о удовольствиях, которые я буду вкушать. Разве это такой мелочный предмет, который должно оставить без внимания? верьте, любезные родители! что вся, так сказать, жизнь моя основана на этом. Сие блаженное время я почитаю центром моих желаний, источником моих удовольствий. — Итак надеюсь, вы ускорите письмом вашим. Но правда теперь уже его не нужно, я и позабыл, что ныне 13-е июня и что чрез 10 дней вы пришлите за мною (каникулы будут 20 июня). Но так как еще мне надо сделать платье, то мы не ранее 23 выедем отсюда; как бы я желал скорее. — Г-н Баранов и Данилевский с нетерпением ожидают вместе со мною каникул. Ежели вы будете присылать за нами, то, пожалуста, пришлите нашу желтую коляску с решетками и шестеркою лошадей. Не забудьте коляску с зонтиком, в случае дождя чтоб нам спокойно было ехать, не боясь быть промочен<н>ыми. Я думаю, папинька не забыл сделать того, о чем я его просил, именно для меня лошадку. Еще сделайте милость, пришлите нам на дорогу для разогнания скуки долго оставаться на постоялых дворах, несколько книг из Кибинец; будьте уверены, что мы их привезем такими, какими они будут нам вручены. Но вместо повестей пришлите вы нам книгу под заглавием: Собрание образцовых сочинений в стихах, с портретами авторов в шести томах, за что мы будем очень благодарны.

Я уже почти собрался, уклал всё свое имущество и ожидаю со дня на день сего времени: уже вижу всё милое сердцу, — вижу вас, вижу милую Родину, вижу тихий Псёл[1], мерцающий сквозь лехкое покрывало, которое я сброшу, насладясь истинным счастием, забыв протекшие быстро горести. Одна счастливая минута может вознаградить за годы скорбей.

Время не позволяет более писать; мы теперь приготовляемся к экзамену.

Прощайте! дражайшие родители, прощайте, по недолго. Скоро мы увидимся, и сия радостная мысль наполняет мою душу[2] восторгом. Скоро вы увидите у ног своих благодарного сына,

Н. Гоголь-Яновского.

P. S. Прошу вас прислать мне денег десять рублей, которые мне следует получить. Еще раз, оне теперь мне пренужны, ибо мне надо расплатиться и купить еще красок для рисованья.

[1] *В автографе:* Псіол

[2] душу нашу

23. В. А. Гоголю и М. И. Гоголь

<1 октября 1824. Нежин>

Дражайший папинька!

Письмо ваше получил я 28 сентября. Весьма рад, находя вас здоровыми; за деньги вас покорнейше благодарю. Вы писали мне про стихи, которые я точно забыл: 2 тетради с стихами и одна Эдип, которые, сделайте милость, пришлите мне скорее. Также вы писали про одну новую Балладу и про Пушкина поэму Онегина[1]; то прошу вас, нельзя ли мне и их прислать. Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов, то и те пришлите.

Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на Рождество; то по вашему обещанию прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю, чем я вам буду много благодарен.

Между прочим прошу вас еще: нельзя ли каким-нибудь образом достать *Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе*, ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики, весьма нуждаемся в примерах, с тем только чтоб на время, и я вам в чистоте их пришлю, переписавши.

Еще прошу уведомить меня — не приедете ли вы в Нежин когда-нибудь посетить нас и осчастливить меня своим присутствием.

Прощайте, дражайший папинька!

Ваш послушнейший и покорнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

Дражайшая маминька!

Позвольте, дражайшая маминька! позвольте поздравить вас с днем Ангела вашего, с сим блаженнейшим днем для каждого нежного и благодарного сына. Ваша родительская любовь и нежность, ваши благодеяния, ваши о мне попечения, — всё сие побуждает меня приняться за перо, чтоб изъявить вам свою благодарность. Но, к несчастию, оно столь не твердо, силы мои так слабы, а о благодарности я и думать не могу: она ничто иное есть, как слабая тень в сравнении со всем тем, что я вам должен. Но если не имею возможности воздать вам более, если мои силы не позволяют сделать того, если уже и мой ум отказывается от сего; то всякой бы на моем месте пришел бы в отчаянье, бросил бы с досады перо и не захотел более ломать голову над тщетным.

[1] *Далее начато:* которая

Но я знаю, что вы и сие малое мое желание приймете с искренним удовольствием, и тем вознаградите меня боле всего, могущего прельстить взоры другого.

Итак желая вам, дабы вся жизнь ваша была безмятежна, исполненна всеми возможными радостями, короче сказать, чтобы вы всегда были здоровы, благополучны и вечно веселы, остаюсь

вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголь-Яновский.

1824-го года.
Октября 1 дня.
Нежин.

24. В. А. и М. И. Гоголям

<19 октября 1824 г. Нежин>

Дражайшие родители
папинька и маминька!

С неизъяснимым удовольствием получил письмо ваше, которое меня чрезвычайно обрадовало, особливо потому, что я скоро буду видеться с вами. И для того мне осталось только мне написать, когда можно отсюдова выехать, а как я надеюсь, что зима теперь будет хорошая, то и прошу прислать за мною 16-го декабря, потому что роспускать нас будут 18-го числа.

Прошу вас еще прислать мне синего сукна на мундир, или здесь пускай куплят[1], потому что у меня о сю пору тот мундир, тот самый, что был на каникулах. Он совсем теперь не может на меня налезть, — так сделался мал, притом весь почти в дырах.

В ожидании радостнейшего свидания, остаюсь вашим покорнейшим и послушнейшим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

1824-го года.
Октября 19-го дня.
Нежин.

1825

25. М. И. Гоголь

13-го генваря. 1825-го года. Нежин.

Приехал сюда преблагополучно и 12-го числа по полудни очутился в Гимназии. Езда моя хотя была невыгодна, по той

[1] сошьют и куплят

причине, что люди позабыли взять из дому всё, что весьма нужно для дороги, как то: для обеда и проч. — приехал я как раз в срок, ни позд<н>о, ни рано.

Прощайте, дражайшая маменька. Я весьма беспокоюсь о вашем здоровье. Дай Бог, чтоб оно поправилось и вы наконец совершенно были здоровы. Между тем прошу вас, маменька, писать ко мне почаще, это одно только услаждает разлуку с вами, я буду стараться писать к вам почаще. — До следующей почты!

Ваш покорнейший и любящий вас сын

Н. Гоголь-Янов<ский>.

<*На обороте:*>

Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской.

26. В. А. и М. И. Гоголям

<Март 1825. Нежин>

Папинька! и маминька!

Получивши ваше письмо, весьма огорчился, особливо услышавши, что вы, дражайший папинька, весьма нездоровы (Я уже не думаю о праздниках, потому знаю сам, никаким образом нельзя теперь ехать). Когда бы только папинька выздоровел, то я уже доволен. При том же всё-таки буду скоро с вами видеться: до каникул уже не далеко (а почему знать, может быть, и до Христова праздника).

Прошу вас, дражайший папинька, прислать мне к праздникам хоть несколько книжек на прочот, ибо здесь на праздниках такая скука, что ужасть, я сам не знаю, что делать. Вообразите себе сидеть одному, поджавши руки и повеся голову, хоть кому придет тоска поневоле. У нас почти все порозъезжались, кроме тех, которые из самых дальних мест.

Да еще пришлите, пожалуста, деньги портному, который мне каждый день надоедает. Вы не поверите, как страшно иметь заимодавца. Я ему должен за пошитье сертука 10 рублей. Также ежели можно прислать мне сколько-нибудь на праздники. Не худо бы было и провиянту.

Итак прощайте, дражайшие родители. Я ожидаю известия. До того, целуя ваши ручки, остаюсь

вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголь-Яновским.

Прошу засвидетельствовать нижайшее мое почтение Андрею Андреевичу, Ольге Димитриевне, также всем родным.

27. В. А. и М. И. Гоголям

1825-го года, 18-го марта. <Нежин>

Итак позвольте вас, во-первых, поздравить с наступающим праздником и вместе с желаньем провесть оный как нельзя лучше. Благодарю вас покорнейше за присылку мне денег и за наставление, которое вы мне сделали. — Но, дражайшие родители, позвольте вам сказать, что я не имею ни одной из тех наклонностей, об которых вы мне писали, или по крайней мере ни к одной не имею пристрастия. — Позвольте еще вас просить, а особливо, нельзя ли мне прислать несколько полотна. Письмо же сие пишу чрез Петра Александровича Баранова, который, надеюсь, сам привезет к вам. Может быть, дражайший папинька, не пришлете ли мне какие вещи, или что-нибудь чрез его, особливо по возвратном пути его в Нежин.

Также еще нельзя ли мне (извините, что несколько раз тревожу вас прошением) прислать на праздник несколько книжечек для препровождения времени, а особливо когда здесь бывает ужасная скука в это время. Хотел бы вам <прислать> несколько картинок, рисованных на картонах и сухими колерами, но некоторые из них еще не докончены, а другие боюсь чтоб не потерлись дорогою, потому что рисовка их весьма нежна.

Еще я думаю, что вы мне пришлете к празднику несколько съестных припасов. Вы не знаете, как они были бы мне полезны в этом случае.

Итак прощайте, дражайшие родители!

Желая вам провесть сии праздники как можно лучше, а между тем <остаюсь> ваш послушнейший и покорнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

Нежин.

28. М. И. Гоголь

1825-го года апреля 23-го дня. Нежин.

Не беспокойтесь, дражайшая маминька! Я сей удар перенес с твердостию истинного христианина.

Правда, я сперва был поражен ужасно сим известием, однако ж, не дал никому заметить, что я был опечален. Оставшись же

я наедине, я предался всей силе безумного отчаяния. Хотел даже посягнуть на жизнь свою. Но Бог удержал меня от сего — и к вечеру приметил я в себе только печаль, но уже не порывную, которая наконец превратилась в легкую, едва приметную меланхолию, смешанную с чувством благоговения ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утоления своей горести![1] Так дражайшая маминька! я теперь спокоен — хотя не могу быть счастлив: лишившись лучшего отца, вернейшего друга всего драгоценного[2] моему сердцу. Но разве не осталось ничего, что б меня привязывало к жизни? Разве я не имею еще чувствительной, нежной, добродетельной матери, которая может мне заменить и отца и друга и всего, что есть милее, что есть драгоценнее?

Так я имею вас и еще не оставлен судьбою. Вы одни теперь предметом моей привязанности; одни, которые можете утешить печального, успокоить горестного. Вам посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждые минуты. Сделаю всё то, что может сделать чувствительный, благодарный сын. Ах, меня беспокоит больше всего ваша горесть! Сделайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, так, как я уменьшил свою. Прибегните так, как я прибегнул, к Всемогущему. Зачем я теперь не с вами? вы бы были утешены. Но через полтора месяца каникулы — и я с вами. До тех пор уменьшите хоть немного свою печаль. Не забудьте, что с вашим благополучием соединено благополучие и вашего сына,

который с[3] почтением и нежною любовью к вам пребывает

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Напишите, дражайшая маминька, ко мне: здоровы ли[4] мои сестры? здоровы ли маленькие сестры[5], что они теперь делают, чем занимаются, перецелуйте их за меня, скажите им, что через полтора месяца приеду к ним. Поцелуйте за меня бабушку, почтеннейшую Анну Матвеевну, скажите, что я ей обязан более, нежели жизнию. Она утешает и возвращает мне мать мою! Да еще напишите мне, дражайшая маминька: Машинька дома ли? или в пансионе. Ах, мне бы весьма желательно было ее увидеть на каникулах.

[1] *Далее начато:* Правда

[2] и всего драгоценного

[3] *Далее начато:* не<жною?>

[4] что делают

[5] здорова ли Машинька, Аниинька, Лиза, Таня и наконец Олинька

С нетерпением ожидаю ответа. Сделайте милость напишите мне поскорее, как можно поскорее, по следующей почте. Каждая минута просрочки меня будет мучить.

Еще P. S. Ежели я вас этим не побеспокою и ежели вы можете, то пришлите мне 10 рублей на книгу, которую мне надобно купить, под заглавием Курс российской словесности, ибо у нас ее проходят. На свои нужды мне ничего не надобно.

29. М. И. Гоголь

1825-го года, 24-го апреля. <Нежин>

Извините моему нетерпению, дражайшая маминька! Вообразите мою досаду. Письмо, которое я написал вчера, о сю пору не отправлено по той причине, что человек еще не едет. А между тем я мучусь каждый день об вас, мне всё представляется, что вы теперь в величайшей горести. Ах маминька! я вам говорю и повторяю, что я спокоен — что мое спокойствие зависит от вашего. Сделайте милость, не печальтесь, пожалейте нас, несчастных сирот, которых всё благополучие зависит от вас. Пожалейте, говорю, не расстраивайте нашего последнего счастия. Ах чего б я не сделал, чтобы быть теперь с вами. Мое нетерпение увеличивается, мне хочется вас видеть, слышать, хочется говорить с вами, но пространство[1] разлучает нас. Говорите хотя со мною письменно! Сделайте милость, скорее только пишите, прошу вас, умоляю. Ах вы не знаете, в каком беспокойстве теперь я нахожусь. И днем и ночью мысли об вас наполняют мою душу. Я с нетерпением ожидаю вашего письма, по первой же почте. Как для меня долго это время[2].

Когда бы приходили скорей каникулы. Но они удаляются от меня, они смеются моей горести. Маминька! пощадите хоть вы ее.

Я папиньке хотел было прислать несколько своих сочинений. Также своего рисования картинок. Но... ему не угодно было их видеть. Я не знаю, прислать ли мне вам их и примете ли вы милостиво[3] первые плоды ваших родительских обо мне попечений[4]. Уведомите меня о домашних делах и о тому подобных происшествиях. Сделайте милость, наполните несколько страничек вашего драгоценного письма, чем больше, тем лучше.

[1] *Далее начато:* (Ах бесчеловечное)
[2] *Далее начато:* Ах
[3] милостиво *вписано.*
[4] плоды вашего воспитания

Еще хотелось бы говорить с вами, <но> не о чем и нечего. Сердце мое теперь так стеснено, что едва могу владеть пером.

Прощайте во второй раз, дражайшая маминька, до первой почты.

Н. Гоголь-Яновский.

30. М. И. Гоголь

1825-го года 26-го мая. <Нежин>

Сделайте милость, дражайшая маминька, успокойте меня хотя одною строчкою; пожалейте обо мне! Вы не знаете, что причиняете мне своим молчанием, вы не знаете, что отравляете каждою минутою мою жизнь. Ежели бы вы меня увидели, вы бы согласились, что я совсем переменился. Я теперь, можно сказать, совсем не свой, бегаю с места на место, не могу ничем утешиться, ничем заняться; считаю каждую минуту, каждое мгновение, бегаю на почту, спрашиваю: есть ли хоть малейшее известие, но вместо ответа получаю — нет! и возвращаюсь с печальным видом в свое ненавистное жилище, которое с тех пор мне опротивело, вы не знаете, что это несносное нет наносит мне боязнь неизъяснимую. Печальные мысли наперерыв теснятся в моей голове и не дают мне ни минуты насладиться спокойствием.

Сделайте милость, я вас прошу, молю, заклинаю всем, что есть свято, что осталось еще любезным для вашего сердца, заклинаю вас именем ваших детей, которые не могут жить без вас; отвечайте мне, не мучьте меня мрачною неизвестностью. Пожалейте своего несчастного сына; несчастного оттого, что он теперь находится в самом горестном состоянии. Он не знает об вашей участи. Одна только мысль меня немного подкрепляет, немного утешает горестного: скоро каникулы, и я увижусь с вами, тогда-то я вас утешу. Впрочем, я не знаю, можно ли так печалиться, как вы. Правда, я не отвергаю ее, вы должны печалиться, но не так, в какой печали находитесь ныне. Вы знаете[1], я думаю и то, что у вас есть еще большая обязанность, есть дети, которых ваша малейшая горесть приводит в отчаяние. Так, дражайшая маминька, утешьтесь хоть немного, живите для нас, верьте, что вы никогда не будете иметь огорчения. Мы постараемся усладить, сколько можно, вашу драгоценную для нас жизнь.

Я писал вам письмо чрез людей г-на Баранова и не знаю, получили ли вы его? Теперь посудите о моем отчаяньи, не получая

[1] Вы знайте

о сю пору ответа, между тем приближается время каникул, и не знаю, буду ли я счастлив или самым несчастливейшим человеком. Никогда еще мне не хотелось так видеть каникул, как теперь. Я вам говорю, что ежели я вас не увижу, я не знаю тогда, на что решусь. Ежели же не получу ответа на это письмо, то сие молчание будет самый ужасный для меня признак. Тогда-то я прибегну к отчаянию, и оно-то даст мне средство, как избавиться от сей мрачной неизвестности.

Теперь вы видите, что от одного вашего слова зависит счастие и несчастие вашего сына.

Каникулы у нас начнутся с 20 июня, следовательно, за мною надо присылать 18 июня. — Между тем я ожидаю от вас с нетерпением, час от часу увеличивающимся, драгоценных для меня строк, которые возвратят жизнь несчастному вашему сыну, которые, как целительный бальзам, прольют отраду в изнывшее сердце[1].

Не знаю, что делается теперь дома, вы не известили меня ни о сестрицах, ни о чем другом. Я думаю, всё переменилось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам Родины, и теперь она еще вдвое драгоценнее для сердца горестного.

Извините, дражайшая маминька, что я теперь пишу и без связи, и без разборчивости: я вам объявил причину.

Всеминутно ожидая ответа,
остаюсь вашим послушнейшим сыном

Н. Гоголем-Яновским.

31. М. И. Гоголь

1825-го года, месяца июня 3. Нежин.

Вы не поверите, дражайшая маминька, как меня обрадовало ваше письмо, которое вы писали к г-ну Баранову[2]. Известие, что вы в совершенном здоровье, как отрадный луч, проникло в мою душу; впрочем, мне весьма бы хотелось иметь от вас письмо собственно ко мне. Вы не знаете, как я после этого вашего молчания, долгого и крайне для меня мучительного, жажду каждой вашей строчки. — Мне бы весьма хотелось знать, где вы теперь живете и в самом ли деле спокойны так, как доказывает ваше письмо.

Я не знаю, может быть, я вас потревожил предыдущим письмом, но этому виной было ваше мучительное для меня молчание,

[1] в мое сердце
[2] через г-на Баранова

которое ввергнуло было меня в некоторый род отчаянья. Ужасные мысли беспрестанно представлялись моему расстроенному воображению. — Но теперь я совершенно успокоился. — Теперь мое всё желание состоит в том, чтобы вы были совершенно здоровы. Я горю нетерпением вас видеть скорее. — Слава Богу время скоро приближается: теперь 3-е число июня, и я в радости твержу себе беспрестанно, что в этом же самом месяце я увижусь с вами, и это самое заставляет меня забывать все горести. Экзамен у нас начнется 15-го июня, в нашем классе кончится 17-го, и я 18-го могу уже ехать.

Жаль, что г-н Баранов теперь едет вместе с г. Забелою; следовательно, уже не будет более ездить с нами. Итак нас теперь будет двое: я и г. Данилевский. Присылать же за нами надобно так, чтоб уже к 18 числу лошади были в Нежине, ибо сего числа мы выедем.

Еще прошу вас, дражайшая маминька, распорядить так, чтобы нам не зае<з>жать в Кибенцы, ибо платья у меня совсем нет, кроме того, которое на мне. А присылать за нами прошу, ежели можно, желтою колясочкою, маленькою, которая как раз будет способна к нашему путешествию, потому что весьма легка, мало надо лошадей, и мы можем поспеть гораздо скорее, нежели какою-нибудь огромною бричкою.

Так, дражайшая маминька, я вас скоро увижу, и восхищаюсь каждый день сею мыслию, и теперь собираюсь привезть вам какой-нибудь подарок. Но знаю, что вам не может быть подарка лучшего, приятнейшего, как привезть вам сердце доброе, пылающее к вам самою нежною любовью, какую только может внушить благодарность к добродетельно-нежной матери. — Но смею вам сказать, что я приобрел уже довольно и других качеств, которые, я думаю, вы сами увидите; можно сказать, обработал-таки свои понятия, которые сделались гораздо проницательнее, дальновиднее. — Ежели могу я вам угодить ими, тогда почту себя самым благополучнейшим человеком. Притом я постараюсь к вам привезть несколько своих произведений, также хорошеньких картинок своей работы: дары скудные, но они от чистого сердца, и их приносит нежный, чувствительный сын.

С нетерпением ожидая каникул и вашего письма, которое надеюсь получить сей час по прочтении сего письма,

остаюсь вашим послушнейшим
и покорнейшим сыном

Гоголь Яновским.

32. М. И. Гоголь

1825-го года. Июня 10-го числа. <Нежин>

Письмо ваше, дражайшая маминька (писанное 24 мая), я получил 3-го июня и спешу отвечать вам. — Я не знаю, получили ли вы прежние два письма, которые я к вам писал одно последних чисел мая, а другое первых июня. Вы не поверите, дражайшая маминька, какое удовольствие принесло мне ваше письмо, но вместе с ним я не мог не быть растроган, особливо видя вашу любовь, вашу горячность родительскую, какую вы имеете к вашим детям, но ваши слова: что вы уже более для себя и для мира сего не живёте, что, может быть, я скоро должен занять место отца малолетним моим сестрам, слова сии поселили печальные предчувствия в моем сердце. Зачем предаваться горестным мечтаниям? Зачем раскрывать грозную завесу будущности? Может быть, она готовит нам спокойствие и тихую радость, ясный вечер и мирную семейственную жизнь. Будем надеяться на Всевышнего, в руке Которого находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь в сем мире и ежели не так, как предназначено всякому человеку, по крайней мере буду стараться сколько возможно быть таковым.

Благодарю вас покорнейше, дражайшая маминька, за деньги, которые вы мне прислали и которые мне были нужны.

В рассуждении каникул я вам писал, что за нами надо присылать так, чтобы 18 или 19 лошади были уже здесь, потому что мы 20 или 21-го июня непременно выедем. — Также я вам писал, чтобы в Кибенцы не езжать, потому что у меня платья совсем нет, кроме того, в котором хожу повседневно. Также еще я просил вас, маминька, чтобы вы за нами, ежели можно, прислали маленькою желтинькою коляскою, которая тогда, как я был, поправлена была в Кибенцах. И которую, ежели можно, прислали бы с зонтиком. Еще просил бы у вас, дражайшая маминька, прислать на дорогу несколько книг каких-нибудь новых и хороших, оттого что дорогою будет нам ужаснейшая скука, не делавши ничего.

С нетерпением ожидаем теперь каникул. Данилевский, как уже вы знаете, хотел было <ехать> теперь, но его удержали до экзаменов. Чему я весьма рад, оттого что мне бы ужасная скука была ехать одному.

Прощайте, дражайшая маминька, до радостнейшего свидания.

Ваш послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

33. М. И. Гоголь

1825-го года, августа 15-го. Нежин.

Итак я уже на месте, то есть приехал как нельзя лучше в Нежин, и в самую пору, ни позд<н>о, ни рано, а так, как было должно. Иван Семенович Орлай еще и не собирался ехать в С. Петербург, оттого что, по его словам, не получил о сю пору разрешения от министра и не знает ничего, что еще его ожидает. Я не знаю, маминька, справедлива ли весть, что ему в С. Петербурге есть место генерал-штаб-доктора, и ежели точно справедлива, то вы напишите ко мне; здесь никто и сам он о сем ничего не знает.

Рыбы, по Андрея Андреевича записке, не нашли. Каракатиц нет, а купец Стефанеев говорил, что ежели надо сколько, так он может выписать из Одессы в весьма скором времени. — Сделайте милость, пришлите мне ту книгу, которую я забыл и которую мне весьма[1] надо, а особливо потому, что она казенная. Вы, я думаю, ее помните. Она не так толста, в голубой бумажке, под заглавием: Опыт о русском стихосложении, А. Востокова. — Еще сделайте милость, пришлите мне адрес Данилевского как можно поскорее.

После вам напишу за кисти и за краски, каким образом это сделать, а теперь я еще не распросился об этом да и не успел. Прощай<те>, дражайшая маминька. Дай Бог вас видеть здоровыми и счастливыми, чего вам желая и о чем моля Бога, остаюсь вашим послушнейшим сыном

Николаем Гоголь-Яновским.

34. А. С. Данилевскому

1825-го года, августа 17 числа, Гимназия. <Нежин>

Ты не поверишь, как я был раздосадован, узнавши, как ты был в Гимназии и мне не удалось тебя видеть. А мне бы весьма хотелось тебе порассказать и пересказать много разных разностей, из коих некоторые для тебя были бы довольно важны и занимательны. Ты не знаешь, теперь я осветился новыми знаниями и новыми сведениями о нашем любезном С. Питере. Не знаю, придешь ли ты сегодня к нам, или лучше напиши, могу ли я теперь тебя застать дома — то я сам к тебе приду.

Прощай.

Н. Гоголь.

[1] весьма *вписано.*

35. М. И. Гоголь

1825-го года, сентября 30-го дня. <Нежин>

Извините меня, дражайшая маминька! виноват, право, виноват! не писавши столь долгое время. Не знаю, чем даже оправдаться, попросту сказать — леностию. Однако надеюсь, что это последний раз.

Я говорил с профессором живописи о моем предприятии, именно — продолжать писание масляными красками. Он берется на себя доставить некоторые вещи, как-то: кисти и часть красок, остальные могу искупить здесь. Следовательно, деньги 50 рублей должно прислать в начале октября, чтобы не опоздать занятиями.

Позвольте поздравить вас, дражайшая маминька, с приближающимися вашими именинами, с которыми желаю, чтобы для вас началось благополучие и счастие.

Мне весьма жаль[1], что не отыскалась книга, о которой я говорил: у меня ее спрашивают. Я советывал бы еще посмотреть ее в угольном столике в столовой. Ее можно узнать по голубой обвертке; заглавие: *Опыт о русском стихосложении.*

Не знаю, др<ажайшая> маминька, что бы вам сказать о наших происшествиях: нового у нас так мало, примечательного и того менее; притом мы живем теперь совершенно в глуши, никто не посещает наш бедный Нежин. Скажу вам только, что наш Иван Семенович едет (хотя не так скоро) в Одессу, в тамошний лицей.

Вы видите теперь сами, что совсем почти нет ничего нового. Мы совершенно, так сказать, в другом мире, старом и забытом. Я только как-то и оживляюсь вашим письмом, которого я теперь ожидаю с нетерпением. Надеюсь, что вы меня известите о нашем крае хоть немного, но: родной и дым приятен.

Прощайте, маминька, до следующего письма.

Н. Гоголь-Я<новский>.

Деньги, которые вы мне присылаете, следуют таким образом.

После каникул – – – – – – – – – – – – – –	15	получил
Перед Покровом Б<ожьей> Матери, 1-е октября – – – – – – – – – – – – – –	10	»»
Перед Рождеством – – – – – – – – – – – –	10	»»
Перед масленой – – – – – – – – – – – – –	10	»»
Перед Воскресением Хри<стовым> – – – –		

[1] весьма жаль дражайшая маминька

Перед Зеленою неделею	– – – – – – – – –	10	»»
Перед каникулами	– – – – – – – – – – –	10	»»
Итого	– – –	70	»»

36. М. И. Гоголь

1825-го года, 13 октября. <Нежин>

Позвольте, дражайшая маминька, и вас немного попенять за молчание. Я уже два письма писал к вам, из коих одно чрез Егора Ильича г-на Бажанова, и не знаю, получили ли вы. — Также позвольте мне просить вас о присылке за мною на Рождество, тем более, что я имею много кой-чего сказать вам, которое весьма интересно, как для вас, равным образом и для меня; но обстоятельства, пространство письма и другие особенные причины не позволяют мне объявить вам теперь. — Надеюсь, дражайшая маминька, что вы не откажете в сем желании сильно вас любящего сына. Кроме того, я имею многие основательные причины, которые заставляют меня ехать домой; равным образом и обстоятельства такие, которые весьма будут полезны для меня по возвращении обратном в мою Гимназию. Но более всего побудит вас еще[1], что профессор физики и химии, по прошению Димитрия Прокофьевича, обещался приехать к нему на Рождество. Итак вы сим сделаете удовольствие не только мне, но и Дим<итрию> Прокоф<ьевичу>. О присылке за мною вы можете сделать условие с родителями Данилевского и Баранова, которые также хотят прислать за ними. Следовательно, экипаж надо побольший для четырех.

Прощайте, маминька! Изъявите почтение всем моим родным и не забудьте просьбы нежно вас любящего сына, который с нетерпением желает видеться скорее с вами!

Н. Гоголь-Яновский.

37. М. И. Гоголь

1825-го года октября 23-го дня. <Нежин>

Письма ваши и деньги, присланные вместе с ними, получил и спешу писать к вам, тем более, что почтеннейший Егор Ильич, чрез которого я вам вручаю сие письмо, сей час едет; итак постараюсь сколько возможно скорее уведомить вас о вещах, на которые

[1] *Было начато:* но всего боле побуждает меня еще то

вы требовали скорейшего ответа. Во-первых, о книгах я потому не писал к вам так долго, что ожидал ответа от одного моего товарища, которые я ему, выезжая, вручил и который, уехавши, о сю пору не приезжал. В рассуждении же сочинения скажу вам, что я его не брал, но оно осталось между книгами в шкафу. Но это небольшая беда, ежели оно и точно пропало, я постараюсь вам вознаградить новым и гораздо лучшим.

Деньги 50 рублей я также получил и употребил их с пользою.

Прощайте, дражайшая маминька. Писать более не успеваю.

Ваш послушный нежно-любящий вас сын

Н. Гоголь-Яновский.

Прошу засвидетельствовать почтение бабушке и всем родным, поцеловать за меня сестриц.

<*На обороте:*>

Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской в Кибенцы.

38. М. И. Гоголь

Декабря 2-го дня, 1825-й. Нежин.

Получивши почтеннейшее письмо сего 2-го декабря, спешу немедленно отвечать. Во-первых, благодарю вас покорнейше за исполнение моей просьбы прислать за мною на Рождество. Не зная теперь, можно ли ехать на колесах, я думаю, что к празднику зима гораздо увеличится и будет довольно постоянная; следовательно, не худо бы приискать экипаж санный гораздо поболее, чтобы можно было четырем удобно поместиться; ибо, как я вам прежде упоминал, и г-н профессор едет с нами. — Прислать же за нами прошу 16-го числа декабря. Прощайте, дражайшая маминька, до радостного свидания, которое, надеюсь, скоро настанет.

Нежно вас любящий послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

P. S. Вы обещали мне для жилета голубой материи; пришлите теперь ее. Из тех денег, которые мне следуют пред Рождеством, я заплачу за пошитье.

1826

39. М. И. Гоголь

1826-го года января 17. Нежин.

Поспел сюда вчера благополучно и спешу уведомить вас, дражайшая маминька. В замедлении моем ничего мне не стоило оправдаться; принят был, как самый добрый товарищ. Я теперь почти в совершенной радости, изредка только вспоминание об вас туманит светлое лицо мое, только что недавно видевшее вас. Извините, почтеннейшая маминька, что не могу более писать, теперь столько хлопот, что я спешу как можно скорее окончить письмо. До следующей почты.

Ваш сын Николай Гоголь-Яновский.

<*На обороте:*>

Милостивой государине Марьи Ивановне Гоголь-Яновской.

40. М. И. Гоголь

1826-го года 21 апреля. Воскресение Христово. <Нежин>

Первым долгом поставляю себе поздравить с наступившим праздником и желать вам провесть оный гораздо лучше, нежели я, который на нем так соскучился, что с величайшим чистосердечием желает скорейшего окончания его. Вообразите, мы теперь живем в совершенном забытье: все разъехались, и я один почти как безумный бегаю по музеум<ам>, попеременно заглядывая в окно, нет ли от вас какой родимой весточки... Не знаю даже, что делается у нас. Тут ходят вести, будто его высокопревосходительство Димитрия Прокофьевича приглашают в Петербург. Не знаю, правда ли это.

Теперь у нас уже конец апреля; почти через полтора месяца и каникулы, и я буду видеться с вами. Это немного развеселяет скучную мою угрюмость.

Я вас буду просить, дражайшая маминька, еще об снабжении меня деньгами. Я был еще перед Рождеством немного болен, и так как у нас не всегда хорошее содержание для больных, то и занял у г-на профессора; после опять случилось мне занять на разные книги, и теперь набралось всего на сорок рублей, а как денег не имею ни копейки, то и надеюсь единственно на ваше пособие. Вы можете прислать хотя из тех, которые мне следуют: от Рождества я должен был получить два раза, и не получал ни разу; теперь же, я думаю, вы не откажете мне в сей просьбе.

Напишите мне что-нибудь об хозяйственных делах. Я теперь сделался большим хозяином, умею различать хлеба и на каникулах покажу вам, где сено, овес, жито и прочее, и могу даже целый час спорить с житными панами о посеве озимой гречихи[1]. Кстати об хозяйстве: продолжается ли у нас теперь постройка дома? работают ли в саду? курится ли винокурня? Эти известия для меня весьма любопытны.

Глубокое почтение Андрею Андреевичу, Ольге Дмитриевне, бабушке и всем родным. Сестре моей Анне Васильевне самое глубочайшее почтение и также всем маленьким.

Ваш послушнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Сделайте милость, пришлите Симону на шинель сукна.

41. М. И. Гоголь

1826 года, мая 14-го дня. <Нежин>

Странно и непонятно, каким образом не доходили мои письма к вам, дражайшая маминька! Мне было грустно, весьма грустно, слышавши, как вы обо мне беспокоились. Последнее письмо я отправил к вам на прошедшей неделе. Не знаю, каким образом оно так длило путь свой, хотя однако ж нельзя похвалить и исправность нашей почты: ваше письмо, писанное вами 14-го апреля, поспело сюда к 11-му маю, почти около месяца.

Благодарю вас, маминька, чувствительно за поздравление меня с именинами, также за посылку, а более всего за ваше необыкновенное обо мне попечение (которого я не заслужил, однако ж не теряю надежды заслужить его). Касательно моего здоровья, смело могу вас уверить, что я еще никогда не был в таком хорошем состоянии, как теперь: весел, радостен, скучен только в те минуты, когда думаю об разлуке вашей со мною. Но мысль об скором свидании одна только теперь полнит мою душу. Близкие каникулы не выводятся из головы.

Аврам приехал сюда 14-го мая, сего самого дня, в который я пишу к вам, привез мне добрую весть об вашем здоровьи, которая согнала недобрые думы с лица моего; привез несколько мелочных новостей домашних, между которыми были некоторые для меня весьма важные, как-то о работе, производимой около дому и т. п.

[1] Типографическая ошибка, самая непростительная при моем великом знании. — *Прим. Н. В. Гоголя.*

Хорошая весна была у нас; думаю, теперь можно ожидать изобилия на фрукты. Я давно уже острю на них зубы, и эти каникулы увидят ужасное опустошение в нашем саду. Жаль только, что мне не достанется отведать клубники: отойдет к тому времени.

Иван Семенович свидетельствует свое почтение и приказал мне немедленно писать к вам, приговаривая, что вы обо мне беспокоитесь, а я о том совсем не думаю...

P. S. Честное слово писать к вам по два раза в месяц! пишите ж и вы ко мне чаще. Через полтора месяца каникулы. До радостного свидания!

42. М. И. Гоголь

1826-го года[1] июня 4-го дня. <Нежин>

Вы, верно, на меня сердитесь маминька: что до сих пор не отвечаете на письма мои. Сделайте милость простите меня! Я вам уже сказал, что это было в последний раз, и с тех самых пор обещался писать к вам по два раза в месяц и твердо выполню обещание.

Годичное испытание у нас давно началось и скоро кончится. Числа 18-го будет уже можно мне ехать. Полгода как не бывало! Я льщусь надеждою в этом месяце вас увидеть. Вы не поверите, маминька, с каким нетерпением я жду этого свидания. Не знаю, захотите ли вы мне сделать здесь платье, только в таком случае надо прислать за мною с деньгами гораздо ранее. Я спрашивал у Симона, можно ли у него теперь занять, но он божится, что у него нет и что его все деньги теперь на руках, которых он не надеется скоро получить, а у меня платья почти совсем нет.

На это письмо я еще ожидаю вашего ответа. После его, может быть, я еще буду писать через Баранова, который, как скоро кончится у них экзамен, едет на почтовых.

Не знаю, будете ли вы довольны, но только я намерен привезть вам кое-что, в засвидетельствование, что я не даром провел здесь протекшее полугодие. Ваше одобрение будет для меня лестною наградою.

Думаю, мои сестрицы очень подросли, горю нетерпением их видеть, особливо Аниныка, я думаю, она совсем забыла меня[2]. Сколько новых радостей ожидает меня при свидании. Поверите

[1] 1825-го года

[2] про меня

ли, маминька, считаю, что один день остался до каникул, и это сближение так радует меня (в мечтах), что я часто сижу по целым часам у окна, поджидая знакомого экипажа.

Кланяйтесь Александре Федоровне, ежели она у нас. Мне всё так и представляется, что я застану ее с вами, вы не знаете, как я люблю всех тех, которые любят вас и к которым вы привязаны.

Ежели угодно будет вам заказать[1] мне здесь платье, то надо прежде 18-го прислать за мною,

в ожидании чего остаюсь вашим послушнейшим и до беспамяти вас любящим сыном

Н. Гоголь-Янов<ским>.

43. М. И. Гоголь

1826-го года, июня 13-го дня. <Нежин>

У нас, где нет ничего постоянного, вздумалось г-ну директору отложить экзамен, и об этом только сегодня нас уведомили. Пишу к вам, ежели только письмо застанет экипаж невысланным, чтобы присылать уже не к 18-му, а к 22-му. Ежели же выслан с тем, чтобы сделать мне платье, то он выслан как раз впору, потому что шить платье здесь будут по крайней мере дней пять.

Ваш послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

44. М. И. Гоголь

<16 августа 1826. Нежин>

Милостивая государыня
маминька!

Приехавши сюда, за первый долг почел вас уведомить о благополучном конце моего пути, в котором, благодаря вам, я не имел ни в чем нужды, и желая вам здоровья и счастия во всем остаюсь вашим

покорнейшим и послуш<нейшим> сыном

Н. Гоголь-Яновский.

1826 г. 16 августа.

<*На обороте:*>

Ее высокоблагородию милостивой государыне Марье Ивановне Гоголь-Яновской.

[1] сд<елать>

45. М. И. Гоголь

1826-го года, августа 20 дня <Нежин>

В прошедшем письме моем я не мог ничего сказать вам кроме извещения о своем приезде, так я был озабочен встретившимися занятиями и другими обстоятельствами. Теперь же прошу вас (ежели только не будет вам в тягость), чтобы извещать меня о всем, что вы намерены предпринимать и что делаете касательно хозяйственного устройства. Это крайне будет занимать меня. Бывши в таком отдалении от мест, к которым я привязан, я жажду их видеть хотя в письме вашем и надеюсь, что вы, так много любя меня, не откажетесь доставить мне это удовольствие тем более, что мне хочется самому быть в этом случае вам полезным. Особливо извещайте меня касательно построек, новых заведений и проч., и ежели нужно будет фасад и план, то сделайте милость, известите меня немедленно, и уже фасад будет непременно хорош, а главное, издержки будут самые малые (не так, как дом приказчика я думал сначала), и фасад, и план будет тщательно нарисован и по первой же почте без замедления прислан.

Приятно мне будет, ежели вы мне будете поверять свои планы, мысли, также разные прожекты, новые изобретения и проч. и проч. и ежели будете принимать благосклонно и мои толки — похвалите за что-нибудь доброе и побраните за худое.

Также об каких-нибудь посторонних делах, случающихся в нашем округе. Говорил бы вам о своих, но совершенно ничего нет, всё пусто, и Нежин наш заснул в бездействии. О переводе моем в 8-й класс вы уже прежде знали; что я не застал здесь Орлая, тоже, думаю, знаете. Вот и всё.

Да, забыл вам сказать еще об одном деле и, думаю, весьма важном, а именно: когда окончится полевая работа, то не худо бы приняться отыскивать глины, годной для черепиц. Я не знаю, что может быть полезнее, как завесть этакой завод. Крыша, ими укрытая, издержками не превышает соломенной, зато какая выгода в прочности. Черепичная крыша лет пятьдесят и более не требует подчинки, притом как красивы под нею будут строения, не надо никогда деревянной. Да притом и деревянная далеко ей уступает[1] в прочности и крепости. Под этою крышею конюшни, амбары, всё приняло бы другой <вид> и вековую несломаемость. Для стен и щекотурки я знаю один дешевый способ, который со временем объявлю вам, не знаю, придется ли по мыслям, но за прочность ручаюсь.

[1] и деревянной не уступит

Когда окончатся полевые работы и что вы предпримете по окончании их, прошу убедительно уведомить. Может быть, я моими просьбами наскучаю вам, почтеннейшая маминька. Но, зная вашу снисходительность и великое обо мне попечение, я надеюсь, что вы согласитесь принять просьбу сына, любящего вас более всего, для которого вы одни веселье.

Н. Гоголь-Яновский.

46. М. И. Гоголь

Сентября 10-го 1826-го года. Нежин.

Любопытны и занимательны были для меня ваши известия, я как бы участвовал во всех ваших заведениях и постройках, по крайней мере мысль моя была там. Читая письмо ваше, я был с вами, тронуло меня весьма ваше материнское наставление, и я поклялся в сердце всегда следить ему. — Но только я не приметил в себе поступка[1], заслужившего упрёк ваш. Я всегда любил родственников своих, какого бы они ни были звания, никогда не чуждался. Быть может, неумышленное вы приняли за действительное.

Между многими известиями, ценными для меня, я с радостью увидел, что вы некоторые мои предположения нашли полезными. Вы пишете, что строится птичий домик. Бывши дома, об этом я не слыхал. Ежели что надобно, фасад или план, пишите ко мне.

Уведомите, когда его высо<ко>пре<восходительство>[2] Дмитрий Проковьевич будет у нас, что он там найдет хорошего, что ему понравится, мне с нетерпением хочется знать мнение великого человека, даже о самых маловажностях; сделайте милость, маминька, не пропустите ничего. Большое вы дадите мне удовольствие.

Я отыскал план и фасад нового дома, который я еще рисовал при папиньке. Посылаю вам их, оне снимана без ма<с>штаба, без исправности, но ими можно пользоваться, когда нет другого, и особливо касательно наружных украшений. Один фасад представляет передний вид дома, другой задний, при них приложенный план показывает расположение пристроек, он, я думаю, вам будет нужен в это время.

[1] того поступка

[2] его высо<ко>пре<восходительство> *вписано.*

Извините, что теперь не могу прислать узора, он еще не кончен, по следующей почте вы получите. Мне совестно перед Ольгою Дмитриевною, что я так долго его задержал.

Директор наш уже отправился в Одессу. Теперь мы одни. Однако ж теперь всё приняло другой порядок. Пансион наш приметно начал улучшаться: стол теперь сделался у нас прекрасный, и этим всем обязаны мы нынешнему нашему инспектору.

Вы пишете, чтобы я вам к Рождеству привез что-нибудь из сочинений своих. Время еще далекое, однако ж постараюсь заготовить.

Уведомите меня, когда у нас начнут курить водку и что по тогдашним ценам будет стоить ведро. Успешно ли у нас винокурение и приносит ли доход.

Не знаю, ежели теперь тетинька[1] Варвара Петровна у нас, то свидетельствуйте мое почтение. К Дмитрию Проковьевичу постараюсь написать; только не знаю, когда его высок<опрев.> именины[2]: вы не написали, 26-го ли сентября или октября.

Прощайте, почтеннейшая, любезная маминька. Не забудьте отписать к любящему вас до беспамяти сыну

Н. Гоголь-Яновскому.

47. М. И. Гоголь

1826 года, сентября 30-го дня. <Нежин>

Посылаю дорисованный мною узор. Сделайте милость, почтеннейшая маминька, извините меня перед тетинькою[3] Ольгою Дмитриевною, только не знаю, может ли что меня извинить. Хотя я не так виноват еще; видно, несчастие удел мой: приехавши сюда, я тот же час бросился доканчивать его, вы сами видели, что дома я не имел ни красок, ни кистей, но я хотел сдержать свое слово, теперь же вообразите мое несчастие: я рылся везде в своих бумагах и не нашел его, считал уже пропавшим, но после, незадолго до получения письма, нечаянным образом его отыскал и ту же минуту бросился его докончать, не спал ни ночей, ни дня, по неумению своему (по канве я в первый раз рисую) изорвал три рисунка, покуда[4] кончил один. Не причислите это к беспечности, почтеннейшая маминька; нет, я теперь постановил себе за

[1] тетинька *вписано.*
[2] его именины
[3] тетинькою *вписано.*
[4] покудова

правило, что должно сделать, делать тот же час, не откладывая. Я думаю, теперь тетинька сердится сильно на меня и поделом. Не знаю, чем испросить и где взять прощение. Трудно, весьма трудно поддержать об себе хорошее мнение, иногда самая малость, и оно потеряно.

Не знаю, получили ли вы письмо мое и при нем план и фасад дома, только я не получал еще ответа, верно, и вы сердитесь на меня, маминька.

У нас теперь великое смятение: ожидают графа со дня на день; всё убирают; но мне грустно — или оттого, что я виноват перед вами и перед тетинькою Ольгою Дмитриевною, или, видно, осень сама располагает к этому. Как бы то ни было, но зима уже близко, стало быть, через два с половиною месяца и свидание с вами. Мне кажется, что я уже около полугода, как не виделся[1]: верно оттого, что не получаю[2] письма от вас.

Вы не писали, маминька, как вам теперь, весело ли? Не вредит ли вам уединение, навещают ли вас, чем вы теперь занимаетесь? Верьте, маминька, все эти подробности дают жизнь сыну, любящему вас более всего, для которого вы только одне остались утешителем и счастием.

Получаете ли вы письма от Машиньки? что она теперь делает, не скучно ли ей? напишите к ней, что я требую, прошу, чтобы она ко мне писала; скажите, что письма ее не будут оставлены без ответа, чтобы писала ко мне об нуждах своих. Ежели я могу быть только в них полезен, всё исполню, что только зависит от меня. Не знаю только, как адресовать к ней письма, писать ли к вам, или через почту к самому г-ну Старицкому. Известите, пожалуста, можно ли через почту и как адресовать, а то вам будет много забот и трудностей отсылать из дому чрез нарочного.

Ожидая с нетерпением отрадного для меня письма вашего, остаюсь вашим послушнейшим

и нежно вас любящим сыном

Н. Гоголь-Яновским.

Свидетельствуйте мое почтение дедушке, бабушке Анне Матвеевне и тетиньке Варваре Петровне.

[1] как я не виделся с вами

[2] что долго не получаю

48. М. И. Гоголь

1826-го года октября 15-го дня. <Нежин>

Бесценное письмо ваше получил сегодня и сего же дня спешу отвечать вам. С жадностью читал прелестный рассказ ваш, почт<еннейшая> маминька, о пребывании у нас почетного гостя. Все мелочи, всё совершенно вами сделанное, признаюсь, так было хорошо, что я никогда бы не мог сделать; расчитавшись, я с неудовольствием и жалостью увидел конец письма вашего (так я люблю говорить с вами). Но после образумился, увидел, что это письмо, а не длинное описание, и сообразив его с прежними вашими письмами, которые были не более как в поллист почтовой бумаги, я был полн к вам живейшей благодарности, что вы не скучаете говорить со мною. Только не знаю, к чему относится приписка после письма, где вы говорите, что я себя возвысил, а унизил вас.

Сделайте милость, напишите мне, когда это было, в письме ли, которое вы получили вместе с планом, или в другом чем-либо я показал это. По крайней мере верьте, почтеннейшая маминька, что я никогда бы этого не сказал, и потому, сделайте милость, напишите, в чем это было.

Писали вы, чтобы я прислал его высок<облагородию> какое-нибудь сочинение; думал и я было сперва то сделать, но после рассудил, что, поднесши какую-нибудь эфемерную мелочь, я мало принесу себе пользы и мало хорошего дам о себе мнения, решился, что лучше приуготовить себя к занятиям гораздо важнейшим и сделать что-нибудь, достойное внимания просвещенного вельможи, благодетеля Малороссии. Не хочу, ежели благодарность моя будет слаба и не покажет сердечных моих чувствований. Лучше пусть она будет сокрыта до времени и после выявит сердце, чувствующее благодеяния средством[1], хотя менее достойным сих благодеяний. Узор я давно уже дорисовал и послал к вам: вы, я думаю, уже получили письмо с посылкою.

Позвольте еще спросить вас: Агафия Матвеевна не перебралась еще жить к нам? и ежели еще, то когда именно она переедет и как понравится ей новое место, также, что нужно будет сделать? она тогда еще хотела сделать для себя комору, которая должна была стоять в саду и составлять красивый фасад. Напишите ко мне тогда, когда будете строить. Я имею в уме очень хороший фасад для этого строения.

[1] *Далее начато:* более достойным

Приказчиков дом окончан ли? хорошо ли он обделан и что стоил? Поставили ли вы ветряную мельницу, которую предполагали? Отыскана ли глина, годная для черепицы? Всего этого я еще не знаю. Извините, маминька, ежели утруждаю я вас. Я чувствую, что[1] уже слишком любопытен, но это страсть моя.

Варваре Петровне моя привязанность и почтение. Я знаю, что милая тетинька часто забывает меня, но я об ней помню.

Позвольте мне напомнить вам, маминька, что мне деньги следовали еще к первому октябрю; но я до сих пор не получал. Извещаю не в укор вам, но потому, что мне в них случилась большая нужда.

Напомните Машиньке, чтобы она писала ко мне, и доставьте ко мне адрес прямо к ней. Сегодня 15-е октября, через два месяца, то есть 15 декабря, мне можно уже ехать на Рождество. Странное дело! не более трех месяцев, как я из дому, и уже чувствую, будто год не виделся с вами. — Итак прощайте, почтеннейшая маминька. Не более четырех писем вы еще получите от меня, а там увидите и самого, более всего на свете любящего вас сына

Н. Гоголь-Яновского.

При сем картинка нынешних мод.

49. М. И. Гоголь

Ноября 16-го дня. Нежин. 1826-го года.

Письмо ваше сегодня получил и сего же дня пишу к вам. Вы просите известить, кто теперь директор у нас; директора у нас нет, и желательно, чтобы совсем не было. Пансион наш теперь на самой лучшей степени образования, на степени такой, до какой Орлай никогда не мог достигнуть, и этому всему причина — наш нынешний инспектор; ему обязаны мы своим счастием; стол, одеяние, внутреннее убранство комнат, заведенный порядок, этого всего вы теперь нигде не сыщете, как только в нашем заведении. Советуйте всем везть сюда детей своих: во всей России они не найдут лучшего. — Должность директора исправляет профессор физики и химии Шапалинский.

Досадно мне было, что не получал долго так денег, большую нужду терпел я в них, но теперь дело объяснилось: вы поручили его г. Тише<в>скому, так оно и теперь лежит в Полтаве.

[1] что я

Вы пишете мне, что слишком скучаю, это я сказал вовсе без умыслу, скучаю, когда не имею от вас писем, а весел почти всегда, и особливо теперь, когда менее, нежели через месяц, приближается урочное время и радостно полечу обнять вас, милая, почтеннейшая маминька; обнять в вас — мою жизнь. Так, маминька, вы составляете жизнь мою: до сих пор не имею ничего драгоценнее, священнее вас, судите вы об радости свидания. Сколько везу к вам теперь сочинений, картин; рад буду, сильно рад, когда сделаю вам ими удовольствие.

Так как платье мне непременно нужно иметь к Рождеству, то прошу вас, ежели можно, прислать деньги вперед по почте, чтоб уже нечего было дожидаться здесь с экипажем. На фрак и панталоны суконные пойдет как раз до ста рублей, но зато уже они будут у меня навсегда. Зимнего же платья до сих пор я не имел. Ежели же вы хотите, чтобы деньги прислать вместе с экипажем, то присылайте, чтобы к 14-му числу декабря экипаж был уже здесь; а когда деньги прежде пришлете, то нужно, чтобы экипаж к 16-му числу декабря был[1] здесь; а пришлите за мною, ежели можно, тою самою бричкою, которую вы брали и тогда у дядиньки Андрея Андр<еевича>, она весьма легка и не трясет, и мало лошадей нужно, и выгодна.

Не поверите, милая маминька, с каким великим нетерпением, с какою радостью я жду этого благодатного времени. Сколько любопытных новостей, сколько перемен во мне вы увидите. В ожидании от вас еще одного письма остаюсь вашим преданнейшим сыном

Н. Гоголь-Янов<ским>.

Тулуп для меня, я думаю, уже сделали.

50. М. И. Гоголь

1826-го года ноября 23 дня. <Нежин>

Не могу утерпеть, милая маминька! чтобы еще не писать к вам, как ни близко кажется наше свидание, но не могу выдержать, почти около месяца не поговоривши с вами, и чрез то будто ускорить самую радость — видеть вас.

Касательно присылки за мною, еще не знаю, как должно присылать; будет ли санная дорога, или на колесах. Мне кажется, что навряд ли выпадет большой снег и состоится хорошая зима, а посему за мною можно будет <прислать> лёгонькую бричку,

[1] уже был

в случае же снегу и зимы маленькую кибитку, только не ту тяжелую. Ежели платье мне будет здесь делаться, то в таком случае пришлите числа 16-го непременно уже чтобы был здесь экипаж, а ежели на платье вы пришлете деньги преж<д>е, тогда уже присылать за мною так, чтобы 18-го числа был[1] здесь экипаж. Также напишите письмо ко мне, что присылаете за мною. Это письмо нужно будет показать инспектору, без чего не отпустят. Советую для этого письмо составить особое, в котором извещайте меня просто, что посылаете экипаж с тем, чтобы я на праздник Р. X. приехал для свидания к вам.

Думаю, удивитесь вы успехам моим, которых доказательства лично вручу вам. Сочинений моих вы не узнаете. Новый переворот настигнул их. Род их теперь совершенно особенный. Рад буду, весьма рад, когда принесу вам удовольствие.

К нам приезжал граф, был у нас немалое время, много говорил, ничего не сделал и уехал во-свояси. Орлай наш успел везде так охулить нашу гимназию, что думаю и он оттого так мало о ней печется.

Из Одессы получили на сих днях письмо от Орлая, он и тем заведением не доволен.

Но прощайте, почтеннейшая, милая маминька! утешительная мысль, приближаемая праздником Рождества, останавливает письмо мое, да и зачем напрасно марать бесчувственным пером бумагу, когда на словах могу я выявить жаркое чувство сердца,

вечно горящее к вам сыновнею любовью.

Ваш покорнейший, послушнейший сын

Н. Гоголь-Яновский.

1827

51. Г. И. Высоцкому

1827 года, генваря 17-го. Нежин.

Теперь только приехал я из дому, где был все праздники, и сегодня только получил твою записку от Шапалинского. Извини меня, бесценный друг, что я так неблагодарно отплатил за твое дружеское расположение: на письмо твое не отвечал ни слова. Я знаю, что ты, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло от какого-либо небрежения или холодности: нет, друг! По крайней мере, позволь сказать, что ни к кому сердце мое так

[1] был уже

не привязывалось, как к тебе. С первоначального нашего здесь пребывания, уже мы поняли друг друга, а глупости людские уже рано сроднили нас; вместе мы осмеивали их и вместе обдумывали план будущей нашей жизни. Половина наших дум сбылась: ты уж на месте, уже имеешь сладкую уверенность, что существование твое не ничтожно, что тебя заметят, оценят, а я... зачем нам так хочется скоро видеть наше счастие? зачем нам дано нетерпение? мысль о нем и днем и ночью мучит, тревожит мое сердце: душа моя хочет вырваться из тесной своей обители, и я весь — нетерпенье. Ты живешь уже в Петербурге, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслаждения, а мне еще не ближе полутора года видеть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемым веком... Много принесло мне удовольствия письмо твое; жадно перечитывал я тобою писанное, ловил слова, и мне казалось, будто я слышу из уст твоих. И после всего этого, после всей радости, которую ты прислал ко мне с письмом, я ни слова не сказал тебе. Какая неблагодарность чернее этой? Но еще раз прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставил и принял твердое намерение писать нарочно побольше писем в разные места, чтобы тем приучить себя к исправности. Сделай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы не забудь меня, — пиши ко мне раз в месяц. С этой поры никогда письмо твое не будет оставлено без ответа.

Пиши мне о своей жизни, о своих занятиях, удовольствиях, знакомствах, службе и обо всем, что только напоминает прелесть жизни петербургской. Это одно для меня развеет горечь моего заточения, сблизит урочное время и покажет мне тебя в твоем быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже с восхищением в мечтах читаю письмо, забывая и местопребывание свое, и весь мир, выключая тебя с Петербургом.

Я здесь совершенно один: почти все оставили меня; не могу без сожаления и вспомнить о вашем классе. Много и из моих товарищей удалилось. Лукашевич поехал в Одессу, Данилевский тоже выбыл. Не знаю, куда понесет его. Здесь он весьма худо вел себя. Из старых никого нет. Нас теперь весьма мало, но мне до них дела нет: я совершенно позабыл всех. Изредка только здешние происшествия трогают меня, впрочем, я весь с тобою в столице. Об твоем аттестате я всегда надоедал Шапалинскому и теперь крепко настоял, чтоб отсылать к тебе. Он уже изготовлен, и ты скоро получишь. Каково теперь у вас? Как-то будете веселиться на масленице? Ты мне мало сказал про театр, как он устроен, как

отделан. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякий вечер там. Чья музыка? Что тебе сказать об наших новостях? здесь их совершенно нет. Писать тебе про пансион? он у нас теперь в самом лучшем, самом благородном состоянии, и всем этим мы одолжены нашему инспектору Белоусову. К масленице затевают театр. Дураки всё так же глупы. Барончик, Доримончик, фон-Фонтик-Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопцики здрав и невредим, и час от часу глупеет. Демиров-Мишковский, Батюшечка и Урсо кланяются по пояс. Мыгалыч чуть-чуть было не околел. Впрочем, всё благополучно. Бодян только просит у тебя на водку. Но прости: я болтаю пустяки и надоел уже, думаю, тебе до сна. По следующей почте я намерен еще тебе сказать кое об чем; а до того времени не забудь твоего верного, всегда и везде тебя любящего старинного друга

Н. Гоголя.

Божко и Миллер благодарят, что ты не забыл их.

52. М. И. Гоголь

1827-го года, февраля 1-го. Нежин.

Почтеннейшее письмо ваше, маминька, получил я третьего дни, и спешу известить вас. Благодарю вас за незабытие и за всегдашнюю вашу помощь и за всегдашнюю любовь вашу, которой цену один только я могу чувствовать; жалею и досадую только на заботы, удручающие вас, которые мешают вам в писании и отнимают драгоценные у меня минуты.

Я не знаю, когда лучше я проводил время, как не теперь, даже досадую на скорый полет его. Масленицу мы надеемся провесть наилучшим образом. Театр наш готов совершенно, а с ним вместе сколько удовольствий! Не знаю, где теперь вы находитесь. Я думаю, на масленой будете в Кибинцах. Желаю вам также приятно провесть это время. Я думаю, теперь у нас в деревне Васильевке весьма уединенно. Бывает ли кто-нибудь? Рад буду весьма, когда вы живете теперь в полном удовольствии, когда изредка только мимолетящая тень забот цепляется, а трудные, обременительные вовсе вам неизвестны. Это занимает мысли мои, днем и ночью об этом только я думаю. — Всеминутно желая вам безмятежной, счастливой жизни, достойной ваших добродетелей, я надеюсь, что вы приймете это нелицемерное всегдашнее желание сына, которого любви ничего нет священнее вас.

Николай Гоголь-Яновский.

53. М. И. Гоголь

1827-го года, февраля 26-го. Нежин.

К числу мечтательностей своих иногда желаю быть ясновидцем, знать, что у вас делается, чем вы занимаетесь, и верите ли, почтеннейшая маминька, с каким удовольствием я занимаюсь отгадыванием всего того, что вас занимает... Как вы проводили масленую? весело ли? были ли у вас веселые собрания? Извините, что закидал вас кучею вопросов. Обыкновенно человеку, как говорят порядком повеселившемуся, всегда хочется сделать участником других, особливо ближайших к нему. Кто ж ближе к моему сердцу, как не вы, почтеннейшая маминька. Ваша радость, ваше удовольствие — и я счастлив.

Посмотрите же, как я повеселился! Вы знаете, какой я охотник всего радостного? Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым таилось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной), и часто в часы задумчивости, когда другим казался я печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывал науку веселой, счастливой жизни, удивлялся, как люди, жадные счастья, немедленно убегают его, встретясь с ним.

Ежели об чем я теперь думаю, так это всё о будущей жизни моей. Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству. До сих пор я был счастлив, но ежели счастие состоит в том, чтобы быть довольну своим состоянием, то не совсем. Не совсем до вступления в службу, до приобретения, можно сказать, собственного постоянного места. Масленицу всю неделю мы провели так, что желаю всякому ее провесть, как мы всю неделю веселились без устали. Четыре дня сряду был у нас театр, и к чести нашей признали единогласно, что из провинциальных театров ни один не годится против нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французские пьесы соч. Мольера и Флорияна, одну немецкую соч. Коцебу. Русские: *Недоросль*, соч. Фонвизина, *Неудачный примиритель* Княжнина, *Лукавин* Писарева и *Береговое право* соч. Коцебу. Декорации были отличные, освещение великолепное, посетителей много, и всё приезжие, и все с отличным вкусом. Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюр Россини, Вебера и других были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой я провел теперь. Дай Бог, чтобы вы провели его еще веселее. Ожидают у нас директора, г-на Ясновского, со дня на день. Не знаем его характера. Говорят, что слишком добр, даже до слабости, чего мы боимся.

Позвольте вас, почтеннейшая маминька, потрудить одною просьбою. Сделайте милость, пришлите мне холста самого толстого штуки две и, ежели можно, более; нам необходимо нужен. Вы этим много, много одолжите меня[1], а до того остаюсь с сыновним почтением и самою жаркою преданностью и любовью, остаюсь навсегда преданнейшим сыном

Н. Гоголем.

Бабушке свидетельствую[2] почтение. Дядиньке Андрею Андреевичу и тет<иньке> О<льге> Д<имитриевне> скажите, что я никогда не забываю их ко мне внимания и любви и досадую, что не знаю, чем доказать благодарность свою.

54. Г. И. Высоцкому

1827-й год март 19-е число. Нежин.

Итак ты всё-таки любишь меня, добрый, бесценный друг. — Ты оторвал часть времени тебе драгоценного, чтобы порадовать того, который кипит неизъяснимою, жаркою к тебе привязанностью. Твое письмо блеснуло для меня звездою радости. — Из стороны, чуждой льдистого севера, но где так же, как и здесь, воображение греет нас (где уже осуществилась — в мечте — жизнь будущая для меня), мне казалось, я услышал родные звуки сердца, меня понимающего — это было письмо твое.

Много времени кануло со дня нашего разрознения; лета кипучего возраста охлаждались беспрерывно изменчивою неверностью счастия настоящего. Я холодал постепенно и разучался принимать жарко к себе всё сбывающееся. Без радости и без горя, в глубоком раздумьи стоял я над дорогою жизни, безмолвно обсматривая будущее. — С минут твоего выбытия в душе моей залегла пустота, какое-то безжизненное чувство. И вот ты меня высвободил из моего мертвого усыпления. Я теперь всё тот же, как прежде, веселый, преданный тебе, с виду холодный, но в сердце пламенный к чувствам дружбы.

Часто среди занятий удовольствие (они иногда посещают и не совсем забыли записного их поклонника), мысленно перескакиваю в Петербург: сижу с тобою в комнате, брожу с тобою по булеварам, любуюсь Невою, морем. Короче *я* делаюсь *ты*. — Часто, говорю, среди самых удовольствий я впадаю в странное

[1] мне
[2] свидетельствуйте

забытие, вспоминаю о тебе, и сокрытая горечь ярко проскакивает на лице и освещает его печальное движение, несмотря что в пансионе у нас теперь весело. Все возможные удовольствия, забавы, занятия доставлены нам, и этим всем мы одолжены нашему инспектору. Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступается за нас против притязаний конференции нашей и профессоров-школяров. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня недостало бы терпения здесь окончить курс — теперь по крайней мере могу твердо выдержать эту жестокую пытку, эти 14 месяцев. Масленую мы провели прекрасно. — Четыре дни сряду был у нас театр, играли превосходно все. — Все бывшие из посетителей, людей бывалых, говорили, что ни на одном провинциальном театре не удавалось видеть такого прекрасного спектакля. — Декорации (4 перемены) сделаны были мастерски и даже великолепно. Прекрасный ландшафт на занавеси довершал прелесть. Освещение залы было блистательное. Музыка также отличилась; наших было 10 человек, но они приятно заменили большой оркестр и были устроены в самом выгодном, в громком месте. Разыграли четыре увертюры Россини, 2 Моцарта, одну Вебера, одну сочинения Севрюгина и друг. Пьесы, представленные нами, были следующие: *Недоросль,* соч. Фонвизина, *Неудачный примиритель,* комедия Я. Княжнина, *Береговое право,* Коцебу, и в добавок еще одну французскую, соч. Флориана, и еще не насытились: к Светлому празднику заготовляем еще несколько пьес. Эти занятия однако ж много развлекли меня, и я почти позабыл было всё грустное. Но надолго ли? пришел пост, а с ним убийственная тоска. — Никаких совершенно новостей, ничего любопытного вовсе не случалось. Скажу тебе только, что ожидаем со дня на день нового нашего директора Ясновского. Какой он? не знаем. — Говорят: добренькой... — Что барон фон-Фонтик, табачный таможенный пристав, иначе заводчик кунжутного масла, служивший только что перед этим всем драгунским юнкерам подрядчиком в торговле, пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде. Но наконец батюшка фона, узнавши об его проказах, прислал за ним крытую кибитку, чтобы притащить свое чудо в Прилуку и поместить его в хозяйственные форпосты. Но Девинье объявил, что он «никогда не занимался таковою презренною наукою, какова политическая экономия», а непременно хочет ехать в Московский университет, и вот слова его присланному: «скажи дураку папиньке, что я лучше его знаю, что должно

мне делать». Но наконец побивши Лауру и разнесши по всем Магеркам страх и опустошение, отправился во-свояси. Вообрази, что и это утешение отняли у нас. О Данилевском ничего не могу сказать, не знаю даже, где он. Спиридон, т. е. Федор Бороздин, точно в гусарах и отличный гусар из самого негодного попа. Кто бы думал? — Сам генерал его уважает. — Баранов находится в собственном благоприобретенном и родовом своем поместье; преосторожно, прехитро, преинтересно ловит мух, сажает в баночку, обшивает полотном, запечатывает фамильным потомственным гербом и рассматривает при лунном свете. — Демиров-Мишковский здравствует, духом бодр (знает подкреплять его), всегда дежурит у нас и всегда иллюминован красными огнями, за которую однако же иллюминацию открывают ему обширный путь из гимназии во все закоулки многолюдного мира. — В Нежине теперь беспрестанные движения между греками; шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления, и прошедшую субботу мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу, а на его место и в сенаторское достоинство возвели до того неизвестного Афендулю. — Базиль уже заключил с ним мирный трактат и открыл греческую лавку. Впрочем, у нас всё идет своим чередом. Об себе скажу, что я пролежал целую неделю больным, и был болен весьма опасно, даже отчаивался об выздоровлении и теперь только начинаю учиться ходить, падаю от слабости. — Но пред тобою виноват, что долго не писал, и сажусь за стол... Это меня порадовало, я разговорился с тобою и уже думаю, что сижу у тебя, что это вечером; мы пьем чай и не наговоримся о проведенном дне, богатом разнообразными событиями... мечта! Я в Нежине и еще в лазарете... Ты видел Герарда, сделай милость, напиши, где он теперь; он был когда-то из числа немногих друзей моих, не забыл ли он меня? так ли привязан, как прежде? и зачем он ко мне не напишет? Укори его, пожалуста, сделай ему самый строгой выговор, скажи, что стыдно, неблагодарно забывать тех, которые жарко его любят, которых связало товарищество дружбою. Ежели бы я знал, где он, я бы писал к нему, но... видно, так уже в свете... Из всех друзей моих один ты не изменил мне, это меня утешает более всего, я теперь счастлив. — Об одном только молю я Бога, об одном думаю: чтобы скорее нам сблизиться. Кстати, ты еще о много чем не известил меня касательно жизни петербургской: каковы там цены, в чем именно дороговизна, всё это с нетерпением хочу я узнать и заранее сообразоваться с своими предположениями. Каковы там квартиры? что нужно платить

в год за две или три хорошенькие комнаты, в какой части города дороже, где дешевле, что стоит в год протопление их и проч. и проч. Да, и позабыл было совсем: как значительны жалованья и сколько ты получаешь? Сколько часов ты бываешь в присутствии и когда возвращаешься домой? — Извини, что я тебя забрасываю кучею вопросов, мне ужасно как хочется скорее узнать всё, а до того времени не забудь старого твоего друга, который всегда, во все времена, во всех местах, где бы ни был, везде живет духом с тобою и только возле тебя находит отдохновение. По крайней мере люби меня так, как я тебя. Этого для меня довольно!

Твой друг Н. Гоголь.

P. S. Кланяется тебе Антон Васильевич Лопухайский, желает тебе, чтобы так ты распузател, как и он. Носятся слухи, что он хочет жениться. А батюшка почтеннейший объявил мне на ухо, что при всем почтении, с каковым он имеет честь пребыть к тебе, просил однако же напомнить, чтобы ты ему прислал давно обещанного столичного кованого кабанця. — Видел я на сих днях Романовича Николая. Он теперь в Нарвском гусарском полку и смотреть на нас не хочет, гордо потряхивает саблею и беспрестанно посматривает на юнкерские позументы. — Ваш кандидат Садовничий осрамился: приехавши сюда, подавал прошение о принятии его в писцы правления, ему отказали, и теперь он до сих пор шатается у Билевича. — Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он теперь напечатал свое сочинение под названием *Малороссийская деревня*. Этот литературный урод причиною всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из Малороссийской деревни, и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие: Малороссийская деревня, или Закон дуракам не писан, комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите конференции и наконец видя, что его жалобы худо чествуют, решился унизительно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его, а особливо не запирать его в канцелярии с майором Шишкиным, как до сего делано.

Григоров, Божко, Миллер, Кукольник, Николай Бороздин, Власенко, Базиль, Вановский и все наши совершенно кланяются тебе, благодарят, что не забываешь их.

Кланяйся от меня Любичу, что-то, я думаю, его муза поделывает, то-то раздолье. Сколько в Петербурге домов, памятников, иллюминаций, пожаров, наводнений, тезоименитств, а виды с Васильевского острова!..

Прощай, друг! сделай милость, порадуй письмом: я жду. — Я знаю, что никогда не охладишься в своей дружбе, и радостно и весело отправляю письмо мое...

Прощай! прощай!

Н. Г<оголь>.

55. М. И. Гоголь

1827-го года. Марта 24-го. Нежин.

Письмо ваше, маминька, я вчера получил. Радуюсь весьма, что вам будет весело, что любезные наши родственники Петр Петрович и Павел Петрович скоро приедут к нам и долго проживут у нас; — только чувствую, что я уже не застану их. — Они всегда на зло приезжают перед тем временем, когда мне должно быть дома, а в то самое время уезжают назад и нам в удел оставляют скуку. Мое первое всегдашнее желание состоит в том, чтобы прожить весело в кругу всех близких моему сердцу, и предопределение никогда не давало сбыться моим планам, будто в насмешку над моим несбытодумием. — Жалею весьма, что вам много забот и до пропасти дел. Когда бы скорее вы могли найти хорошего управителя — это, чувствую, много бы вам помогло. К несчастию, эти люди редки... при всем моем уважении к Екименку мне что-то кажется, что он вряд ли хорошо выполнит свою должность; притом же сперва[1] он соглашался за гораздо меньшее жалованье, когда вы писали о своей надобности в управителе. Но, впрочем, Бог с ним, лишь бы только он облегчил ваши заботы, лишь бы только вы больше имели времени свободного весело, радостно жить[2] в кругу родных. С этим только радость может высветлиться на моем сердце, и оно заочно оживет вашим спокойствием, беззаботностью.

Расписку за деньги я получил и берегу ее у себя. Письмо к сестрице Машиньке я написал и прилагаю его здесь. Сделайте милость, почтеннейшая маминька, отправьте ей поскорее: она еще в самом деле подумает, что я забыл ее. Я писал к вам об полотне, но ни слова не говорил об самом тонком, а, напротив, даже просил, нет ли еще толще десятки.

[1] *Далее начато:* каже<тся>

[2] пров<одить>

Весна приближается. Время самое веселое, когда весело можем провесть его. Это напоминает мне времена детства, мою жаркую страсть к садоводству. Это-то время было обширный круг моего действия. Живо помню, как, бы<ва>ло, с лопатою в руке глубокомысленно раздумываю над изломанною дорожкою... Признаюсь, я бы желал когда-нибудь быть дома в это время. Я и теперь такой же, как и прежде, жаркий охотник к саду. Но мне не удастся, я думаю, долго побывать в это время. — Несмотря на всё, я никогда не оставлю сего[1] изящного занятия, хотя бы вовсе не любил его. Оно было любимым упражнением папиньки, моего друга, благодетеля, утешителя... не знаю, как назвать этого небесного ангела, это чистое, высокое существо, которое одушевляет[2] меня в моем трудном пути, живит, дает дар чувствовать самого себя и часто в минуты горя небесным пламенем входит в меня, рассветляет сгустившиеся думы. В сие время сладостно мне быть с ним, я заглядываю в него, т. е. в себя, как в сердце друга. Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастия граждан, для блага жизни подобных, и дотоле нерешительный, не уверенный (и справедливо) в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосознания, и душа моя будто видит[3] этого неземного ангела, твердо и непреклонно всё указующего в мету жадного искания... Через год вступлю я в службу государственную.

Но... позвольте, маминька! Свеча горит, и скоро уже полночь, — боясь, чтобы вы не беспокоились обо мне касательно моего молчания, оканчиваю письмо до следующей почты.

Тётиньке Варваре Петровне изъявите мое почтение и радость, что она гостит, дай Бог, чтобы я, приехавши на каникулы, мог застать ее у нас, как бы весело провели время вместе. Но и она так же как и жестокосердные ее братцы всегда уезжают перед моим прибытием, они верно не знают, как я привязан к ним, как люблю их, но, впрочем, нужна ли или нет им любовь моя, а я никогда не перестану любить их.

Простите, маминька! Я думаю, не нужно вам выказывать той любви[4], благодарности, сыновнего почтения, признательности, с каковыми я всегда к вам пребываю

ваш послушнейший и нежно вас любящий сын

Н. Гоголь.

[1] этого

[2] *В подлиннике:* отдушевляет

[3] *Было начато:* и вижу

[4] той чув<ствительной?>

56. М. И. Гоголь

1827 года, апреля 6 дня. Нежин.

Позвольте во-первых, почтеннейшая маминька, поздравить вас с праздником воскресения Христова. Думаю, что вы провели первые дни[1] его хорошо, желаю и окончить его весело. Благодарю вас за присылку денег, также и почтеннейшего дедушку. В это время они бывают мне очень нужны. Мой план жизни теперь удивительно строг и точен во всех отношениях, каждая копейка теперь имеет у меня место. Я отказываю себе даже в самых крайних нуждах с тем чтобы иметь хотя малейшую возможность поддержать себя в таком состоянии, в каком нахожусь, чтобы иметь возможность удовлетворить моей жажде видеть и чувствовать *прекрасное.* Для него-то я с трудом величайшим собираю всё годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнейшие издержки. За Шиллера, которого я выписал из Лемберга, дал я 40 рублей — деньги весьма немаловажные по моему состоянию; но я награжден с излишком и теперь несколько часов в день провожу с величайшею приятностью. Не забываю также и русских и выписываю что только выходит самого отличного. Разумеется, что я ограничиваюсь одним только чем-либо, в целые полгода я не приобретаю более одной книжки, и это меня крушит чрезвычайно. Удивительно, как сильно может быть влечение к хорошему. Иногда читаю объявление о выходе в свет творения прекрасного, сильно бьется сердце — и с тяжким вздохом роняю из рук газетный[2] листок объявления, вспомня невозможность иметь его. Мечтание достать[3] его смущает сон мой, и в это время получению денег я радуюсь более самого жаркого корыстолюбца... Не знаю, что бы было со мною, ежели бы я еще не мог чувствовать от этого радости — я бы умер от тоски и скуки. Это услаждает разлуку мою с вами. *Вы* рисуетесь в светлых мечтах моих, и душа моя разом обнимает всю свою жизнь[4]. Пишете вы, что не получали от меня письма за март месяц; в марте я писал к вам, кажется последних чисел, может быть, вы до сих пор уже получили.

Известите меня, маминька, приехали ли уже Петр Петрович и Павел Петрович к нам или еще <нет>. Сделайте милость, свидетельствуйте им мою привязанность, любовь, почтение и проч.

[1] первые дни *вписано.*
[2] печатный
[3] иметь
[4] всю мою радость

и проч.,[1] и наконец сожаление, что не могу видеть их. Варваре Петровне от меня поклон и благодарность чувствительнейшую за непозабытие меня. Ежели будете видеть близких наших знакомых, особливо Александру Федоровну, сделайте милость, скажите, что я каждый час помню об ней, об времени, проведенном вместе.

Давно ли я приехал с Рождества? а уже трех месяцев как не бывало, половина времени, до каникул утекла. Еще половина, и я опять с вами, опять увижу вас и снова развеселюсь во всю ивановскую. Не могу надивиться, как весела, как разнообразна жизнь наша. Одно имя каникул уже приводит меня в восхищение. Как бы то ни было, но целый год бывши будто в заключении, и в одно мгновение ока увидеть всех родных, всё близкое сердцу... очаровательно!

До следующей почты!

Любящий вас более всего в мире сын ваш

Н. Гоголь.

57. М. И. Гоголь

1827-го, апреля 17-го дня. Нежин.

Хотя недавно писал к вам, маминька, но не хочу, однако ж, утерять случая еще поговорить с вами. Баранов крепко обещался доставить письмо. Думаю, что вы теперь находитесь в Васильевке и что с вами и любезные наши гости.

Вы можете там с удовольствием провесть это приятное время. Подлинно я лучшей весны не помню, — ни одного дождя. Но это к худу — не будет ли засухи. Желательно теперь мне знать хозяйственные занятия. — Не забывайте, маминька, саду. Там, где я говорил прошлый <год>, распространить его засаживанием деревьев молодых, также ежели бы не утерять времени для дернования и щепки. Какова у нас была ярмонка? Никогда ее у нас не видывали. Хотел бы знать ее положения место, где она выставливается, хорош ли на ней торг, выгоден ли для обеих сторон и насколько привозится товаров.

Это время я провел немного скучновато. Книг со мною не было. — Театр наш покуда остановлен, и я принужден был[2] повеся голову сидеть недвижно на одном месте, перебирая старые свои уроки. Заманивала было меня прекрасная погода весны, сначала было весело, но веселье хорошо, когда делишь, и потом

[1] и проч. и проч. *вписано.*

[2] *Далее было:* только

прискучилось. Только[1] мечта об моей радости: об вас — высветливается иногда сквозь пасмурные думы[2].

Человек странен касательно внутреннего своего пожелания. Он завидел что-то вдали, и мечта о нем ни на минуту не оставляет его. Она смущает покой его и заставляет употреблять все силы для доставки существенного. Иногда и меня самая, по-видимому, малость, но драгоценная для меня собственно, мучит меня тоскою и досадою за несостояние иметь ее.

Уведомите меня об приезде ожидаемых гостей и когда они прибыли к нам. Извините меня перед ними, что не пишу к ним оттого что не знаю, у нас ли оне. Варваре Петровне хотя через письмо свидетельствую мою преданность.

Что делается в Кибинцах? Ничего не знаю совершенно об них, кроме только слышал, что Сакен воротился из Петербурга и что Соничка, сестра Ольги Дмитриевны, больна опасно. Жаль это<го> дитяти!..[3]

Мое почтение бабушке Т<атьяне> С<еменовне>, поздравьте ее моим именем с праздником Христо<вым>. Ежели будете в Яресках — Анне Матвеевне.

С невыразимою любовью, с беспримерною привязанностью пребываю ваш сын:

Н. Гоголь.

58. М. В. Гоголь — Н. В. Гоголю

Черновой набросок письма

<12 апреля 1827. Богдановка>

Любезнейший и почтеннейший братец, как долго я не видалась с вами.

<*Надпись на конверте:*>

Любезнейшему братцу Николаю Васильевичу Гоголь-Яновскому. В Нежин, в Гимназии высших наук.

59. М. И. Гоголь

1827-й год. М. Май, 20-е число. <Нежин>

Получил ваше письмо сегодня и к моей горести узнал, что вы больны. Я уже это заметил бы из одной краткости письма

[1] Только изредка

[2] мои думы

[3] *По-видимому, исправлено из* это дитя

вашего, которому, видно, мешала много болезнь[1]. Всегда нужно проклятой судьбе на самом удовольствии покоя, в котором уже я находился, зачернить начаток светлых дней едкостью горя. Меня мучит ваша болезнь. Зачем вы, маминька, ездили в Полтаву? Это, я думаю, много вам повредило. — Сделайте милость, берегите себя. — В это время, когда вы нездоровы, я чувствую сам себя оттого нездоровым. Вы сами знаете, что я еще драгоценнее вас ничего не имею.

Чем более близится мета свиданья, тем более я опасаюсь неверности счастия. Дай Бог, чтоб я застал вас в здоровьи совершенном, в счастии, в спокойствии, окруженными всеми возможными для вас радостями. Не более месяца только осталось нам жить в разрознении; тогда я опять с вами. Обнимите, поцелуйте за меня Аниньку, Лизаньку, Олиньку. Я не могу не нарадоваться, вспомнив сколько меня ожидает дома близких моему сердцу, желая, чтобы этот год, как во все будущие, Бог подарил нам изобилие, чтобы роскошь плодородия упитала счастливое наше жилище, чтобы все крестьяне наши были награждены с избытком за годичные труды свои. У нас здесь поговаривали об плодородии этого года; я думаю, что и у вас так же. — Желательно мне бы узнать об этом[2] от вас, маминька, также и водится ли что в саду нашем. Здесь и на фрукты урожай.

Что-то теперь делают пенаты мои? Я думаю, все ожидают меня с нетерпением.

Позвольте поговорить с вами теперь касательно платья. Ежели посылать[3] деньги, то не тогда, когда будете присылать за мною; нужно гораздо преж<д>е, а то экипаж всегда дожидается, и тогда нужно метаться по всем портным и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату. Я советовал бы вам, милая маминька, деньги отправить тотчас по получении моего письма; оно как раз и выдет, что к времени моего отъезда платье поспеет, для чего нужно по крайней мере три недели, а то мне всегда за скоростью шьют на живую нитку.

Денег пришлите мне 150 — полтораста рублей, потому мне, кроме крупного платья, нужно еще до пропасти разных безделушек, как-то: халстухи, подтяжки, платочки; хотелось бы также сертучок летний, легинькой, простинькой, чтобы ходить дома. Казенных нам теперь не шили, и мы принуждены ходить в суконных.

[1] болезнь ваша
[2] об этом *вписано.*
[3] посылать по п<очте?>

Дай Бог, маминька, чтоб я вас застал совершенно здоровыми, совершенно веселыми. Меня крушит ужасно как болезнь ваша. Сто раз целуя заочно ручки ваши, остаюсь вашим послушнейшим,

любящим вас более жизни сыном

Н. Гоголь-Яновским.

60. М. И. Гоголь

<7 июня 1827. Нежин>

1826-го года, м<есяц> июнь число 7.

Вы пишете маминька, что не получаете от меня письма за прошлый месяц; но я в конце мая писал к вам, извещая об заблаговременной присылке мне полтораста — 150 руб., потому что я хотел сделать себе и шинель. Но теперь вижу, что она мне в лето не понадобится, а лучше сделать ее к зиме, и потому теперь мне нужно не более 80 рублей для сделки платья летнего, которого у меня совершенно нет. Жаль же мне весьма, что до сих пор не получил я денег, а теперь хорошо было: я бы успел заблаговременно всё себе сделать, и оттого бы было всё лучше сделано; в противном случае, я принужден буду вместе с экипажем оставаться лишние дни. — Но нечего делать, когда уже так вышло. Теперь, сделайте милость, высылайте за мною как можно скорее; чуть только получите письмо, то сейчас же. Хорошо ежели бы 22-го и 23 был экипаж уже здесь, потому что мне 26-го числа уже можно ехать.

Извините, милая, выше всего мною любимая маминька, что я так пишу наскоро и с такою поспешностью: теперь и у нас времени нет за этим скучным экзаменом; но он скоро кончится. Я здоров и, оживленный мыслью, скорым свиданием с вами, веселюсь, ожидая с нетерпением дня того, когда вы обнимете любящего вас невыразимою любовью, навек верного и послушного сына

Н. Гоголь-Яновского.

Присылайте за мною экипажец уместительный, потому что я еду со всем богатством вещественных и умственных имуществ, и вы увидите труды мои.

Обнимите за меня сестриц моих. Почтение мое Варваре Петровне, в высочайшей точке привязанности. Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, т. е. писем. Но чрез две недели явится творец их, никогда неизменчивый в своих чувствах, всё тот же пламенный, признательный, никогда не загасивший вечного огня привязанности к родине и родным.

61. Г. И. Высоцкому

1827 год, м. июнь, число 26. Нежин.

Пишу к тебе таки из Нежина. Не думай, чтобы экзамен мог помешать мне писать к тебе. Письмами твоими я уже более сблизился с тобою, и потому буду беспрестанно надоедать. Мне представляется, что ты сидишь возле меня, что я имею право поминутно тебя расспрашивать. Милый Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся в письме твоем. Она, кажется, растет между нами более и более и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя еще более, чем прежде, и спешу соединиться с тобою, хотя ты меня ужаснул чудовищами великих препятствий. Но они бессильны; или — странное свойство человека! — чем более трудностей, чем более преград, тем более он летит туда. Вместо того, чтобы остановить меня, они еще более разожгли во мне желание. Меня восхищает, когда я подумаю, что там есть кому ждать меня, есть кому встретить родным приветствием и облеснуть лицо светлою радостью. Означились мне на сердце также и друзья-приятели твои. Я не знаю их, никогда не видал, но они друзья тебе, и я их так же люблю, как и ты. Зачем ты не наименил ни одного из них? Хотя имя не определит человека, не ознакомит с ним, однако я всё бы мог из письма твоего узнать их характер, свойство, с кем ты более дружен, — особливо, когда они будут действующими лицами в твоих письмах, чего мне непременно хочется. Уединясь совершенно от всех, не находя здесь ни одного, с кем бы мог слить долговременные думы свои, кому бы мог выверить мышления свои, я осиротел и сделался чужим в пустом Нежине. Я иноземец, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине, и тайны сердца, вырывающиеся на лице, жадные откровения, печально опускаются вглубь его, где такое же мертвое безмолвие. В таком случае я желаю знать тебя в кругу твоих друзей, где не скрываешься и где ваши занятия всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писал мне ваши разговоры и целые происшествия замечательного дня. Может быть, я требую многого, но ты не откажешь в этом тому, у которого, кроме тебя, почти ничего не осталось и который только этим и бывает весел. И точно: я ничего теперь так не ожидаю, как твоих писем. Они — моя радость в скучном уединении. Несколько только и разгоняю его чтением новых книг, для которых берегу деньги, не составляющие для меня ничего, кроме их, и выписывание их составляет одно мое занятие и одну мою корреспонденцию. Никогда еще экзамен для меня не был так несносен, как теперь.

Я совершенно весь истомлен, чуть движусь. Не знаю, что со мною будет далее. Только я и надеюсь, что поездкою домой обновлю немного свои силы. Как чувствительно приближение выпуска, а с ним и благодатной свободы! Не знаю, как-то на следующий год я перенесу это время!.. Как тяжко быть зарыту вместе с созданьями низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться... Из них не исключаются и дорогие наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь в зеркале видишь меня. Пожалей обо мне! Может быть, слеза соучастия, отдавшаяся на твоих глазах, послышится и мне.

Ты уже и успел дать за меня слово об моем согласии на ваше намерение отправиться за границу. Смотри только вперед не раскаяться! может быть, мне жизнь петербургская так понравится, что я поколеблюсь, и вспомню поговорку: не ищи того за морем, что сыщешь ближе. Но уже так и быть; ты дал слово — нужно мне спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будет? Еще год мне нужно здесь да год, думаю, в Петербурге; но, впрочем, я без тебя не останусь в нем: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидают? Меня это ужасть как приближает к Петербургу, — тем более, что я внесен уже в ваш круг. Мое имя, я думаю, помнится между вами, и, может быть, по какому-то тайному сочувствию, кто-нибудь из друзей твоих наименит меня, как друга их друга, предугадывая, что он так же добр. На днях я получил письмо от Любича, не знаю по какой благодати. Чего только он в нем не наговорил! и каламбуров и стишков. Изо всего письма я только мог заметить, что, увидевши мое письмо к тебе, он загорелся воспоминанием и решился подкрепить его посланием. На четырех страницах он не сказал об себе ни слова, даже не объявил при конце письма, что он Любич-Романович, а в заключение просил меня известить об *Кляроцьке* Курдюмовой, об которой ты, я думаю, сам знаешь, какого я глубокого сведения: даже не видал ее ни разу. Жалею, однако ж, что мне нет времени писать, особливо теперь. Чтоб он еще, однако ж, не почел за пренебрежение. Извини меня как-нибудь перед ним... Нет ли там у вас Николаевича-Кобеляцкого? Мы уже год как его не видим. Сначала было наведывался к нам, а теперь пропал без вести. У нас теперь у Нежине завелось сообщение с Одессою посредством парохода, или брички

Ваныкина. Этот пароход отправляется отсюда ежемесячно с огурцами и пикулями, и возвращается набитый маслинами, табаком и гальвою. Семенович Орлай, который теперь обретается в Одессе, подманил отсюда Демирова-Мышковского, которому давно уже гимназия открыла свободный, без препятствий пропуск за пьянство, и по сему поводу пароход совершил седьмую экспедицию для взятия в пассажиры Мышковского, а на место его в гувернеры высадил директорскую ключницу, ростом в сажень с половиною, которая привела было в трепет всю челядь гимназии высших наук к. Безбородко, пока один Бодян не доказал, что русский солдат чорта не боится, и в славном сражении при Шурше оборотил передние ее челюсти на затылок. Кукольник наш ходит теперь с бритою головою (опасаясь, верно, плотоядных животных), но, чтобы не выказать срамоты, заказал красную шапочку и этим точно охарактеризовал себя. И действительно теперь он сделался таким, что всяк придет в недоумение, похож ли он на того человека, которому бреют голову, или на того, который ходит в красной шапочке и попеременно бесится, находясь то в степени (употреблю твое слово) амуристики, то в степени, обладавшей знаменитым изгнанником Демировым-Мышковским. Данилевский находится теперь в Москве — не могу наверно сказать где, но кажется, в пансионе. Петр Александрович Баранов, наскуча недеятельною жизнью, захотел отведать трудностей воинских, и месяц назад я получил письмо, в котором объявляет он о своем определении в Северский конно-егерский полк. Адрес его: юнкеру Баранову, в Щигры, Курской губернии, отдать в квартиру полкового адъютанта.

Теперь гимназия наша заселена всё семействами. Всем чиновникам пришла блажь жениться. Об женитьбе Шапалинского и Самойленка, я думаю, <ты> слышал; кроме того, Лаура (Персидский) совокупился законным браком с дочерью Капетихи. Вановский женится на Филибертисе (он овдовел при тебе), Иеропес — на Базилевой сестрице, которая приехала из Одессы, Лопушевский — на какой-то французской мамзели, которой имени, ей-Богу, я до сих пор не знаю, хотя три месяца уже прошло после их обручения; и даже козак Моисеев намеревается, *вероятно,* уничтожить одиночество своей жизни, хотя это и *кроется во мраке баснословия,* но доказательством сему служит его покупка земли, на которой уже начал дом строить.

Мишель наш, барон Кунжут-фон-Фонтик — радуйся — снова у нас, а мы уже было думали, что он совсем нас оставит.

Уже подал было прошение о принятии его в драгунский полк; но благоразумный отец, узнав об этом, отеческою рукою расписал ему задний фасад, в числе 150 ударов, и он, барончик Хопцики, обновленный явился у нас снова, празднуя свое перерождение. Но я, думаю, надоел тебе пустяками. Читая письмо мое, я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, как на свидетелей теряемого времени. Но неужели мы должны век серьезничать, — и отчего же изредка не быть творителями пустяков, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мне наскучило горевать здесь, и, не могши ни с кем развеселиться, мысли мои изливаются на письме и, забывшись от радости, что есть с кем поговорить, прогнав горе, садятся нестройными толпами в виде букв на бумагу, и в это время — вообрази — я на какую мысль набрел. Уже ставлю мысленно себя в Петербурге, в той веселой комнатке окнами на Неву, так как я всегда думал найти себе такое место. Не знаю, сбудутся ли мои предположения, буду ли я точно живать в этаком райском месте, или неумолимое веретено судьбы зашвырнет меня с толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) в самую глушь ничтожности, отведет мне черную квартиру неизвестности в мире. Но покуда еще неизвестно нам предопределение судьбы, ужели нельзя хотя помечтать о будущем? Этим богатством я всегда буду наделен. Оно не оставит меня во всё дление жизни. Но слушай: будто ты сидишь у меня, будто говорим мы долго, будто смеемся, и — веришь ли? — будто забывшись, перо выпадало раз двадцать на бумагу, разрушало мечтательные думы и с досады зачеркивало ничего ему не сделавшие слова. Ах, как в это время хотелось бы мне обнять тебя, увидеть тебя! Не знаю, может ли что удержать меня ехать в Петербург, хотя ты порядком пугнул и пристращал меня необыкновенною дороговизною, особливо съестных припасов. Более всего удивило меня, что самые пустяки так дороги, как-то: манишки, платки, косынки и другие безделушки. У нас, в доброй нашей Малороссии, ужаснулись таких цен и убоялись, сравнив суровый климат ваш, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссийский, который достается почти даром, а потому многие из самых жарких желателей уже навостряют лыжи обратно в скромность своих недальних чувств и удовольнились ничтожностью, почти вечною. Хорошо, ежели они обратят свои дела для пользы человечества. Хотя в самой неизвестности пропадут их имена, но благодетельные намерения и дела освятятся благоговением потомков...

Какое теперь ужасное у нас плодородие, ты не поверишь, — особливо фруктов! Деревья гнутся, ломятся от тяжести. Не знаем, девать куда. Я воображаю об необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, приехавши домой. Уже два дни экипаж стоит за мною. С нетерпением лечу освежиться, ожить от мертвого усыпления годичного в Нежине, от ядовитого истомления, вследствие нетерпения и скуки. Возвратясь, начну живее и спокойнее носить иго школьного педантизма, пока уроченное время, со всеми своими мучительными ожиданиями и нетерпением, не предстанет снова истомленному. Какая у нас засуха! более полтора месяца не шли дожди. Не знаю, что будет далее. Лето вдруг у нас переменилось: сделалось вдруг так холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрам. Весна была нестерпимо жарка.

Позволь еще тебя, единственный друг Герас. Иван., попросить об одном деле... надеюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у вас в Петербурге портному самому лучшему фрак для меня? Мерку может снять с тебя, потому что мы одинакого росту и плотности с тобой. А ежели ты разжирел, то можешь сказать, чтобы немного у́же. Но об этом после, а теперь — главное — узнай, что стоит пошитье самое отличное фрака по последней моде, и цену выставь в письме, чтобы я мог знать, сколько нужно посылать тебе денег. А сукно-то я думаю здесь купить, оттого, что ты говоришь — в Петербурге дорого. Сделай милость, извести меня, как можно поскорее, и я уже приготовлю всё так, чтобы, по получении письма твоего, сейчас всё тебе и отправить, потому что мне хочется ужасно как, чтобы к последним числам или к первому ноября я уже получил фрак готовый. Напиши, пожалуста, какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны, выставь их цены и цену за пошитье. Извини, драгоценный друг, что я тебя затрудняю так. Я знаю, что ты ни в чем не откажешь мне, и для того надеюсь получить самый скорый от тебя ответ и уведомление. Как ты обяжешь только меня этим! Какой-то у вас модный цвет на фраки? Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами, а черных фраков у меня много, и они мне так надоели, что смотреть на них не хочется. С нетерпением жду от тебя ответа, милый, единственный, бесценный друг.

Письмо мое начал укоризнами уныния и при конце развеселился. Тебе хочется знать причину? вот она: я начал его в Нежине, а кончаю дома, в своем владении, где окружен почти с утра до

вечера веселием. Желаю тебе вполне им наслаждать<ся>, и чтобы никогда минута горести не отравляла часов твоей радости. А я до гроба твой

неизменный, верный, всегда тебя любящий

Николай Гоголь.

Из Нежина к тебе кланяются все, — примечательнее: Лопушевский, буфетчик Марко (прежний фаворит твой, с своею красною женкою), барон фон-Фонтик, Давинье, Гусь Евлампий, Григоров, Божко, Миллер и проч. и проч., а отсюдова один только я приветствую тебя поклоном заочно.

62. М. И. Гоголь

<19 августа 1827. Нежин>

Приехал я сюда в Нежин 18-го в вечеру поздно невредимо и благополучно. В последний только день верст за 30 от Нежина обдало меня холодным дождем, но с помощью моей пространной брыки я ускользнул-таки от него и теперь укоренился в свое местопребывание с новою твердостью, с новою силою, крепостью к своим занятиям, с осветившимся воспоминанием вашей любви, вашего нежного материнского обо мне попечения, которое в часы досуга услаждает утружденные мечты и порывает меня к достижению своей цели с неизменною непоколебимостью. Вместе с вами вспоминает благодарное мое сердце и радостное общество близких родных наших, моих дядей Петра Петровича, Павла Петровича и Варвару Петровну. Их образ навсегда врезался в душе моей. Как они любят меня! хотя я не был достоин любви их и не мог им выказать моей благодарности; меня нельзя было им узнать. Да и могли ли они думать, чтобы под внешним видом настойчивого упрямства, которое резко означило характер мой, могло биться сердце, отворотившееся всего, носящего название злого. Вы, почтеннейшая маминька, изведавшие хотя мало тайник души моей, вы простите меня в словах и поступках, которые никогда не выливались от сердца, но которые были невольные выскочки слов; когда в уме бродили другие мысли, вы знали, что я был часто болтливый и в одно время раздумчивый, если чего мой разговор не касался.

Петру Петровичу изъявите мою глубокую преданность, любовь и почтительную дружбу. Я бы писал к нему, но боюсь наскучить письмом, которое вовсе не было бы занимательно, да и могут ли быть занимательны письма отшельника, простившегося

на целый год с разнообразным светом. Павлу Петровичу и Варваре Петровне мой нижайший поклон и прошение не забывать так их любящего —

Н. Гоголя.

Мне здесь очень весело, особливо когда оканчиваю на время свои занятия, которые также приносят мне удовольствие неизъяснимое. Антону я еще дал на дорогу из своих 4 р. 80 к.; у него не стало, а здесь овес чрезвычайно дорог.

63. Конференции Гимназии высших наук кн. Безбородко

<20 августа 1827. Нежин>

В Конференцию Гимназии высших наук
Князя Безбородко
От ученика 9-го класса
Николая Гоголя-Яновского.

Прошение.

В журнале Конференции XXVIII § II прошлого 1826-го года определено позволить держать экзамен на высшие отделения ученикам последнего трехлетия не далее 1-го Октября месяца того 1826-го года, а потом в другой раз не далее месяца сентября сего 1827-го года, и буде кто из таковых окажется достойным, переместить в высшее отделение. Почему находясь в 9-м клас<с>е, покорнейше прошу Конференцию на основании вышепрописанного определения позволить мне держать экзамен с 3-го на 4-ое отделение по языкам.

Ученик 9-го класса
Николай Гоголь-Яновский.

1827-го года, Августа 20 дня.

64. М. И. Гоголь

1827-го года, августа 30-го. <Нежин>

Случай доставил мне удовольствие писать к вам через Василия Ивановича Черныша. Более двух недель, как я нахожусь здесь, всё так же здоров и весел, всегда думаю об вас и никогда не забываю всех сблизившихся с моим сердцем. Не знаю, где вы теперь находитесь, почт<еннейшая> и милая маминька. Я думаю, вы ездили, или, может быть, поедете в Кибенцы на свадьбу, и, может быть, письмо мое долго будет ждать вас в деревне Васильевке.

С вами ли еще Пет<р> Петр<ович> и Пав<ел> Петр<ович>? Целую их сотеро раз и умоляю пробыть их у нас подолее, хоть я их не вижу, но мне всё приятно думать, что они у нас и, может быть, иногда вспоминают меня.

Началось ли у нас винокурение? Вы, кажется, хотели иметь большой затёр. Мне говорил Василий Иванович, что этому пособить легко, что нужно только иметь деревянный прикубник и посредством сего можно затирать два раза в день, что так делает Александр Степ<анович> Баранов, у которого затёру только на тридцать пуд, а он всегда увеличивает до 60-ти.

Не будете ли чего посылать сюда, ибо Симонова жена скоро будет сюда на ярмонку. Варваре Петровне мое признательное почтение и вместе желание провесть время как можно веселее.

Елисавет Петровна, что вы безмолвствуете!

Уведомите меня, маминька, отыскан ли прежде поминаемый для меня мальчик.

С неизъяснимою любовью
ваш сын

Николай Гоголь.

65. М. И. Гоголь

<12 сентября 1827. Нежин>
1826-го года сентября 12-го числа.

Письмо ваше, бесценнейшая маминька, я получил неделю назад тому. Я писал к вам еще чрез Васил. Иван. Чарныша. Получили вы то письмо? Что сказать о себе? Я здоров, весел, а что еще всего лучше — мне остается только восемь месяцев к выпуску, не знаю, удастся ли мне до того времени быть дома. Мне долго здесь казалось, будто чего-то всё недостает, и с получением только вашего письма, где была приписка и Павла Петровича, разгадал, что тоскую по вас. Мне почувствовалось, будто я выехал из дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни с кем. Бабушка, я думаю, порядком сердится, а еще более чувствую — Елисавета Петровна. Экой я в самом деле разгильдяй! а она для меня как трудилась, изготовила мне всего на дорогу. Но что ж делать, таков свет, редко сыщется человек благодарный... Каковы у нас дела хозяйственные? Павел Петрович пишет, что отыскалась на том баштане, что за прудом (который весь высох), дыня с пупком (а не с хвостом). Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотел бы я знать причину.

Бывает ли у вас моя любезнейшая сестрица Александра Федоровна? Ежели увидите, то изъясните ей мою заочную к ней привязанность и всегдашнюю память ее доброго во мне участия. Не знаю я, когда от вас бывает оказия к Машиньке. Мне хотелось бы кое-что послать к ней, а не хочется, чтобы посылка долго залеживалась, так вы меня известите, поч<теннейшая> мам<инька>, когда будет случай — то я пришлю на имя ваше, а вы отправите ее к ней.

С неизменной преданностью и невыразимою любовью

ваш сын Н. Гоголь.

Милая! добрая! злая! усердная! неумолимая! исполненная ядом злейших насмешек и ядовитейших колкостей! Милостивая государыня Елисавета Петровна! вы, я думаю, готовы съесть меня, хотя за целый прошедший месяц жар ваш должен бы остудиться. Не знаю, чем умилостивить вас, еще через целые восемь месяцев придет то время, когда брошусь на колени пред вами, а теперь скажу вам тайну: *Карп Дементьевич Прохвацкий* признался мне, что[1] влюблен у вас по уши и вам кланяется.

Что вы буркалики пялите?

<*На обороте:*>

Маминьке Марье Ивановне Гоголь-Яновской

66. Павлу П. Косяровскому

Неж<ин>. 13 сентября 1827.

Любезнейший дяд<юшка> Павел Петрович! Благодарю несчетно раз за вашу приписочку, вы меня перенесли к себе: мне показалось уже, что я опять с вами, что совершаем вместе прогулки; вижу даже пенатов наших, и глубокомысленный Дорогой, и остроумная Пупура, и наконец всезнающая Чцюцюшка — всё так спестрилось в моем воображении, что я не знаю, к чему напе\-ред обратиться: или к тому, что Дорогой поймал утку, или что княжна перерядилась в баронессу.

Ах виноват, бесцен<ный> Пав<ел> Петр<ович>! и забыл перед выездом проститься с вами. Признаться, я не хотел будить вас... вы так сладко спали, что мне жаль было потревожить вас, а впрочем, не в пустом обряде заключается сила, и вы, я думаю, уверены, и я уверен, что мы друг друга не забудем никогда.

[1] признался мне что *вписано.*

Право, как подумаешь, как было весело нам, чего мы не делали. Помните ли, как мы бракованные арбузы отправляли на тот стол? Кушаете ли до сих пор дыни? а нижненький Елисей и Матрена Алекс<еевна> не причаливали?

Кстати: вы не знаете дальнейших приключений с онучею Петра Борисовича? Ничего уже не вижу, что у вас делается, для меня всё прошло, по пословице: Всякая вологодская пивоварня имеет свою сметаняную тётку, и всякая изюмная попадья имеет свою гарусную коровницу.

Сделайте милость, не оставьте меня ответом, любезн<ый> Пав<ел> Петр<ович>, ежели вы помните старую дружбу и нелицемерную привязанность.

Чцюцюшка разов двадцать изъявляла мне свое негодование касательно того, что не пишу к ней. Сделайте милость вручить ей при сем приложенное письмецо. Сделайте милость извинить, что я так пишу, П<авел> П<етрович>: почта через час отходит, боюсь замедлить. По следующей ожидайте от меня предлинную рацию.

Н. Гоголь.

67. В. П. Косяровской

<13 сентября 1827. Нежин>

Драгоценнейшая тетинька Варвара Петровна! Приветствую вас из-за 300 верст и желаю вам найсчастливейшего, найуспешнейшего окончания всех ваших дел, работ и занятий, и проч., и проч. Уделяю вам на всю жизнь две части веселости и здоровья, одну часть деньг и четвертую часть — порядочный запас друзей и приятелей. Хорошо ли проводите время? Я думаю, Ксения Федоровна бывает у вас часто. — Э, мини казав Чцючцюшка, э... каже э... мене, каже, нихто уже юбить, каже, Пупую юбять ючше, чим мене и Каяюшку, э... отако э, каже, Чцюцюшка э, бачете, шо вона каже, э... э...

А панич нежиньский мини письмо пише, э... А шо, чи вы бачили? — Ось воно. Э...

Э...

68. Петру П. Косяровскому

1827-го года, сентября 13. <Нежин>

Почтеннейший дядинька Петр Петрович, пишу к вам, не зная, застанет ли вас письмо мое. Не помню, в какое время вы

назначили день отбытия своего — мне всё представляется, что вы пробудете долго еще в Васильевке. — По крайней мере по какому-то странному сочувствию мне представляется, что я буду непременно горевать в тот день, когда вы уедете... Я слыхал, что хотели вы вступить в тот полк, который стоит в Миргороде, где служит и Чихмарев. Дай Бог, чтобы сыскали там счастие — впрочем, я думаю, вы не преминете известить об своем вступлении того, который вас так любит, так интересуется знать об вас, и который ничем не мог доказать любви своей и даже огорчал вас частенько. — Живо помню, как был когда-то я рассеян, чем-то оскорбил вас и даже забыл поздороваться с вами. И как через минуту вы обняли меня с улыбкою примирения и всё было забыто.

Да, бесценнейший Петр Петрович, вы слишком добры, чтобы видеть во мне корень характера — злое упрямство, и никогда не будете иметь обо мне худых мыслей...

Весело ли вы проводите время? Когда-то судьба сблизит опять нас, или она уже положила руку разрознения и неумолимая грань будет надолго разделять нас. — Но я буду всё тот же, никогда любовь не остудеет во мне. — В часы и тоски и радости буду вспоминать то время, когда мы вместе составляли дружное семейство, как работали в саду, трудились и наконец собиралися к домашнему незатейливому обеду гораздо веселее и с большим аппетитом, нежели в Кибинцах к тамошнему — разноблюдному и огромному.

На днях я получил 5-ю часть *Ручной математической энциклопедии,* которая только что вышла. Не знаю, как воздать хвалу этому образцовому сочинению. Верите ли, что я, только читая ее, понял всё то, что мне казалось темным, неудовлетворительным, когда проходил математику. Как удивительно изъяснена теория диферинциального и интегрального исчисления... Мне нравится, что во всем этом курсе (который состоит из 13 томов) всякая часть, даже самая арифметика написана так, что ее никак нельзя учить буквально, так, как многие делают с другими учебными книгами, особливо с геометриею — всё здесь изъяснено, выведено, всё основано на умственном созерцании, но так просто, так легко, ясно изложено, что дитя в состоянии понимать его. — За пять доныне вышедших частей я дал 12 рублей; в Кибинцах она должна быть, первые части я видел.

Теперь у нас проходят *полевую фортификацию.* Жаль, что мне нельзя с вами позадорить немного, а я б вам рассказал, какой план войны производил Тюрень, принц Евгений, Наполеон, Суворов,

великий Конде, отчего проиграли имперцы, какую ошибку сделали французы в укреплениях в 1812 г., и проч., и пр., и пр.

Не слыхали ли чего новинького в происшествиях по армиям, что делается в Грузии? Но я надоел вам моим письмом. Простите меня, милый, бесценный Петр Петрович, не забывайте

любящего вас вечно

Н. Гоголя.

<*На обороте:*>

Петру Петровичу Косоревскому.

69. М. И. Гоголь

1827, месяц октябрь, 2-е число. <Нежин>

Позвольте поздравить вас, маминька, с протекшим днем вашего Ангела. Желание мое вам известно: оно всегда одно и то же — видеть <вас> в совершенном здоровьи и чтобы никогда легкое облако горести не отемняло вашего счастия, чтобы вы встречали всегда нас, ответивших вашим ожиданиям. — Благодарю вас за присылку денег и посылки с фруктами. Ваши наставления касательно неупотребления напитков крепких могут быть даже излишни, потому что во всё время пребывания моего здесь и без того не буду употреблять их; притом же вам известно, что я не слишком-то и охоч до них. Чувствительнейше благодарю Петра Петровича за материю; пошить же его как, я еще не знаю, оттого что не знаю, сколько ее. Вы напишите, много ли аршин. — Тулуп я отсылаю. Рад весьма, что таки и мне удалось чем-нибудь услужить ему. — На днях получил я письмо из Петербурга, письмо касательно пошитья там фрака. Лучший портной с сукном своим (первого сорту) с подкладкою, с пуговицами и вообще со всем, требует 120 рублей. Не смея теперь (зная ваши не слишком благоприятные обстоятельства) просить вас об этом, я буду ждать, когда вам можно будет собрать такую сумму.

Вы меня напугали немножко выговором об похищении какой-то бумаги. Я право не знаю, может быть, я их и дома взял; только здесь, рывшись в своей портфеле, я сыскал два листа и не заметил в ней никакого особенного достоинства, кроме того, что слишком тонка. На ней тот же час я написал письмо к вам. Впрочем, ежели вам нужна, то я могу купить: здесь продается почти такая же. — Петр Петрович пишет, что за Артемом последовали на поселение его жена и дети. Скажите: они выкупились, или вам за них заплатили, особливо дети?

К Машиньке посылочку, а в ней и письмо, посылаю.

Сделайте милость, отправьте их к ней скорее: в ней я посылаю некоторые нужные ей книги.

Простите, почтеннейшая маминька.

Ваш сын, с неоцененною к вам любовью

Н. Гоголь.

70. Петру П. Косяровскому

Нежин. 3-го октября, 1827-й год.

Бесценнейший ответ ваш на письмо мое я получил. Не знаю, чем возблагодарить вам, почтеннейший дядин<ька> Петр Петрович; между теперишними вашими заботами и недосугами вы таки находите время писать ко мне, это наполняет меня сладкою уверенностью, что вы меня любите (может быть, я сказал много), что по крайней мере приверженность моя к вам не несносна. И я сохраню ее всегда, хотя разрознение наше едва ли когда может соединиться; неизвестность вашей участи для вас может быть так темна, как и моей для меня. — К тому времени, когда я возвращусь домой, может быть, ваш полк выступит Бог знает куда, а меня судьба загонит в Петербург, откуда навряд ли залучу когда-либо в Малороссию. Да, может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимою ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принесть ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом — быть в мире и не означить своего существования — это было для меня ужасно. Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции. — Я видел, что здесь работы будет более всего, что здесь только я могу быть благодеянием, здесь только буду истинно полезен для человечества. Неправосудие, величайшее в свете несчастие, более всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сделав блага. Два года занимался я постоянно изучением прав других народов и естественных, как основных

для всех, законов, теперь занимаюсь отечественными. — Исполнятся ли высокие мои начертания? или Неизвестность зароет их в мрачной туче своей? — В эти годы, эти долговременные думы свои я затаил в себе. Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. — Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? — Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных. Я не знаю, почему я проговорился теперь перед вами, оттого ли, что вы, может быть, принимали во мне более других участия или по связи близкого родства, этого не скажу; что-то непонятное двигало пером моим, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствие вошло в грудь мою, что вы не почтете[1] ничтожным мечтателем того, который около трех лет неуклонно держится одной цели и которого насмешки, намеки более заставят укрепнуть в предположенном начертании. — Ежели же вы и не поучаствуете во мне, по крайней мере вы затаите мое письмо, так же, как я затаил в себе одном свои упрямые предначертания. Доказательством сему может <быть, что> во всё время бытия моего с вами я ни разу не давал себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводил речь о выборе будущей своей службы, о моих планах и пр. Даже маминька, которая хотела узнать мой образ мыслей, еще не может сказать наверно, куда я хочу, причин еще некоторых я не могу сказать теперь. Впрочем, это только для одного меня может только быть занимательно. — Прошу вас, бесценнейший Петр Петрович, не оставлять того, который к вам привязан более, нежели ко всем на свете, который вам выверил совершенно себя. Вы, думаю, будете иногда писать ко мне, я знаю, что вы не почтете этого в тягость, хотя редко, хотя через несколько месяцев раз. — Но не досадно ли? я не могу больше писать к вам. Совершенно истомился весь. 12-ть часов проиграло, а я еще не написал к сестре. Прощайте! милый, бесценный дядинька Петр Петрович, может быть, до другой почты.

Н. Гоголь-Яновский.

Бедный дядинька, вам будет холодно, а вы и не напомнили, когда я был с вами, про тулуп, а между тем еще и свое отдали. — Ах, как вы добры! хорошо, что добрая маминька моя догадалась

[1] не почтете меня

сказать вам об этом. Сделайте милость, закутывайтесь, он тепел, только слишком тяжел. Он мне был совсем не нужен, я даже его ни разу не надевал.

71. Павлу П. Косяровскому

Нежин. Октября 3-го 1827 года.

Здравствуйте, душинька дядинька Пав<ел> Петрович. Как я обрадовался, увидя письмо ваше. Ежели бы вы да к листочкам своим еще прибавили хоть два, то я бы расцеловал вас; но я и теперь не знаю, чем возблагодарить вам. — Новости ваши весьма интересны для меня, хотя, может быть, посторонний кто-либо смеялся бы над нами. Но вообразите себя в совершенном уединении, где редко улыбка заглядывает в лицо: не мила ли тогда будет нам забавная старина? В Полтаве у вас опять рыскает новость об войне. Она и сюда заехала; но по пословице Романа Иван<овича>: *не всякому слуху верь,* я стою над нею в раздумьи, верить или не верить. Что, как ваши дела? получили ли вы ответ от Рота? Когда бы он проклятый решил для вас повыгоднее! только сделайте милость, не забывайте тогда и нас, грешных, пишите ко мне. — Так ли вы еще весело проводите время, как и прежде? — Бывало (помните ли наши гулянья?), мы путешествуем даже до мельниц и приходим к вечеру, истомленные, на чай, или на богатую коллекцию дынь. Чаще всего я вспоминаю, когда после ужина отправляемся на ночлег по нашей шаткой лестнице в возвышенное наше обиталище. Я думаю, вы уже не спите там: октябрьские холода уже дают знать себя. — Экое счастие прикатило мамзеле, пускай бы уже 6 тысяч да полторы т<ысячи> на дорогу; а то еще и окорок ветчины. Скажите пожалуста, где она денет его? Нельзя ли как-нибудь ей посоветывать, по старой дружбе, удружить нам? Ну, а тем же дурищам кибинским чего так выть по нас, ведь мы же сказали им, что скоро будем.

Вы спрашиваете меня: что это за Ручная математическая энциклопедия? Она заключает полное собрание физико-математических наук; по своему новейшему, прекрасному расположению, по вмещению в себе новых истин и новейших открытий, изысканий и исчислений, наконец по легкости, удобности, с какой изложена, она может быть первым математическим сочинением; вмещается в 13-ти маленьких томах, которые все можно разместить по карманам; заключает в себе всю чистую и высшую

математику, динамику, статику, гидродинамику, гидравлику, гидростатику, физику, оптику и астрономию.

Долго ли вы пробыли в Федоровке? Кто там? Одне ли девицы, или был кто-нибудь из братьев их? Не было ли Елисея с нижнесенькою его супружницею, Матроною Алексиовною? Сделайте милость, напишите, какой у нее теперь чепчик? верно, модный. А зятек-то их как поживает? Располагаете ли быть в Кибинцах? хотя, думаю, не скоро вас туда залучат. Там-то теперь содому! Я думаю, приезжие господа бушуют. Сделайте милость, уведомите, как принимают там Хилкова и что делает тот старый греховодник Иван Ефим<ович>.

Верите ли, что у нас в Нежине так скучно стало, что не знаешь куда деться? сидишь целый день за книгой да зеваешь так жалко, что уши вянут. Хотя у нас и ярманка, хотя и графа ждут, а всё что-то будто не клеится. Теперь мне последний год, и тот уже ущербился; дела, однако ж, почти нет. Прошлый только год мне был самый крепкий, никогда его не забуду, было над чем трудиться! Теперь от занятий остается времени довольно: в это время я читаю Bibliothèque des dames. Очень хорошее издание; их всех 200 томов. Здесь найдете всё. Я читаю путешествие во все страны. На днях читал я Письма о Восточной Сибири Алексея Мартоса. Мне они очень понравились; желал бы я видеть выходящими побольше этаких книг в свет. — Мне всё не выходит из ума проклятая мамзеля, да и Баранов не бестия ли! Знает, где раки зимуют. Посмотрите, ежели он не подхимистит у нее всё свиное сало, которое ей дали на дорогу! Видели ли вы Анну Борисовну? что же касается до Петра Борисовича, то я, дня два назад видел его во сне, только без кнута и пешего.

Но я надоел вам своими приключениями, вы уже хотите чем-нибудь заняться и досадуете на неуместное письмо мое; но я знаю вашу доброту, знаю, что вы, хотя и посердитесь, что я докучаю вам, однако ж таки не оставите без ответа сиротку — письмо мое.

Всегда вас любящий, всегда вам приверженный слуга и племянник

Н. Гоголь.

Роману Ивановичу, Пупуре, Бондаревскому, Прохвацкому, Дорогому, Чцюцчюшке, Петру Борисовичу и проч. мое нелицемерное уважение.

72. М. И. Гоголь

1827-го года, ноября 13-го дня. <Нежин>

Разные стекшиеся мои обстоятельства, необходимость нужных занятий, последний год моего здесь пребывания, всё[1] соединилось, чтобы воспрепятствовать мне увидаться с вами, почтеннейшая маминька, на празднике Рождества. Вы знаете, как я всегда в это время рад быть с вами, а теперь принужден лишиться моего прекраснейшего удовольствия, которое я заменяю только утешением будущего свидания по выпуске моем, а до того времени в твердом, постоянном занятии и в глубоком обдумьи будущей должности и нового бытия в деятельном мире, для блага которого посвящена жизнь моя, может быть, незаметная, но по крайней мере все мои силы[2] будут порываться на то, чтобы означить ее одним благодеянием, одною пользою отечества.

На Рождество, когда будут посылать за Данилевскими, тогда вы можете иметь хороший случай, если придется что-нибудь посылать мне.

Я здоров и даже слишком весел.

Я думаю, Павел Петрович уже уехал из Васильевки. Сделайте милость, напишите мне, где он: мне еще нужно отвечать ему. Петр Петрович, я думаю, уже давно на должности. Что Машинька еще не писала ко мне, я ожидаю от нее ответа.

Прощайте, бесценная маминька; будьте уверены в моей неизъяснимой сыновней любви к вам, которою неугасимо пылаю к вам

ваш сын

Н. Гоголь-Яновский.

Варваре Петровне свидетельствую мой глубокой поклон и желанье побольше спать и веселиться, и извините перед нею неучтивого племяника, который не написал сам к ней: но Бог видит, как времени нет.

Елисавете Петровне усердный поклон. Дедушке и бабушке мое глубочайшее почтение, и поцелуйте их от меня, который и за тридевять земель видит их перед своими глазами (вообразительно).

[1] всё это

[2] все мои думы

73. М. И. Гоголь

1827-го года, декабря 15. <Нежин>

Письмо ваше, почтеннейшая маминька, я получил три дни тому назад. К великой радости знаю, что вы здоровы, что дела ваши по крайней мере идут не слишком худо. Я теперь совершенный затворник в своих занятиях. Целый день с утра до вечера ни одна праздная минута не перерывает моих глубоких занятий. Об потерянном времени жалеть нечего. Нужно стараться вознаградить его, и в короткие эти полгода я хочу произвесть и произведу (я всегда достигал своих намерений) вдвое более, нежели во всё время моего здесь пребывания, нежели в целые шесть лет. — Мало я имею к тому пособий, особливо при большом недостатке в нашем состоянии. На первый только случай, к новому году только, мне нужно по крайней мере выслать 60 рублей на учебные для меня книги, при которых я еще буду терпеть недостаток, но при неусыпности, при моем железном терпении я надеюсь положить с ними начало по крайней мере, которого уже невозможно бы было сдвинуть, начало великого предначертанного мною здания. — Всё это время я занимаюсь языками. Успех, слава Богу, венчает мои начинания. Но это еще ничто в сравнении с предполагаемым: в остальные полгода я положил себе за непременное — окончить совершенно изучение трех языков. На успех я не могу пожаловаться. От него и от своего неколебимого намерения я много надеюсь. Мне жалко, мне горестно только, что я принужден вас расстроивать и беспокоить, зная наше слишком небогатое состояние, моими просьбами о деньгах[1], и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду иметь неприятную необходимость надоедать вам подобными просьбами чаще прежнего. Но, почтеннейшая маминька, вы, которая каждый час заставляет нас удивляться высокой своей добродетели, своему великодушному самоотвержению единственно для нашего счастия, не старайтесь сохранять для меня имения, к чему мне оно? Только разве на первые два или три года в Петербурге мне будет нужно вспоможение, а далее… разве я не умею трудиться. Разве я не имею твердого неколебимого намерения к достижению цели, с которым можно будет всё побеждать, и эти деньги, которые вы мне будете теперь посылать, не значит ли это отдача в рост с тем, чтоб после получить утроенный капитал с великими процентами. Продайте тот лес большой, который мне назначен. Деньгами, вырученными

[1] моими просьбами о деньгах *вписано.*

за него, можно не только сделать вспоможение мне, но и сестре моей Машиньке. Я как подумаю, что ей, бедной, слишком мало достается на часть, так не лучше ли будет, если разделюсь всем[1] своим имением с нею[2], особливо как буду в Петербурге. Я бы оставил только[3] домик для своего приезду, об меньших сестрах после подумаем. А вы, маминька, осчастливите (чего я надеюсь без сомнения) меня своим пребыванием и спустя каких-нибудь года три после своего бытия в Петербурге, я приеду за вами, вы тогда не оставите меня никогда. Тогда вы будете в Петербурге моим Ангелом Хранителем, и советы ваши, свято мною исполняемые, загладят прошлое легкомыслие моей юности, и тогда-то я буду совершенно счастлив.

Но несносный недосуг не дает мне более времени говорить с вами, и я опять спешу заняться грузом своих упражнений. Ежели приедут Черныша люди, тогда напишу вам обстоятельнее свои виды и поговорю об моей службе. Вместе буду писать и к Павлу Пет<ровичу>, Петр<у> Петр<овичу>, к Машиньке.

Любящий вас более всего на свете сын

Н. Гоголь-Яновский.

Сделайте милость, маминька, поспешите присылкою денег 60 рублей.

74. М. И. Гоголь

1827-го года, декабря 20 дня. Нежин.

Вообразите, почтеннейшая маминька, я опять не могу за поспешностью написать, о чем я говорил в первом письме, которое вы, я думаю, получили. Так неожиданно и так скоро отправляется Данилевский, что я пишу к вам только для того, чтобы объявить вам, что я здравствую, что у меня бездна дел, ни капли времени, и что ожидаю с нетерпением пособия, о котором в прошлом письме упоминал.

Вместе с вашим письмом посылаю и к Машиньке посылочку с книжкою, которую, сделайте милость, отправьте к ней скорее.

Разве по которой-нибудь из следующих почт я буду писать к вам подробнее. Экая досада, я хотел было поговорить об моих намерениях касательно службы, но, видно, уже нужно после.

[1] всем *вписано.*

[2] с нею *вписано.*

[3] *Было начато:* Я оставлю то<лько>

Прощайте, бесценнейшая маминька, не забудьте любящего вас более всего на свете сына

Н. Гоголь-Яновского.

Сделайте милость, почтеннейшая маминька, не замедлите упоминаемых мною в предыдущем письме денег.

<*На обороте:*>

Почтеннейшей маминьке Марье Ивановне Гоголь-Яновской в д<еревне> Васильевке.

1828

75. М. И. Гоголь

<Вторая половина января 1828. Нежин>

Деньги д<ражайшая маминька ---[1] я получил> вчера. По все<й?> --- видно Полта<вская контора?> <задержала пущенное мною по> <?> Миргородской <почте письмо, в котором просил я о> <?> <при>сылке денег --- Я вам говорил --- <о моем усиле>нном занятии <языками> --- Еще с сентября мес<яца> --- мною безостановочно --- успехом сперва мне нуж<но было немного пока я> <?> занимался одним языком --- много усили<ли>сь когда в остав<шееся время?> --- сделать всё то, что мне нужно <было сделать в продолжение> всех лет моего здесь бытия. По<этому мне нужны деньги> а будут еще нужны большие. И теперь --- могли занимать меня все самомале<йшие> <получаемые?> мною деньги употреблял я для своего --- Приспели гораздо большие трудности ---[2] Необходимо нуж<ные пособия к> уразумению языков достать теперь --- <*1 нрзб.*>. Я просил --- <прислать> мне 60 рублей --- <*1 нрзб.*> впредь, уже --- Я умолял вас несчет<ное число раз> --- <К чему со>хранять его для меня --- <м>не такое имение --- <Я не хочу?> <оста>вить себе вещественное <имение?> --- <ста>раться сбыть некоторые --- <ненужные земли и даже продать --- <с>только надежд полагали, что --- <мн>е неизбежным. Ибо: через полгода --- <де>ньги нужны, и большие, особливо на первый --- <мо>гу и своими трудами жить. Машиньке также --- только в пансионе. Ей также

[1] *Дефисами обозначены несохранившиеся и не поддающиеся восстановлению части письма.*

[2] *Далее начато:* даром достать не

нужны --- нужно ей порядочно окупироваться и всегда при том же нужно ей что-нибудь положить <на приданое?> <за?> ней. — Итак вы видите, что его продажа необходима> --- что я воображал, что вы непременно вышлете --- <для мо>их занятий еще до нового года оные 60 рублей --- и расположил я, основываясь на книгах <которые> <собирался?> я купить, всё было у меня распределено, часы назначены, и ни один промежуток времени не долженствовал быть упущен — для этого я решился пожертвовать всеми удовольствиями. Вы помните, с каким ужасным энтузиазмом[1] я всегда желал видеться <с> вами. — Как жарко я всегда хотел ехать на праздник, как это было предметом желаний моих. Я всем этим решился пожертвовать для однообразного, трудного занятия, вечного заточения[2]. — Видно было, что я больше предпочитал тягостное приобретение пользы упоительным радостям веселия, и притом в такое время, когда все веселились. И вообразите: теперь, когда я увидел свой план рушенным, когда, окончив одни занятия, чтобы приняться за другие, я увидел, что мне нечем заниматься, что я не только не получаю от вас желанных денег, но никакого ответа, я принужден был бросить всё. Да и мог ли я заняться чем-нибудь, видевши главное свое неисполненным? Вы не можете вообразить тогдашнего моего бешенства, я был точно сумасшедший, заперся в своей комнате, грыз от досады стол, плакал, бегал от всех; и в уединении от всех разрывался в досадах и медленно начал успокоиваться только с прошествием праздников, но воспоминание о них режет мое сердце.

Я не жалею о тех почти даром ушедших 3 или шести годах, я не понимал этого. — Но в эти три недели, когда я думал столько сделать, когда я так ясно понимал всю важность моих занятий, когда я так пламенно жаждал употребить это самое лучшее время в самую великую пользу, когда нихто не мешал мне, когда эти три недели были важнее для меня четырех месяцев, и видеть все свои надежды разбитыми — о! это ужасно! Но не думайте, почтенней<шая> милая маминька, чтобы я в это время досадовал на вас или хотя малейшее на вас имел неудовольствие, нет, я, собственно, досадовал на себя и наказывал одного себя. Но наказание мое было ужасно.

Я теперь умоляю вас, почтеннейшая маминька, сделайте милость, не оставьте меня так растерзанным, ежели то уже пропало,

[1] стара<нием>
[2] однообразному трудному занятию, вечному заточению

дайте мне силы вознаградить его, мне нужно, кроме тех 20-ти рублей, которые вы прислали и которые я тщательно берегу, еще 80 *восемьдесят* рублей, хотя эта сумма чуть-чуть только меня удовлетворит... — Но вообразите, что вы ее даете мне взаймы, что по прошествии 3 или 4-х лет я вам возвращу ее усотеренную. — Сделайте милость, почтеннейшая маминька, не жалейте моего имения... жалейте своего здоровья, а за малые, теперь претерпеваемые нам в имении уроны, вознаградит<есь?> впоследствии.

Простите бедного вашего сына, ежели он потревожил вас, ежели он нанес вам тысячу новых хлопот, и не сердитесь на него, который ежели что делает, делает для вас и для счастия всего нашего семейства.

Н. Гоголь.

76. М. И. Гоголь

1828-го, март, 1 число. <Нежин>

Я чувствовал, что принесу вам большое неудовольствие своею просьбою, зная трудность выполнения ее. Я точно во многом, очень во многом пред вами виноват, почтеннейшая маминька. Недавно только понял я, что имел нужды не по своему состоянию, и что моей бедности тягостно было удовлетворять и ближайшие издержки; и узнал это тогда, когда потребовались еще нужнейшие, для моих занятий.

Я не говорил никогда, что утерял целые 6 лет даром, скажу только, что нужно удивляться, что я в этом глупом заведении мог столько узнать еще. Вы изъявляли сожаление, что меня в начале не поручили кому, но знаете ли, что для этого нужны были тысячи... Да что бы из этого было? Видел я здесь и тех, которые находились под особенным покровительством: им только лучше ставили классные шары, а в прочем они были глупее прочих, потому что они совершенно ничем не занимались. Я не тревожил вас уведомлением об этом, зная[1], что лучшего воспитания вы дать мне были не в состоянии, и что не во всякое заведение можно было так счастливо на казенный счет попасть. Кроме неискусных преподавателей наук, кроме великого нерадения и пр., здесь языкам совершенно не учат, доказательством сему служат те, которые, приехавши сюда с некоторыми познаниями в языках, выезжали, позабывши последние. Ежели я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе. И потому не нужно удивляться, если

[1] потому что знал

надобились деньги иногда на мои учебные пособия, если не совершенно достиг того, что мне нужно. У меня не было других путеводителей, кроме меня самого, а можно ли самому, без помощи других, совершенствоваться. Но времени для меня впереди еще много, силы и старание имею. Мои труды, хотя я их теперь удвоил, мне не тягостны нимало, напротив, они не другим чем мне служат как развлечением, и будут также служить им и в моей службе, в часы, свободные от других занятий.

Что же касается до бережливости в образе жизни, то будьте уверены, что я буду уметь пользоваться малым. Я больше поиспытал горя и нужд, нежели вы думаете. Я нарочно старался у вас всегда, когда бывал дома, показывать рассеянность, своенравие и проч.[1], чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало был прижимаем злом. Но вряд ли кто вынес столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч. Всё выносил я без упреков, без роптания, никто не слыхал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всех, никто не разгадал меня совершенно. У вас почитают меня своенравным, каким-то несносным педантом, думающим, что он умнее всех, что он создан на другой лад от людей. Верите ли, что я внутренне сам смеялся над собою вместе с вами. Здесь меня называют смиренником, идеалом кроткости и терпения. В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., в третьем — болтлив и докучлив до чрезвычайности. У иных — умен, у других — глуп... Как угодно почитайте меня, но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер, верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня, что никогда не унижался я в душе и что я всю жизнь свою обрек благу. Вы меня называете мечтателем, опрометчивым, как будто бы я внутри сам не смеялся над ними. Нет, я слишком много знаю людей, чтобы быть мечтателем. Уроки, которые я от них получил, останутся навеки неизгладимыми, и они верная порука моего счастия. Вы увидите, что со временем за все их худые дела я буду в состоянии заплатить благодеяниями, потому что зло их мне обратилось в добро. Это непременная истина, что ежели кто порядочно пообтерся, ежели кому всякой раз давали чувствовать крепкий гнет несчастий, тот будет счастливейший[2]

[1] и проч. *вписано.*
[2] *Окончание письма, видимо, утрачено.*

77. М. И. Гоголь

1828-го г. Марта 30 дня. <Нежин>

Извините, почтеннейшая маминька, ежели поздравлю вас с праздником уже на исходе его. Впрочем, вы, я думаю, мало нуждаетеся в письменном моем поздравлении, зная мои чувства, желания, мою благодарность, и вечную признательность за вечно[1] неотблагодаримые ваши попечения. Горько мне, когда вспоминаю, что еще я вам буду стоить великих затруднений, что еще я должен буду принять тягостное для меня благодеяние ваше, потому что я знаю, с каким горьким трудом оно вам обойдется. Знаю, что вам последний раз уже сделать мне вспомоществование; но знаю и то, как трудно из нашего небогатого состояния это сделать. Одною только мыслью утешаю себя, что уже более не нанесу вам подобных затруднений и что, ежели даст Бог, найду способ и силы помогать вам, то есть моим сестрам, потому что вы совершенно посвятили себя нам и ваше счастие полагаете в нашем.

Я думаю, что курс Машиньки уже кончен. Не помню, когда настоящий срок, ежели же он пришел и ежели она уже дома, то известите меня.

Очень меня беспокоит, что я еще принужден вас трудить касательно моей экипировки. Деньги для этого нужно заблаговременно прислать. Казенное теперь всё отберется у нас, и для того на платье потребуется более прежнего. Впрочем, об этом уведомлю вас последующим письмом.

С нетерпением жду видеть вас. Теперь время моего отсутствия продолжается целый год, но тем приятнее будет свидание. Прошу вас уведомить также, будут ли и теперь у нас Петр Петр. и Павел Петрович и где они теперь находятся. Я не забыл еще приятности времени, проведенного вместе.

Желаю вам возможнейшего счастия, здоровья и облегчения трудов ваших.

Весь ваш и весь любящий вас сын

Николай Гоголь-Яновский.

Поклон мой добрым соседям нашим.

78. М. И. Гоголь

1828 год, апреля 7-е. <Нежин>

На сих днях узнал я кой-какие подробности касательно времени окончания нашего курса: в половине июня должно уже всё

[1] вечно *вписано.*

быть приведенну к концу; а потому я буду просить вас, почтеннейшая маминька, деньги на платье (ежели только это не причинит вам большого беспокойства) прислать сколько возможно скорее, чтобы я мог заблаговременно всё приготовить, потому что после не будет минуты свободной. Желал бы, сколько возможно, уменьшить свои нужды (я трепещу, воображая, каким трудом вами достается нам даже необходимое), но, несмотря на мои великие ограничения, менее *200 рублей* не может обойтиться мне мое экипирование. И потому прошу вас покорнейше, ежели можно, выслать мне эту сумму по крайней мере так, чтобы я мог получить 10 мая. Чувствую, скольких стою вам затруднений, но утешаюсь, что вскорости помощь Бога даст мне силы выявить вам мою[1] благодарность сыновнюю, успокоением, удовольствованием драгоценных для нас дней ваших.

У нас еще начало весны, но мне кажется, я не видел лета, которое было бы так жарко. Как несносна для меня эта пора со всегдашнею своею спутницею ленью! Думаю, что в этот год должно ожидать плодородия: зима была прекрасна; дожди шли, дай Бог, чтоб ожидания исполнились, и трудящиеся с[2]

79. М. И. Гоголь

М<есяц> май, 3 число, 1828. Нежин.

Письмо ваше получил я в конце истекшего месяца; оно было для меня прекрасным подарком, и признаюсь, несмотря на мою нелюбовь к вытверженным наставлениям, ваше золотое правило, предписанное мне в конце письма вашего, глубоко врезалось в мое сердце, оно благодетельно было в тогдашнем моем состоянии, и первое мое движение была живая благодарность вашей неусыпной любви к нам.

Жалею очень о болезни сестрицыной, об этакой болезни в первый раз слышу, боюсь, чтобы она не составила каких-либо неприятных следствий.

Крепко досадует меня неисправность наших почтовых экспедиций, получили ли вы письмо мое, пущенное в половине апреля, где я просил вас о присылке двухсот рублей денег на платье. Ежели вы еще их не выслали, то сделайте милость, высылайте как можно поскорей, чтобы мне можно было управиться. Дела теперь столько нам, что, право, подумать страшно. Наши

[1] свою

[2] *Окончание письма неизвестно.*

премудрые наставники, дремавши целый год, вздумали приударить во всю ивановскую. Экзамен будет слишком близко и первых чисел июня должен окончиться. С некоторой стороны это хорошо, оно сблизивает свидание наше, и тем награждает достойно труды мои. Теперь, я думаю, можно уже для меня приготовить бричку попространнее, по крайней мере такую, в какой, помните, я возвращался прошлый год в Нежин, Андрей Андреевич, верно, не откажет в ней, а я июня 10-го совсем уже буду наготове ехать.

Приятно мне очень, что Аниныка умеет читать, я даже удивляюсь, как она могла так скоро выучиться; впрочем, чего не сделает ваша материнская любовь. И я вдвойне теперь обязан вам благодарностью, которую надеюсь почти чрез один только месяц выявить перед вами, как говорят, лично. А до того раз сто целую хотя воздушно ваши ручки и с почтением, с любовью, с благодарностью

остаюсь вечно признательным сыном

Н. Гоголь.

Да, вот было позабыл! Сделайте милость пришлите, да только как можно поскорее маленькие чертежи и планы г-на[1] Кафторова, которые он чертил, будучи еще учеником в полтавской гимназии. Они должны находиться между планами и картинами в шкапу, где были книги.

Деньги, находившиеся при сем последнем письме, я получил.

Не забудьте чертежей. Верите ли, что этот пустяк причиняет мне много беспокойства, самому чертить никак невозможно, работа долгая, а времени нет, а между тем требуют, извините, что я вас, почтеннейшая маминька, так бессовестно беспокою.

80. М. И. Гоголь

1828-го г. М<есяц> май, 16-е число. Нежин.

Письмо и деньги получил все сполна 12-го дня сего месяца и в первый раз подивился исправности полтавской почты. С платьем я уже почти распорядился совсем. Благодарю вас, почтеннейшая маминька, за ваши великие заботы для меня, не стоящего их. Но, впрочем, опасения ваши насчет моего мнимо-ипохондрического состояния в этом месяце напрасны. Я весел и едва ли еще не веселее обыкновенного, хотя даже и отдалили от меня радостный

[1] г-на *вписано.*

день свидания с вами. Как на зло, на теперешний выпуск ожидают нашего графа, и через это мне нельзя раньше 25-го июня оставить Нежин. Впрочем, как мне ни тягостна долгота этого времени, но всё не более она полутора месяца. Не знаю, успею ли я уже до этого времени писать к вам, и для того насчет присылки за мною советую распорядиться, не ожидая от меня другого известия. Главное, мне нужен пространный экипаж, и лучшего не нужно, как тот, в котором я возвращался прошлый год в Нежин. Это была необъятная брыка, которою ездили кибинские камердинеры. Я думаю, ее одной будет достаточно для моего укладу. Притом она слишком легка, сплетена с прутьев, и даже не тряска на ходу. За мною присылайте так, чтобы к 24-му или к 25-му экипаж был уже здесь непременно.

От всей души рад, что Петр Петр. и Павел Петрович теперь у нас. Как бы мне желательно их увидеть еще у нас дома; я во многом виноват против них; только лично могу испросить у них прощения. — Поблагодарите Павла Петровича за то, что он не забывает меня. С жадностью перечитывал его записочку. Но вы меня так напугали скорым их выездом, что я не знаю, застало бы ли письмо мое их. — Ах, если бы они подождали месяца два! Зачем уезжать в такое[1] прекрасное время? Мне всё кажется, что мы проведем вместе это время все и многолюднее, и шумнее, и веселее, чем когда-либо. Дай Бог, чтобы это сбылось! Я думаю, сестра уже до сих пор дома. Сделайте милость, приневольте ее написать ко мне. Она изволит жаловаться, что я к ней не пишу; а мне кажется, что этот грех за ней: на два письма мои она ни слова.

Простите, почтеннейшая маминька, до недолгого времени.

Ваш вечно признательный сын

Ник<олай> Гоголь.

Чувствительнейше благодарю Варвару Петровну за незабытие меня и надеюсь принесть благодарность настоящую сам.

Мое почтение бабушке, дед<ушке> Ивану Матв<еевичу>, Марье Или<ничне>, всем родным и знакомым.

81. М. И. Гоголь

1828, май, 30-е число, Нежин.

Вчера я получил ваше письмо, почтеннейшая маминька, пущенное вами 23-го мая. Удивляюсь, как вы не получили

[1] этакое

другого письма моего, отправленного немедленно вслед за тем, где я писал, что экзамен нам отсрочен и что я могу 25 только июня ехать. — Боясь в самом деле, чтобы вы не успели выслать, я предуведомляю вас, что нужно выслать к 25 июню, которого числа я уже совершенно свободен. Досадно ужасно, что меня так обманули; но, впрочем, и 25-е недолго, и я таки скоро буду у ваших ног. Прощайте, почтеннейшая маминька, с надеждою скорого свиданья, остаюсь вечно признательный ваш сын

Николай Гоголь.

Сестру благодарю и поздравляю с новосельем, родиной и курами. Только странная привычка до сих пор величать меня словом *вы*. Мы, кажется, оба одних лет. Ежели еще она не старше меня, в отношении к своему полу. Впрочем, целую ее несчетно раз.

До свидания.

82. А. С. Данилевскому

<2 сентября 1828. Васильевка>

Извини, друг мой, что я не сей час, по приезде моем, являюсь к тебе. Лошади наши все выморенны ужасно, колесивши из Полтавы по всем окрестностям. Теперь решаюсь просить тебя — между нами нет светских обычаев, надеюсь, ты не рассердишься, что я, не сделавши контрвизита, решаюсь на такую смелость. Но, впрочем, я имею кое-что тебе порассказать. — Приезжай, если тебе мила наша беседа, которая так радовала меня прошлый раз, если тебе мил старый друг и бутылка мадеры.

Твой Н. Гоголь.

83. Павлу П. Косяровскому

Сентября 2-го. <1828. Васильевка>

Благодарю вас, милый Павел Петрович, благодарю вас, дядько, за письмо ваше, за вашу память обо мне. Ежели бы вы знали, как мне дуже не добре вас не видеть. Вообразите, что я один без всякого камрада скучаю в Васильевке. Я весь в каком-то бесчувствии, и только порою воспоминание о нашей благословенной веселой троице, обитавшей на верхнем жилье купно в здравии <и> благоденствии, шевелит мои думы. Но всё там угрюмо, пусто, ни стола, ни стула, и даже самый наш шаткий паркет разобран при расташовке ярмонки на ятки; один только Дорогой остался

верен своему бывшему пристанищу и на зло за то, что его часто оттуда прежде гоняли, храпит там безотлучно. Я же с Сюськой перебрался в теплейшую комнату, в соседней к бабушке, отгородился от нее ширмами, потому что испарения бабы и косолапой девы, ее прислужниц, почивающих в сенях, разят убийственно в мои полуоткрытые двери. Впрочем, моя квартира не совсем дурна; не знаю, какова ваша. Да что вы в самом деле не сообщили нам своих разговоров с Императрицею? Здесь носятся слухи, что вы приняли ее очень милостиво и благоволите к ней. Но довольно уже. Новостей никаких не имею, чтобы рассказать вам, а разве вы не порасскажете ли чего-нибудь нам животрепящего. Когда-то вы окончите дела свои и Васильевка увидит вас на лоне своем, вдвое веселее, вчетверо беззаботнее, вшестеро счастливее и всё так же нас любящего.

В надежде осуществления всего этого,
остаюся до свидания ваш
Сахарный племянничек

Н. Гоголь-Яновский.

84. Петру П. Косяровскому

Сентября 8-е <1828. Васильевка>

Извините, почтеннейший Петр Петрович, что я не писал к вам, я не знал, что и мое письмо будет служить вам не лишним, я всегда думал: не нужно там тратить слов, где нужны дела — что же, буду писать к вам. Если бы мое письмо хотя на миг заставило вас позабыть вашу скуку, тогда бы я был счастлив, я бы не потратил тогда слов даром. Теперь у нас ярмонка, и хотя его высокопревос<ходительство> не благоволил приехать, но мы провели время всё-таки недурно, беспрестанно разъезжали по ярмонке и разорялися в пух... я один промотал пару целковых. Но она выгоднее всего была нашим людям, потому что все покупки шли им. В Ересках я уже не помню, когда был. Недавно только воротился из Кременчуга, где также была ярмонка и где более всего я промотался на вина и на закуски. Но как теперь ересковских гостей не было, то весь этот запас остался нам на всё годовое продовольствие. В праздник храмовой нашей церкви мы пили-таки винцо доброе, вспоминали вас, сочтя неполное наше семейство. Зачем вы оторвались от нас, от тех, которые думали и привыкли с вами не расставаться? Раз застал я[1] нашу редкую маминьку в слезах над письмом вашим,

[1] *Далее было:* маминьку

в котором, по словам ее, заключался упрек на молчание, между тем как она давно уже отправила письмо к вам; целый тот вечер мы ни о чем больше не говорили, как только об вас. Воспоминания кучею теснились на ум; тогда только увидел я, сколько все наши любят вас, и мне пришла в голову счастливая мысль, но которая вскоре разрушилась, когда я услышал, что будто вы уже располагаете покинуть[1] навсегда Малороссию. Неужели вы в состоянии оставить тех, которые так вас любят? Зачем же было нас всех так привязать к себе, чтобы удаление ваше потом навело нам горькую печаль? Я еду в Петербург непременно в начале зимы, а оттуда Бог знает, куда меня занесет, весьма может быть, что попаду в чужие края, что обо мне не будет ни слуху, ни духу несколько лет, и признаюсь, меня самого не берет охота ворочаться когда-либо домой, особливо бывши несколько раз свидетель, как эта необыкновенная мать наша бьется, мучится иногда даже об какой-нибудь копейке, как эти беспокойства убийственно разрушают ее здоровье, и всё для того, чтобы доставить нужное нам и удовлетворить даже прихотям нашим. Как разрывалося у меня сердце, глядя на такие труды и вспоминая, что я сам часто употреблял во зло. — Кто же в это время моего отсутствия может заставить ее быть спокойною, когда прибавляется ей еще новая печаль, беспрестанные заботы и часто печальные мысли на счет отсутствующего? Я прошу вас, я умоляю, заклинаю и родством и приязнию и всем, что только может подвигнуть ваше доброе сердце, не оставьте нас, отмените свое грозное намерение и, совершивши свое достойное дело, приезжайте в Васильевку, будьте Ангел-утешитель нашей матери. Вы всегда были помощником ей и в хозяйстве и во всем добром, вы и теперь облегчите ее заботы. Я с своей стороны почти всё сделал, денег беру с собой немного, чтобы стало на проезд и на первое обзаведение; а для обеспечения ее состояния отказываюсь от своего наследия и теперь занимаюсь составлением дарственной записи, по которой часть имения, принадлежащего по завещанию мне, с домом, садом, лесом и прудами, оставляется матери моей в вечное владение. Не по легкомыслию, не по какому-либо безрассудительному хотению это сделаю, но самое благоразумие этого требует. Нужно всё предполагать. Может быть, и весьма вероятно, что в самом деле я отлучусь и слишком далеко (это и есть мое намерение), обо мне не будет и слуху, между тем уплывет десять лет, законная давность — почему знать, каковы еще будут мои сестры, может быть, жадные наследники не дадут ей

[1] покинуть уже

и места, где бы преклонить голову. Вы знаете этого алчного попа от<ца> Меркурия, который с такою жадностию следит наше имение, и который, пользуясь правом родства, уже зажилил порядочный кусок, чего они не сделают с женщиною, хотя благоразумною, но всё-таки не имеющею достаточной твердости для состязания с этими закоснелыми грабителями. Что касается до меня, ежели найду свое счастие, ежели приду в состояние помочь своим родственникам и сестрам — приеду. Ежели нет — потерплю нужду, а кого нужда не совершенствует и не делает богатым? притом же до слишком большой нужды не доеду. Ежели для постоянного приобретения знаний не буду иметь всех способов, могу прибегнуть покуда к другому, вы еще не знаете всех моих достоинств. Я знаю кой-какие ремесла. Хороший портной, недурно раскрашиваю стены алфрескою живописью, работаю на кухне и много кой-чего уже разумею из поваренного искусства; вы думаете, что я шучу, спросите нарочно у маминьки, а что еще более, за что я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпение, которыми я прежде мало обладал, теперь ничего из начатого мною я не оставляю, пока совершенно не окончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обеспечить вас на счет моей будущей участи. Итак, хлеб у меня будет всегда. Дай только Бог, чтобы исполнили вы нашу просьбу, меня всё уверяет, что не оставите нас, что вы будете жить вместе с нами, что вы не оставите безутешную. Вы не забудете, извините, ежели смею сказать, свой долг (хотя мы вам одолжены всем) быть с теми, которые так любят и которые рады[1] бы пожертвовать всем, чтобы возвратить к себе милого родственника[2]. Дай Бог вам возможного счастия и иногда, хотя редко, легкой памяти обо мне.

Прощайте, милый дядинька! Как бы мне хотелось еще раз обнять вас.

Н. Гоголь-Яновский.

<*На обороте:*>

Его благородию Петру Петровичу Косяровскому в Одессу.

[1] рады будут

[2] возвратить вас к себе.

85. Директору Гимназии высших наук кн. Безбородко Д. Е. Ясновскому

<10 октября 1828. Нежин>

Его высокоблагородию господину директору
Гимназии высших наук князя Безбородко
и кавалеру Даниилу Эмельяновичу Ясновскому.
От окончившего курс наук в этой гимназии
Николая Васильева сына Гоголя-Яновского

Прошение

Желая определиться в государственную службу, прошу всепокорнейше вашего высокоблагородия до выдачи надлежащего аттестата снабдить меня свидетельством об учении и поведении моем.

Николай Гоголь-Яновский.

1828 года
октября 10 дня.
г. Нежин.

86. Петру П. Косяровскому

Декабря 2-го 1828-го года. Васильевка.

Приехавши в мирное убежище мое, с сердечным удовольствием принимаюсь за перо, чтобы хотя мысленно беседовать с вами. Как жаль, что первое ваше письмо от 27-го октября долго залежало на почте, несмотря на то, что каждую неделю два раза посылала справляться в Полтаву, не понимаю, отчего это случилось, верно, люди обманывали меня, когда забывали ходить на почту, а вы бы, верно, о сю пору получили мой ответ на него.

Прошу вас усерднейше, добрый и милый мой братец Петр Петрович, нимало не беспокоиться на счет долгу, я уже всё сделала, что должно было, не нужно посылать процентов, вам деньги необходимы, покуда вы вступите в службу, а тогда, пожалуй, присылайте лишние ко мне, мне приятно будет вам быть обязанной, и, если Богу угодно будет, что мы увидимся, чрез то и вам могу быть полезной в случае нужды. При чтении этих строк вы, верно, будете довольны, мой голубчик, что соглашаюсь принимать от вас деньги, судя по себе, я так воображаю об вас. Будучи в Яресках, написала я вам записку, воображая, что то письмо прежде моего вы получите, но не удалось отправить оттуда на почту и я взяла сюда, чтобы вместе и с своим отправить. Сколько мне теперь затруднений, мой друг, выпроважая

Николиньку, один Бог только видит, и Он один меня поддерживает. В Кибинцах мы провели время и приятно и грустно, приятно потому, что я имела комнатку, где могла свободно предаваться своим мыслям и обдумывать свои планы. Я просила, чтобы мне дали в гостином флигеле комнатку, вместе с моей Машей, для того, что с Ольгой Дмитриевной мне надобно бы помещаться и с Капнистами и другими женщинами и поздно слишком ложиться, потому что все молодые люди после ужина всегда во флигеле собираются, а для моей Машиньки не годится поздно ложиться, и мы от ужина тотчас уходили в свою квартиру, в которой чрез стену жила сама Софья Александровна; и для того я вам на такой дурной бумаге написала, что боялась задержать человека, покуда принесут мне лучшей бумаги, и Дмитрий Прокофьевич, отдав свои письма, тотчас велел отправлять на почту. Один Андрей Андреевич истинно как родной брат со мной обходился там, а более никто, мне казалось, что ужаснейшая зависть меня окружала, впрочем, может, я и ошибаюсь, Бог знает, кажется, совсем нечего мне завидовать. Я ожидаю единственной и самой большой помощи от благодетеля моего Дмитрия Прокофьевича, рекомендательных писем для моего сына к тем особам, которые будут ему нужны, а более никакой помощи я не надеюсь, потому что слишком уже стараются отдалять меня от его сердца. О люди, я теперь только их узнаю, прежде мне никогда в голову не приходило, чтобы можно говорить и писать не то, что чувствовать, но оставим их в покое, Бог с ними. В наших местах теперь падеж на скот, и я лишилась более сорока штук самых лучших и не знаю, останется ли что-нибудь мне на развод, но я нимало об этом не беспокоюсь, Богу так угодно было, а я во всем Ему повинуюсь. Никоша мой хочет непременно чрез четыре дня выехать, хотя еще не всё ему готово, но никак уж не могу его удержать более, надобно определиться ему до нового году. Пожалуста, мой милый друг, напишите мне, когда будете выезжать из Одессы, я между тем буду трепетать каждую минуту получить его, тогда настанет для меня новое беспокойство; ни в каких случаях не бываю я так малодушна, как тогда, как близкие сердцу моему находятся в опасности. Ради Бога пишите мне почаще, каждую почту, из того места, где вы будете стоять на квартирах. Прощайте, надеюсь на Бога, что Он пошлет вам Ангела Хранителя сберегать вашу жизнь и здоровье для нежно любящих вас родных. Навек преданная вам сестра и друг.

Представьте себе, мой милый друг! что я, получа ваши письма, о сю пору не была еще у родителей моих, не могу никак

уделить времени поехать к ним, столько имею хлопот. Маминька моя Тетьяна Семеновна вам усерднейше кланяется, дети мои малинькие цалуют вас и просят приезжать к ним скорее говорить сказки. Совет мой был брату Павлу Петровичу подан в самой крайности, когда меня потревожили неисполнением его желания вступить в военную службу, а штатской я знаю, что он не любит, что же тогда оставалось бы делать? Но слава Богу, что то была ложь.

Марья Гоголь-Яновская.

Отъезжая уже в свою дорогу, почитаю обязанностью и долгом проститься с вами, почтеннейший Петр Петрович, благодарить вас за вашу приязнь, за ваше дружеское расположение, за вашу помощь всем нам, которую всегда готово было оказывать ваше редкое сердце, наконец пожелать вам возможного счастия, достойнейшей награды за добродетель. Неугасимо во мне пылает благодарность, и дай Бог, чтобы она выразилась со временем не в пустых словах, а до того будьте уверены, почтеннейший, любезнейший дядинька, что никогда не изглажу из сердца того должного почтения и преданности, с котор<ыми> имею честь быть

неизменно вам преданным, вечно признательным

Н. Гоголь-Яновс<ким>.

Из Петербурга буду писать к вам, теперь я приготовляюсь и укладываюсь.

Не знаю, буду ли я иметь удовольствие писать к вам еще, пользуюсь сим случаем, чтоб пожелать вам совершенного здоровья и успеха во всех Ваших желаниях и благополучно возвратиться к нам, любезный и добрый дядинька Петр Петрович! чего желает от всей души Ваша усерднейшая племянница

Марья Гоголь.

87. А. С. Данилевскому

<12 декабря 1828. Васильевка>

Как только от тебя приехал, то уже всё было готово. В ту же ночь Симон приехал с подорожнею и кибиткой, и если бы не проклятая невзгода, то я вчера совсем бы выехал. Теперь же снег посыпал. Приезжай сей час, позавтракаем у нас, у вас пообедаем, а на ночь в Кибенцы.

Н<иколай>.

1829

88. М. И. Гоголь

С.-Петербург. Янв<арь>. 1829, 3 число.

Я много виноват пред вами, почтеннейшая маминька, что не писал вам тотчас по моем прибытии в столицу. На меня напала хандра или другое подобное, и я уже около недели сижу, поджавши руки и ничего не делаю. Не от неудач ли это, которые меня совершенно обравнодушили ко всему. Из числа их первая, что Лог<гин> Иван<ович> Кутузов был во всё это время опасно болен, и я до сих пор не являлся. Теперь узнал я, что ему легче и послезавтра предстану. Из прочих же, к кому письма имел, нашел одного только Ив<ана> Косяровского, от которого думал выведать несколько сведений насчет житья в Петербурге. Но он хотя живет здесь долго, но столько же знает толку, сколько и всякой провинциал, не понимаю, как они живут здесь, ничего не видя и не слыша.

Скажу еще, что Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы. Жить здесь не совсем по-свински, т. е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы плотим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. Съестные припасы также не дешевы, выключая одной только дичи (которая, разумеется, лакомство не для нашего брата). Картофель продается десятками, десяток луковиц репы стоит 30 коп.... Это всё заставляет меня жить, как в пустыне, я принужден отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр. Если я пойду раз, то уже буду ходить часто, а это для меня накладно, т. е. для моего неплотного кармана. В одной дороге издержано мною триста с лишком, да здесь покупка фрака и панталон стоила мне двух сот, да сотня уехала на шляпу[1], на сапоги, перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мелочи, да на переделку шинели и на покупку к ней воротника до 80 рублей. К этому прибавить нужно, что начиная от Чернигова до самого Петербурга и в самом Петербурге рубль серебром ходит без двадцати пяти копеек, следовательно, и тут я потерпел

[1] *Далее было:* на карету

убыток. Комиссия мне была с письмами — ни на одном не написано адреса, и я принужден был нанимать мошенников здешних комиссионеров для отыскания их квартир, которые дерут предорого и ни на грош не приносят пользы.

Извините... Не могу более писать. На первый раз довольно. Ваш покорнейший, навек вам преданный сын

Н. Гоголь.

Адрес мой III-й Адмиральтейской части на Гороховой улице подле Семеновского моста в доме купца Галыбина[1] <?> под № 130.

89. М. И. Гоголь

<Март 1829. Санкт-Петербург>

--- Вы мне советуете не беспокоить Логгина Ивановича моим определением: оно бы и хорошо, когда бы я мог ничего не есть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапог, но так как я не имею сих талантов, то есть жить воздухом, то и скучаю своим бездействием, сидя в холодной комнате и имея величайшее несчастие просить у вас денег, знавши теперешние ваши обстоятельства --- Не даром я не любил никаких протекций: без них я давно бы определился к месту. ---

90. М. И. Гоголь

30 апреля <1829>. С.-Петербург.

В сей день я только получил ваше письмо с деньгами; около двадцати дней шло оно, да более недели пролежало уже здесь на почте по той причине, что я переменил прежнюю свою квартиру. Вы не ошиблись, почтеннейшая маминька, я точно сильно нуждался в это время, но, впрочем, всё это пустое; что за беда посидеть какую-нибудь неделю без обеда, того ли еще будет на жизненном пути, всего понаберешься, знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всотеро раз было более нужд, и тогда они бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дороге. Вы не поверите, как много в Петербурге издерживается денег. Несмотря на то, что я отказываюсь почти от всех удовольствий, что уже не франчу платьем, как было дома, имею только пару чистого платья для праздника или для выхода и халат для будня; — что я тоже обедаю и питаюсь не слишком роскошно, и несмотря на это всё

[1] *В подлиннике:* Галибына

по расчету менее 120 рублей никогда мне не обходится в месяц. Как в этаком случае не приняться за ум, за вымысел, как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире, вот я и решился... Когда наши в поле — не робеют[1]. Но как много еще и от меня закрыто тайною, и я нестерпением желаю вздернуть таинственный покров, то в следующем письме извещу вас о удачах или неудачах.

Теперь же расскажу вам слова два о Петербурге. Вы, казалось мне, всегда интересовались знать его и восхищались им. Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь объиностранились и сделались ни тем ни другим. Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, всё служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, всё подавлено, всё погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их. Забавна очень встреча с ними на проспектах, тротуарах; они до того бывают заняты мыслями, что, поровнявшись с кем-нибудь из них, слышишь, как он бранится и разговаривает сам с собою, иной приправляет телодвижениями и размашками рук. Петербург город довольно велик; если вы захотите пройтиться по улицам его, площадям и островам в разных направлениях, то вы наверно пройдете более 100 верст и, несмотря на такую его обширность, вы можете иметь под рукою всё нужное, не засылая далеко, даже в том самом доме. Дома здесь большие, особливо в главных частях города, но не высоки, большею частию в три и четыре этажа, редко очень бывают в пять, в шесть только четыре или пять по всей столице, во многих домах находится очень много вывесок. Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, дегатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку, и наконец привилегированную повивальную бабку. Натурально что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу на четвертом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно. Когда еще стоял я вместе с Данилевским, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что тогда

[1] Когда ~ не робеют *вписано на полях.*

платили пополам, за то самое я плачу теперь один. Но, впрочем, мои работы повернулись и я, наблюдая внимательно за ними, надеюсь в недолгом времени добыть же что-нибудь; если получу верный и несомненный успех, напишу к вам об этом подробнее.

В Петербурге много гуляний. Зимою прохаживаются все праздношатающиеся от двенадцати до двух часов (в это время служащие заняты) по Невскому проспекту. Весною же, если только это время можно назвать весною, потому что деревья до сих пор еще не оделись зеленью, гуляют в Екатерингофе, Летнем саду и Адмиралтейском бульваре. Все эти однако ж гулянья несносны, особливо екатерингофское первое мая, всё удовольствие состоит в том, что прогуливающиеся садятся в кареты, которых ряд тянется более нежели на 10 верст и притом так тесно, что лошадиные морды задней кареты дружески целуются с богато убранными длинными гайдуками. Эти кареты беспрестанно строятся полицейскими чиновниками и иногда приостанавливаются по целым часам для соблюдения порядка, и всё это для того, чтобы объехать кругом Екатерингоф и возвратиться чинным порядком назад, не вставая из карет. И я было направил смиренные стопы свои, но, обхваченный облаком пыли и едва дыша от тесноты, возвратился вспять. В это время Петербург начинает пустеть, все разъезжаются по дачам и деревням на весну и лето. Ночи теперь не продолжаются более часу, летом их и совсем не будет, только промежуток между захождением и восхождением солнца бывает занят столкнувшимися двумя зарями, вечернею и утреннею, и не похож ни на вечер ни на утро.

Но на первый раз довольно об Петербурге. В другом письме еще я поговорю об нем. Теперь вы, почтеннейшая маминька, мой добрый Ангел Хранитель, теперь вас прошу, в свою очередь, сделать для меня величайшее из одолжений. Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи[1] и нравы малороссиян наших, и потому я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это всё называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиан; равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими[2] девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками.

[1] обычаев

[2] крестьянскими *вписано.*

Вторая статья: название точное и верное платья, носимого до времен гетманских. Вы помните, раз мы видели в нашей церкве одну девку, одетую таким образом. Об этом можно будет расспросить старожилов; я думаю, Анна Матвеевна или Агафия Матв<еевна> много знают кое-чего из давних годов.

Еще обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей; об этом можно расспросить Демьяна (кажется, так его зовут, прозвания не вспомню), которого мы видели учредителем свадьб и который знал, по-видимому, все возможные поверья и обычаи. Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. Всё это будет для меня чрезвычайно занимательно. На этот случай, и чтобы вам не было тягостно, великодушная, добрая моя маминька, советую иметь корреспондентов в разных местах нашего повета. Александра Федоровна, которой сметливости и тонким замечаниям я всегда удивлялся, может в этом случае оказать нам очень большую помощь. Скажите ей, что я при моем заочном[1] поцалуе ее ручки не забыл моего обещания касательно филейных иголок, но в Британском Магазине оне все вышли, а русских я не хочу покупать, чуть только доставят их в здешнюю биржу, тот же час повергну их к рукам ее. Хотелось бы мне очень моей милой сестрице Марье Васильевне прислать чего-нибудь, но, Бог видит, не могу, проклятая болезнь, посетившая было меня при вскрытии Невы, помогла еще более истреблению денег, но как только сколько-нибудь разживемся, то непременно вышлем что-нибудь из[2] заграничных диковинок.

Здоровы ли все наши? Свидетельствую мое почтение Дедушке. (Скажите пожалуста, что его тяжба? имеет ли конец), Бабушке Марье Илиничне, также и Анне Матвеевне, — а в заключение всем добрым, искренно вас любящим соседям. — Поцалуйте за меня Аничку. Сделайте милость, прилагайте всевозможное старанье о воспитании этого умного дитяти, тайное какое-то предчувствие мне предрекает, что от него много можно[3] ожидать. Также[4] шалунью Лизу, с тем только, чтоб она не пук. . .[5]

[1] заочном *вписано.*

[2] что-нибудь из *вписано.*

[3] можно *вписано вместо:* нужно

[4] Также *вписано.*

[5] *Так в автографе.*

Еще прошу вас выслать мне две папинькины малороссийские комедии: Овца-Собака и Романа с Параскою. Здесь так занимает всех[1] всё малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из[2] <н>их поставить на здешний театр. За это, по крайней мере, достался бы мне хотя небольшой сбор; а по моему мнению, ничего не должно пренебрегать — на всё нужно обращать внимания, если в одном неудача, можно прибегнуть к другому, в другом, к третьему и так далее. Самая малость иногда служит большою помощью.

Прошу вас также, маминька, так как переписка наша теперь пойдет деятельнее,[3] писать два раза в месяц, тем более, что сами наблюдения ваши того требуют.

С истин<н>ым почтением и вечной признательностию
ваш истинно любящий вас сын

Н. Гоголь.

91. М. И. Гоголь

1829, мая 22-го. Санктпетербург.

Нынешние известия письма моего не будут слишком утешительны для вас, почтеннейшая маминька. Мои надежды (разумеется, малая часть оных) не выполнились; хорошо же, что я не вдавался уверительно им, хорошо, что я имею достаточный запас сомнения во всем, могущем случиться. Всё состояло в следующем: мои небольшие способности были призрены, и мне представлялся прекрасный случай ехать в чужие краи. Это путешествие, сопряженное обыкновенно[4] с величайшими издержками, мне ничего не стоило[5], всё бы за меня было заплачено, и малейшие мои нужды во время пути долженствовали быть удовлетворяемы. Но вообразите мое несчастие, нужно же этому случиться. Великодушный друг мой, доставлявший мне всё это,[6] скоропостижно умер, его намерения и мои предположения лопнули. И я теперь[7] испытываю величайший яд горести, но она не от неудачи, а оттого, что я имел одно[8] существо,

[1] *Далее было:* мало<российское>
[2] одну из *вписано.*
[3] *Далее было:* то
[4] сопряжено было
[5] ничего бы не стоило
[6] *Далее было:* к несчастью
[7] *Далее начато:* в величайшей
[8] одно *вписано.*

к которому истинно привязался было навсегда и небу угодно было лишить меня его.

Итак я остаюсь теперь в Петербурге. Мне предлагают место с 1000 рублей жалованья в год. Но за цену ли, едва могущую выкупить годовой наем квартиры и стола, мне должно продать свое здоровье и драгоценное время? и на совершенные пустяки, на что это похоже? в день иметь свободного времени не более, как два часа, а прочее время не отходить от стола и переписывать старые бредни и глупости господ столоначальников и проч[1]., в которых мне столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому в сухом дереве, на котором нет ни хорошего листу, ни рясных ветвей. Итак я стою в раздумьи на жизненном пути, ожидая решения еще некоторым моим ожиданиям. Может быть, на днях откроется место немного выгоднее и благороднее, но признаюсь, ежели и там мне нужно будет употребить столько времени на глупые занятия, то я — слуга покорный.

Наконец я принужден снова просить у вас, добрая, великодушная моя маминька, вспомоществования. Чувствую, что в это время это будет почти невозможно вам, но всеми силами постараюсь не докучать вам более, дайте только мне еще несколько времени укорениться здесь, тогда надеюсь как-нибудь зажить своим состоянием. Денег мне необходимо нужно теперь триста рублей. Я думаю, вы не забудете моей просьбы извещать меня постоянно об обычаях малороссиан. Я всё с нетерпением ожидаю вашего письма. Время свое я так расположил, что и самое отдохновение, если не теперь, то вскорости принесет мне существенную пользу. Между прочим я прошу узнать вас, почтеннейшая маминька[2], теперь о некоторых играх, из карточных: у *Панхвиля* как играть и в чем состоит он, равным образом, что за игра *пашок, семь листов;* из хороводных в *хрещика,* в *журавля.* Если знаете другие какие, то не премините. У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых[3] участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите меня которою-нибудь из них.

Получивши ваше письмо, я буду иметь возможность распространиться более и известить вас о чем-нибудь из наших петербургских новинок. Приход весны в нашу пыльную[4] столицу,

[1] господ ~ и проч. *вписано.*
[2] вас ~ маминька *вписано.*
[3] где
[4] пыльную *вписано.*

которая вовсе не похожа на весну, заставляет меня[1] с сожалением вспоминать о нашей малороссийской весне. Но не раньше, как разве в весну будущего года, удастся мне хотя на мгновение заглянуть к вам. Дай Бог, чтобы до того времени всё было спокойно и мирно в вашем владении и чтобы заботы, а особливо неприятности, менее всего смущали драгоценное для меня[2] спокойствие ваше и здоровье. Может быть, мы будем жить когда-нибудь вместе, что всегда было моим пламеннейшим желанием, и тогда я постараюсь всеми силами выполнить священную обязанность к матери и к другу своему, так как прежде не имел сил выполнять ее.

Вечно и неизменно любящий вас сын

Н. Гоголь-Яновский.

Мой адрес: на Большой Мещанской в доме карет<ного> маст<ера> Иохима.

92. М. И. Гоголь — Н. В. Гоголю

Отрывки

<4 июня 1829. Васильевка>

Головной убор у девки *стрічки,* т. е. ленты, а *гальонка* золотая сверх стрічок, а у женщин *кораблик,* отлично хорошо сделан. Вершок его из суто золотой парчи (или насипу) и кажется скованным из золота, и как он на затылке вырезан, то видно из-под него золотой *очіпок;* околица широкая вокруг головы [и] с двумя рожками: один напереди, другой назади, из черного, самого мелкого, хорошего смушка. Другой женской голов<ной> убор, называемый *кибалка,* похож несколько на русской женской наряд, называемый *сорока,* только у них выдался вверх, у нас вниз и поля несравне<нно> шире.

На зиму женщины в старину надевали шапку, сделанную <в> род<е> нынешних дамских теплых шапочек, только вместо блонды или газу обшиваются соболями и на таком же меху, а беднее — куньим мехом.

Свадебные обряды начинаются тем, что молодая идет просить на коровай, говоря: «Прохав батько і мати і я прошу на хліб, на сіль і на коровай». Сие делает и молодой, каждый розно по своим избам; для сего наряжаются женщины в чистых, тонких,

[1] нас

[2] драгоценное для меня *вписано.*

по всему рукаву вышитых рубашках, и когда все они соберутся, то учредитель порядка, называемый у них дружко, а иногда еще и поддружий (но до сего дело редко доходит), является и говорит сидящим здесь старостам: «Старосто, пане подстаросто, благослови коровай ліпить!» Повторивши сие 3 раза, получают ответ: «Боже благослови!» все 3 разы. Коровай делают на диже, а по-ихнему на вики, положа на дно коровая несколько медных денег; при дележе его вся нижняя часть вместе с упомянутыми деньгами достается музыкантам. Вокруг коровая засветят 4 восковые свечи, прилепленных к диже, содят его без крышки в печь, а вико надевают на дижу. Берут 6 человек: 4 мужч<ин> и 2 женщины и, подымая дижу вверх, бьют ею в потолок 3 раза (причем за каждым разом должны целоваться навкрест), пропоя: «Ой, піч стоїть на сохах, а діжу носять ни руках, пече ж наша, пече, спечімо коровай грече».

После сего молодая отправляется просить дружек, заходит с ними к молодому, вьет ильце, состоящее из изрубленной верхушки вишни, погруженной в целый ржаной хлеб, привязывая на каждую веточку жито пучками, также ягоды калины, а иногда облепливают сии ветки фигурно тестом, обмалевывают его синею и красною краскою, утыкивают цветной бумагою, а у богатых ор<ехами?>, вешают вызолоченные грецкие орехи. Оконча сие ильце, идут к молодой и у нее также свивают.

Потом дружно спрашивает старостов, ставши в сенях перед дверью хаты, махая крестообразно хусткой на дверях (состоящей из куска холстины тонкой, вышитой шелком), словами: староста на старостей, благослови молоду<ю> за стол вести. Он отвечает, как и выше сего сказано. После чего молодая берет за конец хустки, идет, и содят ее за стол. Подле нее усаживаются дружки и поют разные приличные тому песни. У молодого таким же образом <?> содят его бояры и сей день оканчивается ужином.

В воскресенье, т. е. на другой день, венчаются и расходятся молодые по своим домам и обедают каждый у себя, угощая. У молодого играет музыка. После обеда молодая с своими дружками идет к молодому и там танцуют два часа и более; возвращаясь домой, находит отца и мать сидящих вместе; у ног их расстилается кожух вверх шерстью, и молодая, поклонясь им по три раза, с благословением старост усаживается за стол, за которым лежит на лавке кожух сложенный или лыжник (ихнее одеяло, сотканное из шерсти, очень толсто напряденной), и на нем она должна сидеть до приходу молодого, для которого оставляется место. Дружки

ей поют. В сие время молодого дружко ведет в церковь, скоро, не оглядываясь, или бежит молодой: должен целовать замок дверей церковных и возвращается таким же порядком домой, где его мать должна выпроводить к молодой и с ним свитилку, родственницу его, девку, которая держит в руках саблю и на ней прилеплены 2 восковые свечи (смеренные с молодых во весь рост), самые тоненькие, сплетенные вместе, свернутые в кружок и засвещенные. Кругом сабли васильки, калина, обвернутые хусткою.

Свашка, женщина из его же родных, отправляется с молодым, держа в наволочке подарки: отцу молодой — шапка, матери — чоботы, сестре — черевики и два аршина красной ленты, дядям — поясы и всем родственникам по 1 аршину ленты, присоединяя каждому из них пряник или шишку.

Бояре и весь называемый ими посад молодого отправляются к молодой, останавливаются у ворот и посылают дружка, который несет кувшин, наполненный брагой (род хлебного квасу) с овсом и покрытый шишкой; посланный, приходя к молодой, кланяется, говоря: кланяється сват свасі (т. е. отец молодого матери молодой), сваха сватові, молодий молодому, а бояри дружкам, после чего возвращается с тем кувшином назад и сие должен повторить еще два раза; за третьим разом придут уже два дружка и поддружий, тогда уже берут у них кувшин, дают им вымыть руки и вытереть рушниками, которые они один другому перевяжут через плеча и выходят к молодому; потом весь его поезд приступает к хате молодой; у дверей, пред сенями, останавливается, где стоит ослонь (деревянная скамейка) и на нем ведро браги. Мать молодой выезжает, сидя верхом на кочерге, в вывороченном кожухе, надетом на голову, и наверху шапка; в руках держит она подситок с овсом и орехами, разбегается и обсыпает молодого. Это значит: она пугает его; после дает ему тот самый кувшин с овсом и брагой, принесенной дружком, который молодой отдает своему боярину, а тот бросает через хату, и когда он на другой <стороне?> хаты остается цел (когда же разобьется — это хороший знак), тогда он берет его и, просверля на дне дырочку, дает дружкам из него пить, придавливая донышко пальцем, а как возьмут дружки, то и обольются, тогда все подымают смех над обманутыми. Это тогда, когда засядут за стол, а до того <появляется?> сестра молодой с подситком, наполненным хустками, и говорит боярам, что молодая прислала им подарки, и каждому из них дает по хустке, хотя бы их и 50 было, только не руками, а подает на палке. Потом молодой с боярами приходит в хату,

и когда приблизится к столу, то в углу подле молодой стоящий мальчик, брат ее, с дубиной, лет 5-ти или 6-ти, не допускает и не отдает сестры. Тут ему должен молодой давать деньги по грошу, он не соглашается, а дружки поют: «Братіку, не лякайся, братіку, постарайся, не продавай сестры за рублю, за чотирі, за 2 золотії, братові гроші — слина, братові сестра мила». Но когда молодой прибавит ему грош да даст притом шишку да рюмку водки, то он уступает сестру, выходит вон, а молодой садится возле нее. Во всё продолжение сей церемонии молодая сидит, наклонив голову на шишку большую, называемую княжескою, перед нею лежащую, и когда молодой садится возле нее, то подымет ей голову, а дружки поют: «Татарин братік, татарин! продал жінку за таляр і калинову стрілочку і її русу косочку!» (Здесь следует несколько песен на этот случай.)

Потом мать молодой частует дочь свою рукою, обвернутою платком, положа в рюмку гроша два медных; молодая горелку выливает, а гроши берет; прочих потчует просто. Потом свашка начинает раздавать подарки родным молодой и всё на палке, а не руками. После выводят молодых на двор, где они танцуют, когда хотят; потом дают им полдничать и опять с благословением старосты заводят за стол и начинают коровай делить. Дружко режет, а поддружий подносит и раздает всем с пением песен.

После ужина дружки оставляют молоду, изъявляя в песнях свое сожаление, и заступают их место женщины, которые с пеньем расплетают ей косу и подают очипок, который она бросает, и за третьим уже разом надевают ей на голову и выпровождают ее к мужу. Когда она станет с образами, которыми ее благословили отец и мать на возу, то молодой вокруг воза объезжает на лошади, а она во всё это время кланяется ему на все стороны; потом он должен ее ударить раз батогом и ускакать прочь, на дороге он садится с нею на воз (но сие обыкновение не везде бывает; у нас его нет на свадьбах). Подъезжая к его двору, раскладывают огонь и через огонь перевозят молодых, заводят их за стол, дают им особо ужинать. Свашка идет раздевать молоду, а дружко — молодого. Чрез несколько времени молодые возвращаются в хату, и молодая должна непременно запеть своей свекрове: «Не бійся, матінко, не бійся, в червоні чобітки обуйся, топчи вороги під ноги, щоб твої підківки бряжчали, щоб твої вороги мовчали». Тогда женщины начинают петь, бегать по улицам и за каждым куплетом песни кричать: «Гу!» три раза. Поутру идет молода в церковь, священник ее покрывает, прочтя молитву, наміткой или платком, и она

целый день проходит в покрывале; идет кланяться господам. И в этот день всех бывших на свадьбе молодые потчевают горелкою, за что отдаривают их деньгами, холстом, курами, гусями, утками, свиньями, овцами, рогатым скотом, лошадьми, — каждый по состоянью своему, и дружко при каждом таком подарке должен прокричать голосами тех животных, наприм<ер>, когда подарит кто быка, он прокрикивает бее, когда овцу — мее, и том<у> подоб<ное>. Потом уже гуляют сколько угодно или сколько позволят их обстоятельства, наряжаются в разные костюмы, а более — цыганами, которых они чаще всех видят, играют ихние роли, из чего выходит у них род комедии.

Еще один обряд у малороссиян; на масленой, в Четверг, всегда бывает женской праздник, называемый Власьем, хотя и никогда не бывает тогда сего Святого имени; и жинки бьют своих чоловиков дныщами, чтобы они их целой год не были.

93. К. С. Сербиновичу

<Июнь 1829. Петербург>

Издатель идиллии Ганца Кюхельгартена просит усерднейше вас, если только принесут из типографии ее сегодня, сделать ему величайшее одолжение, если только это не обеспокоит вас, ускорить выдачу билета на выпуск в продажу.

Н. Гоголь-Яновский.

94. М. И. Гоголь — Н. В. Гоголю

Отрывок

<2 июля 1829. Васильевка>

Игра у ворона: становятся несколько человек один за спиной у другого, держась за платье; впереди женщина, называемая мать, за нею старшая ее дочь, и за нею все, называемые ее детьми, хотя бы их было и двадцать. Все прячутся за нее, она одна только впереди и спрашивает ворона, копающего перед нею землю палочкою: Вороне, вороне, що ти копаеш? Он отвечает: пічку. М.: Нащо? В.: Окропи гріти. М.: Нащо? В.: Твоім дітям очі заливати. М.: Защо? В.: Щоб не крали капусти. — Потом мать говорит: Вороне, вороне, дай пить. В.: Скоч до криниці. М.: Волка боюсь. В.: Якого? М.: Сірого да білого. В.: Що він робить? М.: Гуску скубе. В.: Яку? М.: Сіру та білу. В.: Стреляйте — и все

подымают палец вверх и кричат, т. е. мать и дети: Пули! (сделать точное разыскание). После мать снова спрашивает пить, и он так же отвечает. Она говорит: Жабы боюсь. В. отвеч<ает>: Топчите, и все топают ногами, и опять спрашивает мать пить. Он берет палочку, ту, что землю копал, плюнет и дает матери; та плюнет и дает детям и после бросает палочку далеко, за которой ворон бежит, а она оборачивается и говорит: обернуся тричі двічі, чи всі моі діти? А в *это* время хватает ворон одного из детей, и взятое им у него остается. А мать, говоря с ним, все его обманывает, чтоб его рассеять, заговаривает о постороннем, напр<имер>: Вороне, вороне! твоя хата горить! и укажет ему далеко. Он оборотится в ту сторону бежать, а она в противную оборачивается и говорит те же слова; он снова захватывает одно дитя, и так продолжается, пока не захватит всех и не останется только старшая дочка. Тогда ворон становится перед ней с прутом за спиною, а мать спрашивает: Вороне, вороне, що за тобою? — Он отвечает: Лопата. А она говорит: А за мною дочка горбата, да не вдариш, и при том оборачивается, избегая удара. Потом опять так же спрашивает. Он отвечает, что взбредет ему на ум, как то: кочерга, помело и проч.— Когда же он скажет: Макогон, то она говорит: біжи ж за моей дочкой наздогон. Он гоняется за дочерью, которая не дается и снова становится за матерью. После сего садятся все дети, находящиеся у ворона, в два ряда, протянувши ноги, и мать с дочерью, а за нею ворон, идут, переступая ноги сидящих, и говорит мать: «Ой піду я на містечко, куплю своій дочці намистечко». А ворон говорит: А я вкраду, да проп'ю. Дочь старшая отвечает: А я каменем голову проб'ю. Ворон на это: Не діждеш. Мать продолжает говорить таким же образом: что идет за покупкой плахты, запаски и всё, что нужно. Ворон и стар<шая> дочка отвечают по-прежнему до тех пор, пока мать не скажет: Ой піду я в лопух, щоб мій ворон опух. Тогда сидящие должны его ловить, но, однако ж, не поймают. Во второй раз говорит мать: Ой піду я в жито, щоб мог ворона вбити. И снова начинают ловить его, но до тех пор не поймают, пока мать не скажет: Ой піду я в завяз, щоб мій ворон зав'яз. Тогда, поймавши его, все, сколько их есть, кричат (турчат) изо всех сил ему на уши до того, что он уже сделается смирнее. Тогда они все прячутся в траву, куда кто попал, и он должен отыскивать; когда же отыщет всех, игра оканчивается.

В деньги *в семь листов* играют без двоек вчетвером и садятся один против другого, как в вист, карты сдаются все; последняя —

козырь. Если одна партия возьм<ет> 5 взяток, значит, выигрыш. Когда же одну, насчитывает 12 гил.

В свиньи (в свинки, в городки). На убитой и твердой земле становятся в кружок; каждый перед собою имеет ямку, в которую тыкают концом палки. По середине круга находится ямка, немного поболее, в которую находящийся вне круга гонит по земле палкою же мяч; стоящие в кругу стараются не допускать его к тому, но, отбивая палкою, всякой должен тотчас уткнуть палку снова в свое место; в противном случае пасущий свинью (гонящий мяч) овладевает местом, ставя в него свою палку, а оплошный принужден вместо его гонять мяч.

Крагли — две стороны отходят на положенное пространство, ставят, друг против друга, по одному ряду кегель, и поочередно сбивают палкою за положенную черту; чья сторона скорее выбьет, торжествуют: каждый садится верхом на противнике своем и проезжает на нем до заветной черты.

95. Иерей Савва Яновский — Н. В. Гоголю

Отрывок

<2 июля 1829. Олиферовка>

К дополнению описания одежды дьячка доложу вам, сколько мог я заметить еще в малолетстве моем, что кроме нижнего платья носили они еще наверху так называемую *кирею*, большею частию голубого сукна, на полях которой, начиная от воротника до пояса, вышиты или выложены шнурком, по три или по четыре на каждой, фигуры ~ От петлиц воротника на спину потянуты два снурка, на концах которых висит по одной кисти, одна выше, другая немного ниже. Волосы на голове причесаны, как обыкновенно у духовных, только коса связана при самом затылке крепко снурком и согнута вдвое, т. е. конец ее привязан тем же снурком у затылка.

96. М. И. Гоголь

24 июля <1829>. Санктпетербург.

Маминька![1]

Не знаю, какие чувства будут волновать вас при чтении письма моего; но знаю только то, что вы не будете покойны. Говоря

[1] *Было начато:* Милостивая государыня

откровенно, кажется, еще ни одного вполне истинного утешения я не доставил вам. Простите, редкая, великодушная мать, еще доселе недостойному вас сыну.

Теперь собираясь с силами писать к вам, не могу понять, отчего перо дрожит в руке моей, мысли тучами налегают одна на другую, не давая одна другой места, и непонятная сила нудит и вместе отталкивает их излиться пред вами и высказать всю глубину истерзанной души. Я чувствую налегшую[1] на меня справедливым наказанием тяжкую десницу Всемогущего; но как ужасно это наказание! Безумный! я хотел было противиться этим вечно-неумолкаемым[2] желаниям души, которые один Бог вдвинул в меня,[3] претворил меня в жажду ненасытимую бездейственною рассеянностью света. Он указал мне путь в землю чуждую, чтобы там воспитал свои страсти в тишине, в уединении[4], в шуме вечного труда и деятельности, чтобы я сам по скользким ступеням поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеивать благо и работать на пользу мира. И я осмелился откинуть эти Божественные помыслы и пресмыкаться в столице здешней между сими служащими, издерживающими жизнь так бесплодно. Пресмыкаться другое дело там, где каждая минута жизни не утрачивается даром, где каждая минута — богатый запас опытов и знаний. Но изжить там век, где не представляется совершенно впереди ничего[5], где все лета, проведенные в ничтожных занятьях, будут тяжким упреком звучать душе[6]. — Это убийственно! Что за счастие дослужить в 50 лет до какого-нибудь статского советника, пользоваться жалованием, едва стающим себя содержать прилично, и не иметь силы принесть на копейку добра человечеству. Смешны мне очень здешние молодые люди: они беспрестанно кричат, что они служат совершенно не для чинов и не для того, чтобы выслужиться. Спросите же у них, для чего они служат? они не будут сами в состоянии сказать: так, для того, чтобы не сидеть дома, не бить баклуши. Еще глупее те, которые оставляют отдаленные провинции, где имеют поместья, где могли бы быть[7] хорошими хозяинами и принесть несравненно более пользы, или если уже дворянину непременно нужно послужить, служили бы

[1] чувствую на себе легшую
[2] тайным неумолкаемым
[3] *Далее начато:* и кот<орые>
[4] *Далее начато:* в веч<ном>
[5] *Далее было:* Да что из этого. Это убивственно!
[6] в опустелой душе
[7] могли быть

в своих провинциях; так нет, надо потаскаться в Петербург, где мало того что ничего не получат, но сколько еще перетаскают денег из дому, которые здесь истребляют неприметно в ужасном количестве.

Несмотря на это всё я решился, в угодность вам больше, служить здесь во что бы ни стало, но Богу не было этого угодно. Везде совершенно я встречал одни неудачи, и что всего страннее там, где их вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, без всякой протекции легко получали то, чего я с помощью своих покровителей не мог достигнуть; не явный ли был здесь надо мною промысл Божий? не явно ли он наказывал меня этими всеми неудачами в намерении обратить на путь истинный? Что ж? я и тут упорствовал, ожидал целые месяцы, не получу ли чего. Наконец... какое ужасное наказание! Ядовитее и жесточе его для меня ничего не было в мире. Я не могу, я не в силах написать... Маминька! Дражайшая маминька! Я знаю, вы одни истинный друг мне. Но верите ли, и теперь, когда мысли мои уже не тем заняты, и теперь при напоминании невыразимая тоска врезывается в сердце. Одним вам я только могу сказать[1]... Вы знаете, что я был одарен твердостью, даже редкою в молодом человеке... Кто бы мог ожидать от меня подобной слабости. Но я видел ее... нет, не назову ее... она слишком высока для всякого, не только для меня. Я бы назвал ее ангелом, но это выражение низко и не кстати для нее. Ангел — существо, не имеющее ни добродетелей, ни пороков, не имеющее характера, потому что не человек, и живущее мыслями в одном небе. Но нет, болтаю пустяки и не могу выразить ее. Это божество, но облеченное слегка в человеческие страсти[2]. Лицо, которого поразительное блистание в одно мгновение печатлеется в сердце[3]; глаза, быстро пронзающие душу. Но их сияния[4], жгущего, проходящего насквозь всего, не вынесет ни один из человеков... О если бы вы посмотрели на меня тогда... правда, я умел скрывать себя от всех, но укрылся ли от себя? Адская тоска с возможными муками кипела в груди моей. О какое жестокое[5] состояние! Мне кажется, если грешникам уготован ад, то он не так мучителен. Нет, это не любовь была... я по крайней <мере> не слыхал подобной любви...

[1] только скажу это, будучи уверен, что *<1 нрзб.>*

[2] *Далее начато:* Это лицо

[3] в сердце, в душе

[4] *Далее было:* не вынесет

[5] уб<ивственное>

В порыве бешенства и ужаснейших душевных терзаний, я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я… Взглянуть на нее еще раз — вот, бывало, одно-единственное желание, возраставшее сильнее <и> сильнее с невыразимою едкостью тоски. С ужасом осмотрелся и разглядел я свое ужасное состояние, всё совершенно в мире было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета в своих явлениях. Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь, водворить хотя тень покоя в истерзанную душу. В умилении[1] я признал невидимую десницу, пекущуюся о мне, и благословил так дивно назначаемый путь мне. Нет, это существо, которое он послал лишить меня покоя, расстроить шатко-созданный мир мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своих очарований не могла произвесть таких ужасных, невыразимых впечатлений. Это было божество, им созданное, часть его же самого![2] Но, ради Бога, не спрашивайте ее имени. Она слишком высока, высока.

Итак я решился. Но к чему, как[3] приступить? Выезд за границу так труден, хлопот так много! Но лишь только я принялся, всё, к удивлению моему, пошло как нельзя лучше; я даже легко получил пропуск. Одна остановка была наконец за деньгами. Здесь уже было я совсем отчаялся. Но вдруг получаю следуемые в Опекунский совет. Я сейчас отправился туда и узнал, сколько они могут нам дать просрочки на уплату процентов; узнал, что просрочка длится на четыре месяца после сроку, с платою по пяти рублей от тысячи в каждый месяц штрафу. Стало быть, до самого ноября месяца будут ждать. Поступок решительный, безрассудный; но что же было мне делать?.. Все деньги, следуемые в Опекунский, оставил я себе и теперь могу решительно сказать: больше от вас не потребую. Одни труды мои и собственно<е> прилежание будут награждать меня. Что же касается до того, как вознаградить эту сумму, как внесть ее сполна, вы имеете полное право данною и прилагаемою мною при сем доверенностью продать следуемое мне имение, часть или всё, заложить его, подарить и проч. и проч. Во всем оно зависит от вас совершенно. Я хотел было совершить купчую или дарственную запись, но нужно было мне платить за одну бумагу триста рублей. Впрочем, вы и посредством доверенности будете владеть, как законный и полный владелец.

[1] В благо<говении>

[2] *Далее начато:* Итак

[3] как *вписано.*

Не огорчайтесь, добрая, несравненная маминька! Этот перелом для меня необходим. Это училище непременно образует меня: я имею дурной характер, испорченный и избалованный нрав (в этом признаюсь[1] я от чистого сердца); лень и безжизненное для меня здесь пребывание непременно упрочили бы мне их навек. Нет, мне нужно переделать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвесть силою души в вечном труде и деятельности, и если я не могу быть счастлив (нет, я никогда не буду счастлив для себя. Это божественное существо вырвало покой из груди моей и удалилось от меня), по крайней мере всю жизнь посвящу для счастия и блага себе подобных.

Но не ужасайтесь разлуки, я недалеко поеду: путь мой теперь лежит в *Любек*. Это большой приморский город Германии, известный торговыми своими сношениями всему миру. Расстоянием от Петербурга на четыре дня езды. Я еду на пароходе и потому времени употреблю еще менее. Письма ваши только четырьмя днями будут позже доходить ко мне. Покуда это письмо дойдет до вас, я успею написать к вам уже из Любека[2] и известить о своем адресе, а до того, если хотите писать ко мне, можете адресовать в С.-Петербург, на имя его благородия Николая Яковлевича Прокоповича, в дом Иохима, на Большой Мещанской. Что же касается до свидания нашего, то не менее как чрез два или три года, могу я быть в Васильевке вашей. Не забудьте прислать пашпорт Екиму, т. е. плакатный билет[3] (ему нельзя жить здесь без места), всё же адресуясь на имя Прокоповича.

Теперь припадаю к страшным стопам Всевышнего с прошением и мольбою, да сохранит драгоценные и священные для нас годы жизни вашей, да отвеет[4] от вас всё, наносящее вам горечи и неудовольствия, и да исполнит меня силы истинно заслужить ваше материнское благословение. Ваш преданнейший сын, любящий вас более всего

Николай Гоголь-Яновский.

Принося чувствительнейшую и невыразимую благодарность за ваши драгоценные известия о малороссиянах, прошу вас убедительно не оставлять и впредь таковыми письмами. В тиши уединения я готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пущу в свет, я не люблю спешить, а тем более занимать

[1] говорю
[2] Гам<бурга>
[3] т. е. плакатный *вписано.*
[4] *Далее было:* Его Божественное <?> <*1 нрзб.*>

поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования. Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, <чтобы> не исказить неправильными именованиями существенного имени нации. Извините, что и теперь не оставляю беспокоить вас подобными просьбами; но зная, с каким удовольствием вы внимаете им, беру эту смелость. В замену опишу вам быт и занятия добрых немцев, дух новизны, странность и прелесть еще доселе мною невиданного и всё, что произведет сильное впечатление на меня. Благодарю также чувствительно почтеннейшего Савву Кирилловича. Прошу его также присылать приписочки в ваше письмо.

Деньги вы можете адресовать прямо в Опекунский совет Импер<аторского> воспит<ательного> дома. Можно просрочить по самый ноябрь, но лучше если бы они получили в половине или начале октября. Не забудьте: с тысячи по пяти рублей в месяц штрафу.

Прошу вас покорнейше также, если случатся деньги когда-нибудь, выслать Данилевскому 100 рублей. Я у него взял шубу на дорогу себе, также несколько белья, чтобы не нуждаться в чем. Адрес его: В школу гвардейских подпрапорщиков у Синего мосту.

Целую тысячу раз милых сестриц моих, Аниньку и Лизу. Ради Бога, прилагайте возможное попечение о воспитании Аниньки; старайтесь ей дать уразуметь языки и всё полезное. Я предрекаю вам, что это удивительное дитя будет гений, какого не видывали.

<Доверенность, приложенная Гоголем к письму матери от 24 июля 1829 г.>

<23 июля 1829. Санкт-Петербург>

Любезнейшая Родительница.

Руководствуясь чувствами сыновней к Вам любви, я ничем не могу доказать их более, как во время отсутствия моего утвердить благосостояние Ваше на прочном основании. — По сему единственно побуждению все недвижимое имение Полтавской Губернии в поветах: Полтавском и Миргородском в селе Васильевке, состоящее в крестьянах, пашенных и сенокосных землях, лесах и прочих угодиях, как из наследственного с сестрами моими

имения, по разделу между нами законным образом мне достанется, — я вверяю в полное и беспрекословное распоряжение Ваше, так точно, как бы Вы распоряжались Вашею собственностью, представляя Вам право продавать и закладывать из оного часть или все вообще по усмотрению Вашему, в чем я Вам верю совершенно, и что Вы сходно с сею[1] доверенностью сделаете, на все то я в полной мере согласен.

Вам преданнейший сын, 14 класса Николай Гоголь-Яновский.

Сия доверенность принадлежит Родительнице моей Коллежской Ассесорше Марье Ивановне Гоголь-Яновской.

97. М. И. Гоголь

Любек. 1829, августа 13 по новому стилю.

Сегодня поутру часа в три прибыл я в Любек. Шесть дней плыл я водою: это случилось оттого, что ветер в продолжение всего этого времени не был для нас попутный. Теперь только, когда я, находясь один посреди необозримых волн, узнал, что значит разлука с вами, моя неоцененная маминька, в эти торжественные, ужасные часы моей жизни, когда я бежал от самого себя, когда я старался забыть всё окружавшее меня, мысль: *что я вам причиняю сим,* тяжелым камнем налегла на душу, и напрасно старался я уверить самого себя, что я принужден был повиноваться воле Того, Который управляет нами свыше. Нет, я не могу расстаться с вами, великодушный друг, Ангел Хранитель мой. Как, за эти бесчисленные благодеяния, за эту ничем неотплатимую любовь я должен причинять вам новые огорчения! Я должен, вместо радости и счастливого спокойствия, исполнить жизнь вашу горькими минутами! О, это ужасно! это раздирает мое сердце. Простите, милая, великодушная маминька, простите своему несчастному сыну, который одного только желал бы ныне — повергнуться в объятья ваши и излить пред вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, рассказать всю тяжкую повесть свою. Часто я думаю о себе, зачем Бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере редкое в мире, чистую, пламенеющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачем Он дал всему этому такую грубую оболочку, зачем Он одел всё это в такую страшную смесь противоречий, упрямства, дерзкой

[1] *В публикации:* сходно с сего

самонадеянности и самого униженного смирения. Но мой бренный разум не в силах постичь великих определений Всевышнего.

Ради Бога, об одном прошу вас только: не думайте, чтобы разлука наша была долговременна. Я здесь не намерен долго пробыть, несмотря на то, что здешняя жизнь сноснее и дешевле петербургской. Я, кажется, и забыл объявить вам главной причины, заставившей меня именно ехать в Любек. Во всё почти время весны и лета в Петербурге я был болен; теперь хотя и здоров, но у меня высыпала по всему лицу и рукам большая сыпь. Доктора сказали, что это следствие золотухи, что у меня кровь крепко испорчена, что мне нужно было принимать кровочистительный декокт, и присудили пользоваться водами в *Травемунде,* в небольшом городке, в 18 верстах от Любека; для пользования мне нужно пробыть не более двух недель. Если вы хотите, то вам стоит только приказать мне оставить Любек, и я его оставлю немедленно, тем более, что я сам не могу быть спокойным, бывши от вас далеко; особливо когда вы одни теперь наполняете душу мою, когда вам одним только ищу я случая доставить радость, но, к несчастию, не мог до сих пор. Я в Петербурге могу иметь должность, которую и прежде хотел, но какие-то глупые людские предубеждения и предрассудки меня останавливали. Имением, сделайте милость, располагайте, как хотите. Продайте, ради Бога, продайте, или заложите хоть и всё. Я слово дал, что более не потребую от вас и не стану разорять вас так бессовестно. Должность, о которой я говорил вам, не только доставит мне годовое содержание, но даже возможность доставлять и вам вспоможение в ваших великодушных попечениях и заботах.

Теперь представлю вам описание Любека. Этот довольно старинный, вольный торговый город был из числа первых, составлявших знаменитый Ганзейский союз, с которым наше отечество (особливо Новгород) было во всегдашних торговых сношениях. Впрочем, и теперь, хотя он не может почесться одним из самых лучших торговых городов, но всё однако ж занимает весьма важное место в обширной торговле Европы. Вид его, строение его таково же, как и всех главных городов Европы (нужно знать, что по Петербургу никак нельзя судить о столицах Европы. Здания, украшающие Петербург, все относятся ко времени самому новейшему). Домы здесь небольшие, но чрезвычайно высоки — вышина тем еще разительнее, что они так узки, что на переднем фасаде имеется не более, как четыре окна в ряд на целой стене; но все по большей части этажей в пять, шесть, иногда и того более. Пишу

к вам ночью, — окно у меня отворено, луна светит, и город кажется очарованным. Вот вам вид улицы из моего окна, который наскоро набросал я на бумагу[1].

Таковы домы в Любеке: все дома сплочены тесно один к другому и не разделяются ни в одном месте забором. Чистота в домах необыкновенная; неприятного запаху нет вовсе в целом городе, как обыкновенно бывает в Петербурге, в котором мимо иного дома нельзя бывает пройти. Крестьянки девушки в красивых корсетиках, с зонтиком в руках толпятся с утра до вечера по рынкам и чистым улицам. Экипажей здесь вовсе не употребляют: добрые немцы обыкновенно отправляются пешком, и даже за город на несколько верст. Извозчиков нет в помине; зато вы увидите огромные фуры, которые здесь в большом употреблении, посреди которых укреплены на ремнях ящики (в роде висячего стула); в этих-то фурах вы увидите семейство, достойное фламандской школы, везущее в город продукты. В ящике обыкновенно сидит мать с дочерью; на лошади, запряженной в фуру, верхом усаживается сын; если же обретается зять, то и тот себе находит место на той же самой лошади, а сзади уже пешком какой-нибудь по-нашему наймыт. Зато уж и езда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, как волы, а между тем не скорее их идут. В городе шуму почти вовсе незаметно, хотя движения довольно. Из замечательных зданий преимущественно кафедральная церковь, которой считают около тысячи лет; в течение десяти столетий устояла среди всех перемен и волнений; триста лет назад, как она переименована из католической в лютеранскую. Завтра я собираюсь побывать в ней и в следующем письме представлю вам подробное описание ее. Места, окружающие Любек, недурны, но не годятся против наших псельских. Домики, разбросанные за городом, увитые и усаженные деревьями, кустарниками и цветами, прелестны и очень похожи на петербургские дачи; воздух довольно здоров, а климат немного подходит к нашему, т. е. полтавскому, хотя фрукты, кажется, здесь зреют позже, однако ж всё не так, как в Петербурге, где до сих пор еще едят малину и клубнику. Здесь видны по крайней мере вишни уже. Учтивость и какая-то прелесть обращения здешних жителей мне нравится. Простая крестьянка, у которой вы купите на рынке за какой-нибудь шиллинг фруктов или зелени, отвесит вам с такою приятностью кникс, которому позавидовала бы и наша горожанка. Находясь несколько дней на пароходе и будучи окружен англичанами, которых ухватки и образованность не слишком тонки

[1] *Здесь в подлиннике был рисунок.*

и исполнены приличий (что вообще бывает и у всех моряков), я был немного утешен в Любеке. Но, признаюсь, всё это еще как будто скользит по мне и пролетает мимо, не приковывая ни к чему моего безжизненного внимания. Сначала, за год пред сим, думал я: каковы-то будут первые впечатления при взгляде на совершенно новое, совершенно бывшее чуждым доселе для меня, на другие нравы, других людей; как любопытство мое будет разгораться постепенно; ничего не бывало. Я въехал так, как бы в давно знакомую деревню, которую привык видеть часто. Никакого особенного волнения не испытал я. Как бы мне теперь хотелось видеть вас, хотя одно мгновенье. Здоровы ли вы? О, будьте здоровы! будьте утешены наконец нами и да ниспошлет нам Бог всевозможное счастие, каким только можно пользоваться в здешнем мире. Прощайте, бесценная, великодушная маминька, единственное мое счастие.

Николай Гоголь.

Обнимаю и целую несколько раз сестрицу Марью Васильевну; усердный поклон Александре Федоровне; целую Аничку и Лизу, и Олиньку, и кланяюсь всем родным и знакомым моим. Если будете писать ко мне письма, адресуйте всё еще в Петербург, на имя Николая Яковлевича Прокоповича, в дом Иохима. От него я уже всегда буду исправно получать их.

98. М. И. Гоголь

Травемунд. 1829, августа 25 по европейскому стилю.

Получили ли вы первое мое письмо, бесценная маминька, пущенное мною из Любека? Ради Бога, не беспокойтесь обо мне: я чувствую себя несравненно лучше и здоровее, климат здешний ощутительно поправил меня; короче сказать, тело мое совершенно здорово; одна только бедная душа моя страдает. Я не могу представить себе, сколько я вам причинил беспокойств и огорчений, и ни одного до сих пор истинного утешения! Изредка только, как будто от самого Бога, посещает меня мысль, что, может быть, всё это делается с намереньем; может быть, сеются между нами огорчения для того только, чтобы мы могли потом безмятежно и радостно пользоваться жизнью. Несмотря на мое желание, я не должен пробыть долго в Любеке; я не могу, я не в силах приучить себя к мысли, что вы[1] беспрестанно печалитесь, полагая меня на таком далеком расстоянии. Лето в Петербурге уже

[1] что может быть вы

прошло, и тамошний климат теперь уже не может быть так для меня вреден. Об одном только я прошу Бога, чтоб ниспослал вам драгоценное спокойствие, которое не может обитать в груди моей. По крайней мере я теперь в силах занять в Петербурге предлагаемую должность и надеюсь, что новые занятия дадут силу душе моей быть равнодушнее и[1] невнимательнее к мирским горечам. Как бы то ни было, это сильно подействовало на мой характер, и я с ужасом теперь помышляю о том, как бы я мог бы доставлять вам ежеминутное утешение, и как я не выполнил этого первого священного долга. Но я знаю, вы простите меня... вы простите. Меня изменили и переделали горя.

В первом письме я сделал вам небольшое описание города Любека; теперь прибавлю, что успел после того заметить. Я был в огромной здешней кафедральной церкве. Это здание решительно превосходит всё, что я до сих пор видел, своим древним готическим великолепием. Здешние церкви не оканчиваются, подобно нашим, круглым или неправильным куполом, но имеют потолок ровной высоты во всех местах, изредка только пересекаемый изломленными готическими сводами. Высота ровная во всех местах и, вообразите, несравненно выше, нежели у нас в Петербурге Казанская церковь, с шпицем и крестом. Всё здание оканчивается по углам длинным и угловатым, необыкновенной толщины, каменным шпицем, теряющимся в небе... Живопись внутри церкви удивительная. Много есть таких картин, которым около 700 лет, но которые всё еще пленяют необыкновенною свежестью красок и осенены печатью необыкновенного искусства. Знаменитое произведение Альбрехта Дюрера, изваяние Квелино, всё было мною рассмотрено с жадностью. На одной стене церкви находятся необыкновенной величины часы, с означением разных метеорологических наблюдений, с календарем на несколько сот лет и проч. Когда настанет 12 часов, большая мраморная фигура вверху бьет в колокол 12 раз. Двери с шумом отворяются вверху; из них выходят стройно один за одним 12 апостолов, в обыкновенный человеческий рост, поют и наклоняются каждый, когда проходят мимо изваяния Иисуса Христа, и таким же самым порядком уходят в противоположные двери; привратник их встречает поклоном, и двери с шумом за ними затворяются. Апостолы так искусно сделаны, что можно принять их за живых. Я видел здесь комнату, принадлежащую собранию чинов города. Она великолепна своею давностью и вся в антиках.

[1] *Далее начато:* хотя немного уже

Здешние жители не имеют никаких собраний и живут почти в трактирах. Эти трактиры мне очень нравятся: вообразите себе какого-нибудь богатого помещика хлебосола, как прежде, например, бывало в Кибенцах, у которого множество гостей тут и живут и сходят вместе только обедать или ужинать. Хозяин трактира занимает здесь точно такую же роль и первое место за столом, возле него его супруга, которой это не мешает несколько раз сбегать во время стола на кухню; прочие места занимаются гражданами всех наций. Со мною вместе находились два швейцара, англичанин, индейский набоб, гражданин из Амер<иканских> Штатов и множество разноземельных немцев, и все мы были совершенно как лет 10 друг с другом знакомы. (Этого уже в Петербурге не водится.) Ужин всегда оканчивается пением и всегда довольно поздно. Короче, время, здесь проведенное, было бы для меня очень приятно, если бы я только так же был здоров душою, как теперь телом. В Травемунде я нахожусь два дни и завтра снова отправляюсь в Любек. Дорога от Травемунда до Любека и особливо от Любека до Гамбурга представляет большой и разнообразный сад. Поля здешние разделены на небольшие участки, которые все обсажены в два ряда кустарниками. Снопы на полях не в копнах, как у нас, но обставливаются один к одному, как у нас конопли. Желаю возможнейшего блага, молю Всевышнего, чтобы Он облегчил труды ваши и старания о нас, и чтобы дал силы мне быть истинно достойну вашего материнского благословения.

Н. Гоголь.

99. М. И. Гоголь

1829-го сентября 24. <Санкт-Петербург>

С ужасом читал я письмо ваше, пущенное 6-го сентября. Я всего ожидал от вас: заслуженных упреков, которые еще для меня слишком милостивы, справедливого негодования и всего, что только мог вызвать на меня безрассудный поступок мой… Но этого я никогда не мог ожидать: как! вы могли, маминька, подумать даже, что я добыча гнусного разврата, что нахожусь на последней степени унижения человечества! Наконец решились приписать мне болезнь, при мысли о которой всегда трепетали от ужаса даже[1] самые мысли мои! В первый раз в жизни, и дай Бог, чтобы в последний, получил я такое страшное письмо. Мне казалось всё равно, как будто я слышу проклятие. Как вы могли

[1] даже *вписано.*

подумать, чтобы сын таких ангелов-родителей мог быть чудовищем, в котором не осталось ни одной черты добродетели! Нет, этого не может быть в природе. Вот вам мое признание: одни только гордые помыслы юности, проистекавшие, однако ж, из чистого источника, из одного только пламенного желания быть полезным, не будучи умеряемы благоразумием, завлекли меня слишком далеко. Но я готов дать ответ пред лицом Бога, если я учинил хоть один развратный подвиг, и нравственность моя здесь была несравненно чище, нежели в бытность мою[1] в заведении и дома. Что же касается до пьянства, я никогда не имел этой привычки. Дома я пил еще вино; здесь же не помню, чтобы употреблял его когда-либо. Но я не могу никаким образом понять, из чего вы заключили, что я должен болен быть непременно этою болезнию. В письме моем я ничего, кажется, не сказал такого, что бы могло именно означить эту самую болезнь. Мне кажется[2], я вам писал про мою грудную болезнь, от которой я насилу мог дышать, которая, к счастию, теперь меня оставила.

Ах, если бы вы знали ужасное мое положение! Ни одной ночи я не спал покойно, ни один сон мой не наполнен был сладкими мечтами. Везде носились предо мною бедствия и печали, и беспокойства, в которые я ввергнул вас... Простите, простите несчастную причину вашего несчастия!..

Два дни только, как я приехал из Гамбурга в С.-Петербург. Бог унизил мою гордость — Его святая воля! Но я здоров, и если мои ничтожные[3] знания не могут доставить мне места, я имею руки, следовательно, не могу впасть в отчаяние — оно удел безумца.

Одно только мое моление к Богу, одно желание: пусть Он изгладит из сердца вашего сына неблагодарного, вместе с несчастиями, им вам нанесенными, и да осчастливит вас счастием моих добрых и бесценных сестер; пусть они будут вам утешением, пусть ни одна из них не напомнит собою недостойного[4] брата!

Если же Всевышнему угодно будет дать мне возможность и состояние хотя со временем поправить расстройство и разорение, мною вам причиненное, тогда только почту я, что надо мною произнесено Богом прощение[5].

[1] в бытность мою *вписано.*
[2] Я думаю
[3] ничтожные *вписано.*
[4] несча<стного>
[5] прощение Божие

Не тревожьтесь, ради Бога, ради счастия ваших детей, мыслью обо мне. Но об одном только прошу я вас со слезами: не считайте меня способным на разврат, не принимайте безумия за него[1], хотя бы вы услышали, что нахожусь между развратнейшими из развратнейших, верьте, что никогда не отступлю от священных правил добродетели, которые неизгладимым резцом врезались мне в сердце.

Пошли вам, Боже, облегчение в ваших несчастиях!

Я не в силах теперь известить вас о главных причинах, скопившихся, которые бы, может быть, оправдали меня хотя в некотором отношении. Чувства мои переполнены; я не могу перевести дыхание. Ваше письмо... Простите, простите меня, великодушная маминька!

Николай Гоголь-Яновский.

100. М. И. Гоголь

1829 октября 27. <Санкт-Петербург>

Неполучение писем от вас, почтеннейшая маминька, я не смею приписывать молчанию, зная нынешнюю переменчивую и дурную погоду для почт. Что же касается до меня, то ради Бога не беспокойтесь об моей участи. Я познаю теперь невидимую руку Всевышнего, меня охраняющую: Он послал мне Ангела-спасителя в лице нашего благодетеля, его превосходительства Андрея Андреевича, который сделал для меня всё то, что может только один отец для своего сына; его благодеяние и драгоценные советы навеки запечатлеются в моем сердце.

В скором времени я надеюсь определиться в службу. Тогда с обновленными силами примусь за труд и посвящу ему всю жизнь свою. Может быть, Богу будет угодно даровать мне возможность загладить со временем мой безрассудный поступок и хотя несколько приблизиться к высоким качествам души нашего благодетеля, ангела между людей. Тогда только я буду достоин любви вашей, тогда только вы будете справедливо гордиться вашим сыном.

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Я вас побеспокою одною просьбою: здесь очень дорого стоит пошитье манишек, и потому прошу вас покорнейше приказать сделать мне на первый случай шесть. Для образчика прилагаю

[1] *Далее начато*: Верьте

в посылке одну манишку. Милая сестрица моя, я думаю, не откажется в этом также помочь мне.

101. Министру внутренних дел А. А. Закревскому

<27–31 октября 1829. Санкт-Петербург>
Его высокопревосходительству
господину министру внутренних дел
генерал-адъютанту и кавалеру
Арсению Андреевичу Закревскому
От студента 14-го класса
Николая Гоголь-Яновского

Прошение

Окончив курс наук, в Гимназии высших наук князя Безбородко, получил я аттестат, с правом на чин 14-го класса, который при сем имею честь представить. Ныне же имея желание вступить в гражданскую Его Императорского Величества службу, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство повелеть определить меня в оную по управляемому вами Министерству внутренних дел.

Студент 14-го класса
Николай Гоголь-Яновский.

1829 года октября дня

102. М. И. Гоголь

Санкт-Петербург. Ноября 12. 1829.

Письмо ваше, пущенное 14-го октября, я получил, но не отвечал так долго потому, что вручил незадолго пред сим одно письмо Андрею Андреевичу по его требованию, в собственные его руки незапечатанное; следовательно, вы не подивитесь, если я в нем немного польстил ему; впрочем, он, точно, для меня много сделал: по его милости я теперь имею теплое на зиму платье, также заплатил должные мною за квартиру.

Чем отплачу я вам, почтеннейшая маминька, за ваше материнское обо мне попечение? В каждом письме вашем я вижу доказательства тому вместе с драгоценными наставлениями вашими. Одна моя молитва, одно мое прошение у Бога, чтобы даровал мне средства и силы доставить вам утешение после толиких испытанных вами горестей. Я надеюсь получить довольно порядочное место в Министерстве внутренних дел, но жалованья

не могу получить раньше, как через два месяца. Нечего делать, нужно будет прибегнуть снова к Андрею Андреевичу, хотя он и слишком много издержался в Петербурге. Однако ж всё-таки где-нибудь достану 300 рублей, а перед вами сдержу свое слово. Боже сохрани, чтобы я осмелился просить у вас, а особливо еще в нынешнее время…

Вы пишете, что довольно нерасчетно живу или по крайней мере жил прежде, но, ради Бога, не верьте Светличному, в жизнь мою я не видал такого жестокого лгуна: когда он видел, чтобы у меня пировало множество гостей на мой счет? когда я нанимал квартиру, состоящую из 3-х комнат, один? И теперь нанимаем мы 3 комнаты, но нас три человека вместе стоят, и комнатки очень небольшие. Еще прошу вас, маминька, не думайте найти во мне хотя искру гордости. Если я прежде казался таковым, то теперь не покажусь, верно, им; ваши мысли на этот счет совершенно согласны с моими, они стоят быть написаны золотыми буквами, жаль только, что редкие следуют им.

Вы просите, чтобы я написал еще что-нибудь о пути своем. Занимательного, впрочем, мало. Терпел только порядочную бурю на корабле, во время которой, к собственному удивлению моему, и мысль о страхе не закрадывалась в мою душу; чувствовал только дурноту — неминуемое следствие качки; после двухдневного плавания, не видя ничего, кроме моря и неба, прибыли мы к берегам Швеции, где увидел я несколько странного вида разбросанных хижин. Народ вообще хорош, особливо женщины стройны и недурны собою. Вид острова Борнгольма с его дикими, обнаженными скалами и вместе цветущею зеленью долин и красивыми домиками восхитителен. Из острова Борнгольма мы прямо пристали чрез четыре дни и вышли на берег Дании. Я вам писал о пребывании своем в Травемунде и Любеке. В Гамбурге я пробыл очень мало. Но пределы письма заставляют меня отложить до следующего подробности.

Чувствительно сожалею о неудачах Петра Петровича и желаю ему от души поправления здоровья и обстоятельств. Прошу вас, маминька, если только у вас будет свободное время, доставлять мне сведения о поверьях, обычаях малороссиан, сказках, преданьях, находящихся в простонародьи. Надеюсь, что и ты, милая сестрица, не откажешься по-прежнему участвовать. Прошу вас приказать[1] вымерять длину, ширину, вышину дома и каждой комнаты порознь, или лучше приказать кому-либо знающему написать

[1] приказать *вписано.*

план и фасад в нынешнем его состоянии с масштабом. Я нашел способ расположить его чрезвычайно удобно, при самой небольшой переделке, на манер некоторых домов, виденных мною в Германии. Если же не понравится, то пришлю еще другим образом.

Николай Гоголь-Яновский.

Мой адрес: у Кукушкина мосту, в доме *Зверькова*, комната под № 16.

1830

103. М. И. Гоголь

1830, января 1. С.-Петербург.

Во-первых, позвольте поздравить вас с новым годом, почтеннейшая маминька, и пожелать счастливого провождения его. Пора бы, кажется, счастью обратиться к нам; но провидение, верно, с намерением так долго медлит, и мы должны благословлять Его святую волю. Ни один день так не шумен в Петербурге, как первый нового года: всё утро экипажи, лошади, люди то и дело что разъезжают вдоль и поперек по всем улицам; все спешат, как бы не опоздать поздравить, или хотя завезть карточку, и только в четыре часа пополудни переводят немного дух. От Андрея Андреевича узнал я, что вы недавно гостили у Политики; этому я рад несказанно, тем более, что это хотя минутным послужило развлечением ваших беспрерывных забот. Новостей в Петербурге никаких: проговорили было об уничтожении чинов, но до сих пор еще ничего не последовало. На Дворцовой площади воздвигается великолепный памятник Александру, состоящий из колоссальной колонны, высеченной из одного куска цельного гранита. Что-то скажет нам новый 30-й год? Какое-то шумное волнение заметно в начале его; но холодно и безжизненно встретил я его. Наступление нового года всегда было торжественною минутою для меня. Каков-то будет для меня этот год? Чувства мои не переменятся, с такою же сыновней любовью и благодарною признательностью останусь вечно вашим послушным сыном.

Николай Гоголь.

104. М. И. Гоголь

1830. Генваря 5. СПб.

Письмо ваше получил я только сегодня, писанное вами еще с 12 декабря. При письме приложен план, снятый с нового дома плотником. Он не только не разрешил моих сомнений, но даже еще бы больше запутал меня, если бы я не так твердо знал его внутреннее и наружное состояние. Всё мое сомнение заключалось в одном только аршине. Я помню вот как теперь, когда я смеривал его в длину, оказалось 26 аршин; у плотника же выходит ровно 9 сажней, вся разница в одном аршине, но через это я не могу прислать вам верного совершенно масштаба. Впрочем это ничего, и я постараюсь изложить, сколько возможно, ясное предписание, из которого человеку сметливому, даже и не имеющему глубокого знания в архитектуре, удобно можно понять, в чем состоит дело, тем более, что переправок будет очень немного.

Сначала было думал я увеличить дом пристройками, но теперь вижу я, что это дело несбыточное для вас, потому что издержки значительно бы увеличились и дом остался бы опять нескончаемым на многие века. Теперешние же ваши обстоятельства требуют сколько возможно большей экономии и потому нужно, чтобы дом сколько возможно менее стал вам и через то чтобы скорее был к услугам вашим. Из приложенного при сем мною плана вы увидите, что я, сколько возможно, выгоднейшее старался дать ему расположение, и как можно менее переделок. Чтобы показать, как неверен план, сделанный плотником, я прилагаю и нынешнее его расположение. Оно послужит также и вам к лучшему уразумению. Зная, почтеннейшая маминька, ваше редкое благоразумие, я уверен, что вы одобрите мой план. Что же касается до фасада, то я старался дать ему сколько возможно лучший вид, и также чтобы переделок было очень мало. Я хотел было также сначала дать ему фасад совершенно в новом вкусе, на манер виденных мною в образованной Европе; но поразмыслив, что это стоило бы многих переделок, притом[1] еще не поймут, переиначут, и выйдет Бог знает что, — решился оставить лишние затеи и приложить фасад, осуществление которого ничего почти не будет стоить.

По снятии мезонима, редкое размещение четырех колон на широком крыльце будет уродливо и безобразно, и потому я решился поставить восемь колон, по две вместе. Чрез это крыльцо

[1] а гл<авное>

еще расширится, но вид уже будет прекрасный, как вы можете усмотреть из прилагаемого при сем фасада. Колоны эти дорического ордена, с дорожками, или выемками по всему продолжению их, что служит также немалым украшением. Для этого прежние колоны можно перепилить надвое и из четырех будет восемь; коротки оне не будут; если же это и случится, то можно употребить незаметные подмостки под верхними капителями. Касательно же поднятия комнат выше, то я нахожу это лишним: ныне большею частию даже в столицах делают комнаты невысокими, и я той веры, что в деревне лучше, если они высоты посредственной[1]. Оне очень милы и притом всегда будут теплы; а через это дерево с мезонима, который бы, верно, пошел весь на повышение[2] дома, может быть употребление на кладовые и амбары. — Небольшая пристройка будет со стороны, прилегающей к старому дому. Она заключает в себе маленькую кладовую, сени и нужные места. В гостинной и спальне окна и стеклянные двери в сад будут иметь готической вид: это нынче всеобщий вкус, и в деревне я нахожу, что это будет прелестно. Рисунок их прилагаю особенно, а при нем также и пояснение. Место, где теперь находится лестница, обращено в моем плане в комнату для Машиньки; буфет также переменен, потому что из него в прежнем плане выход не в столовую, а в гостинную. (Задний фасад дому очень мил будет в натуре.) Зато[3] вместо буфета прежнего — теперь комнаты для ночлега приезжающих гостей, или если я приеду, то мне несравненно приятнее быть в одном доме с вами. Если же в девичей будет тесно рабочим, то могут переходить туда во время свободное от постою. Там и постоянно может производиться ткание ковра, или тому подобное.

Посылаю вам манишку для образца, которая тогда, по неблагоразумию Екима, Бог знает где пролежала, вместо почты. Прошу вас покорнейше, маминька, сделать их мне около дюжины. Оне необходимо мне нужны более всего белья. Через день почти всегда я переменяю манишку: ужасно как скоро мараются. Прошу вас также, чтобы в ней всё было сделано совершенно так, как в образце[4]. Простите меня великодушно, маминька, что я так много вас утруждаю.

[1] *Было начато:* если они ниже.

[2] подн<ятие?>

[3] Зато прибавлены

[4] чтобы не были так мелки, как в прилагаемой вам для образца, чтобы они были не более

Я просил бы вас еще заготовить мне полдюжины рубашек и полдюжины исподнего белья, которого у меня ни одной штуки: но это может еще потерпеть до другого времени, а теперь прошу вас поспешить манишками, тем более, что, кроме посланной к вам манишки, у меня две только, из коих одна еще домашняя.

<Пояснительные подписи к рисунку, приложенному Н. В. Гоголем к письму к матери от 5 января 1830 г.>

Оглавие и отбор Дорический

Окна в большом размере в Гостинной и Спальне

На окошках цветные стекла. Это необыкновенно красиво. Я еще не помню, чтобы мода когда-нибудь могла изобресть что-нибудь лучше этого. Не думайте, чтобы стало дорого, стоит только послать на фабрику, что находится в шести верстах от Нежина (в лавках не советую покупать и простого стекла, в них[1] очень дорого). На фабрике нужно заказать простого бутылочного зелено-желтого да синего, употребляемого обыкновенно на сулеях стекла несколько шибок или листов. Если же не будет оказии ехать на фабрику, то покаместь вставлять одни белые.

Перекладинки, переплетающие и разделяющие шибки, должны быть[2] не слишком толсты и выкрашены черною краскою.

105. М. И. Гоголь

С.-Петербург. Февраль 2 <1830>

Я получил письмо ваше, почтеннейшая маминька, пущенное вами 12 генваря. Слава Богу! вы вне опасности. Я так был напуган, узнав от Андрея Андреевича, что вы вместе со всем нашим семейством очень больны, что отдохнул тогда только, когда прочел собственные ваши строки. Недели три назад, как я отправил к вам письмо с фасадом и планом дома, а я старался приспособить их так, чтобы сколько можно менее было издержек. Месяц назад я сам был нездоров, но теперь поправился, слава Богу. Снова хожу каждый день в должность и в силу, в силу перебиваюсь. Еще недавно взял у Андрея Андреевича 150 р. на обмундировку. Думал, что останется что-нибудь в присоединение к моему содержанию; напротив, еще должен прибавить. Жалованья получаю

[1] в них *вписано.*

[2] *Далее было:* тонень<кие>

сущую безделицу. Весь мой доход состоит в том, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для г. журналистов, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маминька, если я вас часто беспокою просьбою доставлять мне сведения о Малороссии, или что-либо подобное[1]. Это составляет мой хлеб. Я и теперь попрошу вас собрать несколько таковых сведений, если где-либо услышите забавный анекдот между мужиками в нашем селе, или в другом каком, или между помещиками. Сделайте милость, вписуйте для меня также нравы, обычаи, поверья. Да расспросите про старину хоть у Анны Матвеевны или Агафию Матв<еевну>: какие платья были в их время у сотников, их жен, у тысячников, у них самих; какие материи были известны в их время, и всё с подробнейшею подробностью; какие анекдоты и истории случались в их время смешные, забавные, печальные, ужасные. Не пренебрегайте ничем, всё имеет для меня цену. В столице нельзя пропасть с голоду имеющему хотя скудный от Бога талант. Одного только нужно опасаться здесь бедняку — заболеть. Тогда-то уже ему почти нет спасенья: источники его доходов прекращаются, издержки на лекарства и лекарей для него совершенно невозможны, и ему остается одно средство — умереть. Но этого со мною никогда не может случиться: здесь есть Арендт, которого искусство и благородная душа чужды всякого интереса.

Часто наводит на меня тоску мысль, что, может быть, долго еще не удастся мне увидеться с вами. Как бы хотелось мне хотя на мгновение оторваться от душных стен столицы и подышать хотя на мгновение воздухом деревни! но неумолимая судьба истребляет даже надежду на то. Как подумаю о будущем лете, теперь даже томительная грусть залегает в душу. Вы помните, я думаю, как я всегда рвался в это время на вольный воздух, как для меня убийственны были стены даже маленького Нежина. Что же теперь должно происходить в это время, когда столица пуста и мертва, как могила, когда почти живой души не остается в обширных улицах, когда громады домов с вечно[2] раскаленными крышами одни только кидаются в глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладного местечка[3], где бы можно было освежиться! Не мудрено, когда прошлый год со мною произошло такое странное, безрассудное явление; я был утопающий, хватившийся за первую

[1] или что-либо подобное *вписано.*

[2] вечно *вписано.*

[3] ни одного деревца

попавшуюся ему ветку. Хотя бы на это время я был в состоянии нанять комнатку где-нибудь на даче, за городом; но там квартиры несравненно дороже, а при бедности моего состояния это почти невозможно.

Еще осмеливаюсь побеспокоить одною просьбою: ради Бога, если будете иметь случай, собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости, какие отыщутся в наших местах, стародавние старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особливо стрелы, которые во множестве находимы были в Псле. Я помню, их целыми горстями доставали. Сделайте милость, пришлите их. Я хочу прислужиться этим одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит улучшение моей участи. Нет ли в наших местах каких[1] записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних про времена гетманщины и прочего подобного? Простите меня великодушно, маминька, что я вас забрасываю просьбами и причиняю великое беспокойство. Чтобы не было вам тягости, вы разделите свои поручения людям, на которых можете положиться в этом случае.

Дай Бог, чтобы вы наконец пользовались благополучием, достойным вас, при каком желании и остаюсь

ваш покорнейший и послушнейший сын

Николай Гоголь-Яновский.

P. S. Глубокое почтение и поклон дедушке Ивану Матвеевичу, бабушкам Марье Илиничне и Анне Матвеевне.

Целую заочно ручки милой тетиньки[2] Катерины Ивановны и милую сестрицу, также и маленьких.

Я слышал про ужасные холода и морозы, свирепствующие в наших местах. Тем более это для меня странно, что здесь в С.-Петербурге всё это время довольно тепло. Турецкие посланники прибыли сюда благополучно и не нахвалятся учтивостью и ловкостью нашего садовника — форрейтора Павла.

[1] каких-нибудь
[2] ручки тет<иньки>

106. Директору государственного хозяйства и публичных зданий И. У. Пейкеру

<25 февраля 1830. Санкт-Петербург>

Его превосходительству
господину директору государственного
хозяйства и публичных зданий
действительному статскому советнику и кавалеру
Ивану Устиновичу Пейкеру
От студента Николая Гоголь-Яновского

Прошение

Не имея возможности служить в вверенном Вами департаменте по причине воспоследующей в скором времени долговременной моей отлучки прошу покорнейше Ваше превосходительство приказать выдать мне аттестат выданный из заведения в засвидетельствование моих успехов и поведения, представленный мною Вашему превосходительству.

Студент Николай Гоголь-Яновский.

февраля 25 дня
1830 года

107. Вице-президенту Департамента уделов Л. А. Перовскому

<27 марта 1830. Санкт-Петербург>

Его превосходительству
господину вице-президенту Департамента уделов
Льву Алексеевичу Перовскому
Двора Его Императорского Величества гофмейстеру и кавалеру
От студента Николая Гоголь-Яновского

Прошение

Имея желание служить под лестным начальством Вашего Превосходительства, приемлю смелость всепокорнейше просить об определении меня в Департамент уделов в число канцелярских чиновников по II-му отделению оного.

Выданный мене из Гимназии высших наук князя Безбородко аттестат у сего имею честь представить.

Студент Николай Гоголь-Яновский.

27 марта дня
1830 года.

108. М. И. Гоголь

1830, апреля 2-го дня. С.-Петербург.

Извините меня великодушно, почтеннейшая маминька, что я так долго не писал к вам. Заботы и вечные беспокойства тягчат меня всеми неразлучными с ними неприятностями. Я не понимаю, как я до сих пор с ума не сошел. После бесконечных исканий мне удалось наконец сыскать место, очень однако ж незавидное. Но что ж делать, важной протекции я не имел никакой, а мои покровители водили меня до тех пор, пока не заставили меня усумниться в сбыточности их обещаний. Теперь моим местом я, можно сказать, обязан своим собственным трудам. И теперь, признаюсь, я в ужасном недоумении; сам не знаю, что начать, к чему обратиться, что делать мне. Часто приходит мне на мысль всё бросить и ехать из Петербурга; но в то же время вдруг представятся мне все выгоды по службе и по всему, чего я лишусь, удалившись отсюда. Взявши в сравнение свое место с местами, которые занимают другие, я тотчас вижу, что занимаемое мною есть еще не самое худшее, что многие, весьма даже многие захотели бы иметь его, что мне только стоит удвоить количество терпения, и я могу надеяться получить повышение. Но зато эти многие получают достаточное количество для своего содержания из дому, а мне должно жить одним жалованьем. Теперь посудите сами: сокративши все возможные издержки, выключая только самых необходимейших для продолжения жизни, никого никогда у себя не принимая, не выходя никогда почти ни на какие увеселения и спектакли, отказавшись от любимого моего развлечения — от театра, и за всем тем я никаким образом не могу издерживать менее 100 рублей в месяц: сумма, с которою бы никто из молодых людей не решился жить в Петербурге (в удостоверение чего прилагаю я расход моих денег за прошедший месяц, из него вы можете увидеть истину моих слов, увидеть, что умереннее меня вряд ли кто живет в Петербурге). Сюда я не включаю денег, следующих на платье, на сапоги, на шляпу, перчатки, шейные платки и тому подобное, чего наберется не менее, как на 500 рублей. Теперь вообразите: жалованья я не получаю и 500 рублей[1]. Если присовокупить к сему и получаемое мною иногда от журналистов, то всего выйдет 600; шутка ли? Это мне выходит, и стает всё на одно только платье, сапоги, шляпу и вообще касающееся до одеяния. Где же теперь мне взять 100 рублей в месяц каждый

[1] жалованья я получаю только до 500 рублей

на свое содержание? Занявшись же службой так как следует, я не в состоянии буду заниматься посторонними делами. Хорошо, что я еще имел всё это время такого редкого благодетеля, как Андрей Андреевич. До сих пор я жил одним его вспомоществованием. Доказательством моей бережливости служит то, что я еще до сих пор хожу в том самом платье, которое я сделал по приезде своем в Петербург из дому, и потому вы можете судить, что фрак мой, в котором я хожу повседневно, должен быть довольно ветх и истерся также не мало, между тем как до сих пор я не в состоянии был сделать нового, не только фрака, но даже теплого плаща, необходимого для зимы. Хорошо еще, я немного привык к морозу и отхватал всю зиму в летней шинели. Деньги, которые я выпрашивал у Андрея Андреевича, никогда не мог употребить на платье, потому что они все выходили на содержание, а много я просить не осмеливался, потому что заметил, что я становлюсь уже ему в тягость. Он мне несколько <раз> уже говорил, что помогает мне до того времени только, пока вы поправитесь немного состоянием, что у него есть семейство, что его дела также не всегда в хорошем состоянии. И вы не поверите, чего мне стоит теперь заикаться ему о своих нуждах. Теперь, в добавку, он располагает ехать в мае месяце совсем из Петербурга. Что мне делать в таком случае[1]? Вы бы не худо однако же сделали, почтеннейшая маминька, если бы написали к нему письмо, в котором бы выразили ему в самых живейших и трогательнейших словах свою благодарность и вместе сказали бы ему, что я в своих письмах к вам не могу нахвалиться его ласками и его благодеяниями, беспрестанно мне оказываемыми. Пусть по крайней мере не думает обо мне, что я неблагодарен. Теперь остается мне спросить вас, маминька: в состоянии ли вы выдавать мне[2] в месяц каждый по 100 рублей? Но, сделайте милость, говорите точную правду; если это будет не по состоянию вашему, если чрез это вы принуждены будете отказывать себе в необходимом, о! в таком случае я решусь пожертвовать всеми выгодами службы, решусь бросить Петербург, где, может быть, я бы составил себе счастие, удалюсь куда-нибудь в провинцию[3], где бы содержание мне не стоило так дорого, короче — всё сделаю, на что только возможно решиться, лишь бы не навесть новых огорчений[4] и забот вам! Но Боже вас

[1] делать теперь
[2] *Далее начато:* в вспоможение к моим
[3] в глушь
[4] горестей

сохрани, великодушная моя маминька, если вы скажете мне, что в состоянии, и между тем необыкновенных усилий и отказов во всех необходимых потребностях это будет стоить вам[1]: в таком случае ваше вспомоществование обратится мне в едкое мучение; я буду почитать себя преступником, который тучею беспокойств помрачает и сокращает драгоценные дни ваши.

Все посылки ваши получил и не могу возблагодарить достойно за них вас[2]. В них я видел новые знаки ваших нежнейших забот обо мне и живейшее старание снабдить меня всем нужным. Приношу благодарность тетиньке Катерине Ивановне, которая решилась пожертвовать временем — собрать для меня несколько любопытных песен; но драгоценнейшие из них есть, однако ж, списанные вами две запорожские. Благодарю также Лукерью Фед<оровну> и Марью Бор<исовну> за их участие, жаль только, что в <не>которых местах рука так неразборчива, что я до сих пор многого не разобрал.

Вы писали мне, что не совсем довольны моим планом дому, а именно, что я не выставил пристроек, и чрез то девичью комнату по моему плану вы находите слишком малою. На это я могу отвечать, что в нынешнем вашем доме, в котором вы живете, и девичья, и детская, всё вмещается в одной комнате, которая часто служит сверх того туалетом для сестры и для вас, и потому я полагал, что небольшой особой комнаты довольно будет для девичьей, — тем более, некоторые из них должны сидеть и в детской комнате и в Машинькиной, через это предполагал и сбережение лесу <и> издержек за работу, которые, по словам вашим, немаловажны: 500 р. за одну только приделку небольших, маловажных пристроек — за одну плотническую работу. Эта цена даже здесь в Петербурге не назвалась бы дешевою. Впрочем, может быть, теперь у нас работники вздорожали, я этого не знаю, мне бы казалось только, что гораздо лучше своими снять мезонин и укрыть крышу, а особливо, если случится у вас архитектор. Пристройка же небольшая с мудростью одного десятка мужиков[3] может уладиться[4]. Во многих местах Европы, а теперь и в России, в тех странах, где мало лесов, употребляют для постройки домов особенный состав, которого главную часть составляет глина. Видевши собственными глазами производство таких

[1] вам *вписано.*
[2] *Далее начато:* Из них
[3] одного мужика
[4] *Фраза вписана.*

строений, я не мог надивить<ся> красивости и прочности их; пожары, бывающие гибельными для каменных строений, ничего не могут сделать над построенным из этого состава, потому что глина от огня не разрушается, а делается крепче еще. С радостию сообщил бы я описание производства, но знаю, что наши мужики не поймут и, напроказивши, назовут еще негодным это изобретение; притом его нужно видеть самому. Теперь везде стараются распространять засевание картофеля, польза которого так очевидна, что я бы советовал попробовать вам в небольшом количестве. В других странах прекратили засевание хлеба и сеют только картофель. Вы хотите знать пользу его? она многочисленна: во-первых, картофель в миллион раз родится более всякого хлеба, во-вторых, на картофель никогда не бывает неурожая[1]: он не боится ни засухи, ни граду, ничего. Употребление же его тоже многоразлично. Из муки делаются недурные хлебы, особливо с примесью четвертой доли другого хлеба, из картофеля делается отличный крахмал, несравненно лучше пшеничного, но самое главное, что из картофеля выходит горелка, не уступающая делаемой из жита, и доходит до 22 градусов. Муки, по расчислению практиков, картофельной выходит с одной десятины столько, сколько из двадцати десятин другого хлеба; доход с одной десятины полагают простирающимся до 500 рублей. Это статья, кажется, такая, которою бы стоило позаняться. С картофеля делают вино таким образом: сваривши картофель, растирают его и наливают на него теплой воды вдвое больше количеством против картофеля, дать сему затору притти в брожение, для ускорения коего прибавить немного солоду и пивных дрожжей. Когда всё это придет в совершенное брожение, то перелить сию брагу в куб, из которого и получится вино от 20 до 22 градусов. Сделайте из него хоть одно ведро на пробу и напишите, будет ли что-нибудь у вас из него.

В самое это время, когда я хотел окончивать письмо мое к вам, посетил меня начальник мой по службе, с не совсем дурною новостью[2], что жалованья мне прибавляют еще двадцать рублей в месяц. Итак я снова спрашиваю вас, маминька, можете ли вы мне высылать по 80 рублей в месяц (исключая мая, за который мне необходимо нужно 100[3]). Уменьшение, правда, маловажное, но по крайней <мере> утешительно тем, что меня замечают; это дает мне право надеяться, что не будет ли еще

[1] неурожаю
[2] с приятною новостью
[3] за который я не получу еще прибавки

прибавки к новому году. Но впрочем, если не в состоянии высылать мне по такой сумме, то, сделайте милость, не затрудняйте себя. Я повторяю снова, что буду почитать себя причиною всех горестей и беспокойств. Я уже совещался здесь и насчет моего намерения переместиться в провинцию, но признаюсь, Боже сохрани если доведется ехать в Россию. По-моему, ежели ехать, так уже ехать в одну Малороссию. Но признаюсь, если рассудить, как нужно, то, несмотря на мою охоту и желание ехать в Малороссию, я совершенно потеряю всё, если удалюсь из Петербурга. Здесь только человеку достигнуть можно чего-нибудь; тут тысяча путей для него; нужно только употребить терпение, с которым можно-таки дождаться своего.

Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вам один, который, по важности своих статей, почитается здесь лучшим и который достается мне даром, по причине небольшого моего участья в издании его. Каждый месяц выходит книжка, которую я буду немедленно препровождать к вам. Посылаю вам также нововышедший роман, подаренный мне самим автором.

Простите, добрейшая[1] из матерей и попечительнейшая, за мои вечно наносимые неприятности вам. Чего бы я не дал, чего бы не сделал, чтобы избавить вас от них! Извините, что так дурно и неразборчиво пишу. Рука у меня обовязанна[2] и разрезана разбитым стеклом, боль мешает мне более писать. До следующего письма. Простите. Очень жалею, что не в силах более написать вам о нужных предметах, которые я хотел было сообщить в вашем письме, теперь откладываю.

Ваш до гроба послушный и нежно вас любящий сын

Н. Г<оголь> Я<новский>.

Приход и расход за декабрь 1829 и январь 1830.

Декабрь.

Приход.

Получено от его превосходительства Андрея Андреевича	150 р.
Итого	150 р.

[1] Простите меня [достойнейшая] привязаннейшая

[2] *Далее начато:* по прич<ине>

Жалования в этот месяц не получил, по причине вычету за переименование в чин, на инвалидов, на госпиталь и проч. чтения	
Прежних оставалось	20 р.

Расход.

За квартиру	25 р.
На стол	25 р.
На дрова	7 р.
На свечи	3 р.
Водовозу	2 р.
На чай, сахар и хлеб	20 р.
В библиотеку для чтения	5 р.
На сапоги	10 р.
Прачке	5 р.
На содержание человека	10 р.
Куплено ваксы на	1 р. 50 к.
Итого	113 р. 50 к.
Кроме того за мытье полов заплачено	1 р. 50 к.
На лекарство	3 р. 70 к.
На цирульника	1 р. 50 к.
Итого	6 р. 70 к.

Январь.

Приход.

Получено жалованья за м. январь	30 р.
От Андрея Андреевича полученных осталось	50 р.
Выручил за статью, переведенную с французского: О торговле русских в конце XVI и начале XVII века, для Северного Архива	20 р.
Итого	100 р.

Расход.

За квартиру	25 р.
На стол	25 р.
На дрова	7 р.
На сахар, чай и хлеб	20 р.
На свечи	3 р.
Водовозу	2 р.
За перчатки заплачено	3 р.

Прачке	5 р.
На содержание человека	10 р.
За два носовых платка	2 р. 50 к.
На мелкие издержки, как-то: извозчикам, цирульникам и проч. потреблено	5 р.
На подтяжки	4 р.
Итого	111 р. 50 к.
В баню	1 р. 50 к.

109. М. И. Гоголь

1830, июня 3. С.-Петербург.

До сих пор не могу притти в себя после прочтения письма вашего, великодушная маминька; в изумлении перевертываю его в руках и не умею назвать того странного впечатления, которое произвело оно во мне. Как! столько пожертвований, с таким самоотвержением, и для кого? для того, который до сих пор не доставил вам ни одного еще утешения, не только помощи... Столько беспокойств, столько душевных тревог; столько печалей, и всё об ком?.. Безумец! как я мог в часы, когда неудачи и несчастия подавляли меня, как я мог в эти часы отчаиваться и изливать желчь на весь мир, когда есть одно существо, ангел со всеми ангельскими совершенствами, который любит меня со всеми моими слабостями, которому одному только моя жизнь дороже всего на свете — и я мог, в полном избытке счастия, почитать себя несчастливейшим! Но как назвать того, который за всю эту безграничную любовь платит черною неблагодарностью, причиняет беспрестанно новые заботы и наводит целые тучи огорчений? Я не в состоянии выдумать ему приличного названия, но положения этого несчастливца я не пожелал бы и злейшему врагу: состояние души его ужасно. Одно только заставляет меня терпеть и покорствовать, что, верно, Бог, пославший мне такое редкое благо в этом мире, имеет обо мне особенное Свое попечение...

Чтобы не оставлять вас в недоумении обо мне насчет службы и прочего, я буду отвечать на письмо ваше по пунктам. Служу я еще только третий месяц в департаменте уделов, находящемся в ведении министерства Двора. Главный начальник мой — вице-президент Департамента, гофмейстер Л. А. Перовский. Начальник отделения мой, от которого я непосредственно завишу (я нахожусь во 2-м отделении), В. И. Панаев, человек очень хороший, которого в душе я истинно уважаю; если же вы хотите

знать и столоначальника, которого должность не велика, однако ж, и который мало надо мною влияния имеет, то фамилия его Д. И. Ермолов, человек, впрочем, недурной и не без воспитания.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов вообще о службе. Вы говорите, почтеннейшая маминька, что многие приехавшие в Петербург, сначала не имевшие ничего, жившие одним жалованием, приобрели себе впоследствии довольно значительное состояние единственно стараниями и прилежанием по службе и приводите в пример Гежелинского. Я вам сотню сам приведу примеров таких людей, которые точно, не имея ни гроша, приобрели впоследствии многое; но вспомните, к какому времени это относится, когда протекало их поприще службы. Зачем вы не приведете в пример хотя одного такого, который бы в нынешнее время, то есть, в последнюю половину царствования Александра и в продолжение царствования Николая приобрел богатство по службе? В этом-то и дело, что не те времена. Это вам скажет всякий служащий в столице. Тогда, особливо в царствование блаженной памяти Екатерины и Павла, сенат, губернские правления, казенные палаты были самые наживные места. Теперь взятки господ служащих в них гораздо ограничены; если же и случаются какие-нибудь, то слишком незначительны и едва могут служить только небольшою помощью к поддержанию скудного их существования. В департаментах же министерств служба несколько более еще облагорожена. Прежде человеку, прослужившему несколько лет верою и правдою, в награждение давали целые поместья, душ тысячу и более крестьян; теперь же вы сами знаете, этого ничего не дают уже. Стало быть, вы спросите, теперь никаких нет выгод служить? Напротив, они есть, особливо для того, кто имеет ум, знающий извлечь из этого пользу, предположивший впереди себе мету, ставши на которую, он в состоянии дать обширный простор своим действиям, сделаться необходимым огромной массе государственной; этот ум должен иметь железную волю и терпение, покамест не достигнет своего предназначения, должен не содрогнуться крутой, длинной — почти до бесконечности и скользкой лестницы, должен не упускать из виду малейшего обстоятельства, кажущегося посторонним, но способствующего сколько-нибудь к повышению его, должен отвергнуть желание раннего блеска, даже пренебречь часто восклицанием света: «Какой прекрасный молодой человек! как он мил, как занимателен в обществе!» Никакое желание[1] рассеяния, забав и развлечений всякого рода

[1] Никакое постороннее желание

не должно останавливать его; он может казаться занимающимся ими, но не на самом деле.

Те, которым не дан в удел этот многосторонний, деятельный ум, ограничиваются тем, что, выслужив узаконенные 35 лет, выходят в отставку и получают полный пансион, равный получаемому ими в последний год жалованию; этот пансион достаточен для прокормления их до смерти; впрочем, участь этих людей мне не завидна. Служить, не имея другой цели, как только той, чтобы получить пансион, небольшое благо[1]. Я и доныне того мнения[2], что человеку стоит только захотеть, чтобы получить, если то, что он захочет, возможное; разумеется, что здесь подразумевается терпение и неколебимость.

Через год, а может быть, и ранее, надеюсь я получить штатное место. Это составляет покаместь единственное мое желание, и получение его будет для меня неизъяснимою радостью, потому что освободит от тягостной обязанности получать от вас вспоможения, когда оно вам более всего нужно.

Не думайте, почтеннейшая маминька, что я нерадиво занимаюсь своею должностью. Вы это заключаете из того, что мне прибавки произошло всего только 20 рублей в месяц; но не думайте, чтобы 240 рублей в год приращения было маловажно для меня. По месту, мною занимаемому, я не могу, хотя бы и из кожи лез, получить более. Литературные мои занятия и участие в журналах я давно оставил, хотя[3] одна из статей моих доставила мне место, ныне мною занимаемое. Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю свой обширный труд. Надеюсь, что вы по-прежнему, почтеннейшая маминька, не оставите иногда в часы досуга присылать все любопытные для меня известия, которые только удастся собрать. Не могу изъяснить моей благодарности любезной моей сестрице Машиньке, которая так много трудилась для меня в этом деле и которой прекрасные качества узнаю я с каждым разом более. Пусть однако ж она не думает, что я до такой степени неблагодарен, что забываю о ней. В письме моем, принося благодарность даже Лукер<ье> Фед<оровне> и Мар<ье> Бор<исовне> я не помянул о ней ни слова, потому, что хотел писать к ней особо. И для этого-то самого я и теперь в письме вашем не пишу ничего, относящегося к ней.

[1] небольшая карьера

[2] Я и доныне той цели

[3] *Далее начато:* из одной

Несмотря на все старания свои, я[1] не мог, однако ж, иметь никакой возможности переехать на дачу. Судьба никаким образом не захотела свесть меня с высоты моего пятого этажа в низменный домик на каком-нибудь из островов. Необходимости должно повиноваться, но я всячески стараюсь услаждать свое заключение. Мне советуют делать сколько можно больше движения, и я каждый почти день прогуливаюсь по дачам и прекрасным окрестностям. Нельзя надивиться, как здесь приучаешься ходить: прошлый год, я помню, сделать верст 5 в день была для меня большая трудность, теперь же я делаю свободно верст 20 и более и не чувствую никакой усталости. И это здесь вовсе не удивительно, всякой этим может похвалиться. В 9 часов утра отправляюсь я каждый день в свою должность и пробываю там до 3-х часов, в половине четвертого я обедаю, после обеда в 5 часов отправляюсь я в класс, в Академию художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить, — тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней, и все они кроме труда и старания ничего не требуют. По знакомству своему с художниками, и со многими даже знаменитыми, я имею возможность пользоваться средствами и выгодами, для многих недоступными. Не говоря уже об их таланте, я не могу не восхищаться их характером и обращением; что это за люди! Узнавши их, нельзя отвязаться от них навеки, какая скромность при величайшем таланте! Об чинах и в помине нет, хотя некоторые из них статские и даже действительные советники. В классе, который посещаю я три раза в неделю, просиживаю два часа; в семь часов прихожу домой, иду к кому-нибудь из своих знакомых на вечер, — которых у меня таки не мало. Верите ли, что одних однокорытников моих из Нежина до 25 человек. Вы, может быть, думаете, что такое знакомство должно быть в тягость — ничуть, это не в деревне, где обязаны угощать своих гостей столом или чаем. Каждый у нас ест у себя, приятелей же и товарищей угощают беседою, которою всякой из нас бывает вполне доволен. Люди различных характеров, разного темпераменту всегда найдут об чем поговорить, поспорить и образнообразить свой разговор. Три раза в течение недели отправляюсь я к людям семейным, у которых пью чай и провожу вечер. С 9 часов вечера я начинаю свою прогулку, или бываю на общем гуляньи, или сам отправляюсь на разные дачи; в 11 часов вечера гулянье прекращается, и я возвращаюсь домой, пью чай, если нигде не пил (вам не должно показаться это поздним: я не

[1] я до сих пор

ужинаю), иногда прихожу домой часов в 12 и в 1 час, и в это время еще можно видеть толпу гуляющих. Ночей, как вам известно, здесь нет; всё светло и ясно, как днем, только что нет солнца. Вот вам описание моего летнего дня; всячески стараюсь я лучше провесть его, но всё почти вспоминаю за каждым разом деревню. Воздуху здесь нет настояще деревенского; весны совсем нельзя заметить; самые растения утратили здесь свой запах, как пересаженные насильственною рукою на неродную им почву; всё лето и весна продолжаются здесь только три месяца; остальными девятью месяцами управляют деспотически зима и осень. Удовольствия, которые имею я здесь, все почти состоят из упомянутых, и потому не стоят мне ничего. Всякая копейка у меня пристроена, и малейшее исключение уже причиняет расстройство всему моему регулярному ходу издержек.

Но я, кажется, еще не на все пункты ваши ответил. Все распоряжения, сделанные вами касательно построек, очень хороши и отличаются всегдашнею вашею предусмотрительностью и благоразумием, касательно же моего мнения разводить картофель, если она у нас мало родит, то об этом нечего думать; не советую даже и водки из него делать, потому что это в таком только случае, когда картофлю несравненно большее множество, нежели хлеба.

Еще едва было не позабыл отвечать на один ваш запрос[1], который повергнул меня еще в большее удивление, нежели вас: до сих пор не могу постичь, отчего произошло ваше недоумение и беспокойство, услышавши, что я обрезал стеклом себе руку (еще бы ничего, если бы кинжалом, ножом или другим каким орудием). Не представлялось ли вам, почтеннейшая маминька, что я где-нибудь на вакхической пирушке, в припадке излишней веселости, вздумал колотить рюмки и бутылки, или, чего доброго, не пожелалось ли мне пролезть куды-нибудь в окошко? Ничего не бывало; я стал ломать стекло в намерении выгладить им палочку для кисти своей и обрезал большой палец, который чрез то помешал моей приятной обязанности продолжать письмо далее — вот и всё.

Посылаю вам следующий № журнала, разрезавши который, найдете вы в листах его письмо это, хитрость, которую я сделал, во избежание двойного платежа и за письмо, и за посылку, между прочим, как мне то и другое стало столько же, сколько одно письмо.

[1] на один ваш пункт

Предуведомляю вас, что в этой книжке, равно и во всех последующих, вы не встретите уже ни одной статьи моей. Занятий моих литературных хотя я и не прекратил, однако ж как они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, как по истечении довольно продолжительного времени. Рекомендую вам прочесть описание Полтавы господина Свиньина, в котором я, хотя и природный жилец Полтавы, много однако ж нашел для меня нового и доселе неизвестного.

Целуя ваши ручки, остаюсь вечно благодарным и послушнейшим сыном

Николай Гоголь.

Бабушкам, дедушке поклон; всех домашних обнимаю. Если Катерина Ивановна тетинька у нас, целую несколько раз ее ручки.

110. М. И. Гоголь и М. В. Гоголь

СПб. Сентября 1-го д<ня>. 1830.

Никаким образом не могу постигнуть причины вашего молчания, почтеннейшая маминька. Вот уже скоро будет два месяца, как я не получаю от вас никакого известия. Ради Бога, если вы имеете жалость к вашему сыну, которого всё счастие, всё благополучие заключается в вас, в доставлении вам утешения и минутного забвения ваших непрерывных забот, хотя одним словом, одной строчкой напишите, что вы здоровы, и я счастлив.

Два письма мои не имели никакого успеха совершенно. Из них вы знаете подробно уже о моей службе и ежедневных занятиях. Андрей Андреевич был так милостив[1], видя нужду мою, что оказал мне помощь, какой только можно было ожидать от добрейшего родственника. С июня месяца, т. е. с тех пор, когда я не получал ничего уже от вас, я пользовался его благодея<нием>: на три месяца он мне выдал сумму, какую следовало бы мне получить от вас. Следовательно за прошедшие месяцы июнь, июль и август[2] вам нечего беспокоиться. Завтра, или послезавтра Андрей Андреевич уезжает отсюдова, и потому вчера дал еще мне и на первую половину сентября.

Служба моя идет очень хорошо; начальники мои все прекрасные люди. Всего только четыре месяца, как я служу[3], а получил на днях уже штатное место, до которого многие по пяти лет

[1] *Далее начато:* что

[2] июнь, июль и август *вписано.*

[3] *Далее начато:* и имею

дослуживаются, иные даже по десяти, а всё не получают. С нового года надеюсь получать 1000 рублей жалованья, а до того времени должен буду еще беспокоить вас, великодушная маминька. Всего в этом году следует вам выслать мне 300 рублей, которые можно разделить на два куша.

Часто большие неудобства встречаются иногда от замедления присылки, и тогда принужден я бываю продавать за бесценок самонужнейшие вещи, которых приобретение становится впоследствии мне несравненно дороже.

Но нужнее всего теперь для меня письмо ваше. Оно одно доставит мне удовольствие, и заставит забыть и крайность, и нужду, и голод, и все неприятности в свете. Ради Бога, не мучьте меня более, несравненная маменька. Одна строчка ваша — и я благополучнейший человек.

Н. Гоголь-Янов<ский>.

Я пишу так несвязно и мало[1], и неудовлетворительно, что вы, без сомнения, не будете довольны; но теперешнее письмо мое есть выражение душевных беспокойств.

Тебя прошу, моя бесценная сестрица Машенька, если маминьке недосуг или, может быть, за хлопотами недостает времени, написать мне поскорее слова два, что я бы знал по крайней мере, что вы здоровы. Прощай, бесценный друг мой!

Твой брат Н. Г<оголь> Яновский.

111. М. И. Гоголь

1830 года. Сентября 29-го дня. С.-Пбург.

Письмо ваше, бесценнейшая маминька, пущенное вами от 11-го сентября, я сегодня получил и спешу сегодня же отвечать вам. Ни с чем не могу сравнить того чувства, которое наполнило меня, когда увидел вашу собственную руку. Слава Богу, вы здоровы; к полному моему удовольствию недостает, чтобы сестрица, милая моя Машенька, освободилась совершенно от своей болезни. Мне кажется, что ей причиняет часто болезнь и то, что она иногда горюет. Ради Бога, отгоняйте от себя всякое горе. Мне верится, что Бог особенное имеет над нами попечение: в будущем я ничего не предвижу для себя, кроме хорошего. Деньги, присланные вами, я принимаю за сентябрь, октябрь и ноябрь; прежние же месяцы, благодаря редкому, добрейшему нашему

[1] и неразб<орчиво>

благодетелю Андрею Андреевичу, прожил я его деньгами. Я вам уже писал (если вы получили письмо мое, писанное в сем месяце), что получил штатное место, что составляет довольно редкий случай получить так скоро. Жалованья мне хотя и не прибавили, однако ж обнадеживают, что с нового года дадут, и потому в следующем году я надеюсь получить от вас половину назначенной мною суммы, и это, с надеждою на Бога, полагаю, будет последний год, в который получу от вас[1] вспоможение, а там надеюсь быть полезным и вам. Всё мне идет хорошо. Ваше благословение, кажется, неотлучно со мною. Прошу только вас не давать поселяться в сердце вашем беспокойству насчет меня. В письме вашем между прочим беспокоитесь, что квартира моя на пятом этаже. Это здесь не значит ничего, и, верьте, во мне не производит ни малейшей усталости. Сам Государь занимает комнаты не ниже моих; напротив, вверху гораздо чище и здоровее воздух. Начальники мои действительно хорошие люди, и я ими весьма доволен. Не будете ли видеться с Шамшевыми? Они хорошо знакомы с Панаевым и ведут с ним переписку. В таком случае не мешало бы, если бы они упомянули и обо мне. Это, я думаю, ускорило бы мне прибавку жалованья. Словца два-три от хороших людей всегда не помешают.

Новостей у нас в столице нет почти никаких. Погода испортилась, дождлива и сыра. Лейб-гвардии Измайловский и Конный полк праздновали на днях столетнее свое существованье. Праздник был блистательный; все офицеры, которые когда бы то ни было служили в этих полках, в полных мундирах присутствовали при нем, и солдаты, в первый раз, может быть, от роду, пили шампанское. С 23-го сентября Академия художеств открыла выставку произведений своих за три прошедшие года. Это для жителей столицы другое гулянье: около тридцати огромных зал наполнены были каждый день до 27 числа толкающимися взад и вперед мужчинами и дамами, и здесь встречались такие, которые года по два не видались между собою. С 27 числа Академия открыта и для простого народа.

Свидетельствуя заочно мое почтение и мою признательную любовь дедушке, бабушкам и обнимая милую мою сестрицу, с желанием ей совершенного здоровья, остаюсь вечно вас любящим

и послушнейшим сыном Н. Гоголь-Я<новским>.

[1] в который я попрошу у вас

Всем нашим знакомым свидетельствую мое почтение и посылаю поклон; маленьких сестриц целую мысленно.

Позвольте при сем поздравить вас, бесценнейшая маминька, с наступающим днем Ангела вашего и пожелать всегдашнего здоровья, спокойствия душевного и счастия. Я же прошу у Бога дать мне силы и возможность доставить вам утешение, которого так долго вы от меня не имели еще.

112. М. И. Гоголь и М. В. Гоголь

Октября 10. <1830. Санкт-Петербург>

Посылаю вам, бесценнейшая маминька, три следующие книжки Отечественных Записок, в них однако ж, выключая разве некоторых, мало занимательных статей. Предупреждаю[1] вас, чтобы и не искали там чего-нибудь моего, потому что я уже с давнего времени не участвую в сем журнале, как потому, во-первых, что занятия мои по службе увеличились, так и потому, что мной в остающееся мне свободное время овладевает общая всем почти малороссианам проклятая лень, с которой доселе я был в непримиримой вражде и которая, кажется, ныне смеется над моим усилием преодолеть ее. Наконец наш добрый благодетель Андрей Андреевич выехал к крайнему моему сожалению из Петербурга в прошлую середу, 8-го числа сего месяца. Теперь никого близкого мне не осталось: здешних знакомых как-то всё почитаешь чужими, и потому-то мне вдвое грустнее показалось после их отъезда. Прибегнуть в случае нужды не к кому, узнать об вас в случае вашего по какому-нибудь случаю молчания не от кого; это одно опечаливает меня.

Без сомнения вам известно, что Андрей Андреевич поехал не на Москву, как прежде думал, но на Киев и намерен зимовать в Кагорлыке. Печалит меня еще слишком болезнь моей доброй сестрицы Машеньки.

Ради Бога, милая сестрица моя, береги свое здоровье, старайся сколько можно отдалять от себя печальные мысли и воображай себе беспрестанно так, как я, что они таки придут, те благословенные времена, когда мы будем снова все вместе и уже в полном довольстве, когда ты увидишь не того причудливого и своенравного брата, который так часто оскорблял тебя, но кроткого, признательного[2], которого нужды и опыт переродили совершенно

[1] Предупреждаю однако же

[2] брата *вписано.*

и сделали другим человеком, и мы тогда станем вместе служить нашей несравненной, единственной маминьке, предупреждая малейшие желания; и, может быть, Бог милостив, Он верно нам поможет в том — доставим утешения и истребим у нее из памяти те годы печалей, которые наносил я чувствительному ее сердцу. Ты, верно, бесценная моя сестрица, напишешь мне несколько слов о себе, чтобы я удостоверился в твоем здоровье. Давно уже я не получал от тебя писем.

113. М. И. Гоголь

Декабря 19 дня, 1830. <Санкт-Петербург>

Чувствительно благодарю вас, почтеннейшая маминька, за присланные вами деньги сто рублей. Верьте, что я знаю им цену: могу ли я что-либо из них употребить на ненужное, когда на каждой из сих ассигнаций читаю я те величайшие труды, с которыми оне достаются вам. Давно уже меня занимает одна и та же мысль — доставить вам в этом отношении облегчение. Мои удвоившиеся труды, мои успешные занятия и лестное внимание ко мне, — всё заставляет меня думать, что участь моя к моему и вашему удовольствию переменится, и в наступающем 1831 году, с которым заблаговременно поздравляю вас, желая счастия и всегдашнего здоровья, предвижу я для себя много хорошего. Будьте спокойны на мой счет и не слушайте никаких глупостей, разносимых ничтожными людьми. Прежде нежели вы решитесь верить человеку, рассмотрите наперед его внимательнее, достоин ли он того, чтобы верить ему. Человека, о котором вы говорите, я довольно хорошо знаю, хотя никогда не бывал коротко знаком с ним. О моих *великих дарованиях* и о *добром сердце* он не имеет никакого права говорить: о первых он не имеет понятия, второго не имел случая узнать. Если же он называет меня *чудаком*, потому что я избегал короткого обхождения с ним, то этакого чудака он должен встретить во всяком порядочном человеке. Занятий же у меня так много, что мне редко достается переговорить даже с теми людьми, которых я истинно уважаю, и потому мне некогда было уделять времени *собакам*. Но чтобы решиться сделать подобный глупый поступок с Кутузовым, для этого нужно быть человеком, просто сумасшедшим, или не получившим совершенно никакого образования. Если бы я даже не был знаком с Кутузовым, я бы и тогда не отказал ему в уважении, зная его достоинство и услуги, оказанные им своему отечеству.

Если бы вовсе незнакомый человек поклонился мне, хотя бы даже это был простой ремесленник или слуга, я бы отплатил ему тем же, потому что этого требуют правила учтивости и вежливости. Мне очень больно, что я принужден вам говорить об этом человеке, потому что я не люблю расславлять худого про кого бы то ни было, но вы сами заставили меня. Я отвечал сначала молчанием на расспросы о нем[1] сестрицы моей и вовсе не хотел говорить о нем. Когда он у меня просил письма к вам[2], при отъезде своем отсюда (где он так славно окончил карьер свой) я не дал ему, потому что в письме должен бы был рекомендовать вам его с хорошей стороны и впоследствии вы бы, может быть, пеняли на меня, что я доставил вам такое знакомство. Теперь вы имеете случай узнать его сами и увидеть, что он за цаца.

Все эти сплетни от таких людей[3] мне столько же приносят неудовольствия, сколько может принесть его неважное[4] ни для кого происшествие. Но мне больно то, что вы сами, маминька, обо мне говорите худое. Я здесь разумею письмо ваше, писанное вами пред этим. Вы мне приписываете те сочинения, которых бы я никогда не признал своими ни за какие деньги. Зачем марать мое доброе, еще не запятнанное ничем имя? Если вы так мало знаете меня, что нашли в этих сочинениях мой дух, мой образ мыслей, то вы слишком худого мнения обо мне. Неужели я заслужил его от вас? Вы бы по крайней мере обратились к какому-нибудь человеку, которому известен ход нашей литературы; тот бы вам сказал, что отрывки из комедии *Светский Быт* были помещаемы три года назад тому, когда я был еще в Нежине, в журналах и альманахах, с полною подписью автора: *Павел Свиньин,* от которого я получил и роман *Якуб Скупалов.* Сфера действия этого романа во глубине России, где до сих пор еще и нога моя не была. Если бы я писал что-нибудь в этом роде, то верно бы я избрал для этого Малороссию, которую я знаю, нежели страны и людей, которых я не знаю ни нравов, ни обычаев, ни занятий. Но главное скажите: встретили ли вы хотя одну мысль, хотя одно чувство, принадлежащее мне? Третью же, самую глупейшую статью я принужден был теперь только прочитать нарочно. Что вы нашли моего в этом *Лоскутке бумаги?* и я, посвятивший себя всего пользе, обработывающий себя в тишине для благородных

[1] о нем *вписано.*
[2] *Далее начато:* я ждал
[3] от таких людей *вписано.*
[4] ничтожное

подвигов, пущусь писать подобные глупости, унижусь до того, чтобы описывать презренную жизнь каких-то низких тварей, и таким площадным, вялым слогом, буду способен на такое низкое дело, буду столько неблагодарен, черен душою, чтобы позабыть мою редкую мать, моих сестер[1], моих родственников, жертвовавших для меня последним, для какой-нибудь девчонки. Даже имя, подписанное под этой статьею, не похоже на мое — там, если не ошибаюсь, написано: В. Б–в. Зная, что вы мне не поверите без доказательства (я не знаю, чем я утратил ваше ко мне доверие; я вам говорил, что вы не встретите в посылаемом вам журнале ничего моего, вы мне не поверили), я старался всеми силами узнать имя автора этой пьесы, и наконец узнал, что с моей стороны и не хорошо, потому что автор сам, может быть, чувствовал глупость этой статьи и не выставил полного своего имени, а я принужден объявить: это некто *Владимир Бурнашев,* служащий здесь, говорят, даже хороший молодой человек.

Но чувствую, что я заговорился много об пустяках и мое оправданье походит даже несколько на выговор. Простите, великодушная моя маминька, оскорбленному некоторого рода самолюбию, которое таится у всякого человека и заставляет его защищать себя от часто несправедливо возводимых худых качеств. Верьте, бесценная маминька, единственный правдивый друг мой (я думаю, что я должен называть вас[2] другом; я думаю, никто в мире не счастливее меня, имея такое[3] неоцененное благо), что все мои желания, все мои мысли ограничиваются доставлением вам утешения и забвения всех угнетавших вас горестей.

С каковыми чувствами и пребуду[4] век вашим послушнейшим и нежно вас любящим сыном

Н. Гоголь.

Милая сестрица!

Благодарю тебя, друг мой, за твою приписочку и за воспоминание частое обо мне. Я не знаю только, почему ты думаешь, как о несбыточной вещи, о нашем свидании. Верь, милый друг мой, что мы непременно увидимся с тобою и раньше нежели ты думаешь. Если только я буду иметь возможность приехать домой к вам на свой счет, не доставя вам никаких издержек,

[1] мою сестру
[2] извините, что называю вас
[3] *Было начато:* имея такого
[4] пребываю

то это будет мое первое дело и долг поблагодарить вас лично за ваши великодушные пожертвования для меня. Не могу тебе объяснить, как я рад счастью милой и доброй сестрицы нашей Александры Федоровны. От всей души желаю ей продолжение его на всю жизнь. Она его достойна по своей доброй, кроткой и прекрасной душе. Подарок мой, милая моя сестрица, носили ли бы его или нет, я всегда буду носить на себе, если тебе только вздумается прислать его.

Целую несчетно моих прелестных сестриц и горю нетерпением видеть их. Бабушкам, дедушке, всем родственникам, знакомым и всем, кто только помнит обо мне, поклон.

1831

114. М. И. Гоголь

Февраля 10 дни, 1831. СПб.

Письмо ваше, пущенное вами от 15-го генваря, я получил третьего дня; во всем, даже в требовании вашем уведомить о *г. Шостаке,* видна нежная ваша материнская заботливость обо мне, но, к величайшему сожалению, ваших приказаний в точности я не в состоянии теперь выполнить. Случай свел меня еще в начале прошлого 1830 года (в генваре или в феврале месяце, не помню) с одним из племянников Григория Ильича. От него узнавши о местопребывании его, я не замедлил навестить его. Он еще в то время был один из числа 7-ми откупщиков, взявших на себя город Петербург. Откупщики эти не получили никаких совершенно выгод; в разговоре, однако ж, со мною он старался не давать этого заметить. Мне странно только было найти в этом человеке, можно сказать, изжившем всю жизнь свою прожектами, черты юношеской неосновательности и то, что с своим, по-видимому, добрым сердцем успел наделать столько неприятностей другим. После я узнал уже стороною, что он находился всё это время под арестом и ему запрещен был вовсе из дому выезд; бывшие с ним в коротких связях говорят, что он никогда даже не был в хороших обстоятельствах и при редком счастии всегда бывал почти сам причиною его утраты. Впрочем, один поступок тот, посредством которого он помог родным своим, извиняет его много. Удастся ли ему уберечь что-нибудь для детей? Долг у него в несколько раз превышает имение. Теперь я его не видал, потому что не мог отыскать: несколько месяцев, как он съехал с своей

квартиры, — куда, зачем и как, никто не знает. Петербург взят на откуп в сем году какою-<то> Ост-Зейдскою компаниею.

Насчет дела г-жи Клименковой удовлетворительного ничего не могу сказать. Одна только сильная протекция могла бы сделать что-нибудь в ее пользу, но и то не в таких обстоятельствах, как ее нынешние. Вам, я думаю, известно, что комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками. Все они находятся едва ли до сих пор не под следствием; следовательно, не только не вправе требовать себе пенсии, но даже могут ожидать неприятностей. Впрочем, государь милостив. Если бы она нашла себе другой какой предлог требовать, может быть, тогда было бы это успешнее. В том или в другом случае не советуйте ей слишком надеяться и ожидать многого. Если и получит успех, пусть лучше успех этот будет для нее неожиданный. Ничего нет хуже и горестнее для человека несбывшихся надежд.

О себе скажу, что мои обстоятельства идут, чем далее, лучше и лучше: всё поселяет в меня надежду, что если не в этом, то в следующем году, я буду уже <иметь> возможность содержать себя собственными трудами; по крайней мере[1] основание положено из самого крепкого камня. Только я вас теперь сильно потревожу убедительной просьбой о присылке двух сот пятидесяти рублей. Это составит половину следуемой мне[2] суммы в нынешнем году (в теперешнем году мне нужно от вас получить только 500). В июне месяце попрошу у вас остальную половину, и это требование, надеюсь, <бу>дет последнее. Если вам можно будет теперь собрать такую сумму, то я вас прошу усерднейше, почтеннейшая маминька, прислать мне их немедленно.

Письмо ваше меня обрадовало тем, что из него увидел я, что места наши, славу Богу, благополучны. Верьте, что Бог ничего нам не готовит в будущем, кроме благополучия и счастия. Источник их находится в собственном нашем сердце. Чем оно добрее, тем более имеет притязаний и прав на счастие. Как благодарю я вышнюю десницу за те неприятности и неудачи, которые довелось испытать мне. Ни на какие драгоценности в мире не променял бы их. Чего не изведал я в то короткое время? Иному во всю жизнь не случалось иметь такого разнообразия. Время это было для меня наилучшим воспитанием, какого я думаю, редкой царь мог иметь. Зато какая теперь тишина в моем сердце! Какая

[1] *Далее начато:* тверд<ое>

[2] требуемой мною

неуклонная твердость и мужество в душе моей! Неугасимо горит во мне стремление, но это стремление — польза. Мне любо, когда не я ищу, но моего ищут знакомства. Весь этот год будет более ничего, как только утвержение мое, укрепление на месте, обеспечение от всех нужд; и потому весь этот год я не могу и не должен даже на время оставлять поста своего, следовательно, должен даже отложить надежду на радостное свидание с вами; но в следующем году вы прижмете к нежной материнской груди вашей жарко любящего вас сына

Н. Гоголя.

Мою бесценную сестрицу не знаю, как благодарить за ее подарок. Если со временем представится мне случай принесть благодарность существенную, то этот случай будет уже для меня неизъяснимая радость, а до того, целуя ее несколько раз, желаю ей всего хорошего и главное — не изменяться в своих чувствах к вечно любящему ее брату.

Живите как можно веселее, прогоняйте от себя неприятности, по крайней мере не смущайтесь ими: всё пройдет, всё будет хорошо. Неужели вы не замечаете чудной воли высшей — всё это делается единственно для того, чтобы мы более поняли[1] после свое счастие. Мысль моя всегда с вами. За чайным столиком, за обедом, я невидимкой сижу между вами[2], и если вам весело слишком бывает, это значит, что я втерся в круг ваш; и потому, если вы хотите побольше беседовать и быть со мною, вы должны непременно побольше веселиться.

Расцелуйте моими устами[3] всех трех моих красавиц сестриц, и попросите у них великодушного извинения за мою недогадливость до сих пор не прислать им даже к новому году подарка, за которую мстят[4] они до сих пор упорным молчанием.

[1] более почувствовали
[2] с вами
[3] Целую
[4] платят

115. Вице-президенту Департамента уделов Л. А. Перовскому

<23 февраля 1831. Санкт-Петербург>
Его превосходительству
господину вице-президенту Департамента уделов
Двора Его Императорского Величества
гофмейстеру и кавалеру
Льву Алексеевичу Перовскому
чиновника оного Департамента
Николая Гоголь-Яновского

Прошение

Не имея возможности по домашним обстоятельствам продолжать службу под начальством Вашего Превосходительства всепокорнейше прошу уволить меня из Департамента уделов и снабдить надлежащим аттестатом.

Студент 14 класса
Николай Гоголь-Яновский.

116. М. И. Гоголь

С.-Петербург. 16 апреля <1831>.

Благодарю вас, добрая и почтеннейшая маминька, за присланные вами деньги. Чувствую, скольких трудов стоило вам собрать их, и заране радуюсь, предвидя впереди возможность несколько вознаградить вас. Я вам обещал в этом году потребовать от вас 500 рублей, как последние, после чего я уже не буду иметь права просить у вас. И это обещание выполнил бы непременно, хотя бы обстоятельства мои и не приняли теперешнего оборота. В июле месяце я ожидаю снова от вас двух сот пятидесяти рублей, после чего будьте совершенно спокойны. В 1832-м году буду иметь возможность приехать к вам, не принесши вам никаких издержек, а в 33-м, в свою очередь, помочь вам. Правда, долго, но нечего делать — нужно иметь твердость и терпенье всегда при себе.

Я было вздумал захворать геморроидами и почел ее Бог знает какою опасною[1] болезнию. Но после узнал, что нет в Петербурге ни одного человека, который бы не имел её. Доктора советовали мне меньше сидеть на одном месте. Этому случаю я душевно был рад: оставить через то ничтожную мою службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, Бог знает, за

[1] опасною *вписано.*

какое благополучие почел бы занять оставленное мною место. Но путь у меня другой, дорога прямее, и в душе более силы итти твердым шагом. Я мог бы остаться теперь без места, если бы не показал уже несколько себя. Государиня приказала читать мне в находящемся в ее ведении институте благородных девиц[1]. Впрочем, вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода в том, что я теперь немного больше известен, что лекции мои мало по малу заставляют говорить обо мне, и главное, что имею гораздо более свободного времени: вместо мучительного сидения по целым утрам, вместо 42-х часов в неделю, я занимаю теперь 6, между тем как жалованье даже немного более[2]; вместо глупой, бестолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, занятия мои теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия. Осенью поступит ко мне Екатерининский институт и еще два заведения; тогда я буду занимать 20 часов и жалованья буду получать вчетверо более теперешнего[3]. Но между тем занятия мои, которые еще большую принесут мне известность, совершаются мною в тиши, в моей уединенной комнатке: для них теперь времени много.

Но я наскучил вам рассказами об себе. Человек, как, кажется, с виду ни исполнен самоотвержения, а всегда на деле эгоист, всегда охотнее заговаривается о себе самом... Всегда ли вы бываете здоровы? Ради Бога, веселитесь побольше, это одно и самое верное лекарство против всех болезней. А мне кажется, в деревне, в домашнем кругу, столько можно найти удовольствий и веселости, каких не представит ни одна столица; нужно только уметь находить их. Труд, но только спокойный, полезный, без хлопот, суетливости и поспешности, всегда имеет неразлучную себе спутницу — веселость. Я не знаю, как могут люди жаловаться на скуку! Эти люди всегда недостойны названия людей. Я теперь, более нежели когда-либо, тружусь, и более нежели когда-либо, весел. Спокойствие в моей груди величайшее... Но я опять заговорил о себе. Опасайтесь как можно более людей, которые набиваются[4] сами помогать в хозяйстве, особливо если они успели запятнать себя дурными поступками, мотовством и совершенным незнанием хозяйства, несмотря на свою всегдашнюю хвастливость. Если у вас есть кому заняться на досуге, я бы очень желал иметь план

[1] *Далее начато:* занят я теперь
[2] между тем - более *вписано.*
[3] *Далее начато:* Чины идут
[4] берутся

нынешнего двора нашего, конюшен. Как приеду, ничего[1] не узнаю: всё новое для меня. План этот можно сделать просто карандашом, не наблюдая слишком точной верности[2]; также теперешний фасад дома. Какова-то, думаю часто[3], комната для моего приезда? Вы ничего не сказали о внутреннем убранстве дома, достоинство которого должна быть наивозможнейшая простота и дешевизна. Наши помещики большею частию заражены все каким-то восточным великолепием: держут кучу прислужников, покупают продукты, которые весьма можно заменить домашними, и дивятся, что не удаются им прожекты и новые предприятия, когда они между тем не умеют даже завести порядка в своем дворе и доме, не умеют сделать так, чтобы расход не превышал прихода. Это всё равно, если бы кто, сложив на живую нитку кое-как фундамент, начал бы на оном выводить огромные стены здания и после стал бы сердиться, что оно валится. О, домоводство великое дело! Я бы непременно послал многих помещиков учиться в Петербург. Они бы увидели, как всем огромным двором и домом управляет один человек, и всё в величайшем порядке; как знатные люди знают совершенно всё, что делается в имениях их, издерживают менее многих незнатных и в кругу своего семейства гораздо более находят удовольствия, нежели в клубах и балах. Не удивительно, что богатства их возрастают беспрестанно. Более всего удивлялся я уму здешних знатных дам (лестным для меня дружеством некоторых мне удалось пользоваться[4]). Они, можно сказать, еще вдвое образованнее мужей своих. Никогда не думал я, чтобы[5] женщина (исключение я прежде делал для одних вас только), чтобы женщина могла иметь столько самоотвержения, столько любви к своим детям, чтобы, отказываясь от всех посещений и даже зазывов во дворец, посвящать и проводить с ними всё время. И это здесь делает большая часть из них. Я часто думаю, что, если бы одна из них решилась на время приехать в Малороссию пожить[6], она бы тотчас прослыла гордою, недоступною, и никто бы не понял, какой драгоценный бриллиант переселился к ним. Нигде столько не скупы на знакомство, как здесь. Круг знакомых всегда бывает тесен; но зато знакомые все соединены между собою неразрывно,

[1] ничего этого

[2] никакой верности

[3] часто сам про себя

[4] Дружеством некоторых из них я пользуюсь

[5] *Далее начато: а)* у женщин высо<ко стоящих?> *б)* у женщин све<тских>

[6] *Далее начато:* все бы

зато знакомые выбираются с величайшею разборчивостью, так чтобы ни один из них не был в тягость и каждый мог доставить приятное <и> полезное общество. Кстати, о знакомых. Здоровы ли наши добрые соседи? Моя бесценная сестрица Мария, а также и сестрица Александра Федоровна[1], мои красавицы Лиза и Анна? Кажется, я когда-то писал вам известить меня о делах Пет. Фед. Цуревского. Пошел ли его завод в прок? Я чрезвычайно любопытен знать состояние земляков наших, которых беспрестанные разорения имений чрезвычайно трогают меня. Часто на досуге раздумываю о средствах[2], какие могут найтиться для того, чтобы вывесть их на прямую дорогу, и если со временем удастся что-нибудь сделать для нашей общей пользы, то почту себя наисчастливейшим человеком...

Ваш верный и послушный[3] сын Н. Гоголь.

Всем родным и знакомым поклон. Извините, что не присылаю книг теперь. При следующем письме надеюсь поправить этот пропуск. Сестрице Марии не пишу потому, [что должен бы был говорить о часто поминаемом ею в письме поляке, а они теперь люди подозрительные. Адрес мой <3–4 *нрзб.*> Институт благородных девиц <*нрзб.*>].

117. А. С. Данилевскому

<1831. Санкт-Петербург>

То место еще не вакантное, как говорит Плетнев. Правда, инженер этот сначала отказывался по причине уменьшения ему жалованья, но после взялся снова. Впрочем, он ничего не знает про происшествие, случившееся с ним на днях; с своей же стороны рад всеми силами действовать в мою пользу. Но я не решился сегодня явиться по его совету к вашему генералу, потому что и неприятно и конфузно будет для меня, если объявит он мне о невозможности выполнить по этой причине моего желания. И потому я прошу тебя узнать, сколько можно пообстоятельнее, про это дело и если нельзя сегодня, то, по крайней мере, завтра уведомить меня.

Твой Гоголь.

<*На обороте:*>

Александру Семеновичу Данилевскому.

[1] Мои бесценные сестрицы Марья Васильевна и Александра Федоровна

[2] раздумываю и выдумываю средства

[3] и послушный *вписано.*

118. А. С. Данилевскому

<1831?> <Санкт-Петербург>

Заходи, пожалуста, ко мне, когда выйдешь из дому; мне хочется поговорить с тобою об одном деле, а между прочим и о том, о чем ты намекнул мне вчера, что меня очень интересует.

Гоголь.

<*На обороте:*>

Данилевскому *от Гоголя.*

119. А. С. Данилевскому

<1831?> <Санкт-Петербург>

Зная, что ты охотник до институток, посылаю тебе билет на сегоднишний и на завтрешний день. Подъезд с Екатерининского канала, подле дома Шереметьева, с 10 часов. Для шинели лучше возьми Афанасия.

Гоголь.

<*На обороте:*>

Александру Семеновичу — душечке бесстыднику. В доме Зверкова.

120. М. И. Гоголь

28 апреля <1831. Санкт-Петербург>.

Примите радушно нашего Александра Семеновича. Это вестник о моем прибытии на следующий год.

Ваш сын Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Ее Высокоблагородию
Марьи Ивановне
Гоголь-Яновской.

121. А. С. Данилевскому

Мая 2-го <1831. Санкт-Петербург>

Вышла моя правда: Арендт совершенно забыл и об тебе и о твоей болезни, несмотря на то, что я был у него на другой день после твоего отъезда; и когда я сказал несколько слов о болезни твоей, он советовал написать к тебе, чтобы ехал скорее на Кавказ и следовал в точности предписаниям тамошнего доктора, который даст тебе все предуготовительные к тому средства. Пилюли же не почитает он нужным теперь по благорастворенности

малороссийского воздуха и потому что — время для них прошло. Я до сих пор сижу еще на прежней квартире, и никакая новость и внезапность не потревожила мирной и однообразной моей жизни. Красненькой (эта вещь принадлежит тоже к внезапным явлениям) не показывался со дня отъезда твоего. С друзьями твоими, Беранжером и Близнецовым, случились несчастия. Первый долго скитался без приюта и уголка, изгнанный из ученого сообщества Смирдина неумолимым хозяином дома, вздумавшим переделывать его квартиру. Три дня и три ночи не было вести о Беранжере; наконец, на четвертый день увидели на окошках дому графини Ланской (где были звери) Хозревов на белых лошадях, а бедный Близнецов сошел с ума. Вот что наши знания! На первый день мая по обыкновению шел снег, и даже твой Сом не показывался на улицу. Моя книга вряд ли выйдет летом: наборщик пьет запоем. Ну, как то принимают воина, приехавшего отдыхать на лаврах?

Не забудь <рассказать> подробно и обстоятельно, не выключая ни Савы Кириловича, ни Катерины Григорьевны, ни Марины Федоровны! Я думаю, нами обеими не слишком довольны дома — мною, что вместо министра сделался учителем, тобою, что из фельдмаршалов попал в юнкера. Счастливец, ты пьешь теперь весну! а у нас что-то сырое, что-то холодное, вроде осени. Упомяни хоть слова два про нее в письме своем, чтобы я мог[1] хоть за морями подышать ею. Прощай. Адресуй Никол<аю> Васи<льевичу> Гоголю в Институт Патриотич<еского> общества благород<ных> девиц — потому что я еще не знаю, где будет моя квартира.

Мое нелицемерное почтение Василию Ивановичу и Татьяне Ивановне.

Твой Гоголь.

122. М. И. Гоголь

27 июня <1831>. Павловск.

Ради Бога, порадуйте меня, маминька, хоть строчкой вашей руки. Я в совершенном недоумении и не знаю, что это значит, что не получаю до сих пор от вас письма. Вы упрекаете меня леностью, а между тем теперь я могу напомнить вам о ней. Нынешние всеобщие несчастия заставляют меня дрожать за бесценное здоровье ваше. Известите меня скорее! Холера теперь почти повсеместна,

[1] чтобы вспомнить<?> хоть за глаза

и наш Петербург не избежал от ней. Слава Богу, что она теперь не так опасна, и здешние доктора весьма многих вылечивают. — У нас в Павловске все спокойно, и я намерен не выезжать отсюда до тех пор, покаместь и в Петербурге не будет все спокойно.

Прощайте, бесценная маминька, не забывайте, ради Бога, всегда вас любящего сына, для которого ничего не может быть в мире дороже вашего здоровья.

Н. Гоголь.

Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так:

Его Высокоблагородию
Александру Сергеевичу Пушкину.
А вас прошу отдать Н. В. Гоголю.

123. М. И. Гоголь

Июля 24 <1831>. Павловск.

Вчера только я получил известие из Петербурга, что ко мне лежит на почте ваше письмо с деньгами. Это меня очень обрадовало. Слава Богу, нет по крайней мере никакого сомнения, что вы здоровы. Но я всё очень жалею, что мне скоро не удастся читать его. Что же касается денег, то меня терзает мысль, что накопление их стоило вам больших пожертвований. В самом деле, как подумаю, где теперь вам взять их, в нынешние крутые времена, то я желал бы лучше не получать их. Впрочем, это впредь, я думаю, и не случится. Теперь я обеспечен совершенно и не только не потребую от вас, но, может быть, со временем соберу что-нибудь и для вас, а также и для сестры. В Петербурге холера, благодаря Богу, прекращается. Там ее никто не боится; умирают очень, очень мало, и то собственною почти виною. Лечат ее необыкновенно хорошо. Выздоровевшие не могут нахвалиться нарочно устроенными для того больницами. Впрочем, я до тех пор не приеду в Петербург, покаместь она совершенно там не прекратится. Обыкновенный и самый действительный способ лечения ее в Петербурге состоит в том, что больному дают как можно побольше пить теплого молока, и чем оно теплее, тем лучше[1]. Кроме того, многие вылечиваются, принимая белок яйца с прованским маслом. Над некоторыми же, особливо имеющими крепкое сложение и хороший желудок (следовательно, это

[1] *Далее начато:* упо<требляют?>

полезно для многих сурового сложения крестьян), оказывает[1] очень хорошее действие ложка воды с солью, сначала с самою горячею водою, потом постепенно теплее, теплее, наконец дается ложка соли с холодною водою; и с последним приемом больной совершенно выздоравливает[2]. Государь, как и всегда, оказывает обыкновенное свое присутствие духа и показывает наивеличайшую заботливость. Англичане, живущие в Петербурге, удивляют великодушием своим и заботливостью о больных.

Лето у нас чрезвычайно сухое, местами загораются леса даже. Впрочем, сегодня[3] идет дождь, и я думаю, что весь август зато будет дождлив. Какое здесь лето! Нет и сравнения с вашим. Вот уже и осень. Зелень правда ярка, как никогда у нас весною; но зато воздух ничего не имеет в себе летнего. Уведомьте меня, пожалуста, о Данилевском. Я до сих пор не имею никакого известия о нем, со времени отъезда его из Петербурга. Скажите ему, что я рассорюсь с ним на веки, если не получу от него письма... Желая вам всегдашнего здоровья и счастья, заклиная не беспокоиться ни о чем и побольше веселиться, остаюсь вашим вечно признательным сыном

Николай Гоголь.

Сестрицу Марию целую и прошу быть всегда здоровою и побольше развлекать вас. Это же самое приказываю делать[4] и сестрицам Ане, Лизе и Оле.

Всем родственникам и знакомым поклон.

Помните ли вы адрес? на имя Пушкина, в Царское Село.

124. А. С. Пушкину

16 августа <1831>. СПб.

Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас. Но вышло иначе. Я спохватился уже позд<н>о. А сопутницы мои, спешившиеся к карантину для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою просьбу и потерять несколько минут. Если же посылка ваша может немножко обождать, то вы можете

[1] имеют
[2] *Далее было:* Впрочем, первый способ есть лучший
[3] сегодняшнего дня
[4] делать *вписано.*

отдать Васильчиковой, которой я сказал (она думает ехать в среду) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставленна в мои руки. Я только что приехал в город и никого еще не видал. Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента. Он, получивши на имя мое деньги, и знавши, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне на имя ваше в Царское Село вместе с письмом. И вам теперь, и мне новое затруднение. Но вы снисходительны и великодушны. Может быть, и ругнете меня лихим словом; но где гнев, там и милость. Письмо с деньгами вы можете также отдать для отправки ко мне Васильчиковой. Теперь ничего не пишу к вам, потому что собираюсь дня через три писать снова. Адресуйте ко мне в Институт Патриотическ<ого> общества на Васильевском острову.

Ваш Гоголь.

125. А. С. Пушкину

СПб. Августа 21 <1831>.

Насилу теперь только управился я с своими делами и получил маленькую оседлость в Петербурге. Но и теперь еще половиною, что я половиною? целыми тремя четвертями, нахожусь в Павловске и Царском Селе. В Петербурге скучно до нестерпимости. Холера всех поразгоняла во все стороны. И знакомым нужен целый месяц антракта, чтобы встретиться между собою. У Плетнева я был, отдал ему в исправности ваши посылку и письмо. Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фиркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву.* Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни. Кстати о черни, знаете ли, что вряд ли кто умеет лучше с нею изъясняться, как наш общий друг Александр Анфимович Орлов. В предисловии к новому своему роману: *Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина,* он говорит, обращаясь к читателям: «Много, премного у меня романов в голове (его собственные слова), только все они сидят еще в голове; да такие бойкие ребятишки эти романы, так и прыгают из головы. Но нет, не пущу до время; а после извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте!

извольте! Ох вы, мои други сердечные! Народец православный!» Последнее обращение так и задевает за сердце русской народ. Это совершенно в его духе, и здесь-то не шутя решительный перевес Александра Анф<имовича> над Фадеем Бенедик<товичем>. Другой приятель наш Бестужев-Рюмин здравствует и недавно еще сказал в своей газете: «Должно признаться, что Север<ный> Меркурий побойче таки иных Литератур<ных> Прибавлений». Как-то теперь должен беситься Воейков! а он, я думаю, воображал, что бойче Литератур<ных> Прибавлений нет ничего на свете. Еще о черни. Знаете ли, как бы хорошо написать эстетический разбор двух романов, положим: Петра Ивановича Выжигина и Сокол был бы сокол, да курица съела. Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: «Наконец, кажется[1], приспело то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом, и старые поборники франц<узского> корана на ходульных ножках (что-нибудь в роде Надеждина), убрались к чорту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы, и проч., и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преображенного величия. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгарине и Орлове. На одном из них, т. е. на Булгарине, означено направление чисто Байронское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном). Та же гордость, та же буря сильных, непокорных[2] страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самых даже портретах их заметно необыкновенное сходство. На счет Алекс. Анфим. можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина; говорят, что скорее Орлов более[3] философ, что Булгарин весь поэт». Тут не дурно взять героев романа Булгарина: Наполеона и Петра Ивановича, и рассматривать их обоих, как чистое создание самого поэта, натурально, что здесь нужно вооружиться очками строгого рецензента и приводить

[1] кажется *вписано.*
[2] непреклонных
[3] более *вписано.*

места (каких, само по себе разумеется, не бывало в романе). Не худо присовокуплять: «Почему вы, г. Булгарин, заставили Петра Ивановича открыться в любви так рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича с Наполеоном, или зачем в самом месте развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилию даже)?» всё это для того, чтобы читатели видели совершенное беспристрастие критика. Но самое главное — нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделенны на две стороны: одне на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренно, подобно всем великим гениям, уважают друг друга.

У нас бывают дожди и необыкновенно сильные ветры; вчерашнюю ночь даже было наводнение. Дворы домов по Мещанской, по Екатерининскому каналу и еще кое-где, а также и много магазинов, были наполненны водою. Я живу на третьем этаже и не боюсь наводнений; а кстати квартира моя во 2 Адмиральте<йской> части, в Офицер<ской> улице, выходящей на Вознесенской проспект, в доме *Брунста.*

Прощайте. Да сохранит вас Бог вместе с Надеждою Николавною от всего недоброго и пошлет здравие на веки. А также да будет его благословение и над Жуковским.

Ваш Гоголь.

126. М. И. Гоголь

С.П.б. Августа 21 <1831>.

Уже около недели живу я в Петербурге. Слава Богу, жив и здоров. О болезни совсем и не слышно. Все веселятся. Письмо ваше с деньгами я наконец получил; виноват, записку, а не письмо. Посылаю вам книжку; маминьке ридикуль; детям конфектов. Всего по капле, сколько мне было можно.

Книжка вам будет приятна, потому что в ней вы найдете мою статью, которую я писал, бывши еще в нежинской Гимназии. Как она попала сюда, я никак не могу понять. Издатели говорят, что они давно ее получили при письме от неизвестного и если бы прежде знали, что моя, то не поместили бы, не спросивши наперед меня, и потому я прошу вас не объявлять ее моею никому;

сохраняйте ее для себя. Приятно похвастать чем-нибудь совершенным; но тем, что носит на себе печать младенческого несовершенства, не совсем приятно. — Она подписана четырьмя нулями: *0000.* Прощайте, будьте здоровы! Целую вас и сестриц несколько сот раз и остаюсь вечно любящим вас сыном

Н. Гоголем.

Адресуйте мне: 2-й Адмиралт<ейской> части в Офицерской улице в доме Брунста.

127. А. С. Пушкин — Н. В. Гоголю

<25 августа 1831. Царское Село>

Любезный Николай Васильевич,

Очень благодарю Вас за письмо и доставление Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие. Статья Ф<еофилакта> Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значит: не убоялся ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича? — Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов [у] и отзыва остренького сидельца. У нас всё благополучно: бунтов, наводнения и холеры нет. Жуковский расписался; я чую осень, и собираюсь засесть. Ваша Надежда Николавна, т. е. моя Наталья Николавна — благодарит Вас за воспоминание и сердечно кланяется Вам. Обнимите от меня Плетнева и будьте живы в Петербурге, что довольно, кажется, мудрено.

А. П<ушкин>.

25 августа.

128. В. А. Жуковскому

СПб. Сентяб<ря> 10 <1831>.

Насилу мог я управиться с своею книгою и теперь только получил экземпляры для отправления вам. Один собственно для вас, другой для Пушкина, третий, с сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные[1] тем, кому вы по усмотрению своему определите. Сколько хлопот наделала мне эта книга. Три дня я толкался беспрестанно из типографии в Цензур<ный> комитет,

[1] третий для Розетти, а остальные и в том числе один в футляре

из Цензур<ного> комитета в типографию, и наконец теперь только перевел дух. Боже мой сколько бы экземпляров я бы отдал за то, чтобы увидеть вас хоть на минуту. Если бы, часто думаю себе, появился в окрестностях Петербурга какой-нибудь бродяга ночной разбойник и украл этот несносный кусок земли, эти двадцать четыре версты от Петербурга до Цар. С<ела> и с ними бы дал тягу на край света или какой-нибудь проголодавшийся медведь упрятал их вместо завтрака в свой медвежий[1] желудок. О, с каким бы я тогда восторгом стряхнул власами головы моей прах сапогов ваших, возлег у ног Вашего поэтического превосходительства и ловил бы жадным ухом сладчайший нектар из уст ваших, приуготовленный самими богами из тмочисленного количества ведьм, чертей и всего любезного нашему сердцу. Но не такова досадная действительность или существенность; карантины превратили эти 24 версты в дорогу от Петербурга до Камчатки. Знаете ли, что я узнал на днях только? Что э... Но вы не поверите мне, назовете меня суевером. Что всему этому виною не кто другой, как враг честнаго креста церквей Господних и всего, огражденного святым знамением[2]. Это чорт надел на себя зеленый[3] мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рогатого чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге на Вознесенском проспекте и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменному тротуару под высокими домами. Это была радостная минута. Она уже прошла. Это случилось 8-го августа. И к вечеру того же дня стало всё снова скучно, темно, как в доме опустелом:

Окна мелом
Забелены; хозяйки нет,
А где? Бог весть, пропал и след.

Осталось воспоминание и еще много кой-чего, что достаточно усладит здешнее одиночество: это известие, что Сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня с ума. И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что-то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены[4],

[1] медвежий *вписано.*
[2] святым крестом
[3] зеленый *вписано.*
[4] и стену

и купол, на славу векам, да покланяются[1] потомки и да имут место, где возносить умиленные молитвы свои. Как прекрасен удел ваш, Великие Зодчие! Какой рай готовите вы истинным християнам! И как ужасен ад, уготовленный для язычников, ренегатов и прочего сброду: они не понимают вас, и не умеют молиться. Когда-то приобщусь я этой божественной сказки?.. Но скоро 12 часов, боюсь опоздать на почту. Прощайте! извините мою несвязную грамоту! не далось божественное писание в руки. Будьте здоровы, и да почиет над вами благословение Божие, и да возбуждает оно вас чаще и чаще ударять в священные струны; а я, ваш верный богомолец, буду воссылать ему теплые за сие молитвы.

Вечно ваш неизменный

Гоголь.

Моя квартира в II Адм<иралтейской> ч<асти> в Офицерской улице, в доме Брунста.

129. М. И. и М. В. Гоголь

СПб. 19 сентября <1831>.

Поздравляю Вас, бесценная и несравненная маминька, с радостным днем вашего Ангела, желаю вам провесть его в полном удовольствии. — Очень жалею, что не могу прислать Вам хорошего подарка. Но вы и в безделице видите мою сыновнюю любовь к вам, и потому я прошу вас принять эту небольшую книжку. Она есть плод отдохновения и досужих часов от трудов моих. Она понравилась здесь всем, начиная от Государини; надеюсь, что и вам также принесет она сколько нибудь удовольствия, и тогда я уже буду счастлив. Будьте здоровы и веселы и считайте все дни не иначе как именинами, в которые должны находиться всегда в веселом расположении духа.

Ваш неизменный сын

Н. Гоголь.

Поздравляю тебя, моя милая сестрица, с радостным для нас обеих днем и желаю тебе также быть здоровою и веселою. У меня есть к тебе просьба. Ты помнишь, милая, ты так хорошо было начала собирать малор<оссийские> сказки и песни и, к сожалению, прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мне оно необходимо нужно. Еще прошу я здесь же маминьку, если

[1] да дивятся

попадутся где старинные костюмы малороссийские, собирать все для меня. Если владельцы будут требовать за них дорого, пишите ко мне, я постараюсь собрать и выслать нужные деньги. Я помню очень хорошо, что один раз в церькве[1] нашей мы все видели одну девушку в старинном платье. Она, верно, продаст его. Если встретите где-нибудь у мужика странную шапку или платье, отличающееся чем-нибудь необыкновенным, хотя бы даже оно было изорванное — приобретайте! Также нынешний мужеский и женский костюм, только хороший и новый. Всё это складывайте в один сундук или чемодан, и при случае, когда встретится оказия, можете переслать ко мне. Но так как это не к спеху, то вам будет довольно времени для собирания. А сказки, песни, происшествия, можете посылать в письмах или небольших[2] посылках.

130. М. И. Гоголь

1831 г. Октября 9. С.-Петербург.

Я, маминька, получил письмо ваше, писанное вами 28 августа ко мне в Павловск, и получил уже давно; но всё ожидал, не будете ли вы мне отвечать на которое-нибудь из писем, писанных мною из Петербурга, но, не дождавшись ни на одно ответа, пишу к вам, чтобы вы не укоряли меня снова не в аккуратности. Не лучше ли будет, если мы, перестав укорять неисправность почт и проч. и проч., заведем так, чтобы тотчас по получении письма писать ответ, не откладывая ни минуты ни для каких дел. Если недосуг, то хоть две строки. Меня очень опечалили ваши заботы и безденежье! но потерпим покуда: теперь уже мало остается терпеть нам. Я повторяю снова: не беспокойтесь ни о чем, не принимайте ничего слишком близко к сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы уже совершенно пристроили. Он вам больше уже ничего не будет стоить, а с следующего года будете получать с него, может быть, и проценты. О Машиньке также не печальтесь, как-нибудь соберем приданое. Что же касается до маленьких сестриц, то оне, может быть, лучше получат воспитание, нежели мы. Если бы вы знали, моя бесценная маминька, какие здесь превосходные заведения для девиц, то вы бы, верно, радовались, что ваши дочери родились в нынешнее время. Не могу без жалости вспомнить про глупый Полтавский

[1] в церькви

[2] *Далее начато:* бум<ажных>

институт, где так бестолково и безрассудно воспитание девиц. Как далеки там и княгиня и ее набранные из всякой сволочи гувернантки от одной мысли о образовании настоящем и твердом неопытной девушки. Я не могу налюбоваться здешним порядком. Здесь воспитанницы получают сведения обо всем, что нужно для них, начиная от домашнего хозяйства до знания языков и опытного обращения в свете, и вовсе не выходят теми ветреными, легкомысленными девчонками, какими дарят другие институты, к числу которых можно причислить некоторые и здешние и даже Смольный монастырь. Два здешние института, Патриотический и Екатерининский, самые лучшие. И в них-то, будьте уверены, что мои маленькие сестрицы будут помещены. Я всегда хотя долго, но достигал своего намерения и твердо уверен, что, с помощью Божиею, достигну и в этом.

Сделайте милость, составьте мне подробную записку нашего долга в казну: в каком году занято сколько, и когда уплочено, сколько остается и проч. Я до сих пор не имею об нем сведения настоящего. Директор Опекунского совета мне знаком, и мне, может быть, очень бы легко удалось склонить его к отсрочке. Но я не знаю, как приступить к этому, не зная даже году, в котором взяты деньги, не ведая ни имени, ни количества остающихся и взятых денег. А без этого трудно и отыскать это дело.

Будьте здоровы, меньше беспокойства, больше твердости и веселости, и предприятия наши будут успешны.

Ваш сын Гоголь.

Помните ли мой адрес: 2-й Адмиралтейской части, в Офицерской улице, дом Брунста.

131. М. И. Гоголь

Октября 17 <1831>. С.-Петербург.

К большому моему удовольствию, я получил письмо ваше, писанное вами от 30 сентября. Очень рад, что вам пришлись очень кстати посланные мною безделицы, и сожалею только, что не в состоянии послать вам лучшего. Но чего теперь не сделаю, то сделаю после. Я упрям и всегда люблю настаивать на своем, хотя бы тысячи препятствий лезло мне в глаза.

Посылаю, однако ж, теперь то, что можно мне было послать: собственно для вас хозяйственный ридикуль и перчатки, а для сестры браслеты и пряжку. Я здоров, спокоен, не грущу ни о чем и желаю, чтоб вы находились в таком же состоянии.

Напишите, какой цвет идет больше к лицу вам и сестре. Это не мешает знать на всякой случай, особливо когда случатся у меня лишние деньги. Также пришлите мне мерку с ног ваших: я знаю, что у вас совсем нельзя достать хороших башмаков, они же притом так непрочны! но здешние вам станут верно надолго. Целуя вас и всех сестер моих, остаюсь вашим признательным сыном.

Гоголь.

Мой поклон всем родным и добрым знакомым.

132. М. И. Гоголь

С.-Петербург, октября 30 <1831>.

Письмо ваше, маминька, писанное вами от 9-го октября, я получил. Рад, что понравилась вам книга. Смешно только мне, что вы бережете пряник. Воображаю, в каком искушении находятся мои сестрицы, когда вы отпираете комод. Сделайте милость, сделайте их соучастницами в наслаждении пряником не одними глазами. На память же этого, к стыду моему, редкого случая, вы можете держать заглавный листок, который вам так понравился.

Более всего я рад тому, что вы теперь несколько успокоились. Разве вы не видите теперь, что Бог вас особенно любит за прекрасную вашу душу? Не всегда ли, когда вы уже думали, что находитесь в самом критическом положении, Он неожиданно посылал вам помощь? Теперь Он подвигнул Андрея Андреевича помочь вам. На следующий год, может быть, доставит мне это благополучие. Итак, вы видите, что нам должно быть бодрыми, деятельными, вместе трудиться и веселиться.

Принесите Анне Матвеевне и от меня благодарность за ее прекрасный поступок с желанием прожить ей лет двадцать, и будьте сами здоровы.

Да что не пишут ко мне маленькие сестрицы? Неужели они до сих пор не умеют писать? Если же они будут писать ко мне, то сделайте милость, ни вы, ни сестра, не диктуйте им ничего. Пусть сами от себя пишут, что им вздумается. Чем больше будет у них вздору, тем это приятнее и любопытнее для меня. Нет ничего несноснее, когда дитя умничает или его заставляют умничать.

Ваш сын Гоголь.

133. А. С. Данилевскому

Ноября 2 <1831>. СПб.

Вот оно как! Пятый месяц на Кавказе и, может быть, еще бы столько прошло до первой вести, если бы *Купидо сердца не подогнало лозою.* Впустили молодца на Кавказ. *Ой лыхо закаблукам, достанетця й передам.* Знаешь ли, сколько раз ты в письме своем просил меня не забыть прислать нот? Шесть раз: два раза сначала, два в середине, да два при конце. Ге, ге, ге! Дело далеко зашло. Я, однако ж, тот же час решился исполнить твою просьбу; для этого довольно бы тебе раз упомянуть. Я обращался к здешним артисткам указать мне лучшее; но Сильфида Урусова и Ласточка Розетти[1] требовали непременно, что<бы> я поименовал Великодушную Смертную, для которой так хлопочу. Как мне поименовать, когда я сам не знаю, кто она. Я сказал только, что средоточие любви моей согревает ледовитый Кавказ и бросает на меня лучи косвеннее северного солнца. Как бы то ни было, только забрал всё, что было лучшего в здешних магазинах. Французские кадрили в большой моде здесь Титова. Однако ж, я посылаю тебе и Россини, несколько французск<их> романсов, русских новых песен, всего на тридцать рублей. Да что за вздор такой ты мелешь, что пришлешь мне деньги после[2]. К чему это? Я тебе и без того должен 65 рублей. Я думал было и на остальные набрать тебе всякой всячины, конфект и прочего, да раздумал: может быть, тебе что нужнее будет. Ты, пожалуста, без церемоний напиши, что прислать тебе на остальные 35 рублей, и я немедленно вышлю. В здешних магазинах получено из-за моря столько дамских вещей и прочего, и всё совершенное объедение.

Порося мое давно уже вышло в свет. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы. Теперь я думаю, Василий Иванович, совокупно с любезным зятем, Егором Львовичем, его почитывают. Однако ж, на всякой случай, посылаю тебе еще один. Оно успело уже заслужить славы дань, кривые толки, шум и брань. В Сорочинцы я тебе отправил и Ольдекопов словарь. Письмо твое я получил сегодня, то есть 2 ноября (писанное тобою 18 октября). Пишу ответ сегодня же, а отправляю завтра. Кажется исправно, зато день хлопот. Это я для того тебе упоминаю, чтобы ты умел быть благодарным и писал в следующем письме подробнее. Напиши также, в который день ты получишь письмо мое вместе

[1] Росетти

[2] *Далее начато:* как будто не знаешь, что я

с сею посылкою. Мне любопытно знать, сколько времени оно будет по почте итти к тебе.

Ну, известное лицо города Пятигорска! более сказать мне тебе нечего. Ведь ты же сам меня торопишь скорее отправлять письмо.

Всё лето я прожил в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице. Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая. — Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая. — У Жуковского[1] тоже русские народные сказки, одне экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут.

Ты мне обещал описать прибытие свое домой, прием, встречи и про<чее>и про<чее>, да мне кажется, что у тебя, на квартире и пера чиненого нет, только один карандаш в часы досуга подмахивает злодейское деревцо.

Прощай, будь здоров и любим, да не забывай твоего неизменного

Гоголя.

Хотя по назначенному тобою адресу можно было меня отыскать, но всё лучше и скорее будет, когда ты станешь употреблять следующий: *2 Адм<иралтейской> части в Офицерскую улицу, в доме Брунста.*

134. М. И. Гоголь

С.-Петербург. 17 ноября <1831>.

Письмо ваше, пущенное вами от 28 октября, я получил 14-го сего месяца. Чувствительно благодарю вас, маминька, за ваше попечительное старание отыскивать для меня костюмы. Вы так уже и отведите нарочно для этого гардероба какой-нибудь просторный сундук, и всё, что ни попадется, складывайте туда.

[1] *Далее начато:* новые

«На что ему», я думаю, поговаривает Домна Матвеевна, «весь этот скарб?» — «То-то он еще с измалу был затейник!» прибавляет Олимпиада Федоровна. «Они еще вместе с Симоном, как приезжали из Нежина, то выстругивали какой-то орган из дерева». Обо всем, что ни соберете вы, пришлете маленькую роспись, чтобы я знал, что такое именно у вас находится. Жаль, что у нас нет соседей каких-нибудь старосветских людей, от них бы верно можно было пощечиться многим. Но нас, как нарочно, сколько мне помнится, окружают модники и люди нынешнего света, у которых кроме чепцов да фраков ничего не увидишь, и нам, старым людям, т. е. мне и вам, маминька, не с кем и слово завесть о старине. Очень досадно мне, что дедушке нанесена такая неприятность, но что ж делать? Я и тогда предвидел, что с этого дела не будет проку. Жалко мне было только смотреть на его заботы и беспокойства. Но теперь нужно успокоиться, почему знать? может быть, это и к лучшему. Кто может постигнуть вышние намерения? Не нужно поэтому и нам сокрушаться: сегодня ненастье, завтра будет хорошая погода. Имеете ли вы известия об Андрее Андр<еевиче>? как он управляется в своем имении? Пишет ли к вам Петр Петрович, каково он служит и где ныне находится? Зима у нас наступила и очень похожа на постоянную, несмотря на то, что испанский посланник, большой чудак и погодопредвещатель, уверяет, что такой непостоянной и мерзкой зимы, какова будет теперь, еще никогда не бывало. Прощайте же, будьте здоровы,

ваш верный сын Н<иколай>.

А что же сестрицы? Они всё только целуют, а сами не пишут.

135. М. И. Гоголь

Декабря 8 <1831>. СПб.

Я был несколько в недоумении, не получая от вас письма, как наконец причина объяснилась из вашего же письма, пущенного вами 17 ноября, в ответ на мое от 30 октября. Стало быть, вы не получали моего письма, писанного 13 октября, при котором следовала вам на девяносто рублей посылка с браслетами, пряжкою, кушаком и конфектами. Это наводит на меня новое недоумение. Вы никак не упускайте этого из виду; сделайте полтавскому почтмейстеру строгий допрос: где находится следуемая вам посылка, и почему он не дал вам знать тотчас по получении ее? Это дело

такого рода, за которое сажают под суд. Вы, пожалуста, не забывайте, маминька, уведомлять меня, если будете получать какую бы ни было от меня посылку, в каком виде вы ее получите, что такое именно вы в ней найдете; потому что, как кажется, везде не без плутней. А этого происшествия[1] вы не оставляйте без внимания и хорошенько допросите почтмейстера.

Сделайте милость, не принимайте, как вы, так и сестра, моих слов о Степане Меркурьевиче в дурную сторону. Очень рад, что он не таков, как думал, и никогда бы я и не думал о нем ничего подобного, если бы сестра уведомила меня об нем обстоятельнее. Целую вашу ручку и очень жалею, если сестра не получила браслет и нечего ей будет надеть на праздник, а вы также ридикуля. Хотя всё это и вздор, и малость, но вы бы, верно, были этому рады, зная, что это от искреннего и благодарного сердца приносит ваш сын,

Н. Гоголь.

1832

136. А. С. Данилевскому

1 генварь, 1832. <Санкт-Петербург>

Подлинно много чудного в письме твоем. Я сам бы желал на время принять твой образ с твоими страстишками и взглянуть на других таким же взором, исполненным сарказма, каким глядишь ты на мышей, выбегающих на середину твоей комнаты. Право, должно быть, что то не в шутку чрезвычайное засело Кавказской области в город Пятигорск. Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая довольно в плохом положении. Кто это кавказское солнце? Почему оно именно один только Кавказ освещает, а весь мир оставляет в тени, и каким образом ваша милость сделалась фокусом зажигательного стекла, то есть привлекла на себя все лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою, или иным чем, но сам посуди, если не прикрепить красавицу к земле, то черты ее будут слишком воздушны, неопределенно общи и потому бесхарактерны.

Посылаю тебе всё, что только можно было скоро достать: Северные Цветы и Альциону. Невский Альманах еще не вышел, да вряд ли в нем будет что-нибудь путнее. Галстухов черных не носят; вместо них употребляют синие. Я бы тебе охотно выслал его, но сижу теперь болен и не выхожу никуда. Духи же, я думаю, сам ты

[1] этого дела

знаешь, принадлежат к жидкостям, а жидкости на почте не принимают. — После постараюсь тебе и другое прислать[1], теперь же не хочу задерживать письма. Притом же Северные Цветы, может быть, на первый раз приведут в забвение неисправность в прочем. Тут ты найдешь Языкова, так прелестным, как еще никогда, Пушкина чудную пиесу Моцарт и Салиери, в которой, кроме яркого поэтического создания, такое высокое драматическое искусство, картинного Делибаша, и всё, что ни есть его, — чудесно. Жуковского Змия. Сюда затесалась и Красненького Полночь.

Письма твоего, писанного из Лубен, в котором ты описываешь приезд свой домой, я, к величайшему сожалению, не получал. Проклятые почты! Незадолго до твоего я получил письмо от Василия Ивановича, в котором он извещает меня, что книги, посланные мною тебе в Семереньки, он получил. Не излишним почитаю при сем привесть его слова, сказанные в похвалу моей книги: «Если выдадите еще книгу в свет Вечера, то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше. Это есть прекраснейшее дело, благороднейшее занятие. Я читал и рекомендацию ей от Булгарина в Северной Пчеле очень с хорошей стороны и к поощрению сочинителя. Это видеть приятно». Видишь, какой я хвастун. Читал ли ты новые Баллады Жуковского? Что за прелесть! Они вышли в двух частях вместе со старыми и стоят очень недорого: десять рублей. Что тебе сказать о наших? Они все, слава Богу, здоровы, прозябают по-прежнему, навещают каждую среду и воскресение меня, старика, и, к удивлению, до сих пор еще ни один из них не имеет звезды и не директор департамента. Рассмешила меня до крайности твоя приписка или обещание в конце письма: «Может быть в следующую почту напишу к тебе еще, а может быть нет». К чему такая благородная скромность и сомнение? К чему это *может быть нет*? Как будто удивительная твоя аккуратность мало известна[2]. Писал бы к тебе еще, но болезнь моя мешает. Отлагаю до удобнейшего времени, а теперь прощай. Обнимаю тебя и вместе завидую, что ты находишься в стране здравия.

Твой Гоголь.

Да вот молодец. Пишу 1-го генваря и забыл поздравить с новым годом. Желаю тебе провесть его в седьмом небе блаженства.

[1] и это п<рислать>

[2] *Фраза вписана.*

137. М. И. Гоголь

Генваря 4. 1832. <Санкт-Петербург>

Непонятно! Опять письмо от вас и опять ни слова о посылке, посланной мною вам еще в октябре, ценою на девяносто рублей, с браслетами, пряжкою, перчатками, ридикулем, конфектами и письме, при котором она следовала. Ради Бога, известите меня. Я бы теперь же послал кое-что сестре, но боюсь. Скажите мошеннику полтавскому почтмейстеру, что я на днях, видевшись с кн. Голицыным, жаловался ему о неисправности почт[1].

Он заметил это Булгакову, директору Почтового департамента; но я просил Булгакова, чтоб не требовал объяснения от полтавского почтмейстера до тех пор, покамест я не получу его от вас. Итак, прошу вас, сделайте милость, не заставьте меня долго ждать. Мне хочется непременно вывесть на чистую воду это мошенничество.

Очень рад, что сестре открывается такая хорошая партия. Зная вашу предусмотрительность и благоразумие, я совершенно уверен в том, что вы делаете так, чтоб после не раскаиваться.

И признаюсь, хотя бы мне очень желалось знать звание жениха сестры, откуда он, отчего живет в наших местах, имя, по крайней мере фамилию; но так как вы почитаете за нужное не объявлять мне это, то я и не смею этого требовать, будучи твердо уверен, что, верно, вы имеете на то основательные причины. Я только молю Бога, чтобы и вы, и сестра моя были совершенно счастливы.

Неизменно любящий ваш

сын Николай.

138. М. И. Гоголь

Февраля 6-го 1832. <Санкт-Петербург>

Ваше письмо от 19 января я получил. Очень жалею, что не дошло ко мне письмо ваше, писанное по получении вами посылки. В предотвращение подобных беспорядков впредь прошу вас адресовать мне просто Гоголю, потому что кончик моей фамилии я не знаю, где делся. Может быть, кто-нибудь поднял его на большой дороге и носит, как свою собственность. Как бы то ни было, только я нигде не известен здесь под именем Яновского, и почталионы всегда почти затрудняются, отыскивая меня под этою вывескою.

[1] *Далее было:* он просил меня только дать записку, какого числа отправлена моя посылка

Очень рад счастью моей сестры и вижу в вас настоящую мать, которую скоро будут приводить в пример везде, умевшую восторжествовать над мелочным честолюбием и сребролюбием, пренебречь ими для истинного счастия. Должно однако ж признаться, маминька, что у вас дети пренегодные. Например, хотя бы и старшая ваша дочь: она готовится вам сделать самый неприятный комплимент, несноснее которого нет для женщины, еще далеко не достигшей возраста старух: что, ежели она, года через два, поздравит вас бабушкою? Вы известите меня, когда будет свадьба, да напишите без церемонии, какие именно вещи нужны. Что можно будет сделать и что по силам моим, я доставлю; чего же нельзя, то будьте уверены, что не стану для этого лишать себя необходимого. Дурно очень, что вы не написали, какой цвет к лицу вам и сестре, а также не прислали мерок с ножек ваших, и потому не погневайтесь, если в посылаемой при сем письме посылке всё будет не по вашему вкусу. Вы, сделайте милость, напишите мне обстоятельно: какие именно вещи вы получили и в надлежащей ли исправности. Затем, желая вам успехов во всем, остаюсь тот же ваш

сын Николай.

Старшей сестре скажите, что она напрасно думает, будто вы не так рады теперь, имея прежде желание выдать ее за богатого. Богатство всегда в руках человека. Он всегда может нажить его. Нужны только труды. Но доброй души и прекрасных качеств человек никогда не наживет, если их не имеет. Маленькие сестрицы найдут в этой посылке и себе конфекты, только за это они должны не забывать писать. Да нельзя ли их как-нибудь заставить, чтобы в письме говорили они побольше о том, что[1] делают дома и что с ними случается. Например, если бы Лиза сама описала происшествие с курицей, ведь это, верно, было бы не дурно.

Дайте один из кушаков Варваре Семеновне. Мне казалось, что сестре более всего шел розовый цвет, и потому я почти всего набрал розового. Впрочем, здесь теперь он самый употребительнейший[2].

[1] *Далее было:* они
[2] *Далее было:* цвет

139. М. И. Гоголь

1832 г., февраля 26-го. С.-Петербург.

Я вас не узнаю, маминька! Вы, кажется, совершенно потеряли ту твердость души, которая всегда отличала вас прежде. Большая диковинка, что от меня месяц нет письма! Вспомните то время, когда я месяца по четыре не писал к вам. Право, я начинаю уже жалеть, что завел обыкновение писать к вам часто: теперь малейшая нерегулярность вас расстраивает. Но думаю, вы теперь уже успокоились, получивши письмо мое от 7-го, кажется, февраля вместе с посылкою. Хотя я полагал, что вы его гораздо раньше получите, но из письма вашего от 15 февраля вижу, что оно еще не дошло к вам. Еще слово о вашем письме: ради Бога, не будьте так мнительны. Если бы вы хорошенько вникнули в мое письмо, вы бы увидели, что это было сказано совершенно не в том смысле и вовсе не сурьезно о том, что вы имеете причину скрывать от меня. Мне, просто, было досадно на вашу забывчивость, и, чтобы отметить вам и рассердить вас, я написал это.

Всё то, что вы вздумаете, вы можете смело делать, не давая мне вовсе о том знать, будучи твердо уверены, что мои мысли и мнения никогда не будут разногласны с вашими, или, в противном случае, вы совершенно меня не знаете. Любезная сестра моя не должна тоже иметь о мне никакого сомнения, всё то, что служит к ее счастию, меня радует; мне только хочется знать, скоро ли окончится это дело. Напишите, что знаете об Андрее Андреевиче, и отдайте поклон всем близким нашим.

Ваш сын Николай.

Очень жалею, что сестра Аничка пишет не своими словами. Этих оборотов и этих обыкновенных выражений, приличных взрослому, она никогда не может сделать от себя. Если же она точно писала сама (чего совершенно не может быть в натуре), то она будет жалкое создание. В письме ее правильность и ни одного чувства, которое бы обличало прелесть детской души и что-то похожее на талант. В прежнем маленьком ее письме, которое она сама писала, одно только слово уже уверило меня в том, что она имеет талант большой и богатство будущее души. Этого слова ни вы, ни сестра не заметили, верно. Пусть они пишут пустяки, весь вздор, который говорят своей няне. Чем, по-видимому, будет глупее письмо, тем лучше: тут будут видны они совершенно.

140. М. И. Гоголь

1832 г. Марта 10. С.-Петербург.

Мне очень странно, маминька, что вы столько хлопочете о Багрееве. Я верю, что он хороший человек и достоин всякого уважения; но, несмотря на то, не поеду к нему ни с сего, ни с другого в дом. Вы очень мало знаете приличия, маминька, или, лучше сказать, вы, может быть, и знаете приличия, но не знаете моих отношений в свете. Странно! Вдруг бы я приехал к нему потому, что вы были один раз у него и были приняты хорошо. Другое дело, если я встречусь с ним у Кочубея, или где-нибудь в другом обществе, я не премину с ним познакомиться и тогда пожалуй, как к человеку знакомому, я могу к нему приехать, но не потому, чтобы он мог быть для меня чем-нибудь полезным, а потому, что он доставил вам несколько, как вы говорите, приятных минут своею любезностью. Касательно же состояния его быть мне полезным, скажу вам вот что. Вы всё еще, кажется, привыкли почитать меня за нищего, для которого всякой человек с небольшим именем и знакомством может наделать кучу добра. Но прошу вас не беспокоиться об этом. Путь я имею гораздо прямее и, признаюсь, не знаю такого добра, которое бы мог мне сделать человек. Добра я желаю от Бога, и именно — быть всегда здоровым и видеть вас всегда здоровыми. Верьте моему слову, маминька, что всё, кроме этого, гниль и суета; однако я всё-таки благодарю вас за желание, чтобы я познакомился с Багреевым, особенно если он хороший человек. Зеленецкую вы можете успокоить насчет ее опасения: она слышала, что звонят, только не знает, на которой колокольне. В *Патриотический институт благородных девиц*, в котором я служу[1], не принимают ни из купцов, ни из мещан. Уже самое его название показывает это. Не мешает вам знать, что Патриотическое общество из дам под председательством Государыни нынешней основало несколько заведений в пользу бедных, в том числе несколько школ, где учат только рукоделию и русскому языку, но меж ними благородных совершенно не бывает. Кроме этих заведений, Патриотическое общество уже гораздо после завело институт для благородных девиц, состоящий теперь под непосредственным ведением Государыни, в который пансионерки поступают часто из лучших фамилий, а казенные — дети раненых и убитых на войне. Стало быть, родственница Зеленецкой должна радоваться и посылать своих детей: они попадутся в хорошие руки, тем более, что прием давно уже начался.

[1] *В копии очевидная описка:* в котором я не служу

Будьте здоровы, сытно едите, спите спокойно и не беспокойтесь ни о чем.

Ваш сын Николай.

Посылаю на помощь вашим приуготовлениям к сестриной свадьбе 500 рублей, не рассердитесь, что так мало. Сколько мог собрать, столько и посылаю. Когда буду побогаче, тогда пришлю больше.

141. А. С. Данилевскому

СПб., 1832. Марта 10-го.

Мне бы следовало просто на тебя рассердиться и начхать, как говаривал Ландражен, за твои эдакие пакости. Вот уже скоро три месяца, как от тебя ни двоеточия, ни точки. Даже не известил меня, получил ли в исправности посланные мною альманахи. Видно, тебе теперь ничего не нужно из Петербурга, потому что ты тогда только писал ко мне, когда имел во мне надобность. Эй, не плюй в колодез, увидишь, если не доведется из него же после напиться! Может быть, ты находишься уже в седьмом небе и оттого не пишешь. Чорт меня возьми, если я сам теперь не близко седьмого неба и с таким же сарказмом, как ты, гляжу на славу и на всё, хотя моя владычица куды суровее твоей. Если б я был, как ты, военный человек, я бы с оружием в руках доказал бы тебе, что северная[1] повелительница моего южного сердца томительнее и блистательнее твоей кавказской. Ни в небе, ни в земле, нигде ты не встретишь, хотя порознь, тех неуловимо божественных черт и роскошных вдохновений, которые ensemble дышут и уместились в ее, Боже, как гармоническом лице. Но довольно. Посылаю тебе вторую книжку Вечеров и наудачу Онегина. Может быть, у вас в глуши его еще не читали. В таком случае, ты обомлеешь от радости и, верно, не найдешь слов, чем выразить мне свою благодарность.

Прощай, если тебе что нужно прислать, то пиши смело, хотя и не случится у тебя денег. Всё тебе будет выслано. Мы люди свои, после сочтемся.

Твой Гоголь.

<*На обороте:*>

Александру Семеновичу Данилевскому.

[1] северная *вписано.*

142. М. И. Гоголь

Марта 25 <1832>. С.-Петербург.

Письмо ваше от 7 марта я получил. Посылаю вам башмаки, какие только удалось сыскать на скорую руку. Ботинков на вашу ногу не было. Я заказал их — как будут готовы, то пришлю[1]. Ничего больше не в состоянии теперь прислать, потому что лишних денег совершенно теперь не имею, и потому пусть сестра возьмет немного терпенья; после надеюсь удовлетворить ее. Очень рад, что вы свадьбу затеваете без всякого шума. Я всегда был враг этих свадебных церемоний и собраний. Если бы я вздумал жениться, то жена моя по крайней мере две недели после свадьбы не показала бы ни к кому носа. Я даже полагаю, что, если мне не удастся достать ни полотна, ни платков батистовых, то обойтись и без них, тем более, когда вы в таком состоянии, что не можете уплатить казенных податей, не только долгов. Жених, как видно из писем ваших, не глуп и, верно, не погонится за этим вздором. Старушкам же вестовщицам и хлопотливым соседкам, любящим потолковать о свадьбах, можете сказать, что у невесты не одна, а двенадцать дюжин платков и столько же батистовых рубашек и тому подобное. Я говорю это потому, если вы боитесь, или вас слишком раздражают такие незначащие злоречья. Еще меня удивило очень, что вы пишете в письме вашем, что побожились заплатить Андрею Андреевичу, отдать в этом году долг. Я вас не узнаю, маминька. Как вы можете в том божиться и давать честное слово, когда не имеете никакой возможности его исполнить? На что вы полагались? Разве вы не знаете, что вам имение ваше, хотя бы и не случилось скотского падежа, не в состоянии бы и половины его уплатить? Но если бы было даже достаточно, разве вы позабыли о том, что приближается время платежа в казну процентов снова? Не может быть, чтобы вы позабыли обо всем этом тогда, когда давали свое слово.

Благодарю вас, очень благодарю за подарок ваш — дюжину чулок. И хотя я совсем не ношу нитяных чулок, но как драгоценность, как труды рук ваших, буду беречь у себя. Прошу, однако же, вас ничем не озабочиваться для меня: у меня совершенно всё есть, что мне нужно. Я не знаю, как уплатить вам хотя сотую долю старых долгов, а вы налагаете на меня беспрестанно[2] новые. Право, маминька, вы великодушны до бесчеловечия.

[1] *Далее начато:* Очень рад, что вы затеваете свадьбу без всякого шума, я всегда был тех мыслей <?>

[2] беспрестанно *вписано.*

Напишите мне, как расположены жить наши молодые: в Полтаве или в деревне, и что жених: намерен ли служить, или заниматься хозяйством, или тем и другим вместе? Напомните сестре о строгой бережливости и величайшем ограничении себя во всем. Она сама избрала такой удел для себя; стало быть, должна уметь покоряться[1] и во всем строго и умно ограничивать себя. Я точно располагал было приехать к вам нынешним летом, хотя на малое время, но увидел, что кроме издержек это предприятие ничего другого не поведет за собою, между тем как мне, может быть, удастся вместо того сколько-нибудь сберечь для вас денег. Верьте, что я так же нетерпеливо и пламенно желал увидеться с вами, как и вы со мною. Но что делать? Плохо бы было на свете нам, если бы мы следовали одному только движению сердца, не призывая на совет рассудок. Будьте здоровы и спокойны.

Ваш сын Николай.

143. А. С. Данилевскому

СПб., марта 30 <1832>.

Я ни мало не удивляюсь, что мое письмо шло так долго. Должно вспомнить, что теперь время самое неблагоприятное для почт: разлитие рек, негодность дороги и проч. Я получил твои деньги и не могу скоро выполнить твоего порученья. Если бы ты наперед хорошенько размыслил всё, то верно не прислал бы мне теперь денег, верно бы вспомнил, что за две недели до праздника ни один портной не возьмется шить и потому в наказанье ты будешь ждать три сверхсрочных недели своего сюртука, потому что спустя только неделю после праздника примутся шить его тебе. На требование же мое поставить тебе сукно по 25 р. аршин, Руч дал мне один обыкновенный свой ответ, что он низких сортов сукон не держит.

Теперь несколько слов о твоем письме. С какой ты стати начал говорить о шутках, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что ты нашел бессмысленного в том, что я писал к тебе, что ты говоришь только о поэтической стороне, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что значит поэтическая сторона? Поэтическая сторона: «Она несравненная, единственная» и проч. Прозаическая: «Она Анна Андреевна такая-то». Поэтическая: «Она принадлежит мне, ее душа моя». Прозаическая:

[1] покоряться и терпеть

«Нет ли каких препятствий в том, чтоб она принадлежала мне не только душою, но и телом и всем, одним словом — ensemble?» Прекрасна, пламенна, томительна и ничем не изъяснима любовь до брака; но тот только показал один порыв, одну попытку к любви, кто любил до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но зато сильный и свирепый энтузиазм, потрясающий надолго весь организм человека. Но вторая часть, или лучше сказать, самая книга — потому что первая только предуведомление к ней — спокойна и целое море тихих наслаждений, которых с каждым днем открывается более и более, и тем с большим наслаждением изумляешься им, что они казались совершенно незаметными и обыкновенными. Это художник, влюбленный в произведенье великого мастера, с которого уже он никогда не отрывает глаз своих и каждый день открывает в нем новые и новые очаровательные и полные обширного гения черты, изумляясь сам себе, что он не мог их увидать прежде. Любовь до брака — стихи Языкова: они эффектны, огненны и с первого раза уже овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь — это поэзия Пушкина: она не вдруг обхватит нас, но чем более вглядываешься в нее, тем она более открывается, развертывается и наконец превращается в величавый и обширный океан, в который чем более вглядываешься, тем он кажется необъятнее, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частию, небольшою рекою, впадающею в этот океан. Видишь, как я прекрасно рассказываю! О, с меня бы был славный романист, если бы я стал писать романы! Впрочем, это самое я докажу тебе примером, ибо без примера никакое доказательство не доказательство, и древние очень хорошо делали, что помещали его во всякую хрию. Ты, я думаю, уже прочел Ивана Федоровича Шпоньку. Он до брака удивительно как похож на стихи Языкова, между тем, как после брака сделается совершенно поэзией Пушкина.

Хочешь ли ты знать, что делается у нас, в этом водяном городе? Приехал Возвышенный с паном Платоном и Пеликаном.[1] Вся эта труппа пробудет здесь до мая, а может быть и долее. Возвышенный всё тот же, трагедии его всё те же. Тасс его, которого он написал уже в шестой раз, необыкновенно толст, занимает четверть стопы бумаги. Характеры всё необыкновенно благородны, полны самоотверженья и вдобавок выведен на сцену мальчишка 13 лет, поэт и влюбленный в Тасса по уши. А сравненьями играет, как мячиками; небо, землю и ад потрясает, будто перышко.

[1] *Далее у Кулиша знак пропуска.*

Довольно, что прежние: *губы посинели у него цветом моря,* или: *тростник шепчет, как шепчут в мраке цепи* ничто против нынешних. Пушкина всё по-прежнему не любит. Борис Годунов ему не нравится.[1]

Красненькой кланяется тебе. Он еще не актер, но скоро будет им и, может быть, тотчас после святой.

У вас, я думаю, уже весна давно. Напиши, с которого времени начинается у вас весна. Я давно уже не нюхал этого кушанья.

144. М. И. Гоголь

16 апреля <1832>. С.-Петербург.

Я получил ваши письма, писанные вами в марте месяце. В одном из них вы упоминаете об ответе Андрея Андреевича. Вы, пожалуста, не слишком озабочивайтесь его словами. Вы знаете, какой он чудак. Скорее к делу, да и концы в воду. Я очень одобряю на этот раз суеверие бабушек и желаю вместе с ними, чтобы этот брак, по всем предположениям самый счастливый, потому что оба любят, кажется, истинно друг друга, был заключен непременно в апреле. Жалею только, что не могу теперь ничего послать новобрачным кроме желания быть вечно довольными друг другом и вечно довольными своим состоянием. Это первое условие счастливого брака. Вы спрашиваете меня, появилась ли точно комета в Петербурге. Охота же вам заниматься ею! Мало ли подобной дряни является каждый год! По мне, хотя бы двадцать комет засветило вдруг[2] и все звезды поприцепляли к себе длинные хвосты, придерживаясь старой моды, мне бы это не больше принесло радости, как прошлого году упавший снег. Впрочем, когда вы мне объявили, что есть комета, то я нарочно обсматривал по несколько часам небо, но никакой звезды, даже короткохвостой или куцой, не встретил. Кто-то, я воображаю, трудится в Полтаве над выдумкою всех этих вздоров? Я думаю, люди всё значительные: правитель губернаторской канцелярии, губернский стряпчий, прокурор. А Марья Васильевна Клименко, верно, развозит всё это, как запечатанные письма по провинциям. Да скажите мне настоящую истину: вы уверили меня, что Александра Федоровна Тимченкова вышла замуж за Нежинцева, между тем как я теперь слышу, что она не выходила совсем. Чему же верить?

[1] *Знак пропуска.*

[2] вдруг *вписано.*

Если ее увидите, то передайте мой поклон и скажите, что ее старому другу всё интересно знать, что ни касается до ней и что если бы я не знал, что у нее все минуты заняты хозяйством и заботами, то просил бы неотступно ее вести корреспонденцию с ее докучным родственником, который бы с большою жадностью перечитывал ее замечания и об Елисее Васильевиче и Николае Осиповиче и о прочем.

Какова у вас весна? Я думаю, уже давно на деревьях показались листья. Как вы счастливы, а мы вряд ли в половине мая дождемся их. Желаю вам от всей души весело провесть ее. Что касается до сестры, то она верно проведет весело. Можно побиться об заклад, что веселее всех нас.

До следующего письма.

Ваш сын Николай.

145. А. С. Данилевскому

26 апреля <1832>. СПб.

Сей час только что принесли мне от Руча твой модный сюртук. Мерка у него твоя была в сохранности, и он уверяет, что совершенно сделал по ней. Я замечу только то, что я слишком теперь стал тебя тонее. Теперь, если бы ты увидел меня, то бы, верно, не узнал, так я похудал. Твой сюртук на меня так широк, как халат. На Кавказе, я думаю, ты еще больше разжирел, а здешний проклятый климат убийствен. — Очень жалею, что не могу прислать, кроме жилета, ничего больше: денег у меня теперь совершенно нет, и я не знаю, станет ли на пересылку. Меня всё смешат твои обещания. К чему эти уверения, что будешь непременно ко мне писать чрез каждые две недели, как будто я не знаю тебя. Уже прошло около полтора месяца после того, а ты до сих пор ни строчки. Да вряд ли напишешь и впредь, покуда какая-нибудь нужда не заставит. Однако же, я прошу тебя, извести меня, по крайней мере, в исправности ли ты получил прежде посланные мною книги, а теперь посылаемый сюртук с жилетом, потому что я до тех пор не могу быть спокоен, пока не получу твоей расписки в исправном получении. Признаюсь, я опасаюсь оттого тебе посылать новых книг, которых вышло доныне немало, что не знаю, исправно ли ты их получаешь. Спешу отправлять и не имею больше времени.

Твой Гоголь.

146. М. И. Гоголь

Апреля 27 <1832>. СПб.

Я получил ваше письмо, отправленное вами 3 апреля. Очень рад, что посланные мною деньги пришли вам кстати. Когда-то уменьшатся эти сборы и подати? за ними вы не в состоянии сделать себе необходимого. Хороший управитель точно теперь полезнее для вас всего, и я рад, если этот, который теперь представляется вам, действительно, имеет хоть одно из упомянутых вами качеств. Но хорошие управители такая редкость, какой почти невозможно отыскать. Иной бывает добр и имеет много совести, но зато мало понимает свое дело; другой знает свое дело, но зато плут. Дай Бог, чтобы ваш не походил ни на того, ни на другого и чтобы вас совершенно избавил от беспокойств. — Очень сожалею, что не могу теперь отвечать на письмо (делающее мне много чести) Павла Осиповича. Причина этому недостаток времени. Это письмо я отправляю вам не по почте, но его получите вы от нашего доброго соседа Алексея Васильевича. К следующей же почте я надеюсь еще писать. Прощайте! будьте здоровы со всеми домашними.

Ваш сын Николай.

Уведомьте меня о тетиньке Катерине Ивановне. Я таки немного сердит, маминька, на вас, за то, что вы никогда почти теперь не извещаете о ней. Вы знаете, что я ее очень люблю.

147. М. И. Гоголь

СПб. 12 мая <1832>.

Очень сожалею, что башмаки были велики. Было бы вам прислать назад, я бы переменил их. Посылаю теперь по две пары вам и сестре. Эти поменьше и должны быть вам впору; а не то, так пришлите их назад вместе с старым башмаком, потому что по мерке трудно подобрать. Посылаю сестре платье; оно прочно и моется. Да, пожалуста, не говорите мне, что я посылаю сверх сил и проч. Вы мне приписываете гораздо более великодушия, нежели я имею его в самом деле. Будьте уверенны, что я не столько глуп, чтобы посылать вам тогда, когда сам нуждаюсь. Делать это — значит отнимать у себя возможность быть полезным вам впоследствии. И потому без церемонии! прошу писать ко мне обо всем, что вам нужно. Когда будут у меня лишние деньги, я вышлю; когда же нет, то подождете до другого случая. Нитяные чулки запрещены мне носить доктором. Здешний

климат — не Малороссия. Но если вы мне хотите непременно сделать подарок, то понемножку подготовляйте мне к зиме шерстяных чулок. Бумажных у меня довольно; шерстяных же крепких здесь трудно достать. Май у нас самый дрянной: дожди и снег беспрестанные, и я не решаюсь долго выезжать на дачу... Но покамест прощайте. Желая побольше вам веселья, поменьше забот, остаюсь

Ваш сын Николай.

Уведоми[1] меня, сестра, придется ли тебе впору платье. Я вместе с ним посылаю и твое старое.

148. М. И. Гоголь

9 июня 1832 г. С.-Петербург.

Письмо ваше от 9 мая я получил. Благодарю вас за то, что ели пирог на моих именинах и желали совокупно мне здоровья. Я сам бы очень рад был провесть этот день с вами, тем более, что совершенно не помню, когда мы проводили его вместе. Да как кажется, то я весною никогда почти не бывал с вами. Это случалось большею частью или летом, или зимою, и потому я не могу даже сказать, что видел весну; здесь же ее не бывает совсем. В мае было тепло, но так тепло, как летом. Теперь же, то есть 9 июня, так холодно, как в октябре. Что вам сказать более? Новостей нет никаких, выключая разве той, что я в будущем месяце, может быть, увижусь с вами, разумеется, если ничто не помешает; впрочем, не советую вам слишком предаваться надежде: очень может случиться, что я вас и обману.

Письма до времени приостановитесь ко мне писать, потому что я живу теперь на даче и доставлять мне очень трудно. В следующем письме я вам пришлю свой адрес, когда узнаю наверно, что мне, против чаяния, не доведется свидеться с вами. Впрочем, как бы то ни было, но ваше предчувствие удивительный пророк. Прощайте, несравненная маминька! будьте здоровы вместе с моими сестрами и со всеми нашими родственниками.

Ваш Николай.

[1] Уведомьте

149. Статс-секретарю у принятия прошений, на Высочайшее имя подаваемых, Н. М. Лонгинову

9-го июня 1832 г. <Санкт-Петербург>

М<илостивый> г<осударь> Николай Михайлович.

Будучи в необходимости ехать по домашним обстоятельствам в имение мое, находящееся в Полтавской губернии Миргородского повета, покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать снабдить меня надлежащим отпуском на каникулярное время.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Николай Гоголь.

150. А. С. Данилевскому

1832. Спб. Июня 15.

Опять не могу дождаться от тебя письма или хоть даже короткого извещения о получении сюртука и прочего. Верно, тебя скука никогда не посещает, ибо только в таком расположении обыкновенно приходит охота писать. Счастлив ты в прелестных... Ты[1] Сенпри в карикатурах. Желалось бы мне поглядеть на тебя. Да нельзя ли это сделать таким образом, чтобы мы выехали один другому навстречу; сборное место положить хотя в Толстом или в Васильевке. Наши нежинцы почти все потянулись на это лето в Малороссию, даже Красненькой уехал. А в июле месяце, если бы тебе вздумалось заглянуть в Малороссию, то застал бы и меня, лениво возвращающегося с поля от косарей, или беззаботно лежащего под широкою яблоней без сюртука, на ковре, возле ведра холодной воды со льдом и проч. Приезжай!..

Твой Гоголь.

Письма можешь адресовать мне в Полтаву, а оттуда в Васильевку.

151. М. И. Гоголь

1832. Москва. 4 июля.

Я очень дурно сделал, моя бесценная маминька, что решился выехать из Петербурга, да еще в то время, когда чувствовал себя не слишком здоровым. Зато и поплатился порядком, покаместь

[1] *Далее было:* S'prist

доехал до Москвы. Как нарочно, погода была самая скверная, дожди проливные. Я ехал день и ночь, потому что товарищ мой, ехавший до Москвы вместе со мною, не имел времени останавливаться. Итак, я в Москву приехал нездоровым, и хотя в течение нескольких дней почти всё прошло и я поправился, но здешние врачи советуют мне недельку обождать для совершенного поправления. Итак, я теперь не уверен, буду ли у вас, или нет, потому что срок моего отпуска недалеко до окончания своего и мне нужно будет поспешать в Петербург; впрочем, наверное я и сам не знаю. Может быть, получу еще отсрочку, и тогда всё-таки побываю у вас. Прощайте, будьте здоровы вместе со всеми нашими домашними. Жаль очень, что мне, хотя я, может быть, и приеду, нельзя будет есть никаких фруктов, а без этого и лето не лето.

Ваш Николай.

152. Н. Я. Прокоповичу

Июля 8 <1832>. Уездн<ый> городок Подольск, 30 верст от Москвы.

Я думаю, ты уже слышал от Божка, что путь мой не слишком был благополучен. В Москве я заболел и остался, и пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаиваюсь. За всё я был награжден. Теперь я выехал и дожидаюсь на первой уже станции лошадей. Дожидаюсь часов шесть, но и здесь видна providencia, и за это я должен благодарить судьбу. Может быть, семена падут не на каменистую и бесплодную землю. Послушай (об этом я хотел писать к тебе из Москвы, но не успел). Я еду прямо на Полтаву, следовательно, не увижу Нежина. Ты должен, я тебя заклинаю всем (впрочем, ты сам же и слово даже дал), немедленно приехать с братом ко мне в деревню *Васильевку*, в простонародьи зовомую Яновщина. Что тебе делать в Нежине? Какие-нибудь любовные застарелые делишки? Но стыдно мужу, закаленному уже опытом, прошедшему все мытарства, ребячиться таким неприличным образом. Приезжай, если тебе я сколько-нибудь дорог, потому что от твоего приезду здоровье мое непременно поправится. Жизнь мы проведем самым эстетическим образом: спать будем вволю, есть тоже будем очень много, а главное, что варварский нос твой, лишенный всякого обоняния, прошибет запах настоящей деревни. Еще должен тебе сказать, что в этом же месяце прибудет, если уже не

прибыл, Данилевский с Кавказа. Нет, ты будешь совершенный лошадиный помет, если всё это не подействует на твою вялую душу. Тогда можно будет решительно сказать, что весь мозг из головы твоей перешел в ту неблагородную часть тела, которою мы имеем обыкновение садиться на стуле и даже на судне, а всё содержимое в этой непозволительной[1] и мало употребляемой в разговоре части поднялось в голову. Вот тебе маршрут: из Нежина в Прилуки, из Прилук в Пирятин, из Пирятина в Лубны, из Лубен в Миргород, из Миргорода на село Устивицу в местечко Яреськи, а из Яресек всякой укажет тебе дорогу на Каменецкий мост в деревню Васильевку или Яновщину. Прощай. Исполни то, что тебе следует исполнить.

Твой Гоголь.

153. М. П. Погодину

Июля 8 <1832>. Подольск, 1-я станция от Москвы.

Вот что называется выполнять свои обещания: я обещал к вам писать по крайней мере из Тулы, а пишу из Подольска. Я ехал в самый дождь и самою гадкою дорогою и приехал в Подольск и переночевал и теперь свидетель прелестного утра. Ехать бы только нужно, но препроклятое слово имеет обыкновение вырываться из уст смотрителей: нет лошадей. Видно, судьба моя ехать всегда в дурную погоду. Впрочем, совестливый смотритель объявлял, что у него есть десяток своих лошадей, которых он, по доброте своей (его собственное выражение) готов дать за пятерные прогоны. Но я лучше решился сидеть за Ричардсоновой Кларисою в ожидании лошадей, потому что ежели на пути попадется мне еще десять таких благодетелей человеческого рода, то нечем будет доехать до пристанища. Впрочем, присутствия духа у меня довольно: вот скоро уже 12 часов, а мне еще всё люли[2] и нипочем. Не знаю, так ли будет после 12-ти. Ну, обнимаю вас еще раз. Может быть, вы не выехали еще в деревню. Эх как весело иметь деревню в 50 верстах! Почему бы правительству не поручить какому-нибудь искусному инженеру укоротить путь, чтобы из 800 верст хотя 700 выбросить, и то бы было хорошо, всё-таки меньше. Но это мечты, которые я себе позволил по § Цензурного устава. Прощайте, мой бесценный Михаил Петрович, брат по душе! Жму вашу руку. Может

[1] *Далее было:* части
[2] всё кажется люли

быть[1], это пожатие дошло до вас прежде моего письма. Верно, вы чувствовали, что ваша рука кем-то была стиснута, хотя во сне: это жал ее ваш

Гоголь.

154. М. П. Погодину

Июля 20 <1832>. Д. Васильевка.

Наконец я дотащился до гнезда своего, бесценный мой Михал Петрович, проклиная бесконечную дорогу и до сих пор не опамятовавшись после проклятой езды. Верите ли, что теперь один вид проезжающего экипажа производит во мне дурноту. Что-то значит хилое здоровье! Приехавши в Полтаву (17 июля), я тотчас объездил докторов и удостоверился, что ни один цех[2] не имеет меньше согласия и единодушия, как этот. У каждого свои мнения и иные из них так вздорны, что удивляешься, как и откуда залезли в глупые их головы, и каждый стоит за свою глупую систему до зарезу. Так что мне не остается иного средства, как просить вас прибегнуть к Дядьковскому и попросить у него первый рецепт. Уверьте его, что с величайшею признательностью буду благодарить его, сколько позволит мне мое состояние, и по гроб буду помнить его помощь. Теперешнее состояние моего здоровья совершенно таково, в каком он меня видел. Понос только прекратился, бывает даже запор; иногда мне кажется, будто чувствую небольшую боль в печенке и в спине, иногда болит голова, немного грудь. Вот все мои припадки. Дни начались здесь хорошие. Фруктов бездна, но я есть их боюсь (кстати, спросите о диэте). Остаток лета, кажется, будет чудо; но я, сам не знаю отчего, удивительно равнодушен ко всему. Всему этому, я думаю, причина болезненное мое состояние. Притом же приехал в имение, совершенно расстроенное. Долгов множество невыплаченных. Пристают со всех сторон, а уплатить теперь совершенная невозможность. Я еще вас обременю просьбою. Если будете в городе, дайте знать книгопродавцам, авось-либо не купят 2-го издания Вечеров на хуторе. Много из здешних помещиков посылало в Москву и Петербург, нигде не могли достать ни одного экземпляра. Что это за глупый народ книгопродавцы! Неужели они не видят всеобщих требований? Отказываются от собственной прибыли! Я готов уступить за 3000 р., если не будут давать более.

[1] Может быть *вписано.*

[2] цех людей

Ведь это им приходится менее, нежели по три рубли за экземпляр, а они будут продавать по 15 р., итого 12 р. барыша на книжке. Пусть они вдруг продадут только 200 экземпляров, то вырученная сумма за эти экземпляры уже вдруг окупит издержки. Остальные 1000 экземпл<яров> в течение года или двух, верно, разойдутся, особливо когда еще выйдет новое детище. Теперь я бы взял от них только 1500 р., потому что мне они очень нужны, а остальных я бы мог подождать месяца два или три.

Если бы я меньше вас узнал, я бы стал оговариваться, что мне совестно вас обременять беспрестанными просьбами и проч. и проч. Но я вас знаю и потому не говорю ничего. Я жажду только и дожидаюсь с нетерпением обнять вас лично. Знаете ли, что мне представляется (я большой в этом случае фантазер), будто вы вдруг неожиданно приезжаете ко мне в деревню. Я вас... и чем далее, тем невероятнее. Покаместь, я еще только отдыхаю. Впрочем, родились у меня две крепкие мысли о нашей любимой науке, которыми вам когда-нибудь похвастаюсь. Прощайте, Михаил Петрович. Целую вас пятьдесят раз. Прощайте до следующей почты. Нарочный едет с этим письмом в Полтаву и, верно, застанет там ваше, которого я жду нетерпеливо.

Помните ли адрес? *В Полтаву,* оттуда в д. Васильевку.

155. И. И. Дмитриеву

<Около 20 июля 1832. Васильевка>

Милостивый государь Иван Иванович. Приехавши на место, я почел долгом писать к вам. Ваш ласковый прием и ваша доброта напечатлелись неизгладимо в моей памяти. Мне кажется, я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и не доверяющему себе автору. С того времени мне показалось, что я подрос по крайней мере на вершок. Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что всё прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что через три или четыре месяца я снова увижусь с вами. В дороге занимало меня одно только небо, которое, по мере приближения к югу, становилось синее и синее. Мне надоело серое, почти зеленое северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы. Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным.

Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его ярки и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения. Он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; если бы одна только лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь совершенная редкость. Но я, думаю, уже наскучил вам статистикой здешнего края.

Так как вы были столько снисходительно добры, что изъявили желание знать об обстоятельствах того, который, еще не видавши вас лично, питал к вам благоговейное уважение и привязался к вам всею душою, то скажу, что здоровье мое поправляется и, кажется, в лучшем состоянии, нежели в Москве. Совершенного же здоровья не надеюсь скоро дождаться. Позвольте, по крайней мере, пожелать вам, чтобы еще в продолжение нескольких лет вы не знали совершенно никаких болезней, чтобы горе не смело переступить через порог ваш. А я, упрашивая вас не переменять драгоценного вашего расположения ко мне, остаюсь с совершенным почтением и вечною признательностию вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Николай Гоголь.

156. М. П. Погодину

Сентября 2 <1832>. Д<еревня> Васильевка.

Вашей доброте, верно, конца нет, бесценный Михал Петрович! В письме вашем столько готовностей на все пожертвования, что мне осталось удивляться только необыкновенному своему счастию. Благодарю Вас за Вас же. Сделайте милость, обо мне не беспокойтесь теперь. Через месяц я обниму вас в Москве, и тогда поговорим обстоятельнее обо всем. Так и решимся. Денег, покамест, мне не нужно. Здоровье мое, кажется, немного лучше, хотя я чувствую слегка боль в груди и тяжесть в желудке, может быть, оттого, что никак не могу здесь соблюсть диэты. Проклятая,

как нарочно, в этот год, плодовитость Украйны соблазняет меня беспрестанно, и бедный мой желудок беспрерывно занимается варением то груш, то яблок. Пилюль Дядьк<овского> боюсь принимать (которые давно уже я получил из аптеки), потому что в рецепте, как вы пишете, была ошибка.

Прощайте, бесценный Михаил Петрович, до следующего раза. Более не успеваю писать: человек, через которого отправляю письмо, сей час едет в Полтаву и не может дожидаться.

Вечно ваш Гоголь.

С нетерпением жажду обнять вас. Тянет в Москву.

157. Петру П. Косяровскому

Сентября 9 <1832>. Васильевка.

Два дни было бы вам только подождать, и вы бы получили ваши лексиконы. Но вы так спешили расстаться с нами, как будто хотели убраться из чужой стороны. Лексиконы эти вы переплетите: французской особо, а русские две части соедините в один том так, как у меня. Доехали вы, верно, хорошо: погода как будто нарочно для вас, прелестная. У нас всё начало сентября было настоящее лето. В тени было 18 градусов теплоты. Я, как добрый пес, вылеживался на солнце. Душевно желаю вам поздороветь и поправиться в Одессе; а между тем советую вам, не оставлять вытираться хорошенько на ночь уксусом, особливо поясницу. Прощайте! обнимаю и целую вас несколько раз

вечно ваш Н. Гоголь.

Варваре Петровне, Павлу Петровичу и Ивану Петровичу поручаю вам передать мой поклон.

Надеюсь, что вы не забудете написать мне, в каком теперь состоянии ваше здоровье. Письмо ваше еще может меня здесь застать, в Петербург же вы знаете, как мне адресовать.

При сем и я душевно вас всех обнимаю, милые братцы и сестрицы.

158. И. И. Дмитриеву

<23 сентября 1832. Васильевка>

Милостивый государь Иван Иванович! Необыкновенно приятно изумило меня письмо ваше. Несколько раз я перечитывал драгоценные для меня строки. Я не ожидал его; я думал, что

мой адрес вам неизвестен; но ваше заботливое внимание и участие тронули меня до слез. Благодарю вас за них: они оживили меня и подвинули на всё благое. Рад, что вам понравились мои несовершенные начатки; и если со временем произведу что-нибудь достойное, то виновником этого будете вы. Ваше поздравление меня с небом Украйны и яркими лучами солнца пришлось очень кстати: весь август здесь был прелестен, начало сентября похоже на лето. Я в полном удовольствии. Может быть, нет в мире другого, влюбленного с таким исступлением в природу, как я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю все движения ее, и чем далее, тем более открываю в ней неуловимых прелестей. Еще месяц я проживу здесь, потом еду в Москву и лично принесу вам мою благодарность за ваше снисходительное внимание. А до того с совершенным почтением и вечною признательностию остаюсь вашего высокопревосходительства, милостивого государя, покорнейшим слугою

Н. Гоголь.

1832. Сент<ября> 23.

159. П. А. Плетневу

9-го октября[1] <1832>. Курск.

Здоровы ли вы, бесценный Петр Александрович? Я всеминутно думаю об вас и рвуся скорее повеситься к вам на шею[2]. Но судьба, как будто нарочно, поперечит мне на каждом шагу. В последнем письме моем, пущенном[3] 11 сентября, я писал вам о моем горе: что, поправившись немного в здоровьи своем, собрался было ехать совсем; но сестры мои, которых везу с собою в Патр<иотический> инст<итут>, заболели корью, и я принужден был дожидаться, пока проклятая корь прошла. Наконец 29 сентября я выехал из дому и, не сделавши 100 верст, переломал так свой экипаж, что принужден был прожить целую неделю в Курске, в этом скучном и несносном Курске. Вы счастливы, Петр Александрович! вы не испытали, что значит дальняя дорога. Оборони вас и испытывать ее. А еще хуже браниться с этими бестиями станционными смотрителями, которые, если путешественник не генерал, а наш брат мастеровой, то всеми силами стараются делать более прижимок и берут с нас, бедняков,

[1] 10-го октября

[2] *а.* скорее, скорее к вам *б.* скорее, скорее в

[3] *Было начато:* Из последнего письма моего, пущенного

немилосердно штраф за оплеухи, которые[1] навешает им генеральская рука. Но завтра, чуть свет, я подвигаюсь далее, и если даст Бог, то к 20 октябрю буду в Петербурге. А до того времени, обнимая вас мысленно 1001 раз, остаюсь вечно ваш Гоголь.

Вы не можете себе представить, как я сгораю жаждою вас видеть. Один только любовник, летящий на свиданье, может со мною сравниться.

160. М. И. Гоголь

Октября 10. <1832. Станция под Курском>

Я пишу к вам из станции под Курском, нарочно для того, чтобы вы не соскучились, не получая долго от нас известия. Лиза, Анна и я, слава Богу, здоровы, как нельзя лучше, и даже можно прибавить — веселы, несмотря на то, что экипаж наш беспрестанно ломается. Я очень желал дома, чтобы его обсмотрел какой-нибудь сведущий каретник и указал бы именно, что нужно починить. Кузнеца нашего и винить нельзя. Он судил по своему толку. Впрочем я его теперь перечинил как следует, и мы, надеюсь, успешнее подвигаться <будем> к месту. Дети и не думают о доме. Я удивляюсь, как они так скоро могли забыть. Одна Анна иногда вспоминает[2], особливо когда иной раз долго придется дожидать лошадей. Время прекрасное! Осень чудная! Ехать лучше, нежели летом. Прощайте, маминька! будьте здоровы!

Писать теперь некогда, прощайте до Москвы.

Ваш сын Николай.

161. М. И. Гоголь

Москва. 21 окт<ября> <1832>.

Вот уже четвертый день, как мы в Москве. Почти две недели мы тянулись к ней, за проклятым экипажем, беспрестанно ломавшимся. Здесь я перечинил его снова и кроме того приделал зонтик, потому что осень становится немного хуже и, может быть, под Петербургом застанут нас дожди. Все мы, слава Богу, здоровы; я же чувствую себя, даже против моего собственного чаяния, гораздо здоровее прежнего и бодрее. Дай Бог, чтобы Вы тоже были веселы.

[1] которых

[2] *Далее было:* о доме

Какой дорогою я выдумал прелестный узор для ковра! Я вам пришлю его из Петербурга. Москва так же радушно меня приняла, как и прежде, и умоляет усердно остаться здесь еще на сколько-нибудь времени. Но мы очень опоздали, и потому в воскресение, 23, я думаю непременно выехать, а до того времени, целуя ваши ручки,[1] остаюсь

ваш Н. Гоголь.

От души обнимаю сестру и Павла Ос<иповича> и кланяюсь всем домашним.

162. М. И. Гоголь

<Ноябрь 1832. Санкт-Петербург>

--- Скажите Катерине Ивановне, что мне часто приходят на ум ее песни, но я их не пою, потому что я мастер только подтягивать. А если бы запел соло, то мороз подрал бы по коже слушателей.

163. М. И. Гоголь

22 ноября <1832>. С.-Петербург.

Я получил вчера ваше письмо вместе с метрическими выписками. Вы уже знаете из письма моего, пущенного вскоре по прибытии в Петербург, что мы все доехали благополучно, в надлежащем здравии. Дети покамест живут у меня, потому что в институте произошли небольшие переделки, и помещения совсем нет. На следующей недели я их отвезу. Насчет отягощения их учением не беспокойтесь. Они так мало успели, что будут помещены вместе с семилетними в предуготовительное отделение, где почти ничем не будут заниматься, выключая первых начал. Постараюсь побывать на этой же недели в Опекунском совете.

Теперь у меня много дел, и потому я спешу скорее окончить мое письмо. Одно слово только прибавлю: не сомневайтесь в нашей привязанности к вам.[2] Она с моей стороны неограниченна, и если я вам казался иногда холоден, так это оттого, что у меня много разных занятий, между тем как у вас одно только — это попечение о детях ваших. Верьте, что у всякого, кто бы имел такую редкую мать, как вы, благодарность, любовь и почтение

[1] *Было начато:* обнимая

[2] *Далее начато:* она вам потому кажется

были бы к вам вечны. И тот даже посторонний был бы[1] низок и подл в высочайшей степени, который бы не оказал должного уважения добродетели.

Прощайте, бесценная маминька! Вечно почтительный и любящий вас сын Николай Гоголь.

P. S. Да, сделайте милость, выгоните вон Борисовича и чем скорее, тем лучше: он выучил моего Акима пьянствовать. Теперь всё мне открылось, когда они вместе, Яким с Яковом и Борисовичем, ходили за утками и пропадали три дня: это всё они пьянствовали и были так мертвецки пьяны, что их чужие люди перенесли. Я Акима больно[2]

Благодарю тебя, милая сестрица, за твою приписку. Будь здорова, развязна, весела, и, пожалуста, поменьше хворай. Поблагодарил бы тебя и за песню, но она уже у меня давно есть, написанная рукою Борисовны. Целую тебя. Обними за меня Павла Осиповича.

Твой брат.

164. М. П. Погодину

СПб. Ноября 25 <1832>.

Не сердитесь, Михал Петрович, умоляю, не сердитесь. Я так по приезде сюда завяз в хлопотах, что насилу теперь только отрезвился. А в нетрезвом состоянии мне было совестно показаться на глаза друзей. Представьте себе мое горе: я не могу приехать к вам так скоро, как бы мне хотелось. Патриотический институт, видно, пронюхал мое намерение. Вы знаете, что я вез туда своих сестер с тем, чтобы за них платить. Я знал, что комплект полон, что больше не могут принять; но надеялся, что для меня будет сделано снисхождение. Какой же бы, вы думали, я получил ответ? Что сестры мои принимаются, и плата за них не требуется, но чтобы я за то находился при институте неотлучно. Я согласился, чтобы сбросить с себя пол-обузы и избавиться на первый случай от хлопот. Отдохнувши же, я очень хорошо знаю, как поступить, и до весны надеюсь быть у вас в Москве. Очень жалею, что не прежде, но нечего делать. Впрочем, я покамест здоров и даже поправился. Следствие ли это советов Дядьковского, которыми он меня снабдил на дорогу и которому изъявите при случае мою

[1] И тот бы был
[2] *Недописано.*

признательность и благодарность, или здешнего моего врачевателя Гаевского, который одобряет многое, замеченное Дядьковским, только я чувствую себя лучше против прежнего. Досада только, что творческая сила меня не посещает до сих пор. Может быть, она ожидает меня в Москве. Прощайте. Напишите, чем вы теперь занимаетесь. И что у вас родилось в антракте от нашей разлуки до этого письма. Да снидет на вас благодать и да разрешитесь вы к новому году томом широким, увесистым, читая который, был бы

— сам как будто на земли,
А пред тобою небо открывалось.

Так как вы, без всякого сомнения, испугались бы, если бы моя рука вытянулась на 700 верст в длину и, пробившись сквозь капитальные стены вашего кабинета, любовно пожала бы вашу, то вместо того я посылаю вам мысленно рукопожатие[1] и братское объятие.

Вечно ваш Гоголь.

Поклон Киреевскому, Аксакову и всем нашим москвичам.

Напишите, сколько градусов тепла у вас в кабинете. У меня холодная квартира, и я теперь всякого, у кого в комнате 15 градусов тепла, почитаю счастливцем.

Да: квартира моя II-й Адм<иралтейской части>, в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

165. И. И. Дмитриеву

<30 ноября 1832. Санкт-Петербург>

Милостивый государь Иван Иванович. Я очень виноват перед вашим высокопревосходительством. Никаким образом не удалось мне быть у вас перед выездом моим в Петербург. Одна только уверенность, что вы, зная мою нелицемерную признательность и то глубокое уважение к вам, которое должно находиться в сердце каждого русского, меня извините, эта одна уверенность совершенно меня успокоивает. Сегодня будет месяц, как я нахожусь здесь, и хотя еще не успел побывать у кого бы следовало (чему причиною лень, вывезенная мною из Малороссии), однако ж виделся с Пушкиным. Газеты он не будет издавать, — и лучше! В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим

[1] пожатие

заняться значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком. Князь Одоевский скоро порадует нас собранием своих повестей, в роде Квартета Бетговена, помещенного в Север. Цветах на 1831. Их будет около десятка, и те, которые им написаны теперь, еще лучше прежних. Воображения и ума куча! Это ряд психологических явлений, непостижимых в человеке! Они выдут под одним заглавием Дом сумасшедших.

Вот все почти наши новости! Желая загладить перед вами невольный проступок мой, я спешу скорее отправить письмо и потому не распространяюсь. Но в следующий раз (если только это не нанесет вам скуки) постараюсь уведомить и об моих занятиях, которые, впрочем, не значительны. С чувством всегдашней признательности и глубочайшего почтения остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга.

Н. Гоголь.

1832. СПб., 30 ноября.

Если на случай вам понадобится знать мой чердак, то вот его адрес: II-й Адм<иралтейской> части в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

166. М. И. Гоголь

1832 г. Декабря 3. <Санкт-Петербург>

Я был в Опекунском совете. Вам нечего слишком беспокоиться: вам дано будет знать чрез Губернское правление, что Опекунский совет требует и напоминает вам о процентах, и тогда (ежели вы соберетесь внесть) губернатор может о вас дать удостоверение, что вы, точно, по случаю неурожаю и проч. тому подобного, не имеете возможности и просите отсрочки, и вас оставят на время, вами положенное, в покое. Впрочем, до требования продлится, наверное, месяц еще, и потому вы, верно, успеете отправить заранее и тем избежите хлопот — ездить к губернатору просить свидетельства.

Посылаю вам узоры: моего изобретения здесь нет, потому что я его еще не кончил. Эти же узоры посылаю вам для тех ковров, о которых я вам говорил еще дома. Поле всё в клетках под тень так, как я вам оставил рисунок на стулья. По полю белые круги (¾ аршина в диаметре). Они должны <быть> чаще и ближе один от другого, чтобы поля (хотя оно и клетчатое) видно было немного; в круге букет цветов, который при сем посылаю. Один букет ставьте на все круги. Это не будет однообразно;

а ковер будет между тем чрезвычайно ярок. Кайму, какую хотите из двух, употребите: или *гирлянды на палке по белому полю* (только не по черному, как там начато), или другую, по голубому. Лучше, я думаю, первую. Другой же ковер — ландшафт, который тоже посылаю, будет прелестен. Кайму к нему я пришлю вам скоро. Она необыкновенно широка и вся в цветах, так что для ландшафта остается небольшая середина ковра, и чрез это ковер очень выдет поразителен: ландшафт с рамкою кажется в отдалении.

Прощайте, бесценная маминька. Дочери ваши посылают вам конфект.

Любящий сын ваш Николай.

Да, квартира моя: <II-й> Адмиралтейской части в Новом переулке. Дом Демут-Малиновского, близ Мойки.

<*На обороте:*>
Бесценной Маминьке
Марии Ивановне
Гоголь-Яновской.

167. М. А. Максимовичу

СПб. 1832, декабря 12.

Я думаю, вы, земляче, порядочно меня браните за то, что я до сих пор не откликнулся к вам? Ваша виньетка меня долго задерживала. Тот художник, малоросс в обоих смыслах, про которого я вам говорил и который один мог бы сделать национальную виньетку, пропал как в воду, и я до сих пор не могу его отыскать. Другой, которому я поручил, наляпал каких-то чухонцев и так гадко, что я посовестился вам посылать. О Русь, старая рыжая борода, когда ты поумнеешь? Однако ж жаль, что наши песни будут без виньетки; еще более жаль, если я вас задержал этим. Как же вы поживаете? Можно ли надеяться мне вашего приезду нынешней зимой сюда? А это было бы так хорошо, как нельзя лучше. Я до сих пор не перестал досадовать на судьбу, столкнувшую нас мельком на такое короткое время. Не досталось нам ни покалякать о том и о сем, ни помолчать, глядя друг на друга. Посылаю вам виршу, говоренную запорожцами, и расстаюсь с вами до следующего письма. Адрес мой: 2-й Адмир<алтейской> части, в Новом переулке, в доме Демута-Малиновского, близ Мойки.[1]

Н. Гоголь.

[1] *Далее было:* Приезжайте

Поклонитесь от меня, когда увидите, Щепкину. Посылаю поклон также земляку, живущему с вами, и желаю ему успехов в трудах, так интересных для нас.

168. М. И. Гоголь

13 декабря <1832>. СПб.

Я получил письмо ваше от 23 ноября третьего дня. Очень рад, что вы здоровы. В письме вы извещаете, между прочим, что хотите продать одну землю, а людей оставить. Но выгодно ли это будет вам? Ведь вам нужно, маминька, денег и в приказ отдать, и в Опекунский совет, и еще несколько тысяч на предполагаемый вами кожевенный завод. — Точно ли притом вы уверены, что люди действительно добры? Ведь им самим верить нельзя. Этот народ лукав: это ничего не значит, что многие помнят вас с измалу. Они, пожалуй, будут падать в ноги, и при этом будут самые бестии. Но довольно об этом. Я уверен, что всё, что вы ни делаете, делаете, посоветовавшись наперед с собственным благоразумием, которое всегда вас выручало.

Об детях не беспокойтесь. Они уже в институте,[1] покамест ничего не делают, только привыкают. Не знаю, как вас благодарить за гаман. Ожидаю с нетерпением скорее его увидеть.

Желая вам всегдашнего здоровья и во всем успеха остаюсь ваш сын.

Очень благодарен Катерине Ивановне за приписку. Обнимаю сестру мысленно, также и Олиньку.

Прилагаемое при сем письмо отправьте скорее Александру Сем<еновичу> Данилевскому.

Не позабудьте адрес мой: 2-й Адм<иралтейской> части в Новом переулке, дом Демут-Малиновского.

169. А. С. Данилевскому

13 декабря <1832>. СПб.

Стыдно тебе не написать ко мне ни строчки. Я от маминьки слышу, что ты уже не едешь в Петербург, а думаешь служить в Одессе. Если этому виною, как говорят, холод, который ты воображаешь найти в Петербурге, то уверяю тебя, что здесь теперь теплее, нежели у нас, в Малороссии. Вот уже ползимы, слава Богу, а еще не было ни одного порядочного морозу. —

[1] *Далее начато:* и здоровы

Термометр постоянно показывает или 2 или один градус тепла. Ты всё меряешь Петербург по параду, на котором заставляли тебя мерзнуть несколько часов Звегинцов и Гудим. Но впрочем, если ты имеешь какие-нибудь выгоды особенные в Одессе служить, то против этого я ничего не смею тебе советовать. Как бы то ни было, в том или другом случае пиши ко мне и извещай подробнее обо всем. Я теперь так спешу, что не сообщаю тебе ни о чем здешнем, не уверен будучи, застанет ли это письмо тебя дома. До того времени вот тебе мой адрес: 2-й Адмирал<тейской> части, в Новом переулке, в доме *Демут-Малиновского.* Это очень близко возле твоего гнезда, твоих воспоминаний — юнкерской школы.

Прощай, с нетерпением ожидаю от тебя известия.

Твой Гоголь.

<*На обороте:*>

Его благородию Александру Семеновичу Данилевскому.

170. А. С. Данилевскому

Декабрь 20-е <1832>. СПб.

Наконец я получил-таки от тебя письмо. Я уже думал, что ты дал тягу в Одессу или в иное место. Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновенье. Я бы не нашел себе в прошедшем наслажденья, я силился бы превратить это в настоящее и был бы сам жертвою этого усилия и потому-то к спасенью моему у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня от желания заглянуть в пропасть. Ты счастливец, тебе удел вкусить первое благо в свете — любовь. А я... но мы, кажется, своротили на байронизм. Да зачем ты нападаешь на Пушкина, что он прикидывался? Мне кажется, что Байрон скорее. Он слишком жарок, слишком много говорит о любви и почти всегда с исступлением. Это что-то подозрительно. Сильная продолжительная любовь проста, как голубица, то есть выражается просто, без всяких определительных и живописных прилагательных, она не выражает, но видно, что хочет что-то выразить, чего, однако ж, нельзя выразить и этим говорит сильнее всех пламенных красноречивых тирад. А в доказательство моей справедливости прочти те самые строки, которые ты велишь мне целовать. Жаль, что ты не едешь <в> Пбрг, но если ты находишь выгоду в Одессе, то, нечего делать, не забывай только писать. Жаль, нам дома так мало удалось пожить

вместе. Мне всё кажется, что я тебя почти что не видел. — Скажу тебе, что Красненькой заходился не на шутку жениться на какой-то актрисе с необыкновенным, говорит, талантом, лучше Брянского — я ее, впрочем, не видел — и доказывает очень сильно, что ему необходимо жениться. Впрочем, мне кажется, что этот задор успеет простыть покаместь. Здесь и драгун. Такой молодец с себя! с страшными бакенбардами и очками, но необыкновенный флегма. Братец, чтобы показать ему всё любопытное в городе, повел его на другой день в бордель; только он во всё время, когда тот потел за ширмами, прехладнокровно читал книгу и вышел не прикоснувшись ни к чему, не сделав даже значительной мины брату, как будто из кондитерской. — Получивши от тебя письмо, я получил такую о тебе живую идею, что когда встретил близ Синего мосту шедшего подпрапорщика, то подумал про себя: Нужно зайти к нему. Его, верно, не пустили за невзноску денег в казну за чичеры <?> и поворотил к школе и уже спросил солдата на часах, был ли сегодня великий князь и не ожидают ли его, да после опомнился и пошел домой. Прощай! Где бы ни был ты, желаю, чтоб тебя посетил необыкновенный труд и прилежание такое, с каким ты готовился к школе, живя у Иохима. Это лекарство от всего, а, чтобы положить этому хорошее начало, пиши, как можно чаще, письма ко мне. Это средство очень действительно.

1833

171. В. И. Григоровичу

<1 января 1833. Санкт-Петербург>

Милостивый государь
Василий Иванович.

От всей души и сердца поздравляю вас с новым годом и днем Вашего Ангела и чрезмерно сожалею, что мое нездоровье не позволяет Вам этого сказать лично.

С нелицемерным почтением и пред<анностию> честь имею быть ваш покорнейший слуга

Николай Гоголь.

1833. Генварь 1.

<На обороте:>

Его высокородию милостивому государю Василию Ивановичу Григоровичу.

172. М. П. Погодину

1833-го, генваря 10. <Санкт-Петербург>

Меня изумляет ваше молчание. Не могу постигнуть причину. Не разлюбили ли вы меня? Но, зная совершенно вашу душу, я отбрасываю с негодованьем такую мысль. По всему мы должны быть соединены тесно друг с другом. Однородность занятий — заметьте, и у вас, и у меня. Главное дело всеобщая история, а прочее стороннее — словом, всё меня уверяет, что мы не должны разлучаться на жизненном пути. Я к вам писал письмо одно и после другое, в которых изъяснял причины, почему я не еду скоро в Москву. Послал вам адрес, просил и молил вас не забыть своего двойника, но вы позабыли. Поздравляю вас с 1833-им и желаю, чтобы всё, замышляемое вами, осуществилось в этом году. А себе желаю, чтобы вы меня любили столько, сколько я вас.

Если увидите Максимовича, упрекните его за то, что и он не дал мне ответа на письмо мое. Вся Москва, кажется, забыла меня. Тогда как ее беспрестанно вижу в мыслях своих.

Бога ради, не забудьте меня и хотя строчкою отзовитесь!

Ваш Гоголь.

173. М. И. Гоголь

1833. Генваря 10. <Санкт-Петербург>

Очень изумляет меня ваше молчание. На три письма мои и одну посылку я не получаю до сих пор никакого ответа. Письмо ваше, адресованное ко мне в Патриот<ический> институт, уже два месяца как я получил, и это письмо от вас было последнее. Я вам и адрес свой послал. Сделайте милость, не вводите меня в недоумение таким долгим молчанием. Дети здоровы. У них в институте недавно был маскерад. Желая вам совершенного здоровья и поздравляя вас с Новым Годом,

остаюсь ваш сын Николай.

174. М. П. Погодину

1833. Февраль 1. СПб.

Насилу дождался я письма вашего! Узнавши из него причину вашего молчания, уже не досадую на вас. Зависть только одолевает меня. Как! в такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тем как я сижу, как дурак, при непостижимой лени мыслей. Это ужасно! Но поговорим о драме.

Я нетерпелив прочесть ее. Тем более, что в Петре вашем драматическое искусство несравненно совершеннее, нежели в Марфе. Итак, Борис, верно, еще ступенькою стал выше Петра. Если вы хотите непременно вынудить из меня примечание, то у меня только одно имеется. Ради Бога, прибавьте боярам несколько глупой физиогномии. Это необходимо так даже, чтобы они непременно были смешны. Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина! А доказательство в наше время. — Через это небольшой ум между ними уже будет резок.[1] Об нем идут речи, как об разученой голове. Так бывает в государстве. А у вас, не прогневайтесь, иногда бояре умнее теперешних наших вельмож. Какая смешная смесь во время Петра, когда Русь превратилась на время в цирюльню, битком набитую народом; один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что один бранит[2] Антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника. Я не иначе представляю себе это, как вообразя попа во фраке. Не пожалейте красненькой, нарядите попа во фрак, за другую — обрейте ему бороду и введите его в собрание или толкните меж дам. Я это пробовал, и клянусь, что в жизнь не видел ничего лучше и смешнее: каждое слово и движение нового фрачника нужно было записывать. Благословенный вы избрали подвиг! Ваш род очень хорош. Ни у кого столько истины и истории в герое пиесы. Бориса я очень жажду прочесть. Как бы мне достать ваших Афоризмов? Меня очень обрадовало, что у вас их целая книга. Эх, зачем я не в Москве!

Журнальца, который ведут мои ученицы, я не посылаю, потому что они очень обезображены посторонними и чужими прибавлениями, которые они присоединяют[3] иногда от себя из дрянных печатных книжонок, какие попадутся им в руки. Притом же я только такое подносил им, что можно понять женским мелким умом. Лучше обождите несколько времени: я вам пришлю, или привезу чисто свое, которое подготовляю к печати. Это будет всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием *Земля и Люди.* Из этого гораздо лучше вы узнаете некоторые мои мысли об этих науках.

Да. Я только теперь прочел изданного Вами Беттигера. Это, точно, одна из удобнейших и лучших для нас история. Некоторые

[1] *Далее начато:* И он не иначе как большим

[2] ругает

[3] прибавляют

мысли я нашел у ней совершенно сходными с моими, и потому тотчас выбросил их у себя. Это несколько глупо с моей стороны, потому что в истории приобретение делается для пользы всех и владение им законно. — Но что делать, проклятое желание быть оригинальным!

Я нахожу только в ней тот недостаток, что во многих местах не так развернуто и охарактеризовано время. Так Александрийский век слишком бледно и быстро[1] промелькнул у него. Греки, в эпоху национального образованного величия, у него — звезда не больше других, а не солнце[2] древнего мира. Римляне, кажется, уже слишком много, внутренними и внешними разбоями, заняли места против других. Но это замечания собственно для нас, а для Руси, для преподавания, это са<мая> золотая книга.

Вы спрашиваете об Вечерах Диканских. Чорт с ними! Я не издаю их. И хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекуляционными оборотами. Я даже позабыл, что я творец этих Вечеров, и вы только напомнили мне об этом. Впрочем, Смирдин отпечатал полтораста экземпляров 1-й части, потому что второй у него не покупали без первой. Я и рад, что не больше. Да обрекутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня.

Но я стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется! великое не выдумывается! Одним словом, умственный запор. Пожалейте обо мне и пожелайте мне! Пусть ваше слово будет действительнее клистира.

Видите ли, какой я сделался прозаист, и как гадко выражаюсь. Всё от бездействия.

Обнимая и целуя вас, остаюсь ваш

Гоголь.

175. М. И. Гоголь

Февраля 8, 1833. СПб.

Я получил ваше письмо от 6 генваря. Очень жалею, что плут Лукашевич ввел вас в такие беспокойства и не плотит денег. Если еще можно, то лучше возвратите ему его задаток; а я напечатаю в газетах объявление о продаже имения, и тут же у меня его купят.

[1] слабо
[2] звезда, а не солнце

Здесь теперь много охотников покупать имения, и многие взяли свои деньги из ломбарда по поводу разнесшихся слухов, что один процент казна сбавляет. Досадно, если вам придется вести с ним тяжбу, потому что, мне кажется, очень сомнительно, чтобы он где достал 4000 руб<лей>. Посылаю вам моего изобретения еще один узор. Всё поле должно состоять из осьмиугольников, один голубой, другой оранжевый. В голубом, как видите, оранжевая розетка, а в оранжевом голубая. Между осьмиугольниками черные четыреугольники. Кайма: вьющаяся лента по белому полю. Ковер будет прелестен. Жаль очень, что гамана вы не достали, а теперь очень удобный случай всё переслать ко мне, потому что Данилевский <едет> сюды. Приготовьте к отъезду его шапку смушевую с суконным верхом, шаровары и кунтуш, хотя тот самый, который тогда приносили ко мне. С нетерпением ожидаю сказок и присказок. Только вам самим не советую этим заниматься. Это несколько тягостная работа. Пусть лучше сестрица моя этим займется, призвавши на помощь Катерину Ивановну.

Дети, слава Богу, здоровы, и, кажется, никакого влияния не произвел над ними климат. Смотрение за ними как нельзя лучшее. Начальница их редкая женщина. При сем препровождаю их письма к вам. Имеете ли вы какие-нибудь известия об Андрее Андр<еевиче>? Мне сказывал Леонтьев (который только что уехал из Петербурга, по его просьбе к нему), что он бедняк очень запутал сам себя и теперь не знает, что делать. Что Косяровские, не пишут? Каково здоровье Анны Матвеевны?

Посылаю вам башмаки, две пары на вашу ногу, а две на сестрину, и конф<ект>.

Часто ли бывает у вас Ал<ександр> Данилевский? Каково вы провели масленицу? Уж, верно, не так, как здесь ее проводят. Теперь только Матрена с супругом возвратилась из балаганов и, крестясь от страха, рассказывает, как при ее глазах разрезали человека на несколько частей, даже кровь лилась, и он, как ни в чем не бывало, ожил и начал ходить, кривляться и паяцничать, как прежде; из маленькой девчонки вдруг сделалась огромная кухня с посудою, горшками и пр.

Сию минуту только мне принесли письмо ваше, в котором вы изъявляете сожаление о неполучении мною ваших. Письма ваши все мною получены; через магазин Смирдина скорее всех, но другое немного залежало. Очень благодарю вас за то, что приказали Антошке списывать сказки. Когда бы только он не умничал и не выбрасывал многого. Вы пишете, чтобы я об себе писал

вам. Что же такое писать? Ну, я, слава Богу, жив и здоров, чего и вам желаю. Когда проснусь, то одеваюсь; потом завтракаю; часа через четыре или пять обедаю; когда же наступит ночь, то ложусь спать; и так каждый день проходит. Не делаю совершенно ничего; может быть, я из дому вывез с собою лень. И досадно, а ничего не хочется делать. Вообразите мою неприятность. Приготовился теперь же послать бритвы Павлу Осиповичу, и теперь же у меня их украли, как будто в наказание, что я позабыл сделать это раньше. Я хотел было купить, но настоящих аглицких теперь и в Петербурге нет, привоз запрещен, мне же достались они по случаю.

Много свадьб! Поздравьте от меня Марью Алексеевну и скажите, что я ей от всей души желаю счастья в новом ее состоянии.

176. А. С. Данилевскому

1833, февраля 8. СПб.

Я получил оба письма твои почти в одно время и изумился страшным переворотам в нашей стороне. Кто бы мог подумать, чтобы Соф<ья> В<асильевна> и М<арья> Ал<ексеевна> выйдут в одно время замуж, что мыши съедят живописный потолок Юрьева и что Голтвянские балки узрят на берегах своих черниговского форшмейстера? Насмешил ты меня Лангом! Чтоб его чорт побрал с его клистирами! Один Гаврюшка в барышах. Однако я от всей души рад, что Марья Алексеевна вышла замуж. Жаль только, что ты не написал за кого. Что ты ленишься или скучаешь? Мне уже кажется, что время то, когда мы были вместе в Василевке и в Толстом, чорт знает, как отдалилось, как будто ему минуло лет пять. Оно получило уже для меня прелесть воспоминания. Я вывез, однако ж, из дому, всю роскошь лени и ничего решительно не делаю. Ум в странном бездействии. Мысли так растеряны, что никак не могут собраться в одно целое, и не один я, всё, кажется, дремлет. Литература не двигается: пара только вздорных альманахов вышло — Альциона и Комета Белы. Но в них может быть чайная ложка меду, и прочее всё деготь. Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирит всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не затащут его в деревню. Один только князь Одоевский деятельнее. На днях печатает он фантастические сцены под заглавием *Пестрые сказки*. Рекомендую: очень будет затейливое издание, потому что производится под моим присмотром. Читаешь ли ты

Илиаду? Бедный Гнедич уже не существует. Как мухи мрут люди и поэты. Один Хвостов и Шишков на зло и посмеяние векам остаются тверды и переживают всех, <......> свои исподние платья. Поздравляю тебя с новым земляком — приобретением нашей родине. Это Фадей Бенедиктович Булгарин. Вообрази себе, уже печатает малороссийский роман под названием Мазепа. Пришлось и нам терпеть! В альманахе Комета Белы был помещен его отрывок под титулом Поход Палеевой вольницы, где лица говорят даже малороссийским языком. Попотчивать ли тебя чем-нибудь из Языкова, чтобы закусить <...> конфектами. Но я похвастал, а ничего и не вспомню. Несколько строчек, однако ж, приведу:

. . . .
Как вино вольнолюбива,
Как вино она игрива
И блистательно светла.
Как вино ее люблю я,
Прославляемое мной.
Умиляя и волнуя
Душу полную тоской.
Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой.
Сладки песни распевает
О былых веселых днях
И стихи мои читает
И блестит в моих очах.

Красненькой еще не женился, да что-то и не столько уже поговаривает об этом. Баит, что ему не хотелось бы, но непременно должно. Не знаю, вряд ли тебе будет хорошо ехать теперь. Дорога, говорят, мерзкая. Снег то вдруг нападает, то вдруг исчезнет, но как бы то ни было я очень рад, что ты это вздумал и хоть ты и пострадаешь в дороге, зато я выиграю, тебя прежде увидевши. А Тиссон как? Поедет ли он с тобою или нет? Мне Аким надоел (он состоит в должности поверенного Афанасия и ходит здесь по делам его), беспрестанно просит позволения итти к Тушинскому, который употребляет Фабиевские увертки к промедлению уплаты 15 руб. с копейками. Это ты можешь передать Афанасию. Ты меня ужасно как ошеломил известием, что у вас снег тает и пахнет весною. Что это такое весна? Я ее не знаю, я ее не помню, я позабыл совершенно, видел ли ее когда-нибудь. Это должно

быть что-то такое девственное, неизъяснимо упоительное, Элизиум. Счастливец! повторил я несколько раз, когда прочел твое письмо. Чего бы я не дал, чтобы встретить, обнять, поглотить в себя весну. Весну! как странно для меня звучит это имя. Я его точно так же повторяю, как Кукольник (NB который находится опять здесь и успел уже написать 7 трагедий) повторял, помнишь, — Поза, Поза, Поза. Кстати о Возвышенном: он нестерпимо скучен сделался. Тогда было соберет около себя толпу и толкует, или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то. Не терпит людности и выберет такое время притти, когда я один и тогда, или душит трагедией, или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты, и не могу заметить никакого направления в нем. Зато приятель твой, Василий Игнатьевич, о котором ты заботишься, ни на волос не переменился с того времени, как ты его оставил. Та же ловкость, та же охота забегать по дороге к приятелям за две версты в сторону. Кажется, он чем далее делается легче на подъем, так что в глубокой старости улетит, я думаю, с телом в поднебесные страны, отчизну поэтов.

Прощай! Пиши, если успеешь. Видишь ли ты Федора Акимовича с новобрачною супругою или хотя мужественного Грыця? Да что Баранов, в наших еще краях? Поклонись ему от меня, если увидишь, и скажи ему, что я, именем политики, прошу его написать строк несколько. Что в Василь<ев>ке делается? Я думаю, Катерина Ивановна напела тебе уши песнями про бойрендом, духтером. Свидетельствуй мое почтение папиньке и маминьке и поцелуй за меня ручки сестриц, Анны и Варвары Семеновны.

177. М. П. Погодину

Февраль 20 <1833. Санкт-Петербург>.

Я получил письмо твое еще февраля 12-го и почти неделю промедлил ответом. Винюсь, прости меня! Журнала девиц я потому не посылал, что приводил его в порядок, и его-то, совершенно преобразивши, хотел я издать под именем *Земля и Люди.* Но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание[1]. Как-то не так теперь работается![2] Не с тем вдохновенно-полным наслаждением

[1] *Начато было:* и я перестал
[2] трудится

царапает перо[1] бумагу. Едва начинаю, и что-нибудь совершу из Ист<ории>, уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромнее объему, то вдруг зиждется совершенно новая система и рушит старую. Напрасно я уверяю себя, что это только начало, эскиз, что оно не нанесет пятна мне, что судья у меня один только будет, и тот один — друг. Но не могу, не в силах. Чорт побери пока труд мой, набросанный на бумаге, до другого, спокойнейшего времени. Я не знаю, отчего я теперь так жажду современной славы. Вся глубина души так и рвется наружу. Но я до сих пор не написал ровно ничего. Я не писал тебе: я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написалось на белой толстой тетради: *Владимир 3-ей степени,* и сколько злости! смеху! соли!.. Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит. А что из того, когда пиеса не будет играться? Драма живет только на сцене. Без нее она как душа без тела. Какой же мастер понесет на показ народу неконченное произведение? — Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самый невинный, которым даже квартальный не мог бы обидеться. Но что комедия без правды и злости! Итак за комедию не могу приняться. Примусь за Историю — передо мною движется сцена[2], шумит аплодисмент, рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают зубы, и — история к чорту. — И вот почему я сижу при лени мыслей.

Беттиг<ера> я не читал на немецком. Прочел в переводе. Имеется ли у него и Новая история? или только одна древняя? Мне нравится в ней то, что есть по крайней мере хоть несколько верный анатомический скелет. У нас и этого нигде не найдешь. — Не будет ли еще чего-нибудь у вас историч<еского>, переведенного университетскими. А что Европейская история?

Пушкин недавно говорил о тебе с Государем насчет Петра и желания твоего трудиться вместе с ним. Государь наперед желал узнать о трудах твоих, и когда ему вычислили длинный ранг твоих изданий, то он тот же час изъявил согласие, и Пушкин говорит, что ты можешь, живя здесь или в Москве, издавать всё выкапываемое в Архивах и брать за это деньги. Как же велико будет твое жалованье, это ему еще неизвестно.

[1] ленивое перо
[2] комедия

Крылова нигде не попал, чтобы напомнить ему за портрет. Этот блюдолиз, несмотря на то, что породою слон, летает как муха по обедам. Смирдину напоминал.[1] Читал ли ты Смирдинское Новоселье? Книжища ужасная; человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь в первый раз показались в печати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тут и подлости, и вони, и всего. Я слышал, у вас в Москве альманах составляется и участвуют люди такие, которых статьи непременно будут значительны. Будешь ли там? Мне очень нравится Комета Галлея. Есть что-то чертовски утешительное в минуты некоторых мыслей...

У меня теперь голова страшно забита кучей хлопот вчера и сегодня, так что я... я думаю, пишу довольно бестолково и спешу отправить.

От всей души обнимая, остаюсь

Твой Гоголь.

Хотел было предложить два историч<еские> вопроса, сильно меня занимавшие. Не разрешишь ли? — но после. Они требуют много бумаги. Видишь, я, несмотря на всё, всё-таки не могу совершенно освобод<иться> от Истории.

178. М. И. Гоголь

26[2] марта <1833. Санкт-Петербург>.

Письма ваши, одно почтою, другое чрез Данилевского, получил. Очень благодарен вам за присылку шапки, пояса и прочего. Жаль, что не застала вас во время просьба о кунтуше. Но впрочем это можно исполнить при другом удобном случае. Может быть, Леонтьев будет в наших местах, и тогда можно будет чрез него. Рад очень, что вы немного успокоились насчет хозяйственных хлопот. Дети, слава Богу, здоровы. Так как природных способностей у них не много, то я не нахожу, чтобы им нужно было непременно упреждать их. Лучше пусть этот год они почти ничего не делают и остаются в том же классе еще на два года! притом же зачем им выходить слишком молодыми?

С 1-го февраля и до сих почти пор здесь стоит[3] прекрасная зима. Как у вас? Я думаю, весна уже давно началась, по крайней мере в поле зеленеет. Я всегда очень сожалею, что мне никогда

[1] *Далее начато:* за

[2] *Было:* 23

[3] *Далее было:* весна

почти не доводилось встретить весну в нашем крае. Может быть, на следующий год Бог поможет исполниться этому моему желанию. Однако прощайте, желаю вам окончить пост и провесть праздники весело; впрочем до того времени, может быть, успею еще написать к вам.

Ваш сын Н.

179. М. И. Гоголь

<5 апреля 1833. Санкт-Петербург>

Поздравляю вас с праздником. Очень бы был рад, если б узнал, что вы провели его как нельзя лучше. Но так как мне еще ничего не известно про то, что происходило в продолжение их у вас, то остается пожелать, чтобы вы все дни грядущие были так веселы и спокойны, как добрые люди в праздник. Анет и Лиза поздравляют вас с праздником, хотя, впрочем, несколько поздно. Получили ли вы какое-нибудь сведение от отца Емельяна? пришлет ли он ноты? Очень бы меня обрадовал он, если бы прислал. Я думаю, что Ольга Д<митриевна> позабыла отдать письмо ему. С 3-го дня праздников опять восстановилась здесь хорошая погода, но первый и второй день были дождливы. Целую сестру и Павла Осиповича, а также и Катерину Ивановну. Обнимаю Василя Ивановича, и да снидет мир на дом наш!

Ваш Николай.

1833, апреля 5. С. Петербург.

180. М. И. Гоголь

<Апрель 1833. Санкт-Петербург>

<Жаль?> что Омельян не присылает ноты, и, как видно из ваших слов, совершенно нет никакой надежды получить их. Нельзя ли каким-нибудь образом послать вам кого-нибудь в Кибенцы расторопного и хитрого человека. Не осталось ли сколько-нибудь их там. — Какой бы для меня был это подарок!

Прощайте до следующего письма. Будьте здоровы! Да пошлет вам Бог успех во всем!

вечно признательный ваш сын

Николай.

Вы извещаете, что к вам приезжали Ларион Тро<щинский> с сестрами. Сделайте милость, не покажите им виду, что вам

в тягость их посещение. — Не хорошо, если нами будут недовольны. Лучше поступать так, чтобы нас все любили. Такими поступками можно даже исправить людей, в которых остается хотя немного добрых наклонностей.

Благодарю вас, тетинька Катерина Ивановна, за приписку вашу. А много ли вы собрали для меня песень, любопытен бы я знать? А часто ли вы распеваете их? — Глядите, припасайте новых и не забывайте старых, особенно советую вам почаще протерживать Байрендом эппером. Не мешает также иногда напевать Прохалася Катруся. — Желая вам от всей души быть всегда здоровой, побольше веселиться и спать долго по-прежнему, остаюсь вашим племянником,

всегда любившим Вас.

Ник<олай> Гог<оль>.

Получаете ли вы письма от моей кузины?

Дедушке и бабушкам Марии Илиничне и Агафии Матвеевне особенное свидетельствую почтение.

181. М. И. Гоголь

Мая 2 <1833>. С.-Петербург.

Жаль мне чрезвычайно, что вы так поздно получили письмо мое и долго беспокоились. Мы все в продолжение этого времени были здоровы как нельзя лучше. Жаль также мне очень, что вас слишком огорчило известие, что дети не имеют слишком больших способностей. Как будто я вам этого не говорил прежде! Что ж делать! Тем более им необходимо лучшее воспитание. Притом же, сколько есть на свете, куда ни повернись, девушек, которых ум до 14 лет в состоянии заниматься только куклами, а от 14 лет нарядами, впрочем, они, кажется, будут добры. Лиза уже совсем перестала упрямиться. Анет тоже расположена учиться. Я совсем однако ж не писал вам, что они еще молоды для того, чтобы учиться в институте. Я напротив того писал, что они должны остаться на следующий год в этом классе, и не потому, что молоды летами (напротив, они старше всех в своем классе), но потому, что молоды умом и мало приготовлены. От них в этот год ничего и требовать не будут, потому что им[1] невозможно узнать то в один год, что другие узнали в три года. Но в следующие шесть лет они пройдут весь курс и, верно, тогда ни в чем не будут отставать от других.

[1] им *вписано.*

Теперь поговорим о ваших делах. Я очень рад, что вы хвалитесь хорошею выделкою кож. Но не много ли будет четырех тысяч, которыми вы жертвуете для него? Не лишите ли вы через это себя опять всего необходимого? Я нарочно здесь расспрашивал искусных фабрикантов в выделывании кож, с которыми именно для этого познакомился. Некоторые из них заводили в Малороссии и жалуются особенным неуспехом, жалуются на то, что Москва всегда подрывает. Там выделываются кожи довольно дурно, и оттого чрезвычайно дешево; а народ мало смотрит на доброту, но более на дешевизну. Из Москвы же развозят их по всей России. Особенно не советуют делать из нее сапог, седел и других вещей, а лучше продавать ее тотчас по выделке, потому что эти вещи московской работы делаются как попало, продаются так дешево, как грибы, и потому здешние фабриканты ни одной кожи, ниже сделанной из нее вещи, не отпускают в провинцию, а продают всё это здесь, потому что здесь только могут им выгодно заплатить. Главное, еще советуют смотреть в оба за фабрикантом, не отпускать его в дальние места, не взяв у него пашпорта, и не вверять ему никогда слишком большой суммы. Насчет детей Егора Льво<вича> Лапп<ы>-Данилевского я еще не разведывал ничего, но постараюсь на днях узнать и тогда напишу к вам. Только сколько мне помнится, то в медико-хирургическую академию не принимают так молодых, впрочем, я узнаю.

Целую сестру и очень благодарен ей за племянника. То-то, я думаю, она теперь нянчится с ним! Не знает, воображаю, куды деть его. Ему бедному, верно, достается! Обнимаю кума Пав<ла> Осип<овича> и от души поздравляю его.

Время здесь весь март было прекрасное, дни ясные и совершенно летние. На Невском проспекте было 16 градусов тепла в тени. Это вдруг после зимы! Апрель, особливо начало его, было хуже немного. Зелень только что начинает показываться. Деревья еще без листьев.

Желаю вам поменьше забот, побольше спокойных и веселых минут. Мне, признаюсь, часто приходит на ум, что вы скучаете, задумываетесь, и оттого я иногда бываю целый день невесел.

Прощайте. Ваш

Николай Гоголь.

Целую Катерину Ивановну и кланяюсь всем домашним, Василю Ивановичу, Варваре Семеновне и проч.

182. М. П. Погодину

Мая 8 <1833>. СПб.

Теперь только что получил я твою записку чрез Краевского. Хорош комиссионер попался! В ней я прочел странный упрек, который я втайне было делал тебе. Странно: я писал к тебе письмо не так давно. Неужели ты не получал его! Еще страннее, что я не видел и не читал того письма, о котором пишешь, что я, верно, удивился, когда прочел его. Не приложу ума, какому сатаненку достались наши письма.

Ну, очень рад, что уже Самозванец пишется. Может быть, он и кончен! Когда-то мне достанется читать! Хотелось бы.

Я не иначе надеюсь отсюда вырваться, как только тогда, когда зашибу деньгу большую. А это не иначе может сделаться, как по написании увесистой вещи. А начало к этому уже сделано. Не знаю, как пойдет дальше.

Скоро ли у вас выйдет хоть один том Европейской истории? Кстати, случалось ли когда-нибудь тебе слышать про Историю Римской импер<ии> и славянских народов? Это чудо, а не книга, типографическая редкость! 1503 года и вся в опечатках, а главное, что во введении[1] прежде всего говорится о истреблении вшей и привезенных в Германию индейских клопов. Издана в Оснабрике.

Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся[2] жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман! Что делают наши москвичи? Что Максимович печатает точно Наума и песни, или только нас надувает? А Киреевский, неужели он до сих пор на ложе лени. Не делает ли чего Баратынский? и не будет ли кто из вас этого лета в Петербурге?

Адресуй мне пока на имя Смирдина, потому что я думаю переменить на этой или на той неделе квартиру непременно.

Ты, кажется, желал иметь Вечера на хуторе. Теперь только я достал их и посылаю. Где будешь лето проводить, в городе или в деревне?

Нельзя ли напечатать скорее Афоризмы, у меня горло пересохло от жажды. С генваря месяца и до сих пор я не встретил нигде ни одной новой исторической истины. Набору слов пропасть, выражения усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая.

[1] во введении *вписано.*

[2] вся *вписано.*

Прощай! Целую тебя несколько раз, и да не отлучается от тебя вдохновенье и творческая сила!

Твой Гоголь.

183. М. И. Гоголь

С.-Петербург. 1833, июня 8.

Я получил почти вдруг три письма ваших. Из последнего я увидел, что вы находитесь в величайшем беспокойстве. Ради Бога, не принимайте близко к сердцу всякую безделицу. Велика важность, что Кочубей мерял нашу землю! Пусть он хоть всю ее поместит у себя на плане! Мы можем поместить его Диканьку у себя на плане. Это всё вздор, когда[1] он не имеет на нее никаких актов. Итак всё и кончено. Я думаю, что это измерение произошло просто из любопытства знать соседние земли. Может быть, он имеет намерение прикупить к себе что-нибудь, и потому измерил заранее для своей сметы. Жаль, что в Яворивщине живут у нас такие олухи, которым ни до чего нет нужды, у которых, если бы собственный язык их стали мерять аршинами, так они не спросили бы. За это я бы хорошенько высек их и держал бы вперед поаккуратнее там стражу. Если бы тогда какой-нибудь уполномоченный от вас, положим, Василий Иванович, подъехавши к князю, спросил его: «Помещица приказала мне узнать от ваш.<его> сия<тельства>, с каким намерением меряете вы принадлежащую ей землю?», то тогда же бы всякое сомнение и разрешилось.

Жаль мне, очень жаль, <что> около вас, как неугомонные мухи, вьются вечные заботы. Сколько раз я проклинал мысленно эту сапожную фабрику за то, что она прибавила вам новый вьюк хлопот.[2] Часто думал я, зачем нам новые заведения, и особливо теперь, когда еще имение не совсем устроилось. Будьте уверены, что дети ваши не жадны! Зачем нам деньги, когда они ценою вашего спокойствия? На эти деньги (если только они будут) мне всё кажется, что мы будем глядеть такими глазами, как Иуда на сребреники: за них проданы ваша тишина и, может быть, часть самой жизни, потому что заботы коротают век. Для меня удивительно одно в вашей фабрике: как фабрикант готов подрядиться на 10 000 пар сапогов и решается их сделать в один год? Кто за него будет работать, неужели невидимая сила? Вопрос: где

[1] когда *вписано.*

[2] *Далее начато:* зачем нам

он наберет работников (один человек в три дни может сделать только пару). Положим, он работников ученых наберет немного, остальных составит из неучей, но ведь их нужно же обучить. Для этого время! Когда же предположить, что они все знающие, то где наберется средства для содержания их, выдачи им жалованья? а чтобы сшить в год 10 000 сапогов, нужно работников не меньше, как 100 или 80 человек. Шутка ли? целая деревня!

Вы, кажется, говорили мне, что имеете намерение заложить те души, которые переведены из Лукашевки; в таком случае я бы советовал вам сделать это, скорее удовлетворить фабриканта, так чтобы он вас больше не беспокоил, и построек флигелей не производить в этот год. Отдохните немного. А там уже общими силами, на следующий год приеду я, и мы начнем…

Дети здоровы как нельзя лучше, подросли, даже похорошели. Только если вам угодно заставить вашу старшую дочку писать к вам, то приказывайте и изъясняйтесь с нею сами. Я отложил всякие об этом с своей стороны попечения. Я ее просил, умолял, приказывал, — всё тщетно. *«Что ж я буду писать? я не умею писать и об чем?»* Вот весь ответ. Я нигде не видывал такого чувства мужицкого, деревенского, я не умею назвать его. Это не упрямство! По крайней мере не то упрямство, которое изобличает великий характер. Это что-то мелкое, закоснелое, дикое. Впрочем, они учатся теперь хорошо и, взглянувши на них, нельзя теперь узнать, что они деревенщина, по крайней мере до тех пор, покаместь не заговоришь с ними. Впрочем, всё проходит, всё изменяется с летами, и потому будем надеяться, что и это пройдет! Здесь при мне привозили почти таких же — и через год нельзя их было узнать.

Благодарю вас очень за кунтуш, но только комиссионер ваш чрезвычайно неисправен: он и не подумал явиться ко мне, живя здесь, как я узнал, почти месяц. И если бы Данилевский не послал к нему за письмами, которые были к нему, то он и не догадался бы прислать, и то прислал уже к Данилевскому. Как справедлива пословица: *с Хама не будет пана.*

Прощайте! поклон мой бабушкам, дедушке и Катерине Ивановне. Желаю в пору дождя, солнца, да заставят они наши нивы обильно произвесть хлеб.

Несколько раз целую ваши ручки

сын ваш Николай.

184. М. И. Гоголь

Июня 24, СПб. 1833.

Пишу к вам в самый жаркой день. Такая ли жара и у вас, как у нас? Термометр показывает 24 и даже 25 градусов в тени. Я очень редко теперь живу в городе, в котором душно, как в бане. Солнце тиранствует, а не греет.

Пользуясь тем[1], что многие оставили город, я ищу теперь себе другую квартиру, потому что старая надоела мне до смерти. Она меня заморозила зимою так, что одно только лето, подобное нынешнему, отогрело меня. А потому я прошу вас до времени, покамест не извещу о новом адресе, писать письма или в Институт, или в магазин А. Смирдина. Уведомьте Лаппу-Данилевского, что прием в Медико-хирургическую школу не имеет большой трудности; только, если кто хочет поместить на казенный счет, должен подать просьбу заблаговременно еще к сроку. Вот и всё! Только его детям, кажется, еще очень рано. Они должны быть слишком молоды; а здесь не принимают раньше шестнадцатилетнего возраста. Прилагаю вам письма Ан<ет> и Лизы. Анет была довольно умна почти весь этот месяц, только всё письмо написала к вам коротенькое.

Где теперь живет бабушка Агафия Матв<еевна>? Прошу вас, маминька, передать ей поклон; также если будете у Анны Матвеевны, то и ей. Освободилась ли она от боли своей в ногах? Жаль мне очень, что у вас теперь груз забот. Летом особенно нужно вести жизнь как можно спокойнее. Чем бы я не пожертвовал, чтобы доставить вам такую жизнь, — но, к великому горю, до сих пор не в состоянии. Прощайте, несравненная моя маминька! Целую сестру, Павла Осип<овича>, дедушку, Катер<ину> Ивановну[2] и всех домашних.

Ваш сын Николай.

185. М. А. Максимовичу

СПб. июля 2 <1833>.

Чувствительно благодарю вас, земляче, за *Наума* и *Размышления*, а также и за приложенное к ним письмо ваше. Всё я прочел с большим аппетитом, хотя и получил, к сожалению, поздно, потому что теперь только приехал из Петергофа, где прожил около месяца, и застал их у Смирдина лежавшими около месяца.

[1] тем временем

[2] Катер<ину> Ивановну *вписано.*

Жаль мне очень, что вы хвораете. Бросьте в самом деле кацапию, да поезжайте в гетьманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуем всем. Едем! Сколько мы там насобираем всякой всячины! Всё выкопаем. Если вы будете в Киеве, то отыщите экс-профессора Белоусова. Этот человек будет вам очень полезен во многом, и я желаю, чтоб вы с ним сошлись. Итак, вы поймаете еще в Малороссии осень. Благоухающую, славную осень, с своим свежим, неподдельным букетом. Счастливы вы. А я живу здесь середи лета и не чувствую лета. Душно, а нет его. Совершенная баня; воздух хочет уничтожить, а не оживить. Не знаю, напишу ли я что-нибудь для вас! Я так теперь остыл, очерствел, сделался такою прозой, что не узнаю себя. Вот скоро будет год, как я ни строчки. Как ни принуждаю себя, нет да и только. Но, однако ж, для Денницы вашей употреблю все силы разбудить мозг свой и разворушить воображение. А до того, поручая вас деятельности[1], молю Бога, да ниспошлет вам здоровье и силы, что лучше всего на этом грешном мире. Уведомите, пожалуйста, какую пользу принесет вам московский водопой и каким образом вы проводите на нем день свой. Я слышал, что Дядьковский отправился на Кавказ. Он еще не возвратился? Если возвратился, то что говорит о Кавказе, о употреблении вод, о степени их целительности, и в каких особенно болезнях? Из моих тщательных вопросов вы можете догадаться, что и мне пришло в думку потащиться на Кавказ, зане скудельный состав мой часто одолеваем недугом и крайне дряхлеет. Хотелось бы мне очень, вместо пера, покалякать с вами языком, да этот год мне никак нельзя отлучиться из Петербурга. Итак, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будет подарком ваша строка.

Прощайте.

Ваш Н. Гоголь.

186. М. И. Гоголь

Июля 4. <1833. Санкт-Петербург>

Я еще не получал от вас ни одного письма, писанного вами в июне месяце. Приписывая это ничему другому, как только беспрестанным заботам, я спокоен. Не знаю только, получили вы мои письма, тоже недавно мною писанные. Теперь я принялся за перо для того только, чтобы известить вас о перемене моей квар-

[1] деятельности и здоровью

тиры. Когда будете писать, то адресуйте: *В Малую Морскую, в доме Лепеня под № 97.*

Будьте здоровы, бесценная маминька. Целую бессчетно ваши руки, и да пошлет вам Бог много хорошего.

Ваш сын Николай.

187. М. И. Гоголь

1833 г. Августа 9. <Санкт-Петербург>

Письма ваши все я получил исправно, и даже адресованное на старую квартиру. Очень рад, что вы здоровы, а также и сестра с моим племянником. Более трех дней, как я нахожусь в городе. До сего же времени жил за городом в Стрельне и около Петергофа. Время было довольно дурно: весь июль месяц был дождлив, дни походили на осенние. Напишите, каков у вас был этот месяц, в какой степени велик неурожай и что стоит четверть хлеба. Сделайте милость, не приписывайте мне всякого вздору; я в первый раз слышу, и то от вас, что существует книга под названием Кулябка. Верьте, что если бы я что-нибудь выпустил свое, то, верно бы, прислал вам. Впрочем, вряд ли будет что-нибудь у меня в этом или даже в следующем году. Пошлет ли Всемогущий Бог мне вдохновенье — не знаю. Не могу вам также сказать совершенно верно, буду ли я у вас будущею весною, или нет. Мое желание самое ревностное приехать, и я всеми силами буду стараться это исполнить; но всё зависит от обстоятельств. Я позабыл название инструментов, употребляемых в кожевенном деле, а письма вашего, в котором вы писали о них, никак не отыскал, и потому не осведомлялся о них. Но если вы возьмете труд опять написать названия их, то я не премину уведомить. Прощайте! Желаю вам всегдашнего здоровья и успехов во всем. Целую руки ваши и остаюсь ваш Николай.

Посылаю поклон мой Катерине Ивановне, Павлу Осиповичу и всем нашим.

188. М. И. Гоголь

СПб. Авг<уста> 30 <1833. Стрельна>.

И я от вас что-то давно уже <не> получал письма, почтеннейшая маминька! Э, э, э! не завелся ли и за вами тот грешок, в котором я погряз[1] и телом и душою, то есть лень. Но я уверен,

[1] давно погряз

что вы никогда не были знакомы с этим грехом, или лучше добродетелью. Скорее можно подумать, что вас полюбили лиходейки-заботы и не дают вам ни покою, ни времени. Посмотрите, как расписалась наша Анна, какое она наплела к вам длинное письмо! Тут же найдете и Лизыно царапанье. Какое прекрасное время настало у нас в конце августа! дни ясные, солнечные, совершенно летние, а до того времени сделалась было настоящая осень. Я до сих пор еще не переехал в город, и хотя надписываю на письме к вам Петербург и выставляю виньетку старого Театра Большого, но, однако ж, всё живу еще в Стрельне. Я любопытен очень знать, каков у нас в Малороссии неурожай, в какой цене хлеб, и проч. и проч. Я, кажется, писал <об> этом к вам в прошедшем письме, которое, не знаю, получили ли вы.

Здоровы ли все наши? Дедушка Иван Мат<веевич>, бабушка Мария Илин<ична>, Анна Матвеевна, Агафия Матвеевна и проч. Получаете ли какие-нибудь известия об Андрее Андреевиче, что он поделывает, бедный, в Кагорлыке? Пишут ли Косяровские? Кланяюсь всем, кому только вы можете передать поклон мой. Обнимаю сестру, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и маленького Николиньку.

Ваш сын Николай.

189. М. И. Гоголь

Сентябрь 26. <1833. Санкт-Петербург>

Поздравляю вас, бесценная маминька, с наступающим днем Ангела вашего. Молю Бога, да пошлет он вам радость, здоровье и да избавит от неприятных забот и огорчений. Сестры посылают вам конфект и присоединяют свои молитвы к моим.

Мы все здоровы и веселы, и желаем здоровья и счастия всем нашим родным и знакомым, которым искренно кланяемся.

Вечно признательный сын ваш

Николай.

190. М. П. Погодину

Сентябрь 28 <1833. Санкт-Петербург>

Очень благодарен тебе за то, что еще не позабыл меня. Я писал к тебе назад тому месяца два. И мне очень странно, что оно не дошло до тебя, тем более, что в нем не было ни о цензуре, ни о квартальных. Я, однако ж, извинял твое молчание женитьбою

твоею, зная, что тебе не до того. Кстати: если ты не получал моего поздравления, так позволь теперь поздравить. Я давно, еще тогда, замечал, что у тебя в кабинете как-то пусто и чего-то недостает. Рекомендуй меня жене своей как человека, который, один только Бог знает, как тебя любит. Я ее несколько знаю, потому что составил о ней идею: она должна быть так же добра, с такою светлою душою, как ты. Ох братец! зачем ты спрашиваешь, что я пишу, что я затеваю, что у меня написано? Знаешь ли ты, какой мне делаешь вопрос, и что мне твой вопрос? Ты похож на хирурга, который запускает адской свой щупал в пылающую рану и доставляет больному самую приятную забаву: муку.

Какой ужасный для меня этот 1833-й год! Боже, сколько кризисов! настанет ли для меня благодетельная реставрация после этих разрушительных революций? — Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольну самим собою. О не знай его! будь счастлив и не знай его — это одно и то же, это нераздельно. — Человек, в которого вселилось это ад-чувство, весь превращается в злость, он один составляет опозицию против всего, он ужасно издевается над собственным бессилием. Боже, да будет всё это к добру! Произнеси и ты за меня такую молитву. Я знаю, ты любишь меня, как люблю тебя я, и, верно, твоя душа почует мое горе. Извини меня перед Максимовичем, что я не могу ничего дать ему, у меня ничего нет, ничего совершенно для альманаха, исключая разве двух начал двух огромных творений, на которых лежит печать отвержения и которых я не смею развернуть. Мне жаль, очень жаль[1], что я не имею ничего дать ему. Еще более будет жаль, если он подумает, что я не хочу дать ему. — Где-то Смирдин выкопал одну повесть мою и то в чужих руках, писанную за Царя гороха. Я даже не глядел на нее, впрочем она не годится для альманаха на 1834-й год, я отдал ее ему.

Напиши мне, как ты теперь проводишь день твой, что и каким образом происходит у тебя в доме. Это меня займет, я воображу, что живу у тебя и вижу тебя. Кланяйся особенно Киреевскому, вспоминает ли он обо мне? Скажи ему, — что я очень часто об нем думаю, и эти мысли мне почти так же приятны, как о тебе и о родине. Любезному земляку Максимовичу поклон.

Затем умоляя да будешь ты здоров и также вечно деятелен, целую тебя и остаюсь

Твой вечно Гоголь.

Адрес мой: в Малой Морской в доме под № 97 *Лепена.*

[1] Мне будет досадно

191. В. В. Тарновскому

1833, октября 2-го. С.-Петербург.

Фу ты пропасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное в апреле, я получил в октябре. Рудановский весною не нашел меня, в продолжении же лета не мог найти, потому что я лето и часть осени живу на даче, весьма не близко от города. Как бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я был очень сердит на тебя, что ты вдруг заглох и не дал никакой об себе вести. Потом сердце мое прошло. Я хотел писать к тебе, несмотря на два года антракта. Осведомлялся о твоем жительстве у дядюшки твоего, что с сладкою миною <и> у *настоящего*; но ни один из них не дал мне никакого удовлетворительного ответа. Дядюшка объявил, что совершил-де какой-то странный карьер и находится, несмотря на древность фамилии, учителем в Волынской, или Литовской или Гродненской губернии. Я, зная сам, что русское землеописание есть самая неблагопристойная вещь, не утруждал его вопросом, что значит именно Волынская, и что Литовская, и что Гродненская и в которой из них должен обретаться ты, и решился было писать к твоей маменьке в славную губернию Антоновку. Но Рудановский с письмом твоим весьма вовремя упредил меня. Итак, ты находишься в Житомире! Житомир! Клянусь Иисусом, если мне не во второй раз только приходится произносить это имя[1]. Один раз, когда Моисеев спрашивал урок, а другой — ныне. Житомир! у тебя, должно быть, много слушателей жидов. Тебе должно удовлетворить меня подробным описанием этого города в отношении к тебе, только чтоб это описание не пахло кафедрой! Как у тебя бежит день твой? Домосед ли ты, или гость? Какова твоя даже квартира и проч. и проч.? — О себе совершенно не имею ничего сказать: я давно не видался с тобою, должно думать, что всё таков, как прежде, хотя ленив, нестерпимо ленив.

Наши одноборщники все, слава Богу, здоровы. Прокопович Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисе. Прокопович Василий получил <......>, Кукольник навалял дюжину дюжинных трагедий. Романович не добыл ума ни на копейку после того и часто, идя в должность из Литейной на Гагаринскую, забегает по дороге ко мне в Малую Морскую. Данилевский опять здесь, только служит не в военной, а в Министерстве внутренних дел. *Благопристойный*, иначе Николай Бороздин, кланяется тебе (его костыль получил такую гибкость, что он

[1] произносить его

отваживается с ним даже плясать мазурку). Кобеляцкий так же мастерски умеет плевать, как и прежде.

Прочие лица так же бесцветны, как и прежде. Не видал ли ты, или не слыхал ли чего-нибудь о Лукашевиче; особенно о Высоцком, и что Редкин?

Прощай! Если ты мне напишешь поподробнее, то, может быть, и я распишусь. Твой Гоголь.

Адрес мой: в Малой Морской, в доме под № 97, артиста Лепена; прямо Гоголю, Яновского не называть.

192. М. И. Гоголь

1833 г. Октября 2. С.-Петербург.

Я получил письма ваши. Одно, в котором вы уведомляете меня о смерти Анны Матвеевны, очень меня тронуло. О ней я не сожалею, потому что она была уже в довольно преклонных летах и после примерной жизни умерла оплакиваемая истинно привязанными к ней. Но я более сожалел о вас, что лишились этой почтенной женщины, которая всегда принимала в вас, а стало быть, и в нас всех, самое жаркое участие. Мир ее праху. Она, верно, там счастлива.

Жаль мне, что вы останетесь заключены теперь в Васильевке. Прежде вы, бывало, ездили в Яресκи. Вам нужно более проезживаться.

В другом письме вы сожалеете, что дети не учатся музыке. Не беспокойтесь об этом, моя бесценная маминька! Будьте уверены, что я не пощажу ничего, чтобы доставить им всё нужное. Все приятные искусства, необходимые для девиц, будут им внушены. Одно только меня смущает, это характер Лизы. За нею не водится больших шалостей, капризов, это всё из нее вывели. На нее не жалуются, ею бывают даже иногда довольны. Но это хуже, я бы хотел, чтобы она шалостями выводила всех из терпения, чтобы на нее жаловались, были ею недовольны; но чтобы она имела доброе сердце. У ней же — у ней нет никакого сердца, ни доброго, ни злого; никаких признаков сильных чувств. Никого она не любит. Никакой сильной привязанности! Вид несчастия, печали[1] ее не тронет; за пустую игрушку она забывает всё на свете.

Сделайте милость, моя бесценная маминька, не воспитывайте таким образом Олю, как воспиталась Лиза. Отдалите от нее девичью, чтобы она никогда туда не заходила. Велите ей быть

[1] Вид несчастия и беды

неотлучно при вас. Лучше нет для девицы воспитания, как в глазах матери, а особливо такой, как вы. Пусть она спит в вашей комнате. Ввечеру нельзя ли вам так завесть, чтобы[1] все вместе за одним столом: вы[2], сестра, Павел Осип<ович> и она, и каждый занимался бы своим. Давайте ей побольше занятий, пусть она занимается теми же делами, что и большие, давайте ей шить не лоскутки, а нужные домашние вещи. Поручите ей разливать чай. Ради Бога не пренебрегайте этими мелочами. Знаете ли вы, как важны впечатления детских лет? то, что в детстве только хорошая привычка и наклонность, превратится в зрелых летах в добродетель.

Внушите ей правила религии. Это фундамент всего. Если бы над Лизой имела власть религия[3], тогда с нею бы всё можно было сделать. Не учите ее какому-нибудь катехизису, который тарабарская грамота для дитяти. И это немного тоже сделает добра, если она будет беспрестанно ходить в церковь. Там для дитяти тоже всё непонятно: ни язык, ни обряды. Она привыкнет на это глядеть, как на комедию. Но вместо всего этого говорите, что Бог всё видит, всё знает,[4] что она ни делает. Говорите ей поболее о будущей жизни, опишите всеми возможными и нравящимися для детей красками те радости и наслаждения, которые ожидают праведных, и какие ужасные, жестокие муки ждут грешных. Ради Бога, говорите ей почаще об этом, при всяком ее поступке худом или хорошем. Вы увидите, какие благодетельные это произведет следствия. Нужно сильно потрясти детские чувства, и тогда они надолго сохранят всё прекрасное. Я испытал это[5] на себе. Я очень хорошо помню, как меня воспитывали.

Детство мое доныне часто представляется мне. Вы употребляли всё усилие воспитать меня как можно лучше. Но, к несчастью, родители редко бывают хорошими воспитателями детей своих. Вы были тогда еще молоды, в первый раз имели детей; в первый раз имели с ними обращение, и так могли ли вы знать[6], как именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовал, я глядел на всё, как на вещи, созданные для того, чтобы угождать мне. Никого особенно не любил, выключая только вас, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На всё я глядел бесстрастными глазами;

[1] Ввечеру старайтесь быть
[2] вы *вписано.*
[3] *Далее начато:* она бы
[4] *Далее начато:* Представьте
[5] Я знаю это
[6] *Было начато:* могли ли вы дать

я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревения дьячков. Я крестился потому, что видел, что все крестятся. Но один раз — я живо, как теперь, помню этот случай. Я просил вас рассказать мне о Страшном суде, и вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли. — Но довольно о религии; обратимся теперь к науке жизни. Даже играть с своими игрушками она должна при вас в гостинной, или где вы будете сидеть. — Если приедут гости, заставляйте ее быть неотлучно при гостях. Пусть она говорит и вмешивается даже в общий разговор, если разговор понятен для нее. Не то пусть она приносит свои игрушки, или занимается делом: шьет или работает[1] тут же при гостях. Это одно истребит ту дикость, которую получают дети, находясь в девичьей. — Этим одним она приобретет ту непринужденность, которая так мила и всегда восхищает нас. Этим одним она приобретет и заранее приучится приятно рассказывать и занимать других своими разговорами. Найдете ли вы хоть одну девицу в окружности у нас, которая умела бы занять, с которой бы не было скучно. А сколько есть таких, которые не умеют совсем слова связать! А отчего? От этих девичей, от нерассудительности матерей, которые тогда только берут дочерей под свое покровительство и удаляют из девичей, когда они уже делаются совершеннолетними, и берегут их, когда уже нечего беречь, когда глупости и предрассудки пустили слишком глубоко свои корни. — Я вижу яснее и лучше многое, нежели другие. В немногие годы я много узнал особливо по этой части, я исследовал человека от его колыбели до конца и от этого ничуть не счастливее. У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о Боге[2], и между тем не делают ничего. Хотел бы, кажется, помочь им, но редкие, редкие из них имеют светлый природный ум, чтобы увидеть истину моих слов. Вы — другое дело, бесценнейшая маминька, вы понимаете меня в этом отношении. Вы увидите истину моих слов, которые, может быть, даже сходны с собственными вашими и, верно, поступите по моему предложению. Тем более, что исполнить это нет ни

[1] или работает *вписано.*

[2] о религии

малейшей трудности и нисколько не обременит вас, стоит только раз завесть, а там всё пойдет так, как начато.

Вы спрашиваете у меня насчет ревизии. Сделайте милость, делайте так, <как> вы увидите нужным. Имение гораздо лучше, если будет всегда записываемо на одно ваше имя.

Жаль мне, чрезвычайно жаль, что[1]

193. М. А. Максимовичу

Ноября 9 <1833>. СПб.

Я получил ваше письмо, любезнейший земляк, чрез Смирдина. Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имею, чтобы прислать вам в вашу Денницу. У меня есть сто разных начал и ни одной повести, и ни одного даже отрывка полного, годного для альманаха. Смирдин[2] из других уже рук достал одну мою старинную повесть, о которой я совсем было позабыл и которую я стыжусь назвать своею; впрочем, она так велика и неуклюжа, что никак не годится в ваш альманах. Не гневайтесь на меня, мой милый и от всей души и сердца любимый мною земляк. Я вам в другой раз непременно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь. Если б вы знали, какие со мною происходили страшные перевороты, как сильно растерзано всё внутри меня. Боже, сколько я пережег, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что всё успокоится, и я буду снова деятельный, движущийся. Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокоивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

Я очень порадовался, услышав от вас о богатом присовокуплении песень и собрании Ходаковского. Как бы я желал теперь быть с вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, убитыми книгами и книжною пылью, с жадностью жида, считающего червонцы. Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!

Я сам теперь получил много новых, и какие есть между ними прелести. Я вам их спишу. Не так скоро, потому что их очень много. Да, я вас прошу, сделайте милость, дайте списать все находящиеся у вас песни, выключая печатных и сообщенных

[1] *На этом письмо обрывается.*

[2] *Далее начато:* где-то

вам мною. Сделайте милость и пришлите этот экземпляр мне. Я не могу жить без песень. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько песень, и вместе с тем не знаю. Это всё равно, если б кто перед женщиной сказал, что он знает секрет, и не объявил бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу в тетрадь in quarto на мой счет. Я не имею терпения дождаться печатного; притом я тогда буду знать, какие присылать вам песни, чтобы у вас не было двух сходных дублетов. Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные: они все дают по новой черте в мою историю, все разоблачают яснее и яснее, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедших людей... Велите сделать это скорее. Я вам за то пришлю находящиеся у меня, которых будет до двух сот, и что замечательно — что многие из них похожи совершенно на антики[1], на которых лежит печать древности, но которые совершенно не были в обращении и лежали зарытые.

Прощайте, милый, дышущий прежним временем земляк, не забывайте меня, как я не забываю вас.[2]

Лучше вычеркнуть.

Пишите ко мне.

Вечно ваш Н. Гоголь.

194. М. И. Гоголь

1833 г. Ноября 22. С.-Петербург.

Во-первых, прежде всего я должен благодарить вас за посылку, сестру за песни, из которых особенно та, что: *Що се братця як барятця*, очень характерна и хороша. Но более всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательны. Сделаете большое одолжение, если отыщете подобные той тетради с песнями, которые, я думаю, более всего водятся в старинных сундуках между старинными бумагами у старинных панов или у потомков старинных панов. Жаль очень, что почтмейстер был так нагл, что распечатал письма, тогда как по новому, недавно вышедшему постановлению, посылка не должна вскрываться до тех пор, пока не дойдет до места. Мою посылку он имеет право вскрыть, но вашу только здесь в Петербурге должны распечатывать.

[1] есть совершенно как антики

[2] *Далее начато:* шлите мне [*2 строки нрзб*]. *К этому вычерку относится, очевидно, следующая фраза.*

И потому стороною предостерегите его; если он еще это сделает, то я буду жаловаться директору Почтового департамента Булгакову, с которым я знаком.

Сапоги теплые хороши и недурно сделаны. Одно только дурно: где сыщете вы покупщиков? Вряд ли хорошие вещи найдут сбыт. Нужны хорошие, но самые грубые, в которых бы нуждался окружающий народ. Впрочем, вы, я думаю, лучше это знаете.

Бобов я не советую вам присылать. Это будет только затруднение. За фунт вам нужно платить на почту весовых до 70-ти копеек. Между тем их этот год был урожай и здесь, и они продаются не дороже рубля за фунт. Песни я советую вам, если будете присылать, то давайте им вид тетради или книги. Для этого непременно нужно какую-нибудь пришить к ним обвертку из цветной бумаги. Потому что чиновники, служащие в почтамтах, очень глупы и никак не могут отличить песень или другого чего-нибудь от деловой казенной бумаги. Также писем не кладите во внутрь посылки, чтобы не давать им поводу к привязкам. Если какие-нибудь попадутся вам старые рукописи, вы тотчас велите им сделать обвертку. Теперь, я думаю, у вас в вине большая нужда по случаю неурожая. Как бы я желал чем-нибудь помочь вам! Но теперь как на беду для меня весь этот год прошел совершенно без всякой пользы. Ничего я не мог приобресть. На следующий, если Бог поможет, то я буду иметь кое-что и буду, может быть, так счастлив, что уменьшу хоть сколько-нибудь заботы ваши.

Вы очень хорошо делаете, что отдаете Олиньку в пансион. В теперешних обстоятельствах ничего лучше не можно сделать. Хорошо также, что вы не даете с нею девки. Это совершенно не нужно. Особенно подтвердите и мадаме, чтобы она держала ее при себе, или с другими детьми, но чтобы отнюдь не обращалась она с девками. Больше всего заставлять заниматься ее рукоделием и практикою языков, музыки, особенно танцами: это укрепляет члены.

Прощайте, бесценная маминька! Желаю вам удач и успехов и молю Бога скорее вам дать возможность наживать.

Ваш сын Николай.

Обнимаю и целую всех: сестру, Катерину Ивановну, дедушку, бабушек.

195. М. И. Гоголь

Декабря 20. СПб. 1833.

Поздравляю вас с наступающими праздниками и желаю вам провесть их как только можно веселее. Надеюсь, что вы не преминете известить меня, каким образом и где встретите и проведете их.

Снегу валит везде множество. Зима, как слышу, везде стоит ровно. Такая ли и у вас, и каковы всходы? Это меня тем более интересует, что везде я слышу неблагоприятные вести о новых посевах. Каково идет Ваш завод кожевенный? Имеется ли сбыт?

Кстати, если можно будет, прикажите мне сделать колоши в таком роде, как присланные вами теплые сапоги, которые, несмотря на то, что недурно сделаны и как раз по ноге, лежат у меня совершенно без употребления. Ходить в них на улице хорошо, но с улицы нужно же войти в комнату, где нельзя сидеть, по причине их теплоты; а носить с собою сапоги для перемены другие — тоже не слишком ловко. Но колоши мне бы очень теперь были нужны; когда бы только они были сделаны впору и могли бы удобно находить на сапоги.

Кого вы видаете чаще из знакомых, имеете ли вести об Андрее Андреевиче, и что поделывает управитель в Кагорлыке вместе с отцом Емельяном?

Павел Осипович писал ко мне в письме, что собирается ехать в Петербург. Жаль мне очень, если он это выполнит, потому что меня, я думаю, не застанет. У нас теперь свободное время, и я думаю ехать на два или три месяца в Ревель, куда призывают меня разные необходимые для моего труда разыскания; итак, мы не будем видеться с ним. Не лучше ли дождать лета, когда, может быть, я каким-нибудь случаем заверну к вам, и тогда можно вместе приехать в Петербург. Однако ж вы письма все пишите по тому же адресу: хоть меня не будет и я даже переменю, может быть, квартиру, однако всё же мне доставят очень аккуратно в самый Ревель ваше письмо.

Прощайте, бесценнейшая маминька. Желаю вам побольше веселиться и быть спокойными при виде ваших вседневных хлопот, и да утешает вас мысль, что всё переменится, что мы когда-нибудь заживем лучше. Обнимаю сестру, племянника и Павла Осиповича.

Ваш Н<иколай>.

196. М. А. Максимовичу

<Декабрь (после 20-го числа) 1833. Санкт-Петербург>

Благодарю тебя за всё: за письмо, за мысли в нем, за новости и проч. Представь, я тоже думал. Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей.

Я работаю. Я всеми силами стараюсь; но на меня находит страх: может быть, я не успею. Мне надоел Петербург, или, лучше, не он, но проклятый климат его: он меня допекает. Да, это славно будет, если мы займем с тобой киевские кафедры. Много можно будет наделать добра.

А новая жизнь среди такого хорошего края! Там можно обновиться всеми силами. Разве это малость? Но меня смущает, если это не исполнится... Если же исполнится, да ты надуешь — тогда одному приехать в этот край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не иметь с кем заговорить языком души — это страшно! Говорят, уже очень много назначено туда каких-то немцев, это тоже не так приятно. Хотя бы для святого Владимира побольше славян. Нужно будет стараться кого-нибудь из известных людей туда впихнуть, истинно просвещенных и так же чистых и добрых душою, как мы с тобою. Я говорил Пушкину о стихах. Он написал, путешествуя, две большие пиесы[1], но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких[2]. Я с своей стороны употреблю старание его подгонять.

Прощай до следующего письма. Жду с нетерпением от тебя обещанной тетради песен, тем более, что беспрестанно получаю новые, из которых много есть исторических, еще больше — прекрасных. Впрочем, я нетерпеливее тебя и никак не могу утерпеть, чтобы не выписать здесь одну из самых интересных, которой, верно, у тебя нет:

Наварыла сечевыци
Поставыла на полыци
Сечевыця сходыть, сходыть
Сам до мене козак ходыть.
Наварыла гороху
Да послала Явдоху.
Що се с биса, нема с лиса?
Що се братця, як барятця?

[1] *Далее начато:* постар<аюсь>
[2] несколько маленьких стихотворений.

Наварыла каши з лоем
Налыгалась з упокоем.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.
<А> я с того поговору
Пишла <......> за комору.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.
Сила дивка тай заснула[1]
Свынья бигла тай зопхнула.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.
Бижыть свынья кованая:
«Чого сыдыш, поганая?
Чого сыдыш надулася?
Чому в кожух не вдяглася?»
— Бодай в тебе стильки дух,
Як у мене есть кожух.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.
Ведуть свынью перед пана
Крычыть свынья: я не пхала
Вона сама в <......> впала.
Крычыть свынья репетуе
Нихто еи не ратуе.
Що се с биса, нема с лиса,
Що се братця, як барятця.

197. А. С. Пушкину

23 декабря 1833. <Санкт-Петербург>

Если бы вы знали, как я жалел, что застал вместо вас одну записку вашу на моем столе. Минутой мне бы возвратиться раньше, и я бы увидел вас еще у себя. На другой же день я хотел непременно побывать у вас; но как будто нарочно всё сговорилось итти мне наперекор: к моим геморроидальным добродетелям вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шее целый хомут платков. По всему видно, что эта болезнь запрет меня на неделю. Я решился, однако ж, не зевать и вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на

[1] Черта совершенно малороссийская. — *Примеч. Н. В. Гоголя.*

бумагу. Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. Как и поступил я назад тому три года, когда мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали, но тогда был Ливен, человек ума недального. Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаметров, где столько философического познания языка и ума быстрого. — Я уверен, что у нас он более сделает, нежели Гизо во Франции.[1] Во мне живет уверенность,[2] что если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты.

Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из-под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украйны и юга России[3] и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! Кстати, ко мне пишет Максимович, что он хочет оставить Московский университет и ехать в Киевский. Ему вреден климат.[4] Это хорошо. Я его люблю. У него в Естественной истории есть много хорошего, по крайней мере ничего похожего на галиматью[5] Надеждина. Если бы Погодин не обзавелся домом, я бы уговорил его проситься в Киев. Как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей, совершенно новых о самом крае! Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала об Украйне, писанную, по всем признакам, в конце XVII-го века. Теперь покамест до свиданья! как только мне будет лучше, я явлюсь к вам.

Вечно ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. Против Пантилемона, в доме Оливио.

[1] *Далее начато:* Если только он прочтет план мой

[2] *Далее начато:* что он поймет меня

[3] и юга России *вписано.*

[4] *Фраза вписана.*

[5] на бестолковую галиматью

1834

198. М. А. Максимовичу

Генварь 7. <1834. Санкт-Петербург>

Поздравляю тебя с 1834 и от души благодарю тебя за Денницу, которой, впрочем, я до сих пор не получал, потому что Одоевский заблагорассудил кому-то отдать мой экземпляр. Слышу, однако ж, что в ней есть много хорошего; по крайней мере, мне так говорил Жуковский.

Что ж ты не пишешь ни о чем? Ох, эти земляки мне! Что мы, братец, за лентяи с тобою! Однако наперед положить условие: как только в Киев — лень к чорту, чтоб и дух ее не пах. Да превратится он в русские Афины, богоспасаемый наш город! Да, отчего до сих пор не выходит ни один из московских журналов? Скажи Надеждину, что это нехорошо, если он вздумает, по-прошлогоднему, до тех пор не выпускать новых, покаместь не додаст старых. Что за рыцарская честность? теперь она в наши времена так же смешна, как и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый год на него сердились все. Притом же для него хуже: он не нагонит и будет отставать вечно, как Полевой. Знаешь ли ты собрание галицких песень, вышедших в прошлом году (довольно толстая книга in-8)? Очень замечательная вещь! Между ними есть множество настоящих малороссийских, так хороших, с такими свежими красками и мыслями, что весьма не мешает их включить в гадаемое собрание.

Как проводишь время и что делаешь в Москве? И что другие делают? Верно, есть что-нибудь новое? Когда же погляжу я на песни?

Прощай.

Твой Гоголь.

199. М. П. Погодину

Генварь 11. <1834. Санкт-Петербург>

Эге, ге, ге ге!.. Уже 1834-го захлебнуло полмесяца! Да, давненько! Много всякой дряни уплыло[1] на свете с тех пор, как мы в последний раз перекинулись жиденькими письмами, а еще больше с тех пор, как показали друг другу свои фигуры!

[1] перебыло

Поздравил бы тебя с новым годом и пожелал бы... да не хочу: во 1-х потому, что поздно, а во 2-х потому, что желания наши гроша не стоят. Мне кажется, что судьба больше ничего не делает с ними, как только подтирается, когда ходит в нужник.

До сих пор мне все желания не доставили алтына.

Счастлив ты, златой кузнечик, что сидишь в новоустроенном своем доме, без сомнения, холодном. (NB: Но у кого на душе тепло, тому не холодно снаружи.) Рука твоя летит[1] по бумаге; фельдмаршал твой бодрствует над ней; под ногами у тебя валяется толстый дурак, т. е. первый № смирдинской Библиотеки... Кстати о Библиотеке. Это довольно смешная история. Сенковский очень похож на старого пьяницу и забулдыжника, которого долго не решался впускать в кабак даже сам целовальник. Но который, однако ж, ворвался и бьет, очертя голову спьяна, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препарат.

Сословие, стоящее выше Брамбеусины, негодует на бесстыдство и наглость кабачного гуляки; сословие, любящее приличие, гнушается и читает. Начальники отделений и директоры департаментов читают и надрывают бока от смеху. Офицеры читают и говорят: «Сукин сын, как хорошо пишет!» Помещики покупают и подписываются и, верно, будут читать. — Одни мы, грешные, откладываем на запас для домашнего хозяйства. Смирдина капитал растет. Но это еще всё ничего. А вот что хорошо. Сенковский уполномочил сам себя властью решить, вязать: марает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам. Натурально, что если все так будут кротки, как почтеннейший Фадей Бенедиктович (которого лицо очень похоже на лорда Байрона, как изъяснялся не шутя один лейб-гвардии Кирасирского полка офицер), который объявил, что он всегда за большую честь для себя почтет, если его статьи будут исправлены таким высоким корректором, которого Фантастические путешествия даже лучше его собственных. Но сомнительно, чтобы все были так робки, как этот почтенный государственный муж.

Но вот что плохо, что мы все в дураках! В этом и спохватились наши[2] тузы литературные, да позд<н>о. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиков, заставили народ разинуть рот и на наших же спинах и разъезжают теперь.

[1] бе<жит>

[2] *Начато было:* настоящие

Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела! И вот литература наша без голоса! А между тем наездники эти действуют на всю Русь. Ведь в столице нашей чухонство, в вашей купечество, а Русь только среди Руси. Но прощай. Скоро ли тебя поздравить отцом, и каким? Умного дитища, т. е. книжного? или такого, которое будет со временем умно, т. е. того, которое не пером работается?

Твой Гоголь.

Я весь теперь погружен в Историю Малороссийскую и Всемирную; и та и другая у меня начинает двигаться. Это сообщает мне какой-то спокойный и равнодушный к житейскому характер, а без того я бы был страх сердит на все эти обстоятельства.

Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что необщее во всеобщей истории. Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна! Кстати: я прочел только изо всего № 1-го Брамбеуса твои Афоризмы. Мне с тобою хотелось бы поговорить о них. Я люблю всегда у тебя читать их, потому что или найду в них такие мысли, которые верны и[1] новы, или же найду такие, с которыми хоть и не соглашусь иногда, но они зато всегда наведут меня на другую новую мысль. Да печатай их скорей!

Поцелуй за меня Киреевского! Правда ли, что он печатает русские песни?

Поклон всем нашим.

200. К. С. Сербиновичу

<Конец января — начало февраля 1834. Санкт-Петербург>

Все ваши и Сергея Семеновича замечания я нахожу очень справедливыми и, как видите, воспользовался ими. В одном месте я только оставил *связь* и *связывают*. Я нарочно так выразился[2], потому что это составляет фигуру в слоге, а не ошибку, так мне кажется; при том, этот оборот именно тот, который более всего выражает мою мысль. Я очень вам благодарен за ваше присовокупление о истинной религии. Оно очень хорошо, и я бы не выдумал

[1] и не только новы, но даже верны

[2] *Далее начато:* и убежд<ен>

так. Я к вам заеду в 12 часов. Авось не застану ли вас? Теперь же сей час никаким образом не могу.

Много обязанный вам и чувствующий ваше благорасположение

Н. Гоголь.

201. М. И. Гоголь

СПб. 1834. Февраля 10.

Сегодня я получил письмо ваше от 24 генваря, вместе с посылкою. Очень благодарю вас за присланные сапоги и калоши. Они как раз пришлись мне впору. Изъявите также от меня благодарность фабриканту за его труды для меня. Вы очень меня радуете известием, что проводите время иногда весело. Да посоветуйте Ивану Данилевскому не ехать сюда. Он навсегда здесь может расстроить свое здоровье, а особливо, когда даже дома бывает часто болен. Скажите ему, что я сам, года через два, думаю навострить отсюда лыжи, хотя и не чувствую себя нездоровым слишком. Всё предосторожность вещь не лишняя.

Прощайте! Бога ради, будьте веселы и не скучайте за нами. Дети здоровы как нельзя лучше.

Целую сестру и ее Количку, который, как она говорит, *очень проворный мальчишка*. Передайте поклон мой Татьяне Ивановне и Василю Ивановичу Чернышам и скажите им, что я всегда помню их приязнь ко мне.

Вечно признательный ваш сын

Николай.

202. К. С. Сербиновичу

<11 февраля 1834. Санкт-Петербург>

Милостивый государь

Константин Степанович.

Извините меня великодушно, что продержал корректуру. Как нарочно у меня под это время накопилась бездна дел, а в добавку к тому посетила меня опять болезнь: вчера в вечеру было вышел и еще хуже сделал, вперед буду исправнее и постараюсь возвратить скорее следующие листки. Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог

предполагать! Желая от всей души и сердца не быть вам никогда больным, как я грешный.

Остаюсь с чувствами совершенного почтения и вечной признательности.

Ваш покорный слуга

Н. Гоголь.

11 февраля.

<*На обороте:*>

Его высокоблагородию милостивому государю Константину Степанов<ич>у Сербиновичу в Садовой, в доме д-та просвещения.

203. М. А. Максимовичу

СПб. Февраля 12. <1834>

Я получил только сегодня два твоих письма: одно от 26 генваря, другое от 8 февраля, всё это по милости Одоевского, который изволит их чорт знает сколько удерживать у себя. В одном письме ты пишешь за Киев. Я думаю ехать. Дела, кажется, мои идут на лад. Но вот что скверно: министр не соглашается на твое желание: как, дискать, тебя сделать профессором словесности в Киеве, когда ты недавно сделан ординарным ботаником. Такой перелом чрезвычайно кажется странен, и он и слышать не хочет. А между тем Брадке очень нуждается в профессоре словесности. Я думаю вот что: не мешает тебе написать обстоятельно к Брадке, что ты, дискать, недомогаешь страшно в московском климате, что тебе потребно и проч. Бери кафедру ботаники или зоологии. А так как профессора словесности нет, то ты можешь занять на время и его кафедру. А там, по праву давности, ее отжилить, а от ботаники отказаться. А?

Ты говоришь, что, если заленишься, то тогда, набравши силы, в Москву. А на что человеку дается характер и железная сила души? К чорту лень да и концы в воду! Ты рассмотри хорошенько характер земляков[1]: они ленятся, но зато, если что задолбят в свою голову, то навеки. Ведь тут только решимость: раз начать, и всё... Типография будет под боком. Чего ж больше? А воздух! а гливы! а рогиз! а соняшники! а паслин! а цыбуля! а *вино хлебное*, как говорит приятель наш Ушаков. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, дерен, вареники, борщ, лопух!.. Это просто роскошь! Это один только город у нас, в котором как-то пристало быть келье ученого. Запорожской Старины я до сих пор нигде не могу

[1] земляков наших

достать. Этот Срезневский должен быть большой руки дурак. Как не прислать ни к одному книгопродавцу! Кой же чорт будет у него покупать? А еще и жалуются, что у них никто не раскупает. Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах. Экземпляра песень галицких здесь нигде нет; мой же собственный у меня замотал один задушевный приятель.

Песень я тебе с большою охотою прислал <бы>, но у меня их ужасная путаница. Незнакомых тебе, может быть, будет не более ста[1], зато известных верно около тысячи, из которых большую часть мне теперь нельзя посылать. Если бы ты прислал свой список с находящихся у тебя, тогда бы я знал, какие тебе нужны, и прочие бы выправил с моими списками и послал бы тебе.

Ну, покаместь прощай, а там придет время, что будем всё это говорить, что теперь заставляем царапать наши руки, в богоспасаемом нашем граде.

Твой Гоголь.

204. И. И. Срезневский — Н. В. Гоголю

Харьков, 1834 г., февр<аля> 16-го дня.

Милостивый Государь, Николай Васильевич! И я, в числе, вероятно, многого множества других, читавших № <34> Северной Пчелы, был сердечно обрадован известием, что тот самый Писатель, который столь мило, столь искусно забавлял многочисленных читателей поэтическими рассказами об Украине под именем Рудаго Панка, хочет подарить Украинцев и трудом важным, — трудом, в котором, действительно, передается наша историческая литература — Историей Козаков войска Запорожского. Дай Бог, чтобы эта История появилась как можно скорее, и как можно более оправдала надежды любителей, — иными словами: чтобы сочинитель оной был награжден за свое благородное предприятие от всех, имеющих какие-нибудь материалы касательно ее Истории, доверенностью и радушием. — Я с своей стороны, как любитель народностей Запорожско-Украинских, первым долгом почел представить Вам услуги свои, свою готовность делиться материалами, но... я осмеливаюсь надеяться, Вы согласитесь, что это *но* для меня почти необходимо.

Может быть, Вам уже известно, что я предпринял издание Запорожской Старины, — издание, посредством которого

[1] будет более ста

намерен представить: 1) важность народной словесности Запорожской в смысле историческом и этнографическом, 2) отношение, какое имеют произведения сей словесности к летописям и народным преданиям. Под именем Запорожской старины я разумею, как можно видеть из двух первых книжек моего издания, старину не одних только отребий войска Запорожского, известных, вообще, под именем разбойн<ик>ов или гайдомак Запорожских, а старину всего войска Запорожского, которое Вам угодно было, следуя общепринятому мнению, <назвать> Малороссийскими Козаками. Из этого видно, что материалы для Вашей Истории и моей Старины — одни и те же, с тою разницею, что сии материалы в моем издании останутся по-прежнему материалами или сводом материалов, а в Вашей Истории преобразуются в стройное целое. Хотя одинаковость материалов для многих становится двухсторонним щитом соперничества, однако, этого соперничества с моей стороны быть не может — по причине и разности направления труда Вашего и моего и моего образа мыслей. Можете быть вполне уверены, что, со всею возможною полнотою и усердием, буду исполнять все Ваши требования, отвечать на все Ваши запросы и пр. Одного только не могу обещать — пересылать целиком, а разве в выписках и сводах, материалы так назыв<аемой> длинной руки, ибо сам имею в них нужду почти ежедневно. Вот первая причина моего *но.*

Легко может быть, что иные и даже многие из материалов, составляющ<их> мою Запорожско-Украинскую скрыню, находятся и у Вас. Пересылка их была бы излишнею. Не зная же, что есть уже у Вас и в чем нуждаетесь, не могу попасть на нужное для Вас. Вот и вторая причина моего *но.*

Теперь к делу.

Повторяя свое обещание служить Вам по мере сил моих и возможности, прошу Вас всепокорнейше, если Вам только не неприятно мое усердное желание служить Вам, объяснить мне, что именно нужно Вам, и чем именно могу Вам служить. По получении от Вас известия и объяснения требований, я немедленно начну приводить их в исполнение со всею горячностию человека, который осмеливается неизменно питать признательность к предприятию Вашему и надежду увидеть его, сколь возможно, более совершен<ным>.

Поверяя себя Вашей благосклонности, имею честь быть Вашим покорнейшим слугою,

Измаил Срезневский.

205. И. И. Срезневскому

СПб. Марта 6. 1834.

Ваше приятное для меня письмо я получил 2 марта. От всей души благодарю вас за вашу готовность помогать мне в труде моем и крепко пожимаю вашу руку. Вы правы: нам одинаково нужны материалы; но хотя бы ваша книга превратилась в Историю, мы и тогда бы не были соперниками. Я рад всему, что ни появляется о нашем крае. И если бы я узнал, что в эту минуту кто-нибудь готовит тоже Историю Украйны, я бы приостановил свое издание до тех пор, покаместь ему нужно для сбыта своей книги. Чем больше попыток и опытов, тем для меня лучше, тем моя История будет совершеннее. Я уверен, что в образе мыслей не встречусь с другими, денежной прибыли от нее не ищу — стало быть, у меня нет соперников! Вы уже сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины. — Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши. Из них только пять были мне известны прежде, прочие были для меня все — новость! Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями. Народ, которого вся жизнь состояла из движений, которого невольно (если бы он даже был совершенно недеятелен от природы) соседи, положение земли, опасность бытия выводили на дела и подвиги, этот народ... Я недоволен польскими историками, они очень мало говорят об этих подвигах; впрочем, они могли знать хорошо только со времени унии, но и там ни одного летописца с нечерствою душою, мыслями. Если бы крымцы и турки имели литературу, я бы был уверен, что ни одного самостоятельного тогда народа в Европе не была бы так интересна история, как козаков. И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. Эти летописи похожи на хозяина, прибившего замок к своей конюшне, когда лошади уже были украдены. Хорошо еще, если между ними попадались с резкою физиономией, с характером: как, например, Кониский, который выхватил хоть горсть преданий и знал, о чем он пишет. Но все другие так пусты, так бесцветны! и вместо того, чтобы дослушиваться к умирающему голосу последних воспоминаний, они обезьянски переписывали друг у друга вырванные листки не происшествий, а разве оглавления происшествий. Если бы наш край

не имел такого богатства песень — я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору. Я имел случай многие перечесть и, к сожалению, пропустил случай многие переписать. Из означенных вами в Запорожской Старине мне неизвестны две: Пространная повесть об Украине до смерти Хмельницкого. Заглавие этой рукописи мне показалось незнакомым. Уведомите меня, имеется ли в ней что-нибудь новое против летописей Кониского, Шафонского, Ригельмана?[1] если на мое счастье в ней окажется новое, то я буду надеяться на снисхождение ваше и попрошу вас отдать ее теперь же понемногу переписывать. Мне[2] хочется иметь ее всю, тогда я могу в ней отыскать, может быть, другими незамеченное или не казавшееся важным, что случалось со мною довольно часто. Я очень знаю, что наши списки летописей[3] иногда между собою разнят: у одних выпущено что-нибудь и у других прибавлено. Иногда одна прибавка стоит всей летописи. Потому-то я имею и стараюсь иметь по нескольку списков. Для этого-то я и не означал, какие находятся у меня материалы, зная, что тогда я не получу многих списков.[4] Печатные есть у меня почти все те, которыми пользовался Бандыш-Каменский. Песен я знаю и имею много. Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему неизвестных. После того я приобрел еще около 150. У Максимовича теперь уже 1 200. Но я бьюсь об чем угодно, что теперь же еще можно сыскать в каждом хуторе, подальше от большой дороги и разврата, десятка два неизвестных другому хутору. Если я управлюсь с моими делами, то, может быть, летом буду в Малороссию и буду благодарить вас, может быть, лично за ваше радушие и готовность. А между тем ожидаю с нетерпением страшным выхода в свет вашей Старины 3 и 4 книжки. Я уверен, что там будет много для меня пищи. Но — до следующего письма! Я хотел вам еще о чем-то писать, но небольшой случай перебил[5] мои мысли.

Чувствуя вполне ваше благорасположение, остаюсь всегда Вашим покорнейшим и благодарным слугою

Н. Гоголь.

[1] *Далее было:* и других
[2] Мне в таком случае
[3] наши летописи под теми же именами
[4] *Далее начато:* с находящихся
[5] перебил сейчас

206. М. И. Гоголь

9 марта 1834. СПб.

Я получил письмо ваше, моя бесценная маминька, писанное вами 18 февраля. Очень рад, что вы надеетесь получить выгоду от фабрики. Дай Бог, чтобы всё пошло хорошо, в чем я и не сумневаюсь. А между тем я с своей стороны имею в виду доставить фабриканту самую выгодную работу. Я вам после напишу об этом подробнее. Теперь я вам советую обращать наиболее внимание на то, чтобы работников как можно более было из своих людей, нежели из нанятых, чтобы исподволь приучать и занимать всех мальчишек, даже девочек, и всё, что ни есть из мелкого народа. Работа и сбыт будут. Я нарочно сделал для этого сношения и знакомства со многими нужными людьми.

В Ревель я уже не еду. Но, впрочем, чрез четыре месяца всё-таки надеюсь с вами видеться. Ну, развеселитесь же! Благодарю очень вас и сестру за песни и желаю с нетерпением вас видеть всех. Есть ли у вас теперь снег, или нет? У нас до сих пор еще зима. Впрочем, дни ясные и солнечные. Правили ли вы молебен об успешном ходе фабрики? Если нет, то поручите отцу Ивану отправить молебен, чтобы все дела ваши шли хорошо, а равным образом, чтоб и мои пошли таким чередом, как я думаю! Прощайте; будьте здоровы и да хранит вас Бог от всяких неприятностей! Обнимаю сестру и Павла Осиповича, а также и племянника Николу.

Ваш всегда любящий вас сын

Николай.

Да отчего это так долго шло письмо ваше? Оно писано вами 18 февраля, а между <тем> я его получил только сегодня, т. е. 9 марта. Целые три недели шло. Верно, дороги очень дурны.

207. М. А. Максимовичу

Марта 12. СПб. 1834.

Да это, впрочем, не слишком хорошо, что ты не изволишь писать ко мне. Молодец! меня подбил ехать в Киев, а сам сидит и ни гадки о том. А между тем я почти что не на выезде уже. Что ж, едешь или нет? влюбился же в эту старую толстую бабу Москву, от которой, кроме щей да матерщины, ничего не услышишь. Слушай: ведь ты посуди сам по чистой совести, каково мне одному быть в Киеве. Земля и край вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнее NB для нездорового человека, каков ты да я.

Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерем издание, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лето мы бы там славно отдохнули, набрали материалов, а к осени бы и засели работать. Послушай, не бросай сего дела! Подумай хорошенько. Здоровье — вещь первая на свете. Предлог к перемещению ты имеешь самый уважительный — вред климата. Исчисляй свои труды по словесной части; доказывай, что ты можешь занять с честью означенную кафедру, грози отставкою. Должны будут согласиться. Что ж, получу ли обещанные песни?

Твой Гоголь.

208. М. П. Погодину

Марта 13, СПб. 1834.

Письмо ваше, in 94 долю листа, имел счастие получить, в котором вы меня укоряете за короткость моих писем. При этом почтеннейшем вашем письме я получил маленькое прибавление, впрочем, гораздо больше письма вашего, о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны в Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира. Приношу вам чувствительную благодарность, почтеннейший секретарь общества, Михаил Петрович, и прошу также изъявить ее благородному сословию. Но, увы! вы избрали самого негодного члена, который даже не может ничего прислать вам по своей лености и во сне времяпрепровождению. Я хотел было, однако ж, прислать вам кое-что, но болезнь, которая приколотила меня было к кровати ровно на две недели, отняла всякую к тому возможность. Скажи Надеждину, что эта же самая причина помешала мне прислать обещанный ему отрывок из истории. Она у меня в таком забытии и такою облечена пылью, что я боюсь подступить к <ней>, и чтобы вырвать из нее отрывок для печати, нужно его хорошенько перечистить. Выговоры ваши за объявление имел тоже честь получить. Это правда, я писал его, совершенно не раздумавши[1]. Впрочем, охота тебе вступаться за Бандыша! ведь он <......> и замотал у многих честных людей многие материалы и рукописи. Где ты летом будешь жить? Могу ли я тебя застать в Москве? А что дела твои? всё ли ты живешь еще на небе, или уже начинаешь обращать внимание и на мирские дела? Популярная история твоя скоро выйдет?

Н. Гоголь.

[1] не раздумавши хорошенько.

209. М. И. Гоголь

Марта 17. 1834. СПб.

Письмо ваше от 26 февраля я получил чрез Ивана Данилевского. О здоровье моем не беспокойтесь: я еще не так нездоров, чтобы мне не можно было жить здесь. В прошлом месяце я чувствовал себя немного нездоровым, но в это время весь город был почти болен кашлем и прочими принадлежностями простуды. Теперь же я опять здоров. Я беспокоюсь только о вашем положении: мне кажется, не слишком ли вы предаетесь надеждам насчет хозяйственных будущих прибылей, которые надеетесь получить от фабрики, потому что вся уже округа ваша знает, что вы намерены получить скоро большие деньги. Мне кажется, что не лучше ли об этом еще не говорить никому, потому что всё, что ни есть впереди, всё неверно. Мы не можем поручиться за один час вперед. Может быть, фабрикант и его работники, несмотря на все усилия, не будут в состоянии поставить к назначенному времени. А разве этого не может случиться, что фабрикант, взявши деньги, вдруг вздумает улизнуть, что тогда? Искать его — напрасный труд, потому что сама полиция за 500 рублей укажет ему дорогу, куда бежать. — Натурально, этого не может случиться. Но кто знает людей? Как многие из них долго могут носить личину и казаться совершенно не тем, чем они есть на самом деле. Но что тогда будет, если это случится? Вы должны будете отвечать всем имением вашим: казна в этом случае никакой не может иметь отсрочки. Я, впрочем, это пишу не для того, чтобы напрасно смущать, но для того, чтобы вы, на всякой случай, были очень осторожны и не предавались заранее надеждам. Не лучше ли вам держать деньги у себя и не все вдруг выдавать фабриканту, но по мере надобности. Ведь ему не все же восемь тысяч возить с собою на каждую ярманку. Для этого можно брать и по тысяче, так чтобы вы видели, что действительно куплено то, для чего были браты деньги. Но всё это нужно делать осторожно и не давать ему заметить, что вы следуете по пятам его, но что вы именно делаете с тем, чтоб облегчить ему труды. — Я тоже почитаю излишним говорить об этом много соседям. Это, несмотря на всё доброжелательство видимое, всегда возбуждает зависть; а зависть нечувствительно ведет за собою ненависть, и вы вдруг приобретете себе недоброжелателей. Кроме того, это возбудит в других жадность и желание подражать и себе; они будут стараться всячески сманивать фабриканта, предлагать ему выгоднее условия, которых хотя они и не в состоянии будут выполнить, но которые вскружат ему

голову. Он будет самонадеяннее, приобретет самоуверенность и наглость, беспрестанно увеличивающиеся требования и будет манкировать своим делом, зная, что не вы ему, а он вам нужен. Вы скажете: он совершенно не такой человек; он истинно добрый и совестный, и привязанный. Так! покаместь беден, покаместь успех не сделал его дерзким! Сколько есть людей, которые, покамест были малы и незначительны, были добродетельнее ангелов, но как только приобретали богатство и имя, вдруг становились совершенно другими. Истинно мудрый заводчик держит в тайне первоначальные успехи своей фабрики и никогда не хвалится выгодами. Но когда фабрика утвердится, усилится и укрепится, тогда другое дело; тогда можно объявлять о ее успехах и встречному и поперечному; тогда уже ее не могут подорвать. Теперь же вспомните, что вся ваша фабрика держится на одном человеке. Умри он, и фабрика ваша лопнула: работники у вас нанятые, своих мастеров еще нет; стало быть, без него невольно она должна расстроиться. Вот почему я советовал вам, чтобы сначала не давать большого размера фабрике, но стараться понемногу прежде обучить собственных несколько человек: тогда основание ее, фундамент, будет тверже, прочнее. Нанятые сегодня здесь, завтра Бог знает где; свои же всегда остаются дома. Я уже не говорю о том, что нанятые мастеровые всегда приносят с собою разврат, часто разные заразительные болезни в деревню.

Не оставьте совершенно без внимания этих слов моих. Старайтесь исполнить, если невозможно всех, по крайней мере некоторые из предосторожностей, о которых я вам говорил. Помните старую правдивую пословицу: *Береженого и Бог бережет.*

Но да хранит вас Бог от всех могущих встретиться неприятностей! Да увенчает все ваши предприятия успехом!

Вечно любящий вас сын

Николай.

210. М. А. Максимовичу

Марта 26 <1834>. СПб.

Во-первых, твое дело не клеится как следует, несмотря на то, что и князь Петр, и Жуковский хлопотал об тебе. И их мнение, и мое вместе с ними есть то, что тебе непременно нужно ехать самому. За глаза эти дела не делаются, да и Мекка (NB) любит поклонение. Теперь поется, что ты де нужен московскому университету, что в Киеве место почти занято уже, и прочее. Но если

ты сам прибудешь лично и объявишь свои резоны, что ты бы и рад, дискать, но твое здоровье и прочее, тогда будет другое дело; князь же с своей стороны и Жуковский не преминут подкрепить, да и Пушкин тоже. Приезжай! я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись в дилижанс и валяй! потому что зевать не надобно: как раз какой-нибудь олух влезет на твою кафедру.

Ты, нечего сказать, мастер надувать. Пишет: посылаю песни, а между тем о них ни слуху, ни духу; заставил разинуть рот, а вареника и не всунул. А я справлялся около недели в почтамте и у Смирдина, нет ли посылки ко мне. Вацлав, я тебе говорил, что отжилен у меня совершенно безбожно одним молодцом, взявшим на два часа и улизнувшим, как я узнал, совершенно из города. Поговорим об объявлении твоем: зачем ты делишь свое собрание на гулливые, козацкие и любовные? Разве козацкие не гулливые и гулливые не все ли козацкие[1]. Впрочем, я не знаю настоящего значения твоего слова: козацкие.

Разве нет таких песней, у которых одна половина любовная, а другая гулливая.[2] По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг[3] возле одной песни встретить другую, совершенно противного содержания. Мне кажется, что песни должно разделить на два разряда: в первом должны поместиться все твои три первые отделения, во втором — обрядные. Много же, если на три разряда: 1-й — исторические, 2-й — все, выражающие различные оттенки народного духа, и 3<-й> — обрядные. Впрочем, как бы то ни было, разделение вещь последняя.

Я рад, что ты уже начал печатать[4]. Если бы я имел у себя списки твоих песень, я бы прислужился тебе и, может быть, даже несколько помог. Но в теперешнем состоянии не знаешь, за что взяться. Да и несносно ужасно делать комментарии, не зная на что, а если и зная, то не будучи уверен, кстати ли они будут и не окажутся ли лишними. Если не пришлешь песень, то хоть привези с собою да приезжай поскорей. Мы бы так славно всё обстроили здесь, как нельзя лучше. Я очень многое хотел писать к тебе, но теперь у меня бездна хлопот, и всё совершенно вышло из головы. Прощай, до следующей почты. Мысленно целую тебя и молюсь о тебе, чтобы скорей тебя выпхнули в Украину.

Твой Гоголь.

[1] не бывают козацкие
[2] *Далее начато:* Что к<асается>
[3] тотчас
[4] писать

211. М. А. Максимовичу

1834. Марта 29. СПб.

Песню твою про Нечая получил вчера. Вот всё, что получил от тебя вместо обещанных каких-то книг.

Что ты пишешь про Цыха? разве есть какое-нибудь официальное об этом известие? Министр мне обещал непременно это место и требовал даже, чтоб я сейчас подавал просьбу, но я останавливаюсь затем, что мне дают только адъюнкта, уверяя, впрочем, что через год непременно сделают ординарным; и признаюсь, я сижу затем только еще здесь, чтобы как-нибудь выработать себе на подъем и разделаться кое с какими здешними обстоятельствами. Эй, не зевай! садись скорее в дилижанс! Без твоего присутствия ничего не будет.

Посылаю тебе за Нечая другой список Нечая, который списан из галичского собрания. Видно, как много она терпела изменений. Каневский переменен на Потоцкого; даже самые обстоятельства в описании другие, исключая главного.

Твой Гоголь.

212. М. П. Погодину

Апреля 4 <1834>. СПб.

Пожалуста, не сердись так сильно, как ты объясняешь в письме. Во-первых, это потому не хорошо, что кровь портится; а во-вторых, если я приеду в Москву и расскажу тебе кое о чем, то ты увидишь сам, что на меня не должно сердиться. Ты спрашиваешь о моем здоровьи. Здоровье так же, как и финансы мои, не в весьма завидном положении. Здоровье потому, что я не бык и не русской мужик, финансы потому, что я не Брамбеус и не Греч. В Москве надеюсь быть не раньше июня, или мая последних чисел. Когда ты будешь в деревне: весною, или летом? Пожалуста, не сердись, что мало пишу. Натурально, если хорошенько подумать, то, конечно, нельзя сказать, чтобы, как говорят, не набралось предметов для письма. Но чорт меня возьми, если я уважаю хоть сколько-нибудь письменное искусство. Такая лень находит, что мочи нет. То ли дело язык! куда лучше пера! В чернильницу его не нужно обмокать, разве только слегка в бокал шампанского, после чего он так исправно ворочается, что никакое перо за ним не угонится.[1] Может быть, оттого, что я как-то всё это время

[1] *Далее начато:* и потому

неспокоен, и леность приходит. Как бы то ни было, только жажду видеть тебя и побраниться с тобою лицом к лицу.

Твой Гоголь.

213. А. С. Пушкин — Н. В. Гоголю

<Март — первые числа (не позднее 7) апреля 1834 г. Санкт-Петербург>

Вы правы — я постараюсь. До свидания.

А. П<ушкин>.

214. М. И. Гоголь

<Апрель 1834. Санкт-Петербург>

Посылаю вам семена для огорода. Только прошу вас посадить их как можно скорее, если — можно, то даже в тот день, когда получите их; намачивать их вовсе не нужно, но просто прямо посадить в землю. Только непременно нужно поливать несколько раз на день после посадки[1]. Место выбрать для них лучше поближе к пруду; особенно позаботьтесь, чтобы было получше для цветной капусты, артишоков и брокулей, которые я очень люблю. Не забывайте особенно[2] приказывать хоть кому-нибудь из комнатных девушек поливать их[3]. Хотя они садятся несколько поздно, но садовник здешний уверяет меня, что при аккуратном поливании они весьма могут поспеть в июне.

Со всех сторон доходят слухи и стращают о неурожае. Обратите на это внимание и велите, по крайней мере, насеять побольше картофелю, если хлеба немного. Да нельзя ли не строить в этот год фабрики и других построек? Неужели в винокурне нельзя покаместь выделывать кож; она же теперь совершенно гуляет. Приладьте как-нибудь. Ведь не в наружном виде, не в строении сила, а в том, что делается внутри. Фабрикант большой фантазер. Ему, конечно, приятно видеть огромное строение с пышным названием «фабрика», но уговорите его, скажите, что вы на следующий год выстроите ему золотую фабрику с бриллиантовою крышею, но что теперь нельзя ли как-нибудь пристроить в винокурне все препараты, что нет[4] никакой возможности поступить иначе.

[1] после посадки *вписано.*

[2] особенно *вписано вместо:* только

[3] *Далее было:* почаще

[4] нет *вписано.*

215. М. А. Максимовичу

Апреля 7 <1834>. СПб.

Не беспокойся! дело твое, кажется, пойдет на лад. Третьего дня я был у министра; он говорил мне такими словами: кажется, я Максимовича переведу в Киев, потому что для русской словесности не находится более достойный его человек. Хотя предмет для него нов, но он имеет дар слова, и ему можно успеть легко в нем, хотя, впрочем, он теоретического никакого не выпустил еще сочинения. На что я сказал, что ты мне показывал многие свои сочинения, обнаруживающие верное познание литературы и долгое занятие ею. Также при этом напомнил ему о твоих трудах в этом роде, помещаемых в разных периодических изданиях. Из слов его, сказанных на это, я увидел только, что препятствий, слава Богу, никаких нет. Итак, поздравляю тебя. Я тоже, с своей стороны, присовокупил, как на тебя действует тамошний климат и как расстраивается твое здоровье. Видно было, что старания князя Вяземского и Жуковского не были тщетны. Он, по крайней мере, не представлял уже никаких невозможностей и совершенно соглашался[1] с тем, что состоянье здоровья твоего должно быть уважено. Для окончательного дела тебе бы весьма не мешало бы предстать самому, потому что, сколько я мог заметить, личное присутствие ему нравится. Но, впрочем, если тебе нельзя и состояние твоего здоровья не дозволяет, то я в таком случае перестаю о том просить тебя, несмотря на то, что мне очень бы хотелось видеться с тобою. Мне, впрочем, кажется, что если бы был в состоянии, то весьма бы было не худо. Но, как бы то ни было, прощай до следующего письма. Я очень рад, что письмо мое тебя успокоит, и потому не хочу ничего постороннего писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получил его как раз впору.

О получении его уведоми меня немедленно. Прощай, будь здоров! Целую тебя и поручаю тебя охранению невидимых благих сил.

Твой Гоголь.

216. М. А. Максимовичу

20 апреля <1834>, СПб.

Письмо твое от 16 я получил сегодня. Ну, я рад от души и от сердца, что дело твое подтвердилось уже официально. Теперь тебе точно незачем уже ехать в Петербург. Тебя только беспокоят

[1] кажется соглашался

дела московские. Смелее с ними: одно по боку, другому киселя дай, и всё кончено. Из необходимого нужно выбирать необходимейшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себе. Да кстати о мне: знаешь ли, что представления Брадке чуть ли не больше значат, нежели наших здешних ходатаев. Это я узнал верно. Слушай, сослужи службу. Когда будешь писать к Брадке, намекни ему о мне вот каким образом: что вы бы, дискать, хорошо сделали, если бы залучили в университет Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имел такие глубокие исторические сведения и так бы владел языком преподавания, и тому подобные скромные похвалы, как будто вскользь. Для примера ты можешь прочесть предисловие к грамматике Греча или Греча к романам Булгарина. Он, сколько я заметил, основывается на видимом[1] авторитете и на занимаемом месте. Ты, будучи ординарным профессором московского университета, во мнении его много значишь. Я же бедный почти нуль для него; грешных сочинений моих он не читывал, имени не слыхивал, стало быть, ему нечего и беспокоиться обо мне. Тем более мне это нужно, что министр, кажется,[2] расположен сделать для меня всё, что можно, если бы только попечитель ему хоть слово прибавил от себя. Тогда бы я скорее в дорогу[3] и, может быть, еще бы застал тебя в Москве.

Благодарю тебя за песни. Я теперь читаю твои толстые книги; в них есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Издание хорошо. Примечания с большим толком. О переводах я тебе замечу вот что. Иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе. Есть пропасть таких фраз, выражений, оборотов, которые нам, малороссианам, кажутся очень будут понятны для русских, если мы переведем их слово в слово, но которые иногда уничтожают половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое место[4] становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка; и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его.

Этих замечаний, впрочем, ты не можешь еще приноровить[5] к приведенному тобою переводу, потому что он очень хорош; окончание его прекрасно... Но, чтобы и к нему сделать придирку, вот тебе замечание на первый случай, мотай на ус:

[1] видимом *вписано.*

[2] совершенно <?> кажется

[3] в брику

[4] самое лаконическое место

[5] *Далее начато:* к одному

Федора Безродного, атамана куренного, постреляли, порубили, только не поймали чуры.

Во-первых, *постреляли* не русское слово, оно не по-русски спрягнулося и скомпоновалося, и вместе с словом *порубили* на русском слабее выражает, нежели на нашем. Мне кажется, вот как бы нужно было сказать:

Куренного атамана, Федора Безродного, они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.

В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я сам, который теперь рассуждаю об этом с таким хладнокровным беспристрастием, вряд ли бы уберегся от того, чтобы не влепить звонкое словцо в русскую речь, в простодушной уверенности, что его и другие так же поймут. Помни, что твой перевод для русских, и потому все малороссийские обороты речи и конструкцию прочь! Ведь ты, верно, не хочешь делать подстрочного перевода? Да, впрочем, это было бы излишне, потому что он у тебя и без того приложен к каждой песни. Ты каждое слово так удачно и хорошо растолковал, что кладешь его в рот всякому, кто захочет понять[1] песню. Я бы тебе много кой-чего хотел еще сказать[2], но, право, чертовски скучно писать о том, что можно переговорить гораздо с большею ясностью и толком. Да притом это такая длинная материя, зацепи только — и пойдет тянуться. В подобных случаях более всего нужны[3] толки с другою головою, потому что, верно, одна заметит то, что другая пропустит. Как бы то ни было, я с радостью ребенка держу в руках твой первый лист и говорю: «Вот всё, что отстоялось от прежних дум, от прежних лет!» как выразился Дельвиг. Я еще никому не успел показать его, но понесу к Жуковскому и похвастаюсь Пушкину,[4] и мнения их сообщу тебе поскорее. А между тем подгоняй свои типографские станки. Я тебе пришлю скоро кое-какие песни, которые, впрочем, войдут в последний разве только отдел твоего первого тома[5]. За *Песнями Люду Галичского* я послал в Варшаву, и как только получу их, то ту же минуту пришлю их тебе. Здешние скоты книгопродавцы так пугаются всего[6], что выходит

[1] понять сам
[2] сказать об этом же предмете
[3] чрезвычайно хороши
[4] *Далее начато:* живее только
[5] отдел твоих песней
[6] так напуганы всем

на польском языке, что даже польского букваря нигде не отыщешь, и с важным видом говорят только: запрещен[1]. Одоевскому скажу, чтобы он скорее пристроил твоего Наума. Эти дни, может быть, не увижу его, потому что ты сам знаешь, что за безалаберщина деется у людей на праздниках: они все как шальные. По улицам мечутся шитые мундиры и трехугольные шляпы, а дома между тем никого. У Плетнева постараюсь тоже на этих днях отобрать нужные для тебя сведения. Но до того прощай. Поручаю тебя Ангелу Хранителю твоему. Да будешь ты здрав и спокоен.

Весь твой Гоголь.

217. М. И. Гоголь

Апреля 20. <1834> СПб.

Поздравляю вас с наступающими праздниками Воскресения Христова и желаю, чтобы вы этот радостной для христиан день и все следующие провели весело и счастливо. Насчет фабрики я не то хотел сказать — но об этом после. Поручение ваше к Князю Кочубею я постараюсь исполнить. Странно, что март был у вас холодной. Здесь же напротив он весь состоял из солнечных и теплых дней. Напишите, каков был у вас апрель; верно, дождлив? Я заключаю это[2] из того, что письма наши теперь очень долго идут; впрочем это кажется хорошо для хлеба. Жаль мне очень, что вы должны занимать и покупать в долг. Это беспрестанно вас вводит в новые хлопоты. Как бы мне хотелось, хотя немного помочь вам; но до сих пор не имею никакой возможности. Мы должны всю надежду возложить на Бога и стараться как можно более быть благоразумными, осторожными и выбирать, что из полезного самое полезное.

Вы не знаете, на сколько времени едет Андрей Андреевич на воды и к которому месяцу думает возвратиться? Это мне нужно знать.

Прощайте, бесценная маминька! Благодарю вас за молитвы, которые воссылаете вы о мне. — Они, верно, будут услышаны, потому что Бог ни в чем не отказывает добродетельным. — Умоляя с своей стороны, я уверен, что Его святая воля и без моей грешной молитвы пошлет вам счастие.

Ваш сын Николай.

[1] говорят, что запрещен

[2] Это *вписано.*

Поклон дедушке и бабушкам, благодарю сестру и Катерину Ивановну за память обо мне и желаю им также веселиться более на праздниках.

Павлу Осиповичу особенный поклон.

Да. Пожалуста, не приписывайте мне чужих сочинений. Неужели вас не научили беспрестанные ошибки в предположениях? на этот раз вы ошиблись сильнее, нежели когда-либо. Если вам вперед что-нибудь покажется моим, то вы, по крайней мере, не рассказывайте этого другим.[1] Впрочем это такие пустяки, о которых нечего говорить, и мне это ни мало не обидно[2]. Я сделал это замечание потому только, что[3] автор Барона Брамбеуса не на слишком хорошем счету. Его грязные сочинения нравятся только низшему классу.

Анет и Лиза, славу Богу, здоровы. Они бы, верно, написали вам письма, но мне некогда итти в Институт, — тем более, что почта сейчас отходит.

218. М. И. Гоголь

<Апрель (после 22 числа) 1834. Санкт-Петербург>

Христос Воскресе!

Поздравляю вас с праздником, почтеннейшая маминька! Вы что-то давно уж не пишете ко мне. Уж не сердитесь ли вы на меня, или за почтою опять начал водиться старый грех, и письма пропадают, или задерживаются? Я, слава Богу, здоров. Прошу попрежнему Бога, чтобы и вы всегда были здоровы. Сестры мои здоровы, учатся хорошо. Праздники здесь очень хороши. Всё время стоит прекрасная погода, совершенное лето, или самая теплая весна. Я слышу, в ваших местах еще лучше. Пора в самом деле нам, хоть раз, воспользоваться хорошим временем. До сих пор, у нас все времена года совершенно столкнулись с мест своих.

Я думаю, уже Павел Осипович насадил огород и любуется первыми всходами, а сестра моя хворает, охает и приготовляет новые философские и мудрые изречения по поводу весны. Я прошу ее убедительно написать на особой записке, которую да приложит она к вашему письму, обстоятельно и подробно, сколько раз она в этом году поспорила. Это будет очень любопытная и занимательная вещь. Я советую ей особенным родом науки это

[1] *Далее было:* это

[2] и мне это ни мало не обидно *вписано.*

[3] что *вписано.*

сделать. Для этого я пришлю ей очень красивый альбом. Под каждым числом и днем написать: сегодня я поспорила столько-то раз и благодарение Богу очень успешно; сегодня, увы! я не поспорила больше одного раза, но с помощью Божиею, может быть завтра за всё вознагражу. И так далее.

Прощайте, моя маминька, хотел было к празднику прислать вам и сестре красных яичек, но так был захлопотан, что никак не успел. — Итак, до следующего раза.

Будьте здоровы и веселы.

Ваш сын Николай.

Да. Одно слово сестре Марии: она писала мне о картах, которые где-то видела. Если там есть карты Галиции, Буковины, Кроации, Венгрии, Богемии, Трансильвании, Померании и вообще западных славянских земель и Австрии, то пусть приобретет. Но мне не нужно ни Франции, ни Голландии, ни Испании, ни Швеции, ни Англии, ни Италии, ни Швейцарии, ни Дании. А я ей за это пришлю нот.

219. М. И. Гоголь

Мая 13 <1834>. СПб.

Я получил письмо ваше и благодарю вас, маминька, за поздравление с прошедшими праздниками. Дай Бог, чтобы вы, как будни, так и праздники, отныне проводили весело и в совершенном спокойствии, без больших хлопот. Я нимало не беспокоился насчет подрядов, но намекнул вам кое-что только в предостережение. Я бы тоже не советовал вам давать знать фабриканту, что вы ему ни в чем не верите, но растолковать ему хорошенько всё дело, обходиться с ним ласково, короче сказать держать его крепко в руках, но не давать ему этого заметить, что вы держите его в руках. Впрочем, я, позабывшись, читаю вам наставления, тогда как вы, без сомнения, лучше меня всё это знаете. Отложите боязнь и темные мысли и думайте о том, как вперед поступить лучше. Если Вы отправили молебень об успехе ваших предприятий, то всё пойдет хорошо. А там, как приеду, то, может быть, найдем средство дать ей лучший ход. Что начато, того уже нельзя оставлять. Я удивляюсь только, что это предприятие съело так много денег, между тем как ничего почти не сделано и не сбыто. Но как бы то ни было, даст Бог, будет всё хорошо.

Я, слава Богу, здоров, дети тоже. Дай только Бог, чтобы вы были здоровы. Получили вы семена, которые я послал вам для

посева, и принялись ли они? В приложенном при них письме я просил вас приказывать почаще поливать, особенно в те дни, когда нет дождей, также более всего прилагать старания об артишоках, особенно об кордоне испанском, цвет<ной> капусте и броколях.

Прощайте! Будьте здоровы! Обнимаю сестру, племянника, Павла Осиповича, Катерину Ивановну и, приветствуя всех домашних, остаюсь ваш сын

Н. Гоголь.

Известите: идут ли дожди?

220. А. С. Пушкину

13 мая <1834. Санкт-Петербург>

Я, раздумавши, увидел, что теперь писать к Левашеву точно будет излишне. Это лучше сделать тогда, когда я буду уже собираться в дорогу, и через меня. Теперь же я буду вас беспокоить вот какою просьбою: если зайдет обо мне речь с Уваровым, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива. При этом случае выбраните меня хорошенько за то, <что> живу здесь и не убираюсь сей же час вон из города; что доктора велели ехать сей же час и стараться захватить там это время. И сказавши, что я могу весьма легко через месяц протянуть совсем ножки, завесть речь о другом, как<-то> о погоде, или о чем-нибудь подобном. Мне кажется, что это не совсем будет бесполезно.

Вечно ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

221. А. С. Пушкин — Н. В. Гоголю

<13 мая 1834. Санкт-Петербург>

Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать[1] Уварова, и к стати о смерти Телеграфа поговорю и о вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. Авось уладим.

<*Адрес:*>

Его высокоблагородию
м. г. Н. В. Гоголю
etc.

[1] *В подлиннике:* нажидать

222. А. С. Пушкину

<Май 1834. Санкт-Петербург>

Я вчера был у Уварова. Ничего я не могу вам сказать утешительного для себя. Если бы я был хотя в таком состоянии, как вчера, я бы явился к вам. Но теперь я так зло захворал, что никуда не могу носа показать. Если вы будете в нашей стороне и станете проходить мимо Малой Морской, то будьте великодушны и загляните ко мне, страдающему и телом и духом. Я имею вам кое-что сказать.

Вечно ваш

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

223. К. С. Сербиновичу

<Май 1834. Санкт-Петербург>

Милостивый Государь
Константин Степанович!

Убедительно прошу Вас прислать особо отпечатанные для меня листки моих статей. Я очень болен и лежу дома, вчера однако ж отважился итти к Сергею Семеновичу по его приказанию. Он дал мне тему для статьи в журнал, но ничего не узнал я о моей участи. Представьте себе мое несчастие. Доктора мне говорят ехать теперь же. А между тем сижу здесь и лучшее для моего леченья время убиваю здесь и убиваю в тоске и досаде. Если бы я твердо был уверен, что не получу желаемого, я бы ехал теперь же на Кавказ с одним моим приятелем, который даже обеспечивает меня на счет путевых издержек. Но Сергей Семенович говорит, чтобы я не отчаивался, что всё будет хорошо. А между тем время идет, и я не знаю, что со мной будет; здоровье мое гроша не стоит.

От всей души желая, чтобы здоровье ваше не было похоже на мое, но красовал<ось> и процветало, остаюсь вечно ваш

признательный

Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

Его высокоблагородию Константину Степановичу Сербиновичу.

224. М. А. Максимовичу

Мая 28. <1834. Санкт-Петербург>

Извини меня: точно, я, кажется, давно не писал к тебе. У меня тоже большой хлам в голове. Благодарю тебя за лист песень, который ты называешь шестым и который, по моему счету, 4-й. О Введении твоем ничего не могу сказать, потому что я не имею его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочесть в Журнале Просвещения, 4-м номере, статью мою о малороссийских песнях; там же находится и кусок из Введения моего в историю Малороссии, впрочем, писанный мною очень давно.

Мои обстоятельства очень странны: С<ергей> С<еменович> дает мне экстраординарного профессора и деньги на подъем, но, однако ж, ничего этого не выпускает из рук и держит меня, не знаю для чего, здесь, тогда как мне нужно действовать и ехать. Между тем Б<радке> пишет ко мне, что не угодно ли мне взять кафедру русской истории, что сие де прилично занятиям моим, тогда как он сам обещал мне, бывши здесь[1], что всеобщая история не будет занята до самого моего приезда, хотя бы это было через год. А теперь, верно, ее отдали этому Цыху, которого принесло как нарочно. Право, странно они воображают, что различие предметов это такая маловажность и что, кто читал словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку; как будто пирожник для того создан, чтобы тачать сапоги. Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю. Если же они меня поводят далее и не отправят теперь же, то, признаюсь, я брошу всё и откланяюсь. Бог с ними со всеми. И тогда махну или на Кавказ, или в долы Грузии, потому что здоровье мое здесь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цых? кажется, Погодин его знает. Нельзя ли как-нибудь уговорить Цыха, чтобы он взял себе, или просил, или бы по крайней мере соглашался бы взять кафедру русской истории.

Ты извини меня, что я не толкую с тобою ничего о песнях. Право, душа не в спокойном состоянии. Перо в руках моих как деревянная колода, между тем как мысли мои состоят теперь из вихря. Когда увижусь с тобою, то об этой статье потолкуем вдоволь; потому что, как бы ни было, а всё-таки надеюсь быть в следующем месяце в Москве. Прощай, да пиши ко мне. В эти времена волнения письма всё-таки сколько-нибудь утишают душу. Прощай.

Твой Гоголь.

[1] бывши здесь *вписано.*

225. М. А. Максимовичу

Мая 29. <1834. Санкт-Петербург>

Только что я успел отправить к тебе вчерашнее письмо мое, как вдруг получил два твоих письма: одно еще от 10 мая, другое от 19 мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанию. Смирдин никуда не годится: он их изволил продержать у себя больше недели. Благодарю, очень благодарю тебя за листки песень. Я не пишу к тебе никаких замечаний, потому что я ужасно не люблю печатных или письменных критик, т. е. не читать их не люблю, но писать. Недавно С<ергей> С<еменович> получил от Срезневского экземпляр песней и адресовался ко мне с желанием видеть мое мнение о них в Журнале Просвещения, так же как и о бывших до него изданиях — твоем и Цертелева. Что ж я сделал? я написал статью, только самого главного позабыл: ничего не сказал ни о тебе, ни <о> Срезневском, ни о Цертелеве. После я спохватился и хотел было прибавить и проболтаться о твоем великолепном новом издании, но опоздал[1]: статья уже была отпечатана. Так как не скоро к вам доходят петербургские книги, то посылаю тебе особый отпечатанный листок, также и листок из истории Малороссии, которой мне зело не хотелось давать. Я слышал уже суждения некоторых присяжных знатоков, которые глядят на этот кусок, как на полную историю Малороссии, позабывая, что еще впереди целых 80 глав они будут читать и что эта глава только — фронтиспис[2]. Я бы, впрочем, весьма желал видеть твои замечания, тем более, что этот отрывок не войдет в целое сочинение, потому что оно начато писаться после того гораздо[3] позже и ныне почти в другом виде. Но из новой моей истории Малороссии я никуда не хочу давать отрывков. Кстати. Ты просил меня сказать о твоем разделении истории. Оно очень натурально и, верно, приходило в голову каждому, кто только слишком много занимался чтением и изучением нашего прошедшего. У меня почти такое же разделение, и потому я не хвалю его, считая неприличным хвалить то, что[4] сделалось уже нашим — и твоим, и моим вместе.

Прощай! Целую тебя несколько раз.

Твой Гоголь.

[1] но позабыл
[2] и что ~ фронтиспис *вписано.*
[3] совершенно
[4] *Далее начато:* похоже

226. И. И. Срезневскому

1834. 1 июня. СПб.

Не сердитесь на меня, почтеннейший Измаил Иванович, что долго не отвечал на ваше письмо. Оно залежалось в лавке у Смирдина. Я тоже был в отсутствии... Очень благодарен вам за вашу память обо мне. Поблагодарите также земляка нашего (о котором вы упоминаете в письме вашем как о пишущем историю Малор<оссии>) за его благородный труд. Я очень рад, что не один я занимаюсь этим. Я хотел было сделать несколько замечаний и оценку с своей стороны Вашей Запорожской Старины и уже приступ к этому под заглавием *О малоросс<ийских> песнях* отослал в Журнал Просвещения. Но лень проклятая одолела, и я сел на одном приступе: летом я ничего больше не делаю, кроме лежанья; к тому же еще и болезнь меня беспокоит... Вы там же найдете и кусок из первой части моей истории. Не налягайте слишком на нее: я нарочно выбрал самое начало, в котором показана только перспектива того, что будет впереди. — Конисскому я так же, как и вы, во многом не верю, но я говорил совсем не касательно достоинства летописца. Все происшествия его со времени Петра замечательны <?>. Справедливость многих я узнал, нашедши доказательства в здешних архивах.

Да выпускайте скорее свою Старину, я жажду. Пожалуста, не дожидайтесь мнений рецензентов. Охота же вам наконец услышать, что запятую вам нужно поставить не в том месте, а в другом и что не Запорожскою, а какою-нибудь другою стариною нужно было назвать вашу книгу. — Другого вы ничего не услышите. Ваша мысль напечатать песни обрядные очень хороша. Недурно бы их было поместить совершенно в том порядке, в каком они следуют одна за другою во время обрядов, с объяснением, при каких обстоятельствах. Это была бы очень нужная вещь. И, верно бы, все понимающие важность этого дела были бы вам очень благодарны. Свидетельствуя с своей стороны Вам истинное мое уважение, остаюсь

весь ваш Н. Гоголь.

227. М. А. Максимовичу

8 июня <1834>. СПб.

Я получил твое письмо через Щепкина, который меня очень обрадовал своим приездом. Что тебе сказать о здоровье? <......> мы, братец, с тобой! Что же касается до моих обстоятельств,

то я сам, хоть убей, не могу понять их. За меня просили Дашков, Блудов, С<ергей> С<еменович> сам, кажется, благоволит ко мне и очень доволен моими статьями. Кажется, какой сильный авторитет! Если бы какие особенные препятствия мне преграждали путь, но их нет. Я имею чин коллежского асессора, не новичок, потому что занимался довольно преподаванием, между тем как всех учителей Кременецкого Лицея произвели прямо в ординарные. И при всем я не могу понять: слышу уверения, ласки — и больше ничего. Чорт возьми, они воображают, что у меня не достанет духу плюнуть на всё. Я не могу также понять и Б<радке>. Давши слово Жуковскому ожидать меня далее целый год и не отдавать никому кафедры всеобщей истории, и через месяц отдать ее Цыху. Это досадно, право, досадно! Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ехал в Киев. Досадно, досадно, потому что мне нужно, очень нужно: мое здоровье, мое занятие, мое упрямство требует этого. А между тем мне не видать его. Песни твои идут, чем дальше, лучше. Да что ты не присылаешь мне до сих пор введения? мне очень хочется его видеть. Кстати о введении: если ты встретишь что-нибудь новое в моей статье о песнях, то можешь прибавить к своему: дискать, вот что еще об этом говорит Гоголь. Да что, ведь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова.

Прощай. Да хранят тебя небеса и пошлют крепость душе и телу. Пора, пора вызвать мочь души и действо<вать> крепко!

Твой Гоголь.

228. М. А. Максимовичу

10 июня <1834. Санкт-Петербург>

Я получил твое письмо от 5-го июня вчера, т. е. 9-го числа. Тебя удивляет, почему меня так остановливает русская история. Ты очень странен и говоришь еще о себе, что ты решился же взять словесность. Ведь для этого у тебя было желание, а у меня нет. Чорт возьми, если бы я не согласился взять скорее ботанику или патологию, нежели русскую историю. Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя скуке. Но, оставляя Петербург, знаешь ли, что я оставляю? Мне оставить Петербург не то, что тебе Москву: здесь всё, что дорого, что было мило моему сердцу; люди, с которыми сдружился и которых алчет душа; всё, что привычка сделала еще драгоценнейшим.

Бросивши всё это, нужно стараться всеми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всеми мерами то, что может вызывать ее. И ты вдобавок хочешь еще, чтоб самая должность была для меня тягостью. Если меня не будет занимать предмет мой, тогда я буду несчастлив. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, что для другого кажется своенравием, то есть у меня следствие дальновидности. Но, впрочем, кажется, это не может остановить их. С<ергей> С<еменович> сказал мне, что это ничего не значит, что можно поменяться кафедрами. Только то скверно, что я теперь мало всему этому верю, после всех проводов. Остановка вся за одним Б<радке>, без Б<радке> С<ергей> С<еменович> ни до порога. Итак, я жду теперь от него решения и по нем узнаю, велит ли мне судьба ехать, или нет. О песнях твоих постараюсь написать извещение и одолеть сколько-нибудь свою лень, которая уже почула лето и становится деспотом.

До следующего письма.

Твой Гоголь.

229. М. И. Гоголь

Июня 15 <1834>. СПб.

Я получил письмо Ваше от 16 мая, сего июня 2-го числа. В нем я нашел приятное для меня[1] поздравление с крестником и новым племянником моим.

Очень благодарен сестре и Павлу Осиповичу за дружеское ко мне расположение и пожалование меня в кумовья и в крестные отцы. Может быть, Бог поможет мне быть со временем им полезным. Жаль мне очень, что вы не можете похвалиться совершенным здоровьем. Я думаю, виною всему заботы, беспрестанно вас смущающие. Может быть, мне скоро удастся прожить у вас несколько времени, и тогда, может быть, соединивши силы, нам удастся лучше привести всё в порядок. Когда я начал было писать это письмо[2], мне принесли ваше другое от 4-го июня. Странно, что семена получены вами так поздно. — Но однако же они всё-таки должны принять<ся>.

Сестры, слава Богу, здоровы; письма их прилагаю вам.

Здесь теперь большой съезд: затеваются праздники и проч. по случаю приезда короля прусского, принцев голландских и прусских. Это лето я живу в городе и не переезжаю на дачу.

[1] для меня *вписано.*

[2] Когда я хотел было отослать <?> уже письмо

Если буду к вам, то не раньше августа. Желаю вам совершенного здоровья и спокойствия. Остаюсь ваш Николай.

Милая сестрица! Поздравляю тебя с сыном и желаю, чтобы он рос, рос и сделался великаном и богатырем и по силе, и по уму, и по душе. Это поздравление, натурально, тебе должно разделить вместе с Павлом Осиповичем, которого от души обнимаю и благодарю за избрание меня в кумовья. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте иногда истинно любящего вас брата

Ник<олая> Гоголя.

230. М. П. Погодину

СПб. 23 июня. <1834>

Письмо твое, против обыкновения, довольно обширное (вся 16-я доля листа была исписана кругом), я получил сего 20 июня и заранее догадывался, что дело должно быть важное. На предложение твое об адъюнктстве я вот что скажу тебе. Я недавно только что просился профессором в Киев, потому что здоровье мое требует этого непременно, также и труды мои. Вот чем можно извинить мне искание профессорства, которое, если бы не у нас на Руси, то было бы самое благородное звание. Прося профессорства в Киеве, я[1] обеспечиваю там себя совершенно в моих нуждах, больших и малых; но взявши московского адъюнкта, я не буду сыт, да и климат у вас в Москве ничуть не лучше нашего чухонского, петербургского. Итак, ты видишь физически невозможным мое перемещение. Впрочем, в июле месяце я постараюсь побывать в Москве, и мы потолкуем о том о сем.

Весьма рад, что тебе понравились мои статьи, хотя, признаюсь, я в них, особливо в первой, мало нахожу[2] того, что нужно бы и что можно бы[3] сказать об этом предмете. Но как бы то ни было, мысли об этом можно изъявить в другом, более удобном случае и месте. Ты говоришь о Цыхе. Что это за Цых? Откуда он и как он взялся? Я имени его еще нигде не встречал в литературном мире.

Скажи, пожалуста: кто тебя всегда толкает под руку, когда ты пишешь? хоть бы одно слово можно было разобрать с первого разу. Я твое шестнадцатидольное письмо читал три дни, и до сих

[1] *Было начато:* я бы был

[2] не нахожу

[3] я мог <бы>

пор некоторые слова остались неразгаданными. Я их так и оставил, и потому не сердись, если ответ мой неполон.

Если я приеду в Москву, то или к тебе, или к кому-нибудь другому, только в деревню, потому что мне город так надоел, что не могу смотреть на него равнодушно.

Прощай, целую тебя несколько раз.

Кланяйся всем нашим.

Твой Гоголь.

231. М. А. Максимовичу

27 июня <1834. Санкт-Петербург>

Я получил сегодня письмо твое от 23 июня. Итак, ты в дороге. Благословляю тебя! Я уверен, что тебе будет весело, очень весело в Киеве. Не предавай<ся> заране никаким сомнениям и мнительности. Я к тебе буду, непременно буду, и мы заживем вместе, чорт возьми всё<?>. Дела свои я повел таким порядком, что непременно буду в состоянии ехать в Киев хотя нераннею осенью или зимою; но когда бы то ни было, а я всё-таки буду. Я дал себе слово, и твердое слово; стало быть, всё кончено: нет гранита, которого бы не пробили человеческая сила и желание.

Ради Бога, не предавайся грустным мыслям, будь весел, как весел теперь я, решивший, что всё на свете трын-трава. Терпением и хладнокровием всё достанешь. Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовских могил, не сиди над книгами. Чорт возьми, если они не служат теперь для тебя к тому только, чтобы отемнить свои мысли. Будь таков, как ты есть, говори свое, и то как можно поменьше. Студенты твои такой глупый будет народ, особливо сначала, что, право, совестно будет для них слишком много трудиться. Но, впрочем, лучше всего ты делай эстетические с ними разборы. Это для них полезнее всего, скорее разовьет их ум, и тебе будет приятно. Так делают все благоразумные люди. Таким образом поступает и Плетнев, который нашел — и весьма справедливо — что все теории — совершенный вздор и ни к чему не ведут. Он теперь бросил все прежде читанные лекции и делает с ними в классе эстетические разборы, толкует и наталкивает их морду на хорошее. Он очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и советует, с своей стороны, тебе работать прямо с плеча, что придется. Вкус у тебя хорош. Словесность русскую ты знаешь лучше всех педагогов-толмачей; итак, чего тебе больше. Послушай: ради Бога, занимайся поменьше

этой гилью. Лето <ты> непременно должен в Киеве поленить-ся. Жаль, что я не с тобою теперь, я бы не дал тебе и заглянуть в печатную бумагу. Я бы тебя повез[1] по Пслу, где бы мы лежали[2] в натуре, купались, а вдобавок бы еще женил тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но так и быть, пожди до лета следующего, а теперь прими совет и крепко держи его в памяти. Книг я тебе в Москву не посылаю, потому что боюсь, чтобы ты с ними не разминулся, а посылаю прямо в Киев, где они будут тебя ожидать. Как нарочно, эти книги[3] нашлись у меня, и потому денег тебе за них платить не нужно. Из всех открытий, сделанных мною и другими достоверными людьми, оказывается, что наш Б<радке> знает славно экзекуторскую должность при университ<ете>. Высшая же оркестровка не так им сподручна, и потому ты можешь, принявши сие сведение, как следует распорядиться своими поступками: сиречь, приходить в назначенное время на лекцию, ни раньше, ни позже, и вести аккуратность и порядок, чтобы смирно сидели по местам и проч. Но во всем этом ты можешь обойтиться и без моих советов. Я же тебя умоляю еще раз беречь свое здоровье; а это сбережение здоровья состоит в следующем секрете: быть как можно более спокойным, стараться беситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бывает[4] и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что всё на свете трын-трава и <......> <...>. В этих немногих, но значительных словах заключается вся мудрость человеческая. Чорт возьми! я как воображу, что теперь на киевском рынке целые рядна вываливают персик, абрикос, которое всё там ни по чем, что киево-печерские монахи уже облизывают уста, помышляя о делании вина из доморощенного винограду, и что тополи ушпигуют скоро весь Киев, — так, право, и разбирает ехать, бросивши всё. Но, впрочем, хорошо, что ты едешь вперед. Ты приготовишь там всё к моему прибытию и приищешь местечко для покупки, ибо я хочу непременно завестись домком в Киеве, что, без сомнения, и ты не замедлишь учинить с своей стороны. Да, приехавши в Киев, ты должен непременно познакомиться с экс-профессором Белоусовым. Он живет в собственном доме, на Подоле, кажется. Скажи ему, что я просил его тебя полюбить, как и меня. Он славный малый, и тебе будет приятно сойтись с ним.

[1] повез бы
[2] лежали бы
[3] все эти книги
[4] бывает иногда

Да послушай: как только тебе выберется время, даже в дороге, то тотчас пиши ко мне, меня всё интересует о тебе, самая дорога и проч., и пр…

Смотри, пожалуста, не забывай писать мне почаще: ты мне делаешься очень дорог и, долго не получая от тебя письма, я уже скучаю.

Но да почиет над тобою благословение Божие! Я твердо уверен, что ты будешь счастлив. Мне пророчит мое сердце.

Твой Гоголь.

232. М. А. Максимовичу

СПб. Июль 1 <1834>.

Итак, посылаю тебе книги прямо в Киев, где, надеюсь, они тебя уже застанут; вместе с ними и тетрадь песень, которая в разные времена списывалась.[1] Она замечательна тем, что содержит в себе самые обыкновенные, общеупотребительные песни, но которых вряд ли кто может пересказать из поющих, так утратились слова их. Я думаю, ты теперь можешь много кое-чего отрыть в Киевопечерской лавре, а для чичероне возьми Белоусова, о котором я тебе писал. Ты теперь в таком спокойном, уютном и святом месте, что труд и размышления к тебе притекут сами. Умей только распределить хорошо время. Занимайся каждый день, но не более как два и много — три часа; остальное время отдавай всё прогулке. Муцион тебе необходим. Наше солнце и наш воздух укрепят тебя, только занимайся всегда поутру; ввечеру и в полдень — Боже тебя сохрани. В полдень лежи на солнце, но голову <держи> в тени; ввечеру гуляй или иди к кому-нибудь на вечер. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это <ты> непременно должен соблюсти; если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказе. Прощай, да пребывает с тобой всё хорошее.

Опиши всё до иголки, как ты найдешь Киев, в каком виде представится тебе твое новое житье; всё это ты должен неукоснительно описать. Я же буду ожидать с нетерпением твоего отзыва. Да, Бога ради, будь поравнодушнее ко всему, кажущемуся тебе с первого взгляда неприятным; смотри на мир так, как смотрит на него поэт, у которого он под ногами и употребляется на обтирку ног его.

[1] которую в разные времена <списывал>. *Слово* которую *осталось неисправленным.*

Прощай.[1] Целую тебя на новосельи и ожидаю твоего письма.

Твой Гоголь.

233. М. И. Гоголь

Июля 10 <1834>. СПб.

Я получил письмо ваше, бесценная маминька, от 19 июня, сего месяца 3 числа. Из вашего письма я узнаю, маминька, что вы фабрику бросили совершенно. Я прошу вас в таком случае, пришлите мне подробный счет издержкам, расходам и доходам по этому делу: когда именно и что куплено, какие именно вещи и когда были сделаны, что из <них> продано, что не могли сбыть; какие распоряжения, сколько, когда было закуплено, кем и по каким ценам. Всё это нужно, чтобы было в порядке, за каждый месяц особенно, и[2] при конце итог всей суммы. Мне это необходимо нужно для составления своей сметы. Вы можете это поручить Василю Ивановичу; он, я думаю, это может сделать; не то Павел Осипович может помочь ему. — Да ведете ли, то есть, ведет ли Василий Иванович, приход и расход по имению аккуратно каждый месяц? Это необходимо нужно: тогда только можно хорошо[3] управлять хозяйством, когда совершенно знаешь количество прихода и расхода. Соображаясь с приходом, можно размерять и расход свой; тогда можно положить за правило издерживать никак не более той суммы, которая осталась в приходе. Если в каком месяце приход будет очень мал, нужно стараться, чтобы расход был и того меньше. Если же приход очень велик, то всё-таки нужно стараться не слишком возвышать расхода, чтобы последующее время, не слишком хорошее, можно без труда привыкнуть к небольшим расходам и чтобы оставалось, хоть что-нибудь было в остатке. Без этого, что бы вы ни заводили, всё не будет клеиться. Богу никак нельзя приписывать наших неудач. Бог милостив, и всякому, кто трудится с благоразумием и с осмотрительностью принимается за дело, Он всегда оказывает всемогущую свою помощь. Береженого и Бог бережет, говорит старинная пословица. Но если, вместо этого, мы предадимся бесплодным мечтаниям и будем сидеть сложа руки, надеясь во всем на милосердие Божие, то мы никогда не будем иметь ничего.

[1] *Далее начато:* Ну
[2] в порядке, по месяцам, числам и притом
[3] совершенно

Я испытал многое на себе. Во всем, чем только я займусь с большою осмотрительностью, хорошенько обсужу дело, поведу с величайшею аккуратностью и порядком, не занимаясь мечтами о будущем, во всем этом я вижу ясно Божию помощь. По этому-то самому я не вижу даже большой необходимости ехать в Воронеж. Я уважаю очень угодников Божиих, но молиться Богу всё равно, в каком бы месте вы ни молились. Он Вездесущ, стало быть, Он везде слышит нашу молитву, и Ему столько молитва нужна, сколько нужны дела наши. Впрочем, я не настою на том, чтобы вы не ехали в Воронеж, особливо если позволят вам ваши финансы. Я бы с радостью прислал вам сколько-нибудь, но этот год был и для меня несколько тяжел. Даже намерение мое ехать к вам рушилось; впрочем, я этому даже рад, несмотря на желание большое вас видеть. Если бы я поехал теперь, я бы потерял по службе, между тем как, оставшись здесь еще на полгода, я много выиграю. Я знаю, что вы, бесценнейшая маминька, сами будете в этом случае согласны со мною и, верно, не будете о том печалиться, что я не буду к вам теперь. Но зато в генваре или феврале месяце уже ничто не удержит меня. Много ли вам обождать, всего шесть месяцев, не больше. Я бы вам прислал теперь Смирдина журнал, но он так толст, что за пересылку его больше нужно заплатить, нежели сколько он сам стоит; притом же он очень глуп. Все порядочные люди и великие писатели от него отказываются; в высшем кругу его никто не читает. Только в провинции находятся люди, которые его читают еще и восхищаются дрянью. Я не знаю, что за охота пришла нашим судить и рядить о литературе. Я знал много людей, которых почитали умными, хорошими хозяинами и даже сведущими во многом; но когда эти люди захотят непременно судить и сообщать другим свои суждения, то их без смеха нельзя слушать. В какие можно впадать ошибки, можно какому ни было известному [человеку] приписывать сочинение чужое, сочинение гадкое, которым оскорбляется и ум, вкус. Но довольно об этом.

Сестры мои хотя не много выросли, но зато в музыке делаются доки и начинают играть довольно трудные пиесы. Я хотел прислать при сем письма их, но они еще до сих пор мне не доставили их.

Ваш Николай.

234. М. А. Максимовичу

СПб. Июля 18 <1834>.

Я получил твои экземпляры песень и по принадлежности роздал, кому следовало. Препровождаю к тебе благодарность получателей. Жуковский читал некоторые: они произвели эффект. Многие понравились Наследнику. Я, однако же, всё ожидал, что ты еще будешь писать ко мне из Москвы. Мне хотелось знать, как ты собирался в дорогу, сел в бричку и прочее.

Что-то ты теперь поделываешь в Киеве? А кстати, чтобы не позабыть: к вам, или к нам, в Киев хочет ехать один преинтереснейший и прелюбезнейший человек, который тебе понравится донельзя, настоящий земляк и человек, с которым никогда не будет скучно, никогда, сохранивший всё то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорок лет. Он хочет занять место директора гимназии, если нельзя в Киеве, то в какой-нибудь[1] другой Киевского же[2] округа. Вначале он служил по ученой части, потом был за границей, потом в таможнях, изъездил всю Русь, охотник страшный до степей и Крыма и, наконец, служит здесь в Почтовом департаменте. Извести только, если у вас <есть> какое-нибудь вакантное место, и в таком случае замолвь словечко от себя Брадке, не прямо, но косвенно, т. е. вот каким образом: что ты знаешь де человека, весьма годного занять место и истинно достойного, но что не знаешь де, согласится ли он на это, потому что в Петербурге имеет выгодное место, и считают его нужным человеком,[3] что прежде он хотел ехать в Киев; то попробовать, может быть, он согласится, тем более, что там близко его родина. А с своей стороны ты очень будешь доволен им. Познакомился ли ты с Белоусовым, как я тебе писал в прежнем письме? Он находится теперь при графе Левашеве. Да что ты не прислал мне нот малороссийских песень? Прислал один лист под названием Голоса, а самих-то голосов и нет. Я с нетерпением дожидаюсь их. Каково у вас лето? как ты проводишь его? Да пиши скорее. Что это: я уже около месяца не получаю от тебя никакой вести. Это скучно.

Прощай.

Твой Гоголь.

[1] в каком-нибудь из

[2] вашего же

[3] *Далее было:* но что знаешь

235. М. П. Погодину

23 июль <1834>. СПб.

Рекомендую тебе доброго товарища моего Редькина. Он только что возвратился из чужих краев, куда был посылан для усовершенствования своего учения, с тем, чтобы занять профессорскую кафедру. Он очень жаждет с тобою познакомиться. Он по юридической части. Впрочем, ты можешь от него узнать и о состоянии прочих наук в Германии. Я на время решился занять здесь кафедру истории, и именно средних веков. Если ты этого желаешь, то я тебе пришлю некоторые свои лекции, с тем только, чтобы ты взамен прислал мне свои. Весьма недурно, если бы ты отнял у какого-нибудь студента тетрадь записываемых им твоих лекций, особенно о средних веках, и прислал бы через Редькина мне теперь же. Над чем ты теперь сидишь в деревне?[1] Что у тебя готовится и работается? Извести!

Твой[2] Гоголь.

236. М. И. Гоголь

СПб. Августа 1. <1834>

Я получил письмо ваше и был очень огорчен, даже до сих пор не могу совершенно быть спокойным, вообразив, что вам предстоит так малый срок, только до августа, к уплате пяти тысяч рублей. Где вы их возьмете? и зачем вы уверяете меня, что вы совершенно спокойны, как будто я не знаю, что вы должны находиться в величайшем беспокойстве. О, Бога ради, маминька, не заводите никаких новых предприятий и фабрик. Для того, чтобы заводить их, нужно слишком быть сведущим в этом деле; нужно быть самому фабрикантом. — Фабрики и заведения новые не оттого лопают, что они глупость, но оттого, что не всякий знает, как за них взяться. — Старайтесь лучше сохранить и усовершенствовать то, что у нас есть, и берегите более всего ваше здоровье, которое для нас драгоценнее всего. Если у вас уже выучились выделывать кожи, то вы не оставляйте этого вовсе. Пусть выделывают, но только выделывают, и больше ничего, но шить и делать какие-нибудь подряды — Бог с ними. И то выделывать могут тогда только, когда требует этого надобность.

Вы жалуетесь, что я вам не уведомляю ничего о службе и о прочем. Что же сказать вам, ведь вы знаете сами, где

[1] *Далее было:* а?

[2] Весь твой

я нахожусь. Впрочем, я скинул с себя лишнюю обузу и отказался от других занятий[1]. Я теперь только профессор здешнего университета и больше никакой не имею должности, потому что[2] и не имею желания занять и не имею времени.

Я здоров, довольно весел; сестры также. Письмо их вам при сем посылаю.

Прощайте; целую ваши руки. Обнимаю сестру Марию, Павла Осип<овича> и Катер<ину> Ивановну и кланяюсь дедушке и бабушкам.

Ваш Николай.

Поклон от меня Татиане Ивановне и Василю Ивановичу. Также поклон Ларию Ив<ановичу> Трощинскому.

237. В. В. Тарновскому

СПб. 1834 г. Августа 7.

Извини меня, любезный Василь *(э, Василь! а що, як бы гимназия сгорила...)*, извини, что долго не писал к тебе. Я немного обчелся в обстоятельствах своих. Думал было на каникулах быть в Малороссии и лично видеться с тобою, откладывал нарочно для того писать к тебе, и ничего этого не случилось. Я по-прежнему пребываю в Питере. Посылаю тебе Нибура столько книг, сколько до сих пор переведено на французском.

Что, видел ли ты Редькина? Он поехал на месяц полобызаться с батюшкою и потом должен опять возвратиться сюда. Он говорил, что если ты будешь дома, то заедет к тебе в Антоновку; если же ты будешь в Житомире, то по краткости времени не может заглянуть к тебе туда. Ну, каково живут дела твои? Как ты проводишь дома время каникул? Что болящий? Что дядюшка Гриша Степанович? Что поп, который говорит: *чого б такы сыдить так? вы б такы або гралы, або танцювалы и так, и так.* Бываешь ли ты часто в Киеве? Ведь тебе, кажется, через него лежит дорога домой. Я слышал, что Белоусова дела довольно поправились, я этому очень рад. Да, пожалуста, скажи, если будешь в Киеве, Максимовичу, который там профессор словесности, что я просто приеду и поколочу его на все боки. Что в самом деле за дрянь такая! Вот ровно месяц, если не больше, как я от него ни строки не получаю. По крайней мере из Киева он мне ни двух запя-

[1] слу<жб?>
[2] впрочем

тых[1] до сих пор не написал, и я не знаю, что с ним, мерзавцем, делается. Ты скажи ему, что я велел ему особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя в Киев, хотя адъюнктом, потому что киснуть тебе в литовском городе не годится. Что, как твое здоровье? Как <……> ты, в круть или в смятку? и регулярно, или нерегулярно? Так же насчет поясницы и прочих почечуйностей. Каково идет ваша житомирская гимназия? Часто ли посещает вас пресловутый ваш Б<радке>? Ну, какой сволочи набрали в ваш киевский университет! Мне даже жаль бедного Максимовича, что он попался между них. Можно ли это? Новый университет! тут бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новых профессоров, а вместо этого набрали старой плесени из глупого кременецкого лицея. Я сам было думал в киевский университет, да, к счастью,[2] не сошелся с вашим Б<радке>, остался в здешнем, и лучше, потому что через четыре месяца получаю здесь экстраординарного профессора.

Не слышал ли чего-нибудь о наших, особенно о Лукашевиче старшем или о Высоцком? Видаешь ли Маркова? Кажется, мне кто-то говорил, что он намеревался сюда ехать. Имеешь ли хороший аппетит, и чем именно более всего обжираешься, арбузами или дынями, или грушами? Много ли ходишь, прогуливаешься и вообще делаешь муцион, и есть ли у вас где-нибудь такие места, где можно[3] прогуляться? Чем изобилует в это время Житомир? И какой урыльник обыкновенно употребляешь, фаянсовый или медный?

Впрочем, да хранят тебя вышние власти!

Будь здоров, пиши и не забывай твоего

Гоголя.

238. М. А. Максимовичу

1834 августа 14. <Санкт-Петербург>

Я получил письмо твое от 4 августа вчера (13). Во-первых, позволь тебе заметить, что ты страшный нюня! Всё идет как следует, а он еще и киснет! Когда я, который должен остаться в чухонском городе, плюю на всё и говорю, что всё на свете трын-трава. А признаюсь, грусть хотела было сильно подступить ко мне, но я дал ей, по выражению твоему, такого пидплесня,

[1] ни строчки
[2] да только
[3] *Далее начато:* упот<ребить?>

что она задрала ноги. Что мне было делать с вашим Б<радке>?[1] Обещать и не исполнить обещанного, разве этак можно делать. Жуковский писал к нему, что министр наконец согласен мне дать экстр<аординарного> проф<ессора> и что от него теперь зависит. В ответ было получено письмо, что он — Б<радке> — согласен мне дать адъюнкта (как будто об адъюнкте его просили) и что это место для меня очень выгодное (как будто я нищий и мне оно дается из милости). Я заключил, что я не нужен, что я не имею счастия нравиться попечителю[2]; стало быть, с моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тем более действовать мимо его. Я решился ожидать благоприятнейшего и удобнейшего времени, хотел даже ехать осенью непременно в Гетьманщину, как здешний попечитель князь Корсаков предложил мне, не хочу ли я занять кафедры всеобщей истории в здешнем университете, обещая мне через три месяца экстраорд. профессора, зане не было ваканции[3]. Я, хорошенько разочтя, увидел, что мне выбраться в этом году нельзя никак из Питера; так я связался с ним долгами и всеми делами своими, что было единственною причиною неуступчивости моих требований в рассуждении Киева. Итак, я решился принять предложение остаться на год в здешнем университете, получая тем более прав к занятию в Киеве. Притом же от меня зависит приобресть имя, которое может заставить быть поснисходительнее в отношении ко мне и не почитать меня за несчастного просителя, привыкшего чрез длинные передние и лакейские пробираться к месту. Между тем, поживя здесь, я буду иметь возможность выпутаться из своих денежных обстоятельств. На театр здешний я ставлю пиесу, которая, надеюсь, кое-что принесет мне, да еще готовлю из-под полы другую. Короче, в эту зиму я столько обделаю, если Бог поможет, дел, что не буду раскаиваться в том, что остался здесь этот год. Хотя душа сильно тоскует за Украйной. Но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что с своей стороны употребил все возможные силы. Я не знаю, отчего это произошло, что попечитель согласен теперь, по крайней мере по твоим словам, дать мне экстраор<динарного>. Отчего же он прежде не хотел и отказал напрямик Жуковскому. Видно, Левашев просил его за меня, которому Дашков писал два раза. Но только всё мне непонятно. Письмо Жуковский получил довольно поздно. — Как бы то ни было, но перебираюсь

[1] *Далее начато:* Жуков<ский>

[2] вашему попечителю

[3] зане не было ваканции *вписано.*

на следующий год, и если вы не захотите принять к себе в Киев, то в отеческую берлогу, потому что мне доктора велят напрямик убираться, да притом и самому становится, чем дале, нестерпимее петербургский воздух. Я тебя попрошу, пожалуста, разведывай, есть ли в Киеве продающиеся места для дома, если можно, с садиком, и если можно, где-нибудь на горе, чтобы хоть кусочек Днепра был виден из него, и если найдется, то уведоми меня; я не замедлю выслать тебе деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вместе. Пожалуста, напиши мне обстоятельнее о Киеве. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхал, каков он, и каков имеет характер люд, обитающий в нем: офицеры, поляки, ученый дрязг наш, перекупки и монахи. Тот приятель наш, о котором я рекомендовал тебе, есть Семен Данил<ович> Шаржинский; воспитывался в здешнем педагогическом институте, где окончив курс, был отправлен учителем в Феодосию, после в другие места, в южной России, в какие, не помню, а спросить его позабыл, потом служил в таможнях, наконец, нахо<ди>тся у Булгакова в Почтовом департаменте. В Нежин не изъявляет желания, зная, что там более трудностей, потому что гимназия имеет особенные права и постановления, да притом знает, что тамошние профессора большие бестии, от которых уже товарищи его, вместе с ним воспитывавшиеся и бывшие там профессорами, пострадали.

Спешу к тебе кончить письмо, зане страх некогда: сейчас еду в Царское, где проживу две недели, по истечении которых непременно буду писать к тебе. Прощай.

Твой Гоголь.

239. М. А. Максимовичу

Августа 23 <1834. Санкт-Петербург>.

Приятель наш Семен Данилов<ич> Шаржинский хочет или в Каменец-Подольскую, или в Винницкую гимназию, и потому я тебе еще раз пишу об этом. Если эти места не вакантны теперь, то, может быть, тебе известно, когда они будут вакантны, и в таком случае, пожалуста, не прозевай. Пронюхай, что есть путнего в вашей библиотеке, относящегося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручил кому-нибудь составить им маленькой реестрец, дабы я мог всё это принять к надлежащему сведению. Я получил много подвозу из наших краев. Между ними есть довольно замечательных вещей. История моя терпит страшную перестройку: в первой части целая половина совершенно новая.

Есть ли что-нибудь на руках у Берлинского? ведь он старый корпила. А у монахов неужели ни <...> ? Это жаль. Я тружусь, как лошадь, чувствуя, что это последний год, но только не над казенною работою, т. е. не над лекциями, которые у нас до сих пор еще не начинались, но над собственно своими вещами. На днях Сенков<ский> и Греч перегрызлись, как собаки, но, впрочем, есть надежда, что сии достойные люди скоро помирятся.

Наши все почти разъехались: Пушкин в деревне, Вяземский уехал за границу для поправления здоровья своей дочери[1]. Город весь застроен подмостками для лучшего усмотрения Александровской колонны, имеющей открыться 30 августа. Офицерья и солдатства[2] страшное множество и прусских, и голландских, и австрийских. Говядина и водка вздорожала страшно. Прощай. Пиши, что и как в Киеве.

Твой Гоголь.

240. В. В. Тарновскому

<Сентябрь (после 20 числа) 1834. Санкт-Петербург>

Письмо твое получил тоже не слишком по скорой почте. Хорош, братец, ты! Пишешь с 1 сентября, а я получаю 20, между тем как письмо из Житомира идет никогда не больше 10 дней. Ты, верно, поступаешь со мною так же, как я с почтенными родителями своими, т. е. выставляешь задним числом. Что я не пишу аккуратно к тебе, это извинительно, потому что я ленив; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебе, потому что ты был всегда трудящимся человеком. Ну, как поживаешь? Да: что тебе за охота думать о перемещении в Нежин? Охота же возиться с этою дрянью, какова, например, Мазепич Самойленко, Лопушевский, Урсо и прочие.

Мне кажется, нет лучше тебе места, как в Киеве. Если хочешь, я напишу об тебе Максимовичу; но если до того времени увидишься с ним, то скажи ему только, что ты мой товарищ. Мы с ним большие друзья, и он для тебя, верно, с большою готовностью будет стараться. Имеешь ли ты нужные пособия для твоих лекций? Какими ты курсами руководствуешься? Есть ли у тебя история Мишеле новая, или средняя Демишеля, и если неполные, то, по крайней мере, Précis? Если нет, то уведоми меня, я тебе постараюсь их выслать. А что, как твоя женитьба? А я собираюсь

[1] своего здоровья
[2] и солдатства *вписано.*

крестить маленького крикуна-козленка, который имеет от тебя быть. Пожалуста, уведоми меня, когда будут крестины. Как идет ваша административная, ученая часть? Что говорят об университете, о профессорах, о попечителе и о прочем? Я познакомился здесь с твоим дядюшкою. Видел дорогого нашего Булыча. — Впрочем, да хранит тебя Бог от всего злого и поведет тебя тою дорогою, по которой желает душа твоя!

Весь твой Гоголь.

241. К. С. Сербиновичу

29 сент<ября> 1834. <Санкт-Петербург>

Очень благодарен вам за присылку корректуры. Если можно, то я бы попросил у вас прислать сегодня же и хвостик ее. Слова *чутья* никак не могу переменить. У нас совершенно нет ему равнозначительного. При том, я его употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин, и даже Жуковский в Путешествии по Саксонии, в смысле художественном, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселе не напечатано. Нечего делать, нужно нам перенять некоторые добродетели и у четвероногих.

Желаю вам совершенного здоровья.

Остаюсь Ваш покорнейший слуга

Н. Гоголь.

242. М. П. Погодину

Ноябрь 2 <1834>. СПб.

Письмо твое я получил вчера. Очень рад, что московские литераторы наконец хватились за ум, и охотно готов с своей стороны помогать по силам. Только я бы вот какой совет дал: Журнал наш нужно пустить как можно по дешевой цене. Лучше за первый год отказаться от всяких вознаграждений за статьи, а пустить его непременно подешевле. Этим одним только можно взять вверх и сколько-нибудь оттянуть привал черни[1] к глупой Библиотеке, которая слишком укрепила за собою читателей своею толщиною. Еще: как можно более разнообразия! и подлиннее оглавление статей! Количеством и массою более всего поражаются люди. Да чтобы смеху, смеху, особенно при конце. Да и везде недурно нашпиговать им листки. И главное, никак не колоть

[1] *Далее начато:* от

в бровь, а прямо в глаз. Эх, жаль, что я не могу для первого листа ничего дать, потому что страшно занят, и печатаю кое-какие вещи! но как только обстрою дела свои, то непременно пришлю что-нибудь. Впрочем, оно и лучше, что я теперь ничего не даю: теперь мое имя не слишком видно; но после напечатанья моих небольших мараканий, всё-таки лучше. Охота тебе заниматься и возиться около Герена, который далее своего немецкого[1] носа и своей торговли ничего не видит. Чудной человек: он воображает себе, что политика какой-то осязательный предмет, господин во фраке и башмаках, и притом совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художеств, мимо наук, мимо[2] людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков, не стареющее, не молодеющее, ни умное, ни глупое, чорт знает что такое. Впрочем, если ты займешься Гереном с тем, чтоб развить и переделать его по-своему — это другое дело. Я тогда рад, и мне нет дела до того, какое название носит книга. Пять-шесть мыслей новых уже для меня искупают всё. Ну, а известное дело, куда ты сунешь перо свое, то уже, верно, там будет новая мысль. Я готов плюнуть в башку глупому вашему Каченовскому за эдакие проказы. Мне нужны твои Афоризмы. Это, просто, досадно.

Но обратимся к Журналу. Как ему кличка? Да кто будет более всего работать? Киреевский будет? Пожалуста, работайте не так, как вы всегда работаете. Что за лентяи эти москвичи! Ни дать ни взять, как наши малороссияне. Мне кажется, вам жены больше всего мешают. Ради Бога, не забывайте, что и кроме жен есть еще такие вещи на свете, о которых нужно подумать.[3] Печатаешь ли ты Демишеля, которого перевели твои студенты? Пожалуста, печатай скорее хоть новую историю, которую ты, как говоришь, составил. Я сам замышляю дернуть историю средних веков, тем более, что у меня такие роятся о ней мысли[4] … но я не раньше, как через год, приймусь писать[5].

Прощай, целую тебя пятьдесят пять раз.

Твой Г<оголь>.

[1] немецкого *вписано.*

[2] мимо наук, мимо нравов

[3] *Далее начато:* Что

[4] крупные мысли

[5] писать о ней

243. М. И. Гоголь

Ноября 6, вторник. <1834> С.-Петербург.

Письмо ваше я получил 2-го сего месяца. Очень благодарю вас за сообщение разных известий о вас и о наших знакомых. Очень жалею только, что вы не имеете теперь решительно никаких доходов. Может быть, если Бог поможет, после нового года я получу сколько-нибудь денег и, может быть, буду так счастлив, что сколько <-нибудь> облегчу вашу невозможность уплатить хотя самые нужные долги. Жалею, что добрый дедушка мой становится очень слаб. Поцелуйте его за меня и скажите, что я тоже желаю его видеть, а весною постараюсь быть[1] в Малороссию. Вы желаете знать, по какой части профессор я[2] в здешнем университете. Я читаю историю Средних веков. Вы до сих пор еще не охладели от страсти к чинам и думаете, что я непременно и чин должен получить выше. Ничуть не бывало, я всё тем же, чем и был, т. е. коллежским асессором и ничего более. Если бы я имел какую-нибудь существенную выгоду для себя в чине, я[3], верно бы, не упустил этим воспользоваться; я не так глуп, чтобы[4] пренебречь этим. Но мои обстоятельства и мое положение таково... Но мне нельзя этого растолковать вам. Мы можем не понять друг друга и будем только переводить напрасно бумагу. Оставим чины. Я вас люблю, люблю так, как редкую и примерную мать, — чего же вам более? Вы, верно, меня любите тоже до такой степени, что пощадите напоминанием о том, и в следующем письме, верно, уже не скажете ни слова об этой статье.

Целую ваши ручки и остаюсь любящим вас сыном.

Николай.

Целую крестников моих Николю и Ваню. Как приеду, привезу им по калачу.

С своей стороны я заранее готовлю в желудке место для помещения того пирожного, по поводу которого Мария Васильевна бегает на кухню.

[1] может быть буду

[2] чего я профессор

[3] *Далее начато:* не глупил <бы?>

[4] *Далее начато:* упустить

244. А. С. Пушкин — Н. В. Гоголю

<Между 15 октября и 9 ноября 1834. Санкт-Петербург>

Перечел с большим удовольствием; кажется, всё может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она, мне кажется, необходима[1] для полного эф<ф>екта вечерней мазурки. Авось Бог вынесет. С Богом!

А. П<ушкин>.

<*Адрес:*>

Н. В. Гоголю.

245. М. П. Погодину

Декабря 14 <1834>. СПб.

Я получил письмо твое от ноября 20. Об Герене я говорил тебе в шутку, между нами; но я его при всем том гораздо более уважаю, нежели многие, хотя он и не имеет так глубокого гения, чтобы стать на ряду с первоклассными мыслителями. И я бы от души рад был, если бы нам подавали побольше Геренов. Из них можно таскать обеими руками. С твоими мыслями я уже давно был согласен. И если ты думаешь, что я отсекаю народы от человечества, то ты не прав. Ты не гляди на мои исторические отрывки: они молоды, они давно писаны; не гляди также на статью О средних веках в Д<епартаментско>м журнале. Она сказана только так, чтобы сказать что-нибудь, и только раззадорит несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое. Я с каждым месяцем, с каждым днем вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь, у меня цель высшая. Я, может быть, еще мало опытен, я молод в мыслях, но[2] я буду когда-нибудь стар. Отчего же я через неделю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человек? Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художескую отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно

[1] *В подлиннике описка:* необходимо

[2] но клянусь

явится у меня вылитою[1] через год. — Хоть бы одно студентское существо понимало меня. Это народ бесцветный, как Петербург. Но в сторону всё это.

Ты спрашиваешь, что я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Все сочинения и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали. Между ними есть и исторические, известные уже и неизвестные. — Я прошу только тебя глядеть на них поснисходительнее. В них много есть молодого.

Я рад, что ты, наконец, принялся печатать. Только мне всё не верится. Ты мастер большой надувать. Пришли, пожалуста, лекции хоть в корректуре. Мне они очень нужны, тем более, что на меня взвалили теперь и древнюю историю, от которой я прежде было и руками и ногами, а теперь постановлен в такие обстоятельства, что должен принять поневоле после нового года. Такая беда! а у меня столько теперь дел, что некогда и подумать о ней.

Кланяйся от меня всем, да скажи журналистам, чтобы думали о том только, чтобы потолще книжки были и побольше было в них всякой пестроты. А в веленевой бумаге, ей-Богу, не знают толку наши читатели.

Ну, прощай. Принимаюсь опять за заботы и хлопоты. Пиши скорее, хоть немного, да скорее: страниц пять, а больше и не нужно.

Твой Гоголь.

246. М. И. Гоголь

1834. Декабря 15-го. СПб.

Вчера получил я письмо ваше, маминька. Очень рад, что вы здоровы. Только вы напрасно тужите о сделанных долгах. Что ж делать? Ведь не вы виноваты, виноваты тяжелые годы. Я почти никого не знаю, кто бы не наделал в продолжение их долгов. Жаль мне очень, что не могу так скоро сделать плана для иконостаса. Если бы вы согласились немного обождать, то я бы прислал вам. — Впрочем, вы сами виноваты: вы не прислали ни меры, [ни] величины его. Так нельзя сообразить; притом вам нужно бы было прислать рисунок прежнего, т. е. того, который хотели вы заказать. Для сметы это необходимо. Необходимо также знать число образов, длину и ширину их. По зимней дороге мне не можно быть к вам; притом я с делами здешними не раньше могу управиться, как к весне, стало быть, месяца два вы еще должны

[1] вылитою *вписано.*

подождать после февраля. Анете и Лизе еще далеко до большого класса. Я вам и прежде говорил, что полтора <года> должны потеряться, потому что они не были так приготовлены дома, чтобы через полтора года вступить в большой класс, или их нужно было везть маленькими, или приготовленными. Впрочем, это не мешает, если они пробудут еще, время не вовсе пропащее. Они более выучатся музыке и другим искусствам.

Но прощайте! Благодарю сестру за то, что не забывает меня, и обнимаю малюток ее. Завидую очень Павлу Осиповичу, что он разъезжает себе с места на место, между тем как я сижу байбак в своей норе.

Ваш сын Николай.

Комментарии

Об издании переписки Гоголя

Начало изданию гоголевских писем положил сам Гоголь книгой «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В помещенном здесь «Завещании» он писал: «...возлагаю... обязанность на друзей моих собрать все мои письма, писанные к кому-либо, начиная с конца 1844 года, и, сделавши из них строгий выбор только того, что может доставить какую-нибудь пользу душе, а все прочее, служащее для пустого развлеченья, отвергнувши, издать отдельною книгою». В VI пункте «Завещания» (содержащем распоряжения по делам семейственным), не включенном Гоголем в книгу и отправленном в письме к матери от 14 ноября (н. ст.) 1846 года, он обращался к родным: «Прошу как мать, так и сестер моих перечесть сызнова после моей смерти все мои письма к ним, писанные в последние три года, особенно не исключая тех, которые, по-видимому, относятся к одному хозяйству: многое поймется по смерти моей лучше». По свидетельству Г. П. Данилевского, в конце жизни Гоголь намеревался дополнить «Переписку с друзьями»: «...там будут помещены письма к близким и родным, изданные и неизданные...» «Но это уже, — прибавлял Гоголь, — разумеется, явится... после моей смерти» (Гоголь в воспоминаниях современников. Б. м., 1952. С. 439). Ср. слова св. апостола Павла: «...где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя...» (Евр. 9, 16). Посмертная публикация писем должна была, вероятно, по замыслу Гоголя, открыть их настоящее значение для современников. 15 июня (н. ст.) 1844 года он говорил матери: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора».

В год смерти Гоголя С. Т. Аксаков писал: «...Гоголь сжег Мертвые Души... Вот страшные слова! Безотрадна грусть, что Гоголь не досказал своего слова, что погиб плод десятилетних вдохновенных трудов... Я обращаюсь к статьям Гоголя, получившим теперь настоящий смысл, к его предисловию и завещанию, напечатанным в книге: “Выбранные места из переписки с друзьями”... Поразили меня эти две статьи... Вся беда заключалась в том, что они рано были напечатаны... Смерть все изменила, все поправила, всему указала настоящее значение» (*С. А<ксаков>*. Письмо к друзьям Гоголя // Московские Ведомости. 1852. 13 марта. № 32. С. 328).

Сравнительно с другими классиками русской литературы — Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским, Л. Толстым, Чеховым и др. — Гоголь наименее изучен. Это следует сказать практически о всех сферах его жизни и творчества, в том числе об эпистолярном наследии. Впервые в полном объеме помещаемая в т. 10–15 наст. изд. переписка Гоголя представляет собой уникальный фактический материал для создания научной биографии писателя, служит новым

стимулом для понимания мотивов его художественного творчества. По словам С. Т. Аксакова, «Гоголь выражается совершенно в своих письмах; в этом отношении они гораздо важнее его печатных сочинений» (*Аксаков С. Т.* Несколько слов о биографии Гоголя // Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 606).

Публикация гоголевских писем началась в 1850-х годах с работ первого биографа Гоголя П. А. Кулиша. Немаловажной причиной, оказавшей существенное влияние на характер созданной им гоголевской биографии, явилось то обстоятельство, что издание сочинений писателя, готовившееся самим Гоголем в 1851—1852 годах и прерванное его смертью, было, таким образом, приостановлено вплоть до 1855 года, то есть до восшествия на престол Императора Александра II. Задержка с печатанием сочинений Гоголя навела Кулиша на мысль использовать неопубликованные материалы и переписку Гоголя в своей книге. Этим объясняется, почему в составленную им биографию включено большое число гоголевских писем, что отразилось в названиях книг Кулиша, посвященных Гоголю: «Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем» (СПб., 1854) и «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем» (СПб., 1856. Т. 1–2). Впоследствии, приступая к работе над изданием сочинений Гоголя, Кулиш даже «встретил довольно серьезное практическое затруднение: надо было до напечатания писем Гоголя, долженствовавших войти в последние томы издания, позаботиться о распродаже "Записок...", так как последние должны были с появлением его отчасти потерять в своей ценности...» (*Шенрок В. И.* П. А. Кулиш. Биографический очерк. Киев, 1901. С. 124). Всего в «Записках...» Кулиша напечатано 285 писем Гоголя (описание см.: *Б<асисто>в П. Е.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя... Статья вторая // Отечественные Записки. 1856. Отд. 2. № 11. С. 46–52). Два года спустя, в 1858 году, после смерти художника А. А. Иванова, к опубликованным в «Записках...» гоголевским письмам Кулиш добавил еще несколько посланий из переписки Гоголя с Ивановым (см.: *Кулиш П.* Переписка Н. В. Гоголя с А. А. Ивановым. (Посвящается Ф. И. Иордану) // Современник. 1858. № 11). (Подробнее об издании Кулишом писем Гоголя см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003.) Кроме того, до издания «Записок...» Кулиша, в октябре 1855 года, около тридцати гоголевских писем опубликовал М. П. Погодин в «Москвитянине».

В собрание сочинений Гоголя письма впервые были включены П. А. Кулишом в изд.: Сочинения и письма *Н. В. Гоголя.* СПб., 1857. Т. 5, 6. В заметке «От издателя», которой открывался пятый том, говорилось: «Считаю долгом сказать, что издаваемое мною собрание писем Гоголя, при всей своей обширности, не может назваться

полным. Некоторые письма погибли невозвратно; других издатель не имел возможности собрать; многие из собранных печатать еще рано; наконец, значительная часть писем напечатана с пропусками и сокращениями. Этого, между прочим, требовала часто самая скромность корреспондентов Гоголя, не позволявшая обнаруживать перед светом душевных достоинств, которыми он восхищался, и разных семейных отношений, в которые вникал он по своему всестороннему сочувствию». Кулиш не только собрал и напечатал известные тогда письма Гоголя, но и датировал их (часто неверно), что по сей день представляет одну из сложнейших проблем гоголеведения. Издание писем в составе собраний сочинений Гоголя долгое время больше не повторялось, между тем в печати появлялись новые письма Гоголя. См.: *Некрасова Е. С.* Н. В. Гоголь. Его отношения к графу А. П. Толстому. Письма Н. В. Гоголя к графу А. П. Толстому // В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного. М., 1891; *Петухов Е. В.* Письма Н. В. Гоголя к Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). 2-е изд. Киев, 1895; и др.

После публикаций П. А. Кулиша самое большое (но далеко не полное) издание писем Гоголя предпринял В. И. Шенрок в изд.: Письма *Н. В. Гоголя.* СПб., <1901.> Т. 1–4. В «Предисловии», помещенном в первом томе, в частности, говорилось: «Настоящее издание, заключая в себе все до сих пор опубликованные письма Н. В. Гоголя, по своему объему почти вдвое больше прежнего... В него вошли некоторые нигде до сих пор не напечатанные письма... В видах достижения надлежащей исправности текста, мы поставили своей непременной задачей проверку всех писем по подлинникам. Нам удалось это выполнить, однако, не безусловно, хотя и в огромном большинстве случаев». Издание Шенрока, несмотря на ряд недостатков (неполнота, недочеты в текстах, хронологии и в комментариях), по сей день остается одним из важнейших источников для изучения жизни и творчества Гоголя.

Большое количество неизвестных ранее писем Гоголя было напечатано в изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования / Под ред. В. В. Гиппиуса. М.; Л., 1936. Т. 1. На сегодняшний день самый полный свод эпистолярного наследия Гоголя представлен в советском академическом издании 1937—1952 годов (т. 10–14). Несколько не включавшихся ранее в собрания сочинений писем Гоголя помещены в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М., 1994. Т. 9.

Особую проблему составляют письма к Гоголю. До настоящего издания ознакомиться с двусторонней гоголевской перепиской в полном объеме было затруднительно даже для специалиста. В Полном собрании сочинений Гоголя 1937—1952 годов помещены лишь письма самого писателя. Ответные письма его корреспондентов в большинстве своем напечатаны в малодоступных повременных изданиях; составить из разрозненных публикаций полную картину

эпистолярного общения Гоголя можно было лишь в результате кропотливой работы. Письма корреспондентов Гоголя также представляют собой важный материал к биографии писателя; нередко они проясняют содержание писем самого Гоголя.

Первоочередная заслуга в публикации писем к Гоголю принадлежит также П. А. Кулишу. Большое количество писем к Гоголю (около 150) напечатано в конце 1880 — начале 1890-х годов В. И. Шенроком. В 1890 году вышла в свет в полном объеме книга С. Т. Аксакова «История моего знакомства с Гоголем», также значительно пополнившая число напечатанных писем к Гоголю. Последующими крупными публикациями стали подборки писем к Гоголю в академических изданиях: в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования» (1936) и в 58-м томе «Литературного наследства» (1952). Предварительный итог публикаций был подведен в библиографическом указателе «Письма к Н. В. Гоголю. Библиография» (Сост. Л. П. Архипова, А. Н. Степанов; отв. ред. Н. А. Никифоровская. Л., 1965), где перечислены более 450 писем, включая литературные письма к Гоголю. Часть писем гоголевских адресатов оставались невостребованными в архивах. К настоящему времени известно еще более 80 писем, не указанных в этом издании. Из последних публикаций писем к Гоголю следует назвать: двухтомник «Переписка Н. В. Гоголя» (Сост. и коммент. А. Карпова и М. Виролайнен. М., 1988), статью Е. Н. Гусевой «Александр Иванов. Письма к Гоголю» (Советское искусствознание. М., 1990. Вып. 26), книгу «Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой» (Изд. подгот. И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М., 2001). Полное издание писем к Гоголю до настоящего времени не предпринималось.

Письма Гоголя печатаются, за исключением оговоренных случаев, по изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1940—1952. Т. 10–14.; с устранением особенностей советской орфографии, обусловленных идеологическими причинами. Использованы разыскания комментаторов писем Гоголя в этом издании. Датировка многих писем уточнена на основании биографических сведений, в том числе архивных материалов (в частности, в т. 11 наст. изд. новое место в хронологическом расположении получили более тридцати из 292 писем). В отдельных случаях текст заново сверен с автографами и первыми публикациями (указано в комментариях). Ответные письма адресатов Гоголя включаются в собрание сочинений Гоголя впервые. Письма гоголевских корреспондентов подготовлены к изданию И. А. Виноградовым; печатаются по автографам, первым публикациям и наиболее авторитетным изданиям (указывается в комментариях). Из них впервые публикуются несколько писем к Гоголю Д. К. Малиновского и ряд других.

Из состава переписки исключены два письма Гоголя литературного характера:

1) письмо к А. С. Пушкину от 25 мая 1836 года, опубликованное позднее Гоголем под заглавием «Отрывок из письма, писанного

автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» (см. в т. 4 наст. изд.);

2) послание к П. А. Плетневу, написанное в ноябре 1837 года и предназначавшееся для публикации в журнале (см.: <Письмо из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> в т. 7 наст. изд.).

Из писем к Гоголю исключены:

1) выписка Н. Д. Мизко «Историко-статистические сведения о раздаче земель в Южной России», приложенная к несохранившемуся письму Н. Д. Белозерского к Гоголю от марта 1840 года (см. в т. 8 наст. изд.);

2) три литературных письма-статьи Н. Ф. Павлова по поводу книги «Выбранные места из переписки с друзьями», опубликованных в 1847 году в газете «Московские Ведомости» (6, 29 марта, 17 апреля; перепечатаны в том же году в журнале «Современник», № 5, 8);

3) два литературных письма к Гоголю В. А. Жуковского: «О молитве» (конец 1847 года), «О поэте и современном его значении» (29 января 1848 года);

4) «Письмо к Н. В. Гоголю, по поводу предисловия ко второму изданию “Мертвых Душ”» А. Д. Галахова, напечатанное в № 2 «Отечественных Записок» за 1847 год;

5) «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» архимандрита Феодора (Бухарева) (СПб., 1861);

6) письмо-статья Д. К. Малиновского «О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя» (27 апреля 1850 года) (см.: Н. В. Гоголь и Православие. М.: К единству!, 2004).

Каждое письмо начинается указанием на время и место его издания. Если в подлиннике такого указания в начале нет, оно дается в редакционных (угловых) скобках. В тех же скобках даются слова и окончания слов, восстанавливаемые предположительно. Зачеркнутые слова приводятся в квадратных скобках или переносятся в подстрочные текстологические примечания, если смысл письма при этом не искажается.

Игорь Виноградов, Владимир Воропаев

Переписка 1820–1834

1. В. А. и М. И. Гоголям

В первой половине 1820 г. Гоголь живет в Полтаве, готовясь к поступлению во второй класс Полтавской гимназии. О датировке трех писем Гоголя из Полтавы этого периода (№ 1–3) см.: *Жаркевич Н. М.* К вопросу о полтавском периоде биографии Н. Гоголя и о датировке его полтавских писем // Література та культура Полісся. Вип. 9. Ніжин, 1997. С. 13–19. Менее убедительна датировка первых двух писем Гоголя из Полтавы, предложенная Ю. В. Манном: письмо № 1 — «ближе к весне 1821 г.», письмо № 2 — конец 1820 — начало 1821 г. (см.: *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809—1845. М., 2004. С. 352). См. ниже коммент. к строкам письма — *Ваканции быстро приближаются.*

В первой половине 1818 г. отец Гоголя, Василий Афанасьевич, в связи с предполагаемым обучением сыновей обратился к Д. П. Трощинскому с письменным прошением предоставить ему «приличную должность в Киеве или Полтаве» (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — *РГБ*). Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 87. Л. 17–17 об.; опубл., с пропусками и ошибками: *Шенрок В. И.* Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Февраль. С. 392; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 378).

3 августа 1818 г. Гоголь вместе с 8-летним братом Иваном был отдан в высшее отделение первого класса Полтавского уездного училища. Спустя много лет, в 1852 г., мать Гоголя, Мария Ивановна, сообщала С. П. Шевыреву о своем покойном сыне: «8-ми лет <следует: 9-ти лет> в Полтаву к учителю гимназии, для приготовл<ения> к лицею <следует: к Полтавской гимназии>. — До 10-ти л<ет> <следует: до 11-ти> в Полтаве...» (*Виноградов И. А.* Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери // Acta Philologica. Филологические записки. М., 2007. Вып. 1. С. 347). Сохранилась «Ведомость об учениках Полтавского уездного училища за 1819 год», где приведена следующая характеристика Гоголя: «Способности — туп, прилежание — слаб, поведение — резв» (Найдены автографы Гоголя // Правда. 1934. 11 ноября. № 310. С. 6). После сдачи экзамена за первый класс, состоявшегося в Полтавском училище 30 июня 1819 г., Гоголь вместе с братом отправились на каникулы домой. На этих летних каникулах помощь Гоголю в занятиях оказывал, по-видимому, один из родственников Д. П. и А. А. Трощинских, студент Харьковского университета Илларион Иванович Трощинский. 6 мая 1819 г. он писал Василию Афанасьевичу из Харькова: «А милому Никоше и Ване прошу сказать, что по приезде моем мы будем приятно заниматься разными книгами, а особливо теми, которые они выучили...» (*Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь.

Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 353). В июле—августе 1819 г. брат Гоголя Иван умер. Осенью 1852 г. Мария Ивановна в письме к П. А. Кулишу указывала: «...семи лет поручили его учителю семинаристу с 6-летним братом его Иваном, который рос с ним, потом отдали их в Полтаву к учителю, и когда брали домой, то меньший мой сын заболел, и доктора не могли его спасти, и умер 9-ти лет, а Николай остался 10-ти лет. Его поразительно удивило несчастное то событие и оставило надолго мрачное расположение в его характере» (Там же. С. 351). Лето и осень 1819 г. — и, судя по всему, всю зиму 1819/20 г. — Гоголь жил в Васильевке, часто навещая могилу умершего брата. По-видимому, решено было не продолжать его обучение в Полтавском училище (во втором классе, куда он перешел), а готовить частным образом для поступления сразу во второй класс Полтавской гимназии. А. С. Данилевский вспоминал: «В 1818 г. я поступил в Полтавскую гимназию и здесь встретился с Гоголем... Вместе с ним мы пробыли года два. Он жил у учителя Спасского с братом» (*Шенрок В. И.* Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Январь. С. 134). (Речь, по-видимому, идет об учителе естественной истории Полтавской гимназии Михаиле Исааковиче Спас<с>ком (ум. 1824); см.: *Манн Ю. В.* Гоголь. С. 45.) По словам П. А. Кулиша, Гоголь «готовился к поступлению в Гимназию в Полтаве, на дому у одного учителя гимназии, вместе с младшим своим братом Иваном. Но когда их взяли домой на каникулы и младший брат умер (9-ти лет от роду), Николай Васильевич (будучи старше его годом) оставался некоторое время дома. Между тем тогдашний черниговский губернский прокурор Бажанов уведомил Гоголева отца об открытии в Нежине Гимназии Высших Наук Князя Безбородко и советовал ему поместить сына в находящийся при этой гимназии пансион, что и было сделано в мае месяце 1821 года» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 1. С. 16).

Учреждение «Гимназии *вышних* наук» в Нежине (так она называлась от своего основания до апреля 1824 г.) состоялось 19 апреля 1820 г. В Нежинскую гимназию Гоголь поступил, пробыв еще некоторое время в Полтаве, куда вернулся после кончины брата. Здесь, возможно, с весны 1820 г. по июль этого года он готовился к поступлению во второй класс Полтавской гимназии, изучая «в науках то, что в первом классе гимназии» (см. его письмо к Т. С. Гоголь-Яновской от июля 1820 г. — письмо № 2). Сразу по возвращении в Полтаву он, возможно, некоторое время жил по-прежнему на квартире М. И. Спасского (который мог осуществлять лишь подготовку Гоголя к поступлению в Полтавскую гимназию), а с августа 1820 г. поступил на квартиру к новому учителю — Гавриилу Максимовичу Сорочинскому, который, возможно, еще в июне, или даже ранее, взял на себя подготовку Гоголя к поступлению и руководил впоследствии его обучением в Полтавской гимназии. В этой гимназии Гоголь проучился, по-видимому, лишь первое полугодие

1820/21 учебного года. В начале января 1821 г. отец Гоголя уже обратился к директору Нежинской гимназии В. К. Кукольнику с прошением о приеме в гимназию сына Николая. 1 мая 1821 г. Гоголь был условно зачислен во второе отделение (во второй класс) Нежинской гимназии, где учился до экзаменов, состоявшихся 21–28 июня 1821 г. По результатам экзаменов он был оставлен во втором отделении на второй год и после месячных каникул приступил к учебе с начала августа 1821 г.

к стр. 7 *Папинька* — Гоголь-Яновский Василий Афанасьевич (1777 — 31 марта 1825), отец Н. В. Гоголя. По некоторым сведениям, с отроческих лет числился в военной службе: до 1787 г. — в чине значкового товарища; 27 ноября 1787 г. пожалован в корнеты; после 1788 г. «переименован гражданским чином» и поступил на службу в малороссийский почтамт. Учился в Полтавской духовной семинарии (1792—1796) и, вероятно, в Киевской духовной академии. В 1797 г. его отец, Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский, обратился к Д. П. Трощинскому с просьбой записать сына в гвардию, однако кончина Императрицы Екатерины II (6 ноября 1796 г.) помешала этому намерению. Один из знакомых А. Д. Гоголя-Яновского, Врончевский, отвечал ему из Петербурга: «Письмо ваше по приезде моем сюда, немедленно вручил Дмитрию Прокофьевичу, и его превосходительство охотно был расположен удовлетворить просьбе вашей, но последовавшее по случаю кончины Государыни Императрицы совершенно новое преобразование гвардии пресекло к тому всякие способы и всякую возможность... Буде, кто вновь хочет записаться в гвардию, тот должен служить на лицо первоначально солдатом и постепенно происходить чинами» (*Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 659). «После неудачной попытки пустить сына по военной службе, Афанасий Демьянович остановился на штатской. Сначала он рассчитывал послать сына в пансион при Московском университете. Он уже запасся рекомендациями к влиятельным лицам в Москве, но почему-то дело расстроилось. Попробовал он было отослать его в Чернигов для службы под руководством своего приятеля Павла Коропчевского, но и здесь ничего не вышло» (Там же.). Будучи «находящимся при малороссийском почтамте по делам сверх комплекта», Василий Афанасьевич в 1799 г. был произведен из губернских секретарей в титулярные советники и числился в этом чине до выхода в отставку 22 декабря 1805 г.; при выходе в отставку получил чин коллежского асессора (см.: *Лазаревский А. М.* Очерки малороссийских фамилий // Русский Архив. 1875. № 3. С. 452; Сведения о службе В. А. Гоголя // *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 377; *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 657–660).

В. А. Чаговец, однако, отрицал сведения о том, что отец Гоголя с отроческих лет числился в военной службе и был пожалован в корнеты: «Семейная жизнь их <родителей Василия Афанасьевича>...

сосредоточивалась на воспитании их сына “Васюты”... явившегося на свет после многих лет бездетной супружеской жизни. Отец старался дать ему возможно лучшее образование и воспитание, поэтому сначала отдал его в Полтаву, а затем в Киев... В 1797 г. Аф<анасий> Д<емьянович> думал, по старинному дворянскому обычаю, записать своего Васюту в гвардию с тем, чтобы он выслуживал чины и жил дома, но получил уведомление от г. Врончевского, что теперь пошли новые порядки и приобретать чины таким образом уже нельзя... (Это сообщение... находится в противоречии с утверждением г. Шенрока. Но мы во всем основываемся на имеющихся у нас под руками источниках, которые в скором времени будут опубликованы в печати. — Примеч. В. А. Чаговца. Упомянутые источники не были опубликованы. — *И. В., В. В.*) Думали послать В<асилия> А<фанасьевича> в Московский университет, хлопотали через Д. П. Трощинского, но и это не удалось; пришлось заботы об образовании оставить в покое и совершенно изменить служебную карьеру В<асилия> Аф<анасьевича>. Вместо блестящей военной службы пришлось избрать гражданскую службу в малороссийском почтамте, в которой, впрочем, В<асилий> А<фанасьевич> состоял недолго и, по выходе в отставку, стал жить в деревне» (*Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902. Отд. 3. С. 29–30).

Дальнейшая служебная деятельность В. А. Гоголя-Яновского связана с его работой в должности секретаря Д. П. Трощинского в период его первой отставки. (О Д. П. Трощинском см. коммент. к письму № 9.) Во время пребывания на родине в 1806—1814 гг. Д. П. Трощинский был избран губернским маршалом полтавского дворянства, и отец Гоголя, будучи секретарем Трощинского, принимал в 1807 и 1812 гг. «участие в заботах о всеобщем земском ополчении и... как дворянин, известный честностью, заведовал собранными для ополчения суммами. Некоторое время он исправлял даже должность маршала» (*Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 660). «...Он состоял на службе у Д. П. Трощинского, заведуя всей хозяйственной частью по его имениям, а также всеми денежными средствами дворянской кассы и канцелярии Трощинского, бывшего в то время (по 1814 г.) губернским Полтавским маршалом» (*Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 29–30).

Василий Афанасьевич был также литературно одарен, писал стихи и комедии, ставившиеся в домашнем театре Трощинского в Кибинцах; задавал и своим сыновьям — Николаю и Ивану — темы для стихотворных импровизаций (см.: *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // Соч. СПб., 1901. Т. 14. С. 121). 3 апреля 1829 г. Гоголь обращался к матери: «Еще прошу вас выслать мне две папинькины малороссийские комедии: Овца-Собака и Романа с Параскою. Здесь так занимает всех всё малороссийское, что я постараюсь попробовать,

нельзя ли одну из их поставить на здешний театр». В 1856 г. П. А. Кулиш пересказал содержание одной из этих комедий — «Овца-Собака», или «Собака-Вивця» (см.: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Т. 1. С. 11). Позднее П. А. Кулиш опубликовал и вторую комедию Гоголя-отца: *Гоголь В. А.* Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом // Основа. 1862. № 2. Содержание пьесы В. А. Гоголя-Яновского перекликается с «малороссийской оперой» И. П. Котляревского «Москаль-Чаривник». При этом, в отличие от комедии Котляревского, произведение Василия Афанасьевича изобилует церковной лексикой. 10 октября 1839 г. Гоголь обещал И. И. Срезневскому «держать корректуру» второй книги «Украинского Сборника» (вышел в 1841 г.), где была опубликована опера Котляревского (см.: Живая Старина. 1892. Вып. 1. С. 71). Об общем западном источнике комедии Гоголя-отца и «Москаля-Чаривника» Котляревского см.: *Дашкевич Н. П.* Вопрос о литературном источнике украинской оперы И. П. Котляревского «Москаль-Чаривник» // Киевская Старина. 1893. № 10–12. С. 451–481. Сохранился также отрывок еще одной не дошедшей до нас комедии Гоголя-отца (см: *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 324). Кроме того, известны фрагменты нескольких стихотворений Гоголя-отца. Сохранился также черновик официального обращения В. А. Гоголя-Яновского к Д. П. Трощинскому, относящийся, по-видимому, к 1814—1818 гг. Из послания явствует, что проблема «мертвых душ», то есть отсутствующих, но числящихся в имении по ревизским сказкам крепостных крестьян, занимала и Василия Афанасьевича. Впоследствии его черновое письмо к Трощинскому, сохраненное матерью Гоголя Марией Ивановной, могло быть прочитано Гоголем (хранится: *РГБ.* Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 87. Л. 16 об. — 16; опубликовано, с ошибками и пропусками: *Шенрок В. И.* Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Февраль. С. 393; см. также: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 379). Смерть отца, последовавшая спустя четыре года после поступления Гоголя в Нежинскую гимназию, была большой для него утратой.

Маминька — Гоголь-Яновская (рожд. Косяровская, 1791 — 31 марта 1868) Мария Ивановна, мать Н. В. Гоголя. Родилась в семье И. М. Косяровского и М. И. Косяровской (рожд. Шостак). С полуторамесячного возраста воспитывалась в доме тетки А. М. Трощинской (рожд. Косяровской) в с. Яресковки Полтавской губернии. В 1805 г. вышла замуж за В. А. Гоголя-Яновского и переехала в имение Гоголей Васильевку. Родила двенадцать детей. «Сообщаем их имена: Николай, Андрей, Дмитрий, Иван (из них последние трое умерли в раннем детстве), и дочери — Мария, Анна, еще Анна, Елизавета, Татьяна и Ольга. Двое же <сыновей> родились мертвыми» (*Чаговец В. А.* Примечания // Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни). Киев, 1909. С. 63). Первые роды, оказавшиеся неудачными, относятся к осени — концу 1806 г.; вторые, тоже неудачные, — к периоду

после осени 1807 до осени 1808 г. Гоголь Николай Васильевич (19 марта 1809 — 21 февраля 1852) стал первым ребенком, оставшимся в живых; за ним родились: Гоголь Иван Васильевич (1810 — июль—август 1819); Гоголь Мария Васильевна (в замужестве Трушковская, 1811—1844); Гоголь Димитрий Васильевич (1812—1813); Гоголь Анна Васильевна (1817—1820); Гоголь Андрей Васильевич (ок. 1818—1819 — умер на втором году жизни); Гоголь Анна Васильевна (другая) (27 апреля 1821 — 1893); Гоголь Елисавета Васильевна (в замужестве Быкова, начало 1824 — 1864); Гоголь Татьяна Васильевна (конец 1824 — после 1 июля 1825); Гоголь Ольга Васильевна (в замужестве Головня, 19 марта 1825 — 5 декабря 1907).

Ваканции быстро приближаются. — *Ваканции* (*укр.*; от лат. vacatio — освобождение) — каникулы. Речь может идти только о летних каникулах 1820 г., так как перед каникулами 1819 г. Гоголь учился в Полтавском поветовом училище вместе с братом, а перед каникулами 1821 г. Гоголь уже числился во втором отделении Гимназии высших наук в Нежине и потому никак не мог писать о том, что стремится «поспеть с честью во второй клас<с>» (во втором классе он был оставлен на второй год после экзаменов 21–28 июня 1821 г.). Вряд ли можно стремиться «с честью» остаться в том же классе на второй год. Если считать письмо Гоголя написанным «ближе к весне 1821 г.» (как ошибочно полагает Ю. В. Манн; см. выше), то в таком случае Гоголь должен был стремиться «поспеть» не во второй, а в третий класс. Если же предположить, что письмо написано незадолго до условного зачисления Гоголя 1 мая 1821 г. во второй класс Нежинской гимназии, то в таком случае до каникул оставалось бы еще более двух месяцев, и в таком случае говорить об их «приближении» было бы преждевременно.

2. Т. С. Гоголь-Яновской

О датировке письма см. коммент. к письму № 1.

Бабушка — *Татьяна Семеновна* Гоголь-Яновская (рожд. Лизогуб, после 1750 — ок. 1827), дочь бунчукового товарища Семена Семеновича Лизогуба, который был родным внуком гетмана Ивана Ильича Скоропадского, родственником Павла Леонтьевича Полуботка, потомком генерального обозного Якова Лизогуба и зятем (с 1742) переяславского полковника «войска Запорожского» (с 1726—1728) Василия Михайловича Танского (ок. 1678—1763).

В семейном архиве Гоголей хранились жалованная грамота Петра I «полковнику над волохами» (над румынами) В. М. Танскому на с. Озеряны 1718 г. (награда за воинские доблести в Шведскую кампанию), а также универсал гетмана Скоропадского ему же и на то же имение 1715 г. (опубл.: *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 41–42; см. также: *Лазаревский А. М.* Очерки малороссийских фамилий // Русский Архив. 1875. № 3. С. 452). В 1722 г.

В. М. Танский получил также во владение большое поместье Мурафа. В 1731 г. за притеснения казаков он был арестован и в 1734 г. сослан в Сибирь, где находился до 1742 г. Помимо прочего, выяснилось, что с. Озеряны, на которое Танский получил жалованную грамоту, принадлежало ранее М. В. Забеле, о чем Танский, добиваясь в 1715 г. этого поместья, намеренно умолчал. В 1741 г. сын М. В. Забелы Захария подал прошение на Высочайшее имя, по которому в 1749 г. вернул имение обратно. В декабре 1741 г. В. М. Танский был прощен и в июле 1742 г., после кратковременного пребывания в Петербурге, вернулся в Малороссию; переяславское полковничество ему было возвращено; позднее, взамен Озерян, по ходатайству С. С. Лизогуба, графом К. Г. Разумовским ему были выделены новые земли — в местечках Яготин и Бубнов, в деревне Решётках и селе Калаберда (Колиберда). Документы о полковнике Танском хранились в фамильном гоголевском архиве и должны были быть известны Гоголю. «Можно быть уверену, что при составлении истории Малороссии этот материал не был обойден поэтом...» (*Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 7).

История женитьбы А. Д. Гоголя-Яновского (в ту пору войскового канцеляриста, домашнего учителя в доме С. С. Лизогуба) и Т. С. Лизогуб около 1768—1769 гг. нашла отражение в повести Гоголя «Старосветские помещики»: «...он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него...». Бегство Татьяны Семеновны из родного дома объяснялось отчасти тяжелым характером матери. По словам ее отца С. С. Лизогуба, она «росла при матери в горе, як при мачухе». («Мать ее, — пояснял В. А. Чаговец, — урожд<енная> Танская, отличалась тяжелым, своевольным и вздорным характером») (Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни. Киев, 1909. С. 69). Эти черты Анна Васильевна Лизогуб, очевидно, унаследовала от своей матери «полковницы» Анны Танской, которая заведовала «преимущественно» делами по управлению имениями своего мужа. «...После ссылки мужа... она не изменила своей системы и так же энергично отстаивала свои интересы без мужа, как и при нем. Как и раньше, она безучастно относилась к народу, не позволяла выгонять скот на пастбище или высылала в поле целую команду “волох и другого звания людей”, которые с дубьем и ружьями прогоняли работавших крестьян с их дедовских земель, якобы принадлежавших ныне Танским... Из дел видно, что в этих схватках вооруженных волохов с крестьянами, из последних некоторые бывали убиты... Караулы, расставленные на границах полей и в степи “по разным могилам”, сообщали мирным полям какой-то чуждый характер и внушали страх и трепет среди крестьян...» (*Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 15). В отличие от жены, отец Татьяны Семеновны, С. С. Лизогуб, отличался глубокой религиозностью, которую унаследовала его дочь.

После бегства Татьяны Семеновны «гнев отца быстро прошел, и молодые беглецы получили в приданое сельцо Купчик, впоследствии переименованное в Васильевку, Яновщину тож» (*Чаговец В. А.* Примечания // Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни). Киев, 1909. С. 69). (Село Купчик, или хутор Купчин, на реке Голтве, называвшийся позднее от фамилии А. Д. Гоголя-*Яновского* — Яновщиной, и от имени отца Гоголя *Василия* — Васильевкой, входил в состав имения Мурафа, но был получен В. М. Танским не в 1722 г., а ранее, в качестве приданого жены.) По другим сведениям, С. С. Лизогуб передал «хутор Татьяне Яновской и внуку Василию» в 1781 г. (название хутора не указано) (см.: *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 657). Ср.: «По другому варианту, записанному сестрою поэта <О. В. Головней>, они… долгое время жили в нужде, пока не получили прощения родителей» (*Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива). С. 25); «…родители рассердились: ничего ей не дали, а где они жили и как — не расспрашивали. Потом братья ее подарили ей Васильевку…» (Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни). Киев, 1909. С. 36). «По ведомости о населении Малороссии в 1780 г., составленной при разделении последней на три наместничества, в сотне Шишацкой, Миргородского полка показан “*Хутор Купчинский бунч<укового> товар<ища> Лизогуба*”, а в нем 16 двор. с 16-ю хатами. Отсюда видно, что женин “посаг” Афанасий Г<оголь> получил гораздо позже женитьбы» (*Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя. С. 12).

20 июня 1825 г. Татьяна Семеновна, будучи владелицей Васильевки (стоимость которой составляла тогда 60 тысяч рублей), в присутствии Д. П. Трощинского, завещала своему шестнадцатилетнему внуку Н. В. Гоголю, «преимущественно» пред его сестрами — Марией, Анной, Елисаветой, Татьяной и Ольгой — половину всего имения и «сверх того новый дом, к нему принадлежащий сад и лес, называемый Яворивщина». Мать Гоголя по этому завещанию пожизненно назначалась «единственною и безотчетною» опекуншею над имением своих детей. 1 июля 1825 г. это завещание было заверено в Миргородском уездном суде (опубл.: *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 43–44). 15 декабря 1827 г. Гоголь, в частности, писал матери из Нежина: «Продайте тот лес большой, который мне назначен. Деньгами, вырученными за него, можно не только сделать вспоможение мне, но и сестре моей Машиньке». В начале января 1828 г. он вновь обращался к матери: «Приспели гораздо большие трудности… Необходимо нуж<ные пособия к> уразумению языков достать теперь <*край письма оторван*> Я просил… 60 рублей… Я умолял вас несчет<ное число раз>… <К чему со>хранять… <м>не такое имение… <Нужно ста>раться сбыть некоторые… <нену>жные земли и даже продать». Перед отъездом в Петербург Гоголь 8 сентября 1828 г. писал двоюродному дяде

Петру П. Косяровскому: «...приезжайте в Васильевку, будьте Ангел-утешитель нашей матери... Я с своей стороны... для обеспечения ее состояния отказываюсь от своего наследия и теперь занимаюсь составлением дарственной записи, по которой часть имения, принадлежащего по завещанию мне, с домом, садом, лесом и прудами, оставляется матери моей в вечное владение». В 1829 г. Гоголь отказался от своей части имения в пользу матери, выслав ей 24 июля соответствующую доверенность, подписанную в Санкт-Петербургской палате гражданского суда (опубл.: *Щеголев П. Е.* К биографии Н. В. Гоголя // Литературный Вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 60).

Учитель мною доволен. — Речь в данном случае идет либо о М. И. Спасском, либо о Г. М. Сорочинском (см. коммент. к письму № 1).

Гапа — Агафья Семеновна Власенкова, крепостная крестьянка из Васильевки, няня Гоголя и его сестер.

...и сестриц моих. — Под *сестрицами* в данном письме Гоголь подразумевает девятилетнюю Марию и трехлетнюю Анну (первую) (умерла в том же 1820 г.) (см. коммент. к письму № 1).

3. В. А. и М. И. Гоголям

О датировке письма см. коммент. к письму № 1.

к стр. 8 *Иван Алексеевич* — полтавский прокурор Горбовский, приятель отца Гоголя, который помогал Горбовскому в покупке земель. В имении Горбовского в Переяславском уезде, в двухстах верстах от Васильевки, жила во второй половине 1830-х гг. сестра Гоголя, Ольга Васильевна, обучаясь в течение двух лет с его дочерьми французскому языку и музыке.

Иван Дмитриевич — Тишевский, знакомый родителей Гоголя.

Гаврила Максимович — лицо неустановленное.

4. В. А. и М. И. Гоголям

Написано в период подготовки Гоголя к экзаменам для поступления в Гимназию высших наук кн. Безбородко, проходившим с 20 по 28 июня 1821 г. После экзаменов Гоголь был оставлен во 2-м отделении, куда ранее был условно зачислен с 1 мая 1821 г.

Егор Иванович — Зельднер, надзиратель и преподаватель немецкого языка в Гимназии высших наук (см. о нем коммент. к <Эпиграмме на Е. И. Зельднера> в т. 7 наст. изд.).

Федор Иванович Чекиев — инспектор, надзиратель, преподаватель русского языка в Гимназии высших наук в 1820—1822 гг. После смерти директора Кукольника (6 февраля 1821 г.) и до вступления в должность нового директора И. С. Орлая (1 ноября 1821 г.) был первым лицом в управлении гимназией.

5. В. А. и М. И. Гоголям

Письмо написано под наблюдением надзирателя Гимназии высших наук Е. И. Зельднера и не вполне отражает тогдашнего душевного состояния Гоголя (см. коммент. к письму № 6).

6. В. А. и М. И. Гоголям

1 мая 1821 г. Гоголь поступил в нежинскую Гимназию высших наук, учился здесь до конца июня и после небольших каникул был вторично привезен в Нежин в начале августа этого года. Гоголь отправил родителям одновременно два письма. Одно — составленное под наблюдением надзирателя гимназии Е. И. Зельднера (письмо № 5), другое (настоящее) — написанное самостоятельно. Письмо произвело в Васильевке переполох, Василий Афанасьевич даже занемог (см.: *Щеголев П. Е.* Исторические этюды. СПб., 1913. С. 86–91). Поняв, какую тревогу вызвал у родителей, Гоголь больше не писал таких писем, хотя «припадки» ему самому необъяснимой тоски, как писал он позднее в «Авторской исповеди» (1847), он, очевидно, испытывал и позднее. Ср., в частности, его письмо к матери от 1 марта 1828 г.

Симон (Семен) Стокоза (1775 — ?) — крепостной старик, повар, которого отец Гоголя определил в дядьки к своему сыну. Жил вместе с Гоголем в Нежине в 1821—1828 гг. к стр. 9

7. В. А. и М. И. Гоголям

Впервые напечатано в «Вестнике Европы». 1896. № 6. С. 728. Фотокопию письма см. в изд.: Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни) / Ред. и примеч. В. А. Чаговца. Киев, 1909. <Паг. 2>. Л. <2>. Печатается по автографу: Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее — *ГИМ*). Ф. 446. Ед. хр. 41.

8. В. А. и М. И. Гоголям

3 сентября 1821 г. М. И. Гоголь писала О. Д. Трощинской: «...возвратившийся из Нежина посланный несколько успокоил меня на счет моего Николеньки; он затосковал было, а теперь начал привыкать и сделался веселее...» (<*Ореус И. И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754—1829 // Русская Старина. 1882. № 6. С. 673).

9. В. А. и М. И. Гоголям

Доктор Орлай — директор нежинской Гимназии высших наук князя Безбородко в 1821—1826 гг., бывший лечащий врач Императора к стр. 11

Александра I, ученый с мировым именем Иван Семенович *Орлай* де Карва (1771—1829). Подробнее о нем см.: *Виноградов И.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. Вып. 2. Симферополь; Киев, 2005; *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1.

Кибенцы (Кибинцы) — село Миргородского уезда Полтавской губ., в одиннадцати километрах от уездного города. Главное имение Д. П. Трощинского, с домашним театром, с большой библиотекой (см.: Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трощинского. Киев, 1874), картинной галереей и т. д. Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754—1829), выпускник Киевской духовной академии, известный государственный деятель. Прадед Трощинского, Матвей Трощинский, «в царствование Петра Великого атаманствовал на Запорожье и погиб, благодаря своему близкому родству с Мазепой; заподозренный в сообщничестве с изменившим царю гетманом, он был схвачен и умер в заключении, а имение его конфисковано» (<*Ореус И. И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754—1829 // Русская Старина. 1882. № 6. С. 641). Внук М. Трощинского (отец Д. П. Трощинского), Прокофий Иванович, готовил всех своих четверых сыновей — Андрея, Ефима, Демьяна и Дмитрия (впоследствии министра) — на Запорожье, но к тому времени Сечь доживала свои последние дни (перед ее упразднением Екатериной II в 1775 г.), так что побывать на Запорожской Сечи довелось только старшему Андрею (Там же. С. 642). Поступлением в Киевскую академию Д. П. Трощинский был обязан своему дяде, архимандриту Киевского Пустынно-Николаевского монастыря Амфилохию (Леонтовичу, ум. 1799), с 1795 г. епископу Переяславскому и Бориспольскому («пребывание имеет в Переяславском Вознесенском монастыре»; Роспись чиновных особ в государстве. При начале сего 1796 года // Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., <1796.> С. 40). Д. П. Трощинский был дальним родственником Гоголей и их соседом по имению (старший брат Д. П. Трощинского Андрей Прокофьевич был женат на тетке матери Гоголя Анне Матвеевне (рожд. Косяровской, ум. 1833); у нее М. И. Гоголь воспитывалась). Выходил в отставку, по состоянию здоровья, дважды. Первая отставка — с поста министра уделов — последовала 9 июня 1806 г., вторая — с поста министра юстиции — 25 августа 1817 г. В своем поместье Кибинцах Миргородского уезда проживал с лета 1806 г. по лето 1814 г. (в то время был избран губернским маршалом полтавского дворянства) и с июня 1821 г. до кончины 26 февраля 1829 г. (см. письмо Д. П. Трощинского к Л. И. Голенищеву-Кутузову из Кибинец от 15 июня 1821 г.: *РНБ*. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 81; после второй отставки он «...не тотчас... уехал к себе в имение, а оставался в Петербурге еще около пяти лет»; <*Ореус И. И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754—1829 // Русская Старина. 1882. № 6. С. 649–650, 655–656).

Латинская граматика — Грамматика латинская с российским перекладом в пользу российского юношества, изданная Н. Бантышом-Каменским (М., 1779; впоследствии многократно переиздавалась).

Латинский Лексикон — Латинско-российский лексикон с полным объяснением всех свойств и значений каждого латинского слова... составленный Иваном Кронебергом. Ч. 1–2. СПб., 1819—1820.

Катихизис — вероятнее, одно из изданий «Краткого катехизиса ради обучения малолетних детей христианскому закону» митрополита Московского Платона; впервые издан в 1766 г.

Маф<е>матика Фусса в трех частях — Начальные основания чистой Математики Николая Фусса. Ч. 1–3. СПб., 1810—1812.

10. В. А. и М. И. Гоголям

Французские разговоры — Новые разговоры французские и российские, разделенные на 130 уроков, для употребления юношества и всем желающим учиться сим языкам, изданы Иоан. Фил. Вегелином. М., 1788 (последние изд. — М., 1819; СПб., 1821). к стр. 12

Немецкие разговоры — Новые разговоры немецкие и российские, разделенные на 130 уроков, для употребления юношества и всем начинающим учиться сим языкам, изданные Иоан. Фил. Вегелином. М., 1789 (6-е изд. — М., 1819).

Мармонтель, Жан Франсуа (1723—1799) — французский писатель, сотрудник «Энциклопедии». Гоголь просит прислать ему «Сказки нравоучительные г. Мармонтеля; перевел с франц. Павел фон-Визин» (Ч. 1–2. М., 1764; 2-е изд. — М., 1788. Ч. 1–3).

11. В. А. и М. И. Гоголям

Иван Семенович — Орлай.

12. В. А. и М. И. Гоголям

...нравственные примеры... — Вероятно, имеется в виду книга: «Примеры мудрости и добродетели, с наставлениями для детей». (Соч. Я. Феддерсена. 2 ч., перев. с нем. М., 1787) к стр. 13

13. В. А. и М. И. Гоголям

Ландражень (Ландражин) Иван Яковлевич (1794 — после 1855) — преподаватель французского языка и словесности в Гимназии высших наук в 1822—1830 гг. Согласно материалам следствия «дела о вольнодумстве», начатого в Нежине в 1826 г. (и завершенного в 1830-м), Ландражин был карточным игроком, и вместе с другим «прогрессивным» профессором, Ф. И. Зингером, они нередко «водили с собой по трактирам учеников, сколько-нибудь склонных к их образу мыслей» (*Машинский С. И.* Гоголь и «дело о вольнодумстве». М., 1959. С. 163). к стр. 14

...учиться греческому языку, которого профессор уже приехал. — Речь идет о младшем профессоре греческого языка Христофоре Николаевиче Иеропесе (1795—1855).

14. В. А. и М. И. Гоголям

...я опасно был болен. — Это сообщение вызвало тревогу в Васильевке. Был сделан запрос к Е. И. Зельднеру, на который тот 8 ноября 1822 г. отвечал В. А. Гоголю, что сын его был болен скарлатиной, но совершенно выздоровел.

Учитель танцования и музыки будет к нам в последних числах сего месяца... — Севрюгин Федор Емельянович (1784 — ?), учитель музыки, пения и танцев в Гимназии высших наук в 1822—1838 гг.

16. В. А. и М. И. Гоголям

к стр. 16 *Федька* — сапожник Федор, крепостной родителей Гоголя.

Живописец — вероятно, художник Капитон Степанович *Павлов* (1792—1852), учитель рисования в нежинской Гимназии высших наук в 1820—1835 гг., воспитанник петербургской Академии художеств, где провел 17 лет (с 1798 по 1815) и где был соучеником К. П. Брюллова.

Дедушка — Иван Матвеевич Косяровский, отец матери Гоголя. Служил в г. Орле и в Лохвице; выйдя в отставку, поселился на хуторе Ëресках близ Васильевки.

Бабушка — Марья Ильинична Косяровская (рожд. Шостак), вторая жена И. М. Косяровского.

19. А. С. Данилевскому <?>

Дошедшее до нас окончание письма содержит отрывок из идиллии Н. И. Гнедича «Рыбаки», печатавшейся в «Сыне Отечества» в 1822 г. (приводимый Гоголем журнальный текст имеет ряд разночтений с текстом идиллии в «Стихотворениях Н. Гнедича». СПб., 1832). Написано одному из школьных товарищей (возможно, А. С. Данилевскому), находившемуся тогда (вероятно, во время каникул) в Харькове. Местом написания могли быть Нежин, Васильевка или Кибинцы. Датируется 1822—1823 гг. на том основании, что Гоголь сообщает стихотворение своему другу как литературную новинку. Впоследствии идиллию Н. И. Гнедича «Рыбаки» Гоголь включил в список «примеров» «Учебной книги словесности для русского юношества» (1845).

20. В. А. и М. И. Гоголям

к стр. 19 *Бедность и благородство души* — комедия в трех действиях А. Коцебу (1761—1819), издана в Москве, в 1784 г.

Ненависть к людям и раскаяние — комедия в пяти действиях А. Коцебу (на рус. язык переведена в 1792).

Господин Богатонов, или Провинциал в столице — комедия М. Н. Загоскина в пяти действях; дана в первый раз в Петербурге 27 июня 1817 г.

Эдип в Афинах — трагедия в пяти действиях В. А. Озерова, в стихах (1808); была представлена нежинскими гимназистами на Масленице 1824 г. (Эдип — К. М. Базили, Антигона — А. С. Данилевский, Креон — Гоголь). По словам В. И. Любича-Романовича, «спектакль сошел хорошо, и Гоголя очень хвалили» (*Шевляков М.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // Исторический Вестник. 1892. Декабрь. С. 695).

Василий Васильевич Капнист (1757 — 28 октября 1823) —известный поэт и драматург, земляк и знакомый Гоголей, владелец с. Обуховки Миргородского уезда. В. В. Капнист скончался в Кибинцах, в гостях у Трощинского, похоронен в Обуховке.

Машиньку вы отдали в пансион или нет? — Старшая сестра Гоголя, Марья Васильевна (1811—1844), обучалась в пансионе бывшей начальницы Полтавского института для благородных девиц Арендт, матери лейб-медика Н. Ф. Арендта; пансион помещался в имении ее дочери, Н. Ф. Старицкой. к стр. 20

22. В. А. и М. И. Гоголям

...каникулы будут 20 июня. — Экзамены в Гимназии высших наук в 1824 г. происходили в присутствии почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко 16–19 июня. 22 июня состоялось освящение домовой церкви (до 1824 г. воспитанники ходили на богослужения в приходскую церковь, отстоявшую от гимназии на значительном расстоянии). Церковь была освящена во имя священномученика Александра, иерея Сидского в Памфилии (память совершается 15 марта ст. ст.), в память князя Александра Андреевича Безбородко (завещавшего основать гимназию в Нежине). Н. В. Кукольник, сын первого директора гимназии, вспоминал: «Постоянно, во все время управления Гимназией Ивана Семеновича Орлая граф <А. Г. Кушелев-Безбородко> не оставлял оказывать своему любимому заведению всевозможные пособия и покровительство. Наша гимназическая церковь благолепо украсилась богатою утварью, изящным иконостасом и ризницей. Богослужение открылось, при пении клира из учеников, согласием и музыкальной выправкой обращавшего на себя одобрительное внимание посетителей, дело разумевших...» (*Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 19). (Церковная утварь для ризницы, богослужебные книги и колокол были доставлены только осенью 1824 г.; см.: *Жаркевич Н. М., Кирилюк З. В., Якубина Ю. В.* Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820—1828) // Гоголеведческие студии. Вып. 8. Нежин, 2002. С. 69.) В журнале конференции гимназии было записано: «Сего 1824 года, июня 1 дня... прибыл из С.-Петербурга г. поч<етный> попечитель... 22 июня, по благословению епархиального епископа, его к стр. 21

сиятельство назначил посвятить предварительно к тому приуготовленную в гимназии церковь. К посвящению сего храма, кроме чиновников гимназии и обучающегося юношества, приглашены были воинские и гражданские чиновники, находящиеся в Нежине, равно поветовые помещики и родители воспитанников. Духовенство от всех церквей города, под ликоначальством <ликоначальник — начальник торжественного собрания, сонма, или лика> архимандрита Евгения, совершило чиноположение освящения храма, причем архимандритом было произнесено приличное слово как в возблагодарение и бессмертную память основателям сего знаменитого учебного заведения, так и соревнователю их, внуку, графу А. Г. Кушелеву-Безбородко. После Литургии, молебствия и многолетия духовенство крестным ходом шествовало в библиотечный зал, где, особо освятив воду, знаменовало крестом и кропило оною освященною водою как зал сей, так и прочие комнаты и классы с священным в шествии пением» (*Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820—1832 гг.). Киев, 1879. С. 93). Первыми старостами храма стали инспектор пансиона К. А. Моисеев (до декабря 1824 г.) и профессор российской словесности П. И. Никольский. Хором певчих, составившихся из пансионеров гимназии, заведовал учитель музыки, пения и танцев Ф. Е. Севрюгин.

...несколько книг из Кибинец. — В. А. Гоголь пользовался книгами из библиотеки Д. П. Трощинского в Кибинцах.

Псёл (Псіол) — река, на которой стояли Яreски, где у Гоголей был хутор.

Собрание образцовых сочинений в стихах, с портретами авторов в шести томах... — Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданное Обществом любителей отечественной словесности, в 12 частях, составлено А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским и А. Ф. Воейковым. СПб., 1815—1817; 2-е изд. — СПб., 1821—1824. Книга эта употреблялась в Нежинской гимназии как учебное пособие.

23. В. А. Гоголю и М. И. Гоголь

Письмо отправлено на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в день именин Марии Ивановны Гоголь.

к стр. 22 *Эдип* — трагедия В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (1804), ставилась в школьном театре, Гоголь играл роль Креона.

...про Пушкина поэму Онегина... — О «Евгении Онегине», отрывки из которого А. С. Пушкин впервые напечатал только в конце 1824 г. в «Северных Цветах на 1825 год», В. А. Гоголь мог узнать из сообщения, сделанного Ф. В. Булгариным в «Литературных Листках» (1824. № 4), где был процитирован отрывок из строфы XX первой главы (об Истоминой).

Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе — см. коммент. к письму № 22.

26. В. А. и М. И. Гоголям

Андрей Андреевич — Трощинский (1774—1852), сын А. П. и А. М. Трощинских, генерал-майор, командир одного из батальонов милиции, участвовавшего в 1807 г. в сражении при Фридланде. В декабре 1811 г. вышел по состоянию здоровья в отставку и занялся управлением обширных имений своего дяди Д. П. Трощинского; унаследовал их. Поддерживал тесные родственные отношения с Марией Ивановной и оказывал Гоголю материальную помощь. В Одессе в 1848 г. Гоголь виделся с А. А. Трощинским, а зимою 1850—1851 гг. жил там в его доме. к стр. 25

Ольга Димитриевна — Трощинская (рожд. Кудрявцева) (1804—1839), жена А. А. Трощинского.

27. В. А. и М. И. Гоголям

Сохранился протокол конференции Нежинской гимназии за март 1825 г., сообщающий о торжественном богослужении в первый храмовый праздник гимназии: «Сего 14-го числа Гимназия вышних наук Князя Безбородко на память Святого Священномученика Пресвитера Александра, иже в Пидне <следует: в Сиде>, по христианскому долгу, в первый раз совершая храмовый своея церкви праздник, праздновала вместе и день тезоименитства Почетного своего Попечителя Графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко, отправляя и память в Бозе почивающих предков его, высоких своих основателей, Князя Александра Андреевича Безбородко и Графа Ильи Андреевича Безбородко. Служение в церкви исправлял Архимандрит Нежинского второклассного Благовещенского Монастыря Евгений с двумя иеромонахами, с двумя иеродиаконами и с гимназическими певчими из пансионеров. Накануне праздника в 6 часов вечера было всенощное бдение, а в самый день оного совершаема была Божественная Литургия, пред началом коея отправляема была панихида о упокоении в Бозе почивающих основателей Гимназии... За окончанием Литургии произнесено было Архимандритом Евгением приличное празднику слово, особенно для воспитанников Гимназии назидательное и трогательное. Потом воспето было просительное и благодарственное молебствие Господу Богу, благодарственное — за основание в благонадежном цвете совершенств своих возникающего, доселе никогда здесь не бывавшего вертограда наук, просительное — о здравии и ниспослании всех благ по душе и сердцу тезоименитнику Почетному Попечителю Гимназии... При говорении слова отец Архимандрит и при восклицании многолетия все предстоявшие обращали взоры на портреты их сиятельств, основателей, нарочито в храме на приличном месте поставленные... По совершении в храме служения... пансионеры, в память столь вожделенного дня, имели нарочито приготовленный, не в пример обыкновенным, стол...» (*Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский Сборник. Киев, 1902. С. 343–344).

28. М. И. Гоголь

В. А. Гоголь-Яновский скончался 31 марта 1825 г. 28 марта этого года О. Д. Трощинская писала мужу А. А. Трощинскому из Кибинец в Киев: «Василий Афанасьевич возвратился из Лубен третьего дня, и в очень опасном положении. Он так иссох и переменился, что и узнать его нельзя. Голованев <в автографе: Голованем> его так залечил, как он сам уверяет, и в такое привел его расслабленное положение, что он не может теперь уже и говорить, и мы все находимся <в> страхе за него. Сам доктор не ручается за его жизнь» (*ИРЛИ.* Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 22а. Л. 73). 1 апреля О. Д. Трощинская извещала мужа: «Я тебе писала на прошедшей почте, что бедной наш Василий Аф<анасьеви>ч приехал из Лубен без всякой уже надежды, он был так слаб, что не мог уже говорить и на второй день Праздника <то есть 30 марта; Св. Пасха в 1825 г. отмечалась 29 марта> объявил мне желание видеть Марью Ивановну и проститься с нею, я же, узнавши, что она родила дочь Ольгу благополучно и находится, слава Богу, в хорошем состоянии, послала за нею вчера карету, он умер после обеда почти при мне, потому что я была у него беспрестанно, и он просил меня, чтоб я тотчас после его смерти отправила его в Яраски к Ивану М<атвееви>чу, а оттуда уже в их деревню, где он и препоручил себя похоронить возле церкви. Все его желания я, кажется, исполнила, и вчера же его вывезли отсюда в карете, а между тем я послала тотчас нарочного козака в Яновку с письмом к Анне Матвеевне (ибо она теперь там) и просила ее приготовить Марью Ивановну к этому несчастию» (*ИРЛИ.* Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 22а. Л. 74). 4 апреля 1825 г. О. Д. Трощинская писала мужу: «Василия Аф<анасьеви>ча вчера уже похоронили. Марья Ивановна, говорят, очень нездорова, да и немудрено, недавно родила, и такой ужасный удар... я бы поехала к ней, так Дядинька не пускает» (*ИРЛИ.* Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 22а. Л. 77). М. И. Гоголь пережила мужа на 43 года и умерла в тот же день, 31 марта, в первый день Св. Пасхи: «М<ария> И<вановна> скончалась, 76 лет, в 1868 году, в деревне Васильевке, в первый день Светлого праздника» (*Белозерская Н. А.* Мария Ивановна Гоголь. Биографический очерк // Русская Старина. 1887. № 3 (цензурное разрешение 16 февраля). С. 707).

к стр. 26 *...маленькие сестры...* — Написано вместо зачеркнутого: «...Машинька, Анинька, Лиза, Таня и наконец Олинька...». Сестры Гоголя: Мария Васильевна, Анна Васильевна, Елизавета Васильевна, Татьяна Васильевна, Ольга Васильевна (родилась незадолго до смерти отца, 19 марта 1825).

...бабушку... Анну Матвеевну... — Трощинскую.

к стр. 27 *Курс российской словесности* — книга А. С. Никольского «Основание российской словесности» (4-е изд. СПб., 1822).

30. М. И. Гоголь

Причиной неполучения писем от матери была неисправность почты.

31. М. И. Гоголь

Встревоженная неполучением писем от сына М. И. Гоголь обратилась с запросом о нем к П. А. Баранову. В данном письме Гоголь отвечает на этот запрос.

32. М. И. Гоголь

...прежние два письма... — Письма Гоголя к матери от 26 мая к стр. 31 и от 3 июня 1825 г.

33. М. И. Гоголь

Опыт о русском стихосложении, А. Востокова (СПб., 1812) — к стр. 32 книга служила в Нежинской гимназии пособием по словесности: от учеников требовалось не только знание теории поэзии, но и практическое уменье писать стихи.

35. М. И. Гоголь

Перед Зеленою неделею... — Так называемая Зеленая неделя, к стр. 34 или Троицкая седмица (Троицкие святки), начинается с дня Святого Духа (в 1825 г. приходился на 18 мая).

36. М. И. Гоголь

Егор Ильич г-н Бажанов — губернский прокурор в Чернигове, близкий знакомый Гоголей-Яновских; по его совету Гоголь был отдан в Нежинскую гимназию.

Профессор физики и химии — К. В. Шапалинский.

Димитрий Прокофьевич — Трощинский.

37. М. И. Гоголь

...почтение бабушке... — Т. С. Гоголь. к стр. 35

38. М. И. Гоголь

...г-н профессор... — К. В. Шапалинский.

40. М. И. Гоголь

...бегаю по музеум<ам>... — В пансионе Нежинской гимназии к стр. 36 были устроены так называемые «музеи» — помещения пансионеров, соответствовавшие первоначально числу отделений, а потом числу классов. С 1 ноября 1824 г. число музеев было ограничено тремя (см.: *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. С. 38).

...курится ли винокурня? — О винокурении в имении Гоголей к стр. 37 см. в сопроводит. статье к т. 1 наст. изд.

...Димитрия Прокофьевича... — Трощинского.

Бабушка — Т. С. Гоголь.

41. М. И. Гоголь

...поздравление меня с именинами... — В день празднования памяти святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца, 9 мая ст. ст.

Аврам — крепостной М. И. Гоголь, посланный ею с письмами и продуктами в Нежин.

42. М. И. Гоголь

к стр. 39 *Александра Федоровна* Тимченко — соседка Гоголей по имению. «Об этой Александре Федоровне Данилевский рассказывал нам, что Гоголь особенно любил ее за то, что она умела художественно изображать жида, когда он протягивается пробовать водку. Она наряжалась в жидовский костюм и говорила даже голосом жида, сохраняя все типичные жидовские приемы и ухватки... Александра Федоровна и сестра ее жили в версте от Васильевки; они так любили Марью Ивановну, что увольняли крестьян по повинности, когда она приезжала к ним. Но в 1848 г. Гоголь обошелся при встрече с нею сухо и неприветливо» (*Шенрок В. И.* Ученические годы Гоголя. Биографический очерк. 2-е изд., испр. и доп. М., 1898. С. 36).

45. М. И. Гоголь

к стр. 40 *...ежели нужно будет фасад и план...* — Постройка нового дома в Васильевке осуществилась только в 1830 г. (см. письмо Гоголя к матери от 2 февраля 1830 г.).

...я не застал здесь Орлая... — 1 августа 1826 г. И. С. Орлай был назначен директором Ришельевского лицея в Одессе.

46. М. И. Гоголь

к стр. 42 *...нынешнему нашему инспектору...* — Н. Г. Белоусову (1799—1854). Подробнее о нем см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004.

Варвара Петровна — Косяровская.

Дмитрий Проковьевич — Трощинский.

47. М. И. Гоголь

к стр. 43 *...ожидают графа...* — графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко (1800—1855), попечителя Гимназии высших наук кн. Безбородко.

...к самому господину Старицкому. — *Старицкий* — муж Н. Ф. Старицкой.

48. М. И. Гоголь

...рассказ... о пребывании у нас почетного гостя. — Д. П. Трощинского. к стр. 44

Агафия Матвеевна — Лукашевич (рожд. Косяровская), родная тетка М. И. Гоголь по отцу, сестра Анны Матвеевны Трощинской; овдовев, жила в ее имении Ялресках. После смерти А. М. Трощинской (1833) переехала жить в Васильевку.

49. М. И. Гоголь

...директора у нас нет. — Д. Е. Ясновский, утвержденный на должность директора Нежинской гимназии 22 января 1827 г., прибыл в Нежин только 5 октября. к стр. 45

51. Г. И. Высоцкому

Автограф был снабжен припиской Г. И. Высоцкого: «Получено от Николая Васильевича Гоголя сие письмо 9 февр<аля> 1827 г. в С.-Петербурге».

«Герасим Иванович Высоцкий <1804—?> жил в Переяславском уезде, Полтавской губернии еще в 60—70 годах, в своем поместье. Он был тучного сложения, любил поесть и часто разъезжал по соседям, среди которых пользовался славой большого насмешника и остряка; иногда свои шутки излагал и в стихах; между прочим, интересовался сочинениями по естественным наукам. Умер в начале 70-х годов. (Сообщено нам его соседями по поместью)» (*Владимиров П. В.* Из ученических лет Гоголя. Письмо Н. В. Гоголя 1827 г. к Г. И. Высоцкому и предполагаемый портрет Гоголя-студента (с четырьмя снимками и портретом). Киев, 1890. С. 10).

Лукашевич — Платон Акимович. к стр. 48

Барончик, Доримончик, фон-Фонтик, Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопцики — прозвища, данные Гоголем Михаилу Александровичу Риттеру. См. также коммент. к письму № 61 и к «Эпиграмме <на И. Г. Пащенко>» в т. 7 наст. изд. к стр. 49

Демиров-Мишковский — Иван Григорьевич, служил надзирателем в Гимназии высших наук с 1825 по 1826 г.

Батюшечка — протоиерей Павел Иванович Волынский, утвержден в звании законоучителя Нежинской гимназии 20 августа 1821 г. Подробнее о нем см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в нежинской Гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004; а также в сопроводит. статье к т. 6 наст. изд.

Урсо — *Осип* Демьянович, учитель фехтования в Гимназии высших наук.

Мыгалыч — сторож Гимназии высших наук.

Бодян — по-видимому, прозвище Кирилла Колбасы, сторожа Нежинской гимназии с апреля 1823 г. (см.: *Супронюк О. К.* Из комментариев к письмам Н. В. Гоголя // Русская литература. 1989. № 1.

С. 163; см. также: *Супронюк О. К.* Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Библиографический словарь. Киев, 2009).

Божко — Андрей Андреевич.

Миллер — Николай Николаевич.

53. М. И. Гоголь

к стр. 51 *...пришлите мне холста самого толстого штуки две и, ежели можно, более...* — Грубый холст требовался Гоголю для декораций. *Штука* — здесь: рулон.

54. Г. И. Высоцкому

Впервые напечатано С. И. Манухиным: *Манухин С.* Письмо Н. В. Гоголя // Русский Курьер / Редактор-издатель Н. П. Ланин. (М.), 1888. 9 мая. № 126. С. 1. Рецензию на эту публикацию см.: Среди газет и журналов // Новое Время. 1888. 11 (23) мая. № 4381. С. 2.

Публикация письма была сопровождена пояснением С. И. Манухина: «Закончивши копию письма, я считаю не лишним описать его, так сказать, чуть не потомственное происхождение из рук в руки. В г. Нежине существует и поныне общественная библиотека, которая своим существованием обязана некоему В. Куриленко. Этот почтенный человек собрал сказанную библиотеку от различных преподавателей, студентов и от разорившихся помещиков, покупая у тех лиц их книги за какие-нибудь ничтожные рубли. С этими же книгами г. Куриленко купил и письмо Н. В. Гоголя, которое и находилось в библиотеке. Но по смерти самого Куриленко наследники его пригласили для приведения в порядок книг и для составления каталога своего знакомого Ивана Ивановича Цехмистренко, которому и вручили письмо Гоголя — оригинал для продажи. Меня, пишущего эти строки, судьба свела с г. Цехмистренко в конце прошлого 1887 года в с. Тресвятском Ряжского уезда Рязанской губернии, где он служил управляющим имением г-жи Л. Я же приехал туда, как говорится, “на святки”. Познакомившись с Иваном Ивановичем, я узнал, что он имеет желание продать рукопись Гоголя и, говоря, что это письмо нигде не напечатано, объяснил, что желал бы, прежде чем продавать его, напечатать в каком-нибудь общераспространенном издании. Я взялся помочь г. Цехмистренко и, получивши от него точную копию с письма Н<иколая> В<асильевича>, посылаю оную для напечатания в уважаемый “Русский Курьер”.

Кроме рукописи Н. В. Гоголя у Ивана Ивановича имеется портрет Н. В. Гоголя того времени, писанный масляными красками, и повесть Кулжинского, про которую Гоголь упоминает в своем письме. Если кто из читателей заинтересуется рукописью и портретом Николая Васильевича Гоголя и пожелает что-либо купить, то я могу сообщить адрес г. Цехмистренка, который в текущее время из Ряжского уезда выбыл» (*Манухин С.* Письмо Н. В. Гоголя. С. 2).

Конференция — *Нежинская* гимназия управлялась, согласно уставу, директором и конференцией, состоявшей из законоучителя и профессоров. к стр. 52

Севрюгин — Федор Емельянович.

Девинье — одно из прозвищ М. А. Риттера.

Лаура — прозвище преподавателя грамматики и каллиграфии К. А. Персидского. к стр. 53

Магерки — предместье Нежина.

Спиридон — прозвище Ф. К. Бороздина.

Базиль — по-видимому, отец К. М. Базили, М. В. Базили.

Герард — Николай Иванович, один из соучеников Гоголя.

Лопухайский — так в шутку назван Лопушевский, Антон Васильевич, преподаватель арифметики в Гимназии высших наук. к стр. 54

...кованого кабанця. — Кований (*укр.*) — пятнистый (о масти свиней).

Романович Николай — Николай Федорович Романович.

Садовничий — Григорий Моисеевич.

Билевич — Михаил Васильевич.

Шишкин — Сила Иванович.

Григоров — Николай Петрович.

Николай Бороздин — Бороздин Николай Корнилович.

Власенко — Аполлон Павлович.

Ванковский — Семен Иванович.

Любич — Любич-Романович Василий Игнатьевич. к стр. 55

55. М. И. Гоголь

Петр Петрович и Павел Петрович — Косяровские.

...мою жаркую страсть к садоводству. — См. коммент. к «Духовному завещанию» Гоголя в т. 6 наст. изд. и к <Заметкам о крестьянском быте> в т. 8 наст. изд. к стр. 56

Варвара Петровна — Косяровская.

56. М. И. Гоголь

...почтеннейшего дедушку... — И. М. Косяровского. к стр. 57

За Шиллера, которого я выписал из Лемберга, дал я 40 рублей. — По свидетельству Н. Я. Прокоповича, увлечение Гоголя Ф. Шиллером было непродолжительным. П. А. Кулиш, комментируя настоящее письмо Гоголя, сообщал: «Г<-н> Прокопович говорил мне, что у Гоголя скоро не стало терпения добиваться смысла в Шиллере, и что это было только минутное увлечение» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. СПб., 1854. С. 28). 23 ноября 1830 г. М. И. Гоголь писала А. А. Трощинскому об увлечении Гоголя новыми книгами: «Главный его расход — на книги, для которых он в состоянии лишиться и пищи. Когда выйдет новая книга, по названию многообещающая, то он готов выписывать ее из чужих краев — что он

и делал, будучи в Нежине, из выпрошенных у меня для платья денег; после признался мне, что когда он зачитает о новой книге, то дрожит, как бы ее выписать скорее — и за это получил от меня реприманд. Я называю сию охоту страстью; хотя она и не постыдна, как карточная, но тоже может разорять» (<*Ореус И. И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754—1829 // Русская Старина. 1882. № 6. С. 676).

57. М. И. Гоголь

к стр. 58 *Какова у нас была ярмонка?* — Ярмарки в Васильевке проводились четыре раза в год, начиная с 1824 г., при этом скотная, по словам самого писателя, была крупнейшей в губернии (Гоголь упоминал об этом в письме к А. С. Данилевскому от 29 декабря 1839 г.).

к стр. 59 *Уведомите меня об приезде ожидаемых гостей...* — Косяровских, Петра и Павла Петровичей и Варвары Петровны.

Сакен — барон С. К. Остен-Сакен, жених, впоследствии муж княжны П. И. Хилковой, внучки Д. П. Трощинского. См. в т. 7 наст. изд. коммент. к поэме «Ганц Кюхельгартен».

58. М. В. Гоголь — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 317, 355. Датировано предположительно на основании письма М. В. Гоголь к матери от 12 апреля 1827 г., где Мария Васильевна сообщает: «...меня очень утешило любезное письмо моего дражайшего братца... Посылаю вам письмо к братцу и прошу покорнейше отправить вместе с вашим... Я писала прежде получения братцового письма одной через почту к нему...» (Там же. С. 354–355). Печатается по первому изданию.

Фраза представляет собой забракованное начало письма сестры Гоголя Марии Васильевны (1811—1844) к брату в Нежин. Из этого листа М. В. Гоголь сделала конверт, на внешней стороне которого надписала: «Любезнейшему братцу Николаю Васильевичу Гоголь-Яновскому. В Нежин, в Гимназии высших наук». Письмо отправлено, предположительно, из Богдановки, где М. В. Гоголь проходила курс обучения в пансионе бывшей начальницы Полтавского института для благородных девиц Арендт (Арндт), матери придворного медика Н. Ф. Арндта (1786—1859) (пансион помещался в имении ее дочери Н. Ф. Старицкой).

60. М. И. Гоголь

Дата Гоголя на письме: «1826-го года. М. июнь, число 7» — ошибочна. Письмо, несомненно, относится к 1827 г.

61. Г. И. Высоцкому

Ты теперь в зеркале видишь меня. — Ср. также в письмах к Г. И. Высоцкому от 19 марта 1827 г.: «Короче я делаюсь *ты*»; А. С. Данилевскому от 1 января 1832 г.: «Я... бы желал на время принять твой образ с твоими страстишками...»; М. П. Погодину от 10 января 1833 г.: «Послал вам адрес, просил и молил вас не забыть своего двойника, но вы позабыли». к стр. 63

Гальва — халва. к стр. 64

Бодян — по-видимому, прозвище сторожа Нежинской гимназии Кирилла Колбасы (см. коммент. к письму № 51).

...в... сражении при Шурше... — Вероятно, подразумевается сражение при Шуше (Закавказье), где в 1826 г. русские войска обороняли город от персидских войск Аббас-Мирзы.

Мишель наш, барон Кунжут-фон-Фонтик... барончик Хопцики... Давинье... — Прозвища М. А. Риттера. См. также коммент. к письму № 51. к стр. 64—67

Гусь Евлампий — Евлампий Поляков, крепостной родителей пансионера Николая Григорова (см.: *Жаркевич Н. М., Кирилюк З. В., Якубина Ю. В.* Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820—1828) // Гоголеведческие студии. Вып. 8. Нежин, 2002. С. 178). к стр. 67

62. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 3.

Антону я еще дал на дорогу... — Антон Шлапак, крепостной Гоголей, сопровождавший Гоголя из Васильевки в Нежин, доверенное лицо по хозяйственной части у В. А. Гоголя. к стр. 68

63. Конференции Гимназии высших наук кн. Безбородко

Впервые напечатано: <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб., 1856. Т. 2. С. 273. Печатается по изд.: *Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский Сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 365–366. На прошении имеется помета: «Получ<ено> 1827 VIII/20».

В ответ на прошение Гоголя о разрешении ему держать экзамен для перехода с 3 в 4 отделение по языкам последовало постановление конференции гимназии, записанное в журнале: «Журнал Конференции. XVII. 1827 года августа 27-го дня. § III. 2. Читаны прошения 9-го класса Гимназии воспитанников Николая Григорова и Николая Гоголя-Яновского о позволении им, на основании журнала Конференции XXVIII § II прошлого 1826 года, держать экзамен

по языкам из 3-го на 4-ое отделение; по произведенному же им в Конференции испытанию они оказались довольно способными поступить из 3-го в 4-ое отделение; почему определено переместить их, Григорова и Яновского, в сие 4-е отделение» (Гоголевский Сборник. С. 366).

64. М. И. Гоголь

Василий Иванович Черныш — отчим А. С. Данилевского, помещик, сосед и давний приятель родителей Гоголя.

к стр. 68 *...поедете в Кибенцы на свадьбу...* — См. коммент. к письму № 57.

к стр. 69 *Началось ли у нас винокурение?* — См. коммент. к письму № 40.

Пет<р> Пет<рович> и Пав<ел> Пет<рович> — Косяровские.

Александр Степ<анович> Баранов — отец П. А. Баранова.

Елисавет Петровна — Грибоедова, приживалка Гоголей.

65. М. И. Гоголь

Год на письме — 1826 — проставлен Гоголем ошибочно.

Елисавет Петровна — Грибоедова (см. коммент. к письму № 64).

к стр. 70 *Карп Дементьевич Прохвацкий* — упоминается также в письме № 71.

66. Павлу П. Косяровскому

...глубокомысленный Дорогой, и остроумная Пупура... — Клички собак.

...всезнающая Чцюцюшка... — Шутливое прозвище, данное Гоголем соседке, Ксении Федоровне Тимченко.

...княжна перерядилась в баронессу. — Имеется в виду свадьба княжны Прасковьи Ивановны Хилковой с бароном С. К. Остен-Сакеном (см. коммент. к письму № 57).

к стр. 71 *...Елисей и Матрена Алекс<еевна>...* — Елисей Васильевич Надержинский и его жена, помещики, соседи М. И. Гоголь по имению.

Петр Борисович — приживал в доме Гоголей.

67. В. П. Косяровской

В конце письма Гоголь, очевидно, пародирует и передразнивает К. Ф. Тимченко (она же Чцюцюшка), жалующуюся, что «Пупую» (собаку Пупуру) любят больше, чем ее и какую-то «Каяяюшку».

68. Петру П. Косяровскому

к стр. 72 *...получил 5-ю часть Ручной математической энциклопедии...* — Сочинение Д. М. Перевощикова «Ручная математическая

энциклопедия» (М., 1826—1837. Т. 1–13). П. А. Кулиш писал: «Гоголь берег книги, как драгоценность, и особенно любил миниатюрные издания. Страсть к ним до того развилась в нем, что, не любя и не зная математики, он выписал “Математическую энциклопедию” Перевощикова, на собственные свои деньги, за то только, что она издана была в шестнадцатую долю листа» (<*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 1. С. 28).

Теперь у нас проходят полевую фортификацию. — Военное дело в Нежинской гимназии преподавали К. В. Шапалинский и О. Д. Урсо. «Орлай старался пригласить на преподавание этого предмета полковника Терлецкого, участника Отечественной войны 1812 г., но его попытка окончилась неуспехом. Полковник, дав первоначально свое согласие, в дальнейшем отказался приехать в Нежин» (*Байцура Т.* Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность. Словацкое педагогич. изд-во в Братиславе; Отделение укр. литературы в Пряшеве, 1977. С. 102).

Сохранилась программа военных наук, преподававшихся в Нежинской гимназии в период обучения здесь Гоголя:

«*Из полевой фортификации.*

О фортификации вообще, о пользе ее и о различии временного укрепления от долговременного; общие правила расположения укреплений, о началах, по коим определяется вид укреплений, о правилах укреплений горизонтальных и системах полевой фортификации, о вооружении укреплений и батарей, о волчьих ямах, палисадах, штурм-фалах, засеках, рогатках, барьерных воротах, о замкнутых укреплениях, употребляемых отдельно и в связи между собою, о употреблении воды к обороне позиций, о наводнениях, о понтонных мостах и другого рода наводимых по надобностям армии, о укреплениях, мостовыми прикрытиями называемых, о действиях относительно переправы чрез реки и о неправильной фортификации» (*Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский Сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Коммиссией под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 384).

К. М. Базили вспоминал: «Летом, бывало, Шапалинский водил нас за город, верст за пять и за десять, с инструментами снимать планы. Любили мы его и учились прилежно; до сей поры засели в моей памяти иные тригонометрические формулы...» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 92).

И. А. Сребницкий позднее сообщал: «...к числу автографов Гоголя следует отнести еще одно его произведение, открытое нами в гимназическом архиве и как-то ускользнувшее от внимания тех лиц, которые извлекали из архива автографы Гоголя... Это — ситуационный чертеж или план, относящийся к “военным наукам”, преподававшимся в последнем классе гимназии. Военные науки — полевую фортификацию и начала артиллерии — преподавал профессор

математических наук Казимир Шапалинский, причем в состав этого преподавания входили и практические занятия в виде съемки планов и черчения... Профессор Шапалинский в отчете своем о пройденном за январь месяц 1828 года пишет: “из полевой фортификации, по причине праздников и особой порученности господина Директора, не терпящей отлагательности, урока не имел, а сами занимались по моему назначению черчением”. В деле с ведомостями о годичных и экзаменных успехах за 1828 год находятся чертежи по фортификации учеников 9-го класса, в том числе Гоголя. С этого чертежа мы помещаем здесь фототипический снимок. Рассматривая сохранившиеся в архиве восемь чертежей (чертежи Григорьева и Данилевского отсутствуют), в них можно различить два, так сказать, пошиба: с одной стороны чертежи трех братьев Котляревских: хотя на всех их изображены и различные местности, но характер рисунка настолько тождествен, что невольно приходишь к подозрению, что рука одного какого-нибудь из братьев поработала по-братски в пользу двух остальных. Из остальных пяти чертежей некоторые, по характеру и манере своей, представляют разительное сходство с чертежом Гоголя. Он ли другим прислужился, или ему кто-нибудь оказал товарищескую услугу? Скорее можно предполагать первое, принимая во внимание способность и охоту Гоголя к рисованию. (Не было ли тут и другого источника? В письме к матери от 3 мая 1828 г. <см. письмо № 79> Гоголь пишет: “Да, вот было позабыл! Сделайте милость, пришлите, да только как можно поскорее, маленькие *чертежи и планы* г-на Кафторова, которые он чертил, будучи еще учеником в Полтавской гимназии. Они должны находиться между планами и картинами в шкапу, где были книги”...)» (*Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский Сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Коммиссией под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 298–299).

Изучение Гоголем полевой фортификации нашло отражение в его произведениях. См., в частности, в т. 2 наст. изд. коммент. к строкам «Тараса Бульбы» — *...обнесши их возами в виде крепостей...* — и к встречающемуся в этой же повести слову — *Фашинник*; а также в т. 7 коммент. к строкам статьи «О движении народов в конце V века» — *...забрасывали тиною и фашинником...*

к стр. 73 *...имперцы...* — войско Германской империи.

69. М. И. Гоголь

...письмо из Петербурга... касательно пошитья там фрака. — Очевидно, письмо было получено от Г. И. Высоцкого (см. письмо № 61).

к стр. 74 *К Машиньке посылочку...* — Гоголь послал сестре литературные новинки 1827 г.: Вальтер Скотт. Владетель островов. Поэма. М., 1827; Невский Альманах на 1827 год, изд. Е. Аладьиным. СПб., 1826;

Литературный Музеум на 1827 год Владимира Измайлова. М., 1827. 24 ноября 1827 г. М. В. Гоголь сообщала матери из Полтавы: «...я получила ваши оба письма с посылками и посылку от брата, за что несчетно раз целую ваши ручки... Братец прислал мне пять книг: Владетель островов, Невский Альманах и Литературный Музеум и две немецкие, за что я его благодарю сердечно и посылаю к нему при сем письмо, которое и прошу покорнейше отослать к нему» (*Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 355).

71. Павлу П. Косяровскому

Роман Иванович — старик, приживал Д. П. Трощинского. Последний в письме из Кибинец от 6 октября 1826 г. сообщал в Петербург своему приятелю Л. И. Голенищеву-Кутузову: «Старикам, говорят, свойственно бредить, и я это вседневно вижу на известном вам Ром<ане> Ив<анови>че, который так оглупел, что порядочно пяти слов связать не может, а память до того ослабела, что никого из знакомых по имени не знает, и даже не только года, месяца и числа, но и дня сказать не умеет, и такую чепуху городит, что глядя на него и смеяться и плакать хочется. При всем том ест еще очень хорошо, не взирая, что во рту только полтора зуба осталось, пьет еще лучше и может быть больше, нежели надобно, спит также порядочно, и только ничего не думает и ничего не делает, и ему теперь с 1-го октября наступил 88-ой год. У меня есть еще и другой старик, но только несравненно подвижнее Романа; он беспрестанно чем-нибудь занимается, сохранил память, не знает токмо настоящего числа своих лет, которое можно измерять по одному обстоятельству, что он в бытность Петра Великого под Полтавою находился там по наряду при Его конюшне. — Вот вам, любезнейший друг, краткое описание двух моих Антиков, желаю, чтоб оное вам понравилось» (*РНБ*. Ф. 791. Ед. хр. 29. Л. 32–32 об.). к стр. 76

...новость об войне. — Речь идет о русско-турецкой войне, начавшейся в следующем 1828 г.

Рот — Логгин Осипович (1780—1857).

Федоровка — имение помещиков Тимченко в 30 верстах от Васильевки. к стр. 77

Хилков — князь Иван Михайлович, муж дочери Д. П. Трощинского, Надежды Дмитриевны (ум. 1817).

Иван Ефим<ович> — Трощинский, племянник Д. П. Трощинского (сын его брата Ефима Прокофьевича), генерал-лейтенант. В 1818—1827 гг. занимался устройством Новомиргородских военных поселений.

...читаю Bibliothèque des dames... путешествие во все страны. — Имеется в виду восемнадцатитомная «Всеобщая дамская библиотека. Путешествия», с двумя дополнительными томами географических атласов, использовавшаяся в качестве учебного пособия

в Нежинской гимназии: Bibliothèque universelle des dames. Voyages. Vol. I–XVIII. Atlas. Vol. I–II. Paris, 1785—1790 (см.: Гоголевский Сборник. Киев, 1902. С. 279).

Письма о Восточной Сибири Алексея Мартоса... — «Письма о Восточной Сибири» Алексея Ивановича Мартоса, историка Малороссии, вышли в свет в Москве в 1827 г.

Прохвацкий — Карп Дементьевич — упоминается в письме № 65.

...Анну Борисовну... Петра Борисовича... — Брат и сестра, приживальщики в доме М. И. Гоголь.

72. М. И. Гоголь

к стр. 78 *...я... в глубоком обдумьи будущей должности... в деятельном мире, для блага которого посвященна жизнь моя... все мои силы будут порываться на то, чтобы означить ее одним благодеянием, одною пользою отечества.* — По словам Марии Ивановны, Гоголь впервые серьезно задумался об этом после смерти отца в 1825 г.: «Печаль эта сделала впечатление на всю его жизнь, и тогда он сказал, что он не будет жить для себя, а для страждущих ближних, и если Бог удостоит быть полезным своему отечеству — Рос<с>ии, то почтет себя счастливым, но если вообразит, что может быть его не допустят обстоятельства его, то чувствует, что холодный пот показывается на его лбу» (*Виноградов И. А.* Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери. С. 351. Ср.: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 1. С. 338).

Данилевские — братья А. С. и И. С. Данилевские.

73. М. И. Гоголь

к стр. 79 *...не старайтесь сохранять для меня имения...* — По завещанию Т. С. Гоголь-Яновской половина имения и «лес, называемый Яворивщина» были собственностью Н. В. Гоголя (см. коммент. к письму № 2).

75. М. И. Гоголь

Автограф письма хранится: *ГИМ*. Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 4–5.

Датировка письма уточнена. В прошедшем времени Гоголь пишет здесь о Рождественских каникулах, которые провел в Нежине, а не в Васильевке: «Вы не можете вообразить тогдашнего моего бешенства, я был точно сумасшедший, заперся в своей комнате, грыз от досады стол, плакал, бегал от всех; и в уединении от всех разрывался в досадах и медленно начал успокоиваться только с прошествием праздников, но воспоминание о них режет мое сердце». Очевидно, эти слова предполагают определенную дистанцию, отделяющую время создания письма от припоминаемых в нем событий.

78. М. И. Гоголь

...в половине июня должно уже всё быть приведенну к концу... — Выпускные публичные экзамены в Нежинской гимназии состоялись 28 июня 1828 г. к стр. 85—86

79. М. И. Гоголь

...чертежи и планы г-на Кафторова... — См. коммент. к письму № 68. к стр. 87

81. М. И. Гоголь

Сестру благодарю и поздравляю с новосельем... — М. В. Гоголь вернулась в Васильевку, окончив курс в пансионе г-жи Арендт. стр. 89

82. А. С. Данилевскому

Письмо, возможно, написано после поездки Гоголя в Кременчуг на ярмарку (с 27 августа по 2 сентября).

83. Павлу П. Косяровскому

Ятка — род палатки или шатра.

84. Петру П. Косяровскому

...его высокопревос<ходительство> не благоволил приехать... — Имеется в виду Д. П. Трощинский. к стр. 90

...ресковских гостей не было... запас остался нам на... годовое продовольствие. — «При многочисленности свиты, с которой разъезжал Трощинский, заботы о размещении ее заставляли нередко Марью Ивановну отказывать себе в привычном покое и даже переселяться на время к соседям, а сына посылать за покупками и припасами из Васильевки в Полтаву, Кременчуг и дальше. Иногда приходилось приносить немаловажные жертвы: так однажды она должна была отказать себе в удовольствии оказать помощь одному из наиболее любимых родственников, находившемуся в бедственном положении, и сделать много трат в ожидании несостоявшегося приезда Трощинского, при чем приходилось располагать собой, своим временем и помещением, применяясь к вкусам и привычкам высокого гостя. “К Петру и Павлу ожидаем Дмитрия Прокофьевича со всем его семейством. К тому дню и мы должны ехать с Варенькой <В. П. Косяровской> в Ярески. Она здорова; только скучает, воображая, что приедут сюда кибинцкие, и надобно будет больше с ними жить в продолжение лета”. Особенно тяжело было Марье Ивановне переламывать себя и жить среди веселого общества в Ярески, тогда как после смерти мужа ей было вовсе не до того. “Мне очень мучительно, — пишет она, — имея горесть в сердце, быть в веселой компании, но я стараюсь как можно реже там бывать и оставаться больше в уединенной

и спокойной моей Васильевке". Вот еще несколько выписок <из писем к Петру П. Косяровскому>, характеризующих отношения Марьи Ивановны к Д. П. Трощинскому. "Я вам писала, что жду Дмитрия Прокофьевича; он у нас был, и чрезвычайно был доволен угощением; княжна <П. И. Хилкова> не была по причине приезда к ней отца ее, которого Дмитрий Прокофьевич просил и они оставались в Ресках. Выпроводя их, ездила я с Варенькой к Катеньке <Е. И. Ходаревской>, а там должна была ехать на именины к благодетелю моему (тем более, что он был у меня), где провела время очень скучно" и проч. "О Дмитрии Прокофьевиче я, кажется, писала вам, как он у нас был, и старалась доставить ему все те удовольствия, которые он любил". "Никоша мой возвратился из Кременчуга и навез всего для угощения Дмитрия Прокофьевича, и он не будет, потому что нет возможности приехать по причине тесноты. Теперь приехали Шамшевы, Софья Алексеевна и Ростислав; Иван Ефимович возвратился в Кибинец. Я вообразила, что тогда еще будут в Кибинцах, и Родзянки приехали, и мне никак невозможно их поместить всех, и, признаюсь, я и рада сему случаю; жаль только, что употреблено много денег: лучше бы послала вам". "В Кибинцах мы провели время и приятно и грустно, — приятно потому, что я имела особую комнатку, где могла свободно предаваться своим мыслям и обдумывать свои планы (я просила, чтобы мне дали в гостином флигеле особую комнатку вместе с моей Машей, для того, что с Ольгой Дмитриевной мне надобно было помещаться с Капнистами и с другими женщинами и поздно слишком ложиться, потому что после ужина все молодые люди всегда во флигеле собираются, а для моей Машеньки не годится поздно ложиться, и мы от ужина тотчас уходили в свою квартиру). Один Андрей Андреевич <Трощинский>, истинно как родной брат, со мной обходился, а больше никто. Мне казалось, что ужаснейшая зависть меня окружает, а впрочем, может быть, я ошибаюсь, — Бог знает!.. Кажется, совсем нечего мне завидовать: я ожидаю единственной и самой большой помощи от благодетеля моего Дмитрия Прокофьевича — рекомендательных писем для моего сына к тем особам, которые ему будут нужны, а более никакой помощи я не надеюсь, потому что слишком уж стараются отдалять его от моего сердца. О люди! Я теперь только их узнаю; прежде мне и в голову не приходило, чтобы можно было говорить и писать не так, как чувствуешь". "Ангел мой, благодетель Дмитрий Прокофьевич, платил за меня в казну и редко от меня принимал и, видно, для памяти писал у себя, сколько я ему должна, и вышло 4060 р<ублей>, и сия записка нашлась; и мне платить сии деньги; но так как никакого средства их нет мне уплатить, то я предложила Андрею Андреевичу принять Ресковское мое имение, состоящее из десяти десятин. Он согласился, но только не дает по 30 р<ублей> десятину, и выходит, что имения лишусь и долгу не уплачу; но да будет воля Божия: мы располагаем, а Бог определяет". Наконец вот известие о смерти Трощинского (1829): "Из Кибинец я возвратилась с разбитым горестью сердцем, поклонилась гробу благодетеля моего, который так поставлен,

что можно туда ходить и видеть гроб”...» (*Шенрок В. И.* Ученические годы Гоголя. Биографический очерк. 2-е изд., испр. и доп. М., 1898. С. 73–75).

В праздник храмовой нашей церкви... — Рождества Пресвятой Богородицы 8 сентября ст. ст. Церковь в Васильевке строилась по обету, данному матерью при рождении Гоголя. «Говорят, что обет построить церковь в Васильевке был дан Марьей Ивановной перед рождением Н. В. Гоголя после двух неудачных родов» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 1. С. 52). Мария Ивановна позднее вспоминала: «В деревне нашей не было церкви. Свекор наш хотел было купить старую и перевезти в Васильевку, но скоро после того <в 1800—1801 гг.> запретили строить деревянные, и намеренье то гораздо прежде моего замужества было оставлено». Строительство деревянных храмов было запрещено на Украине во избежание пожаров указом российского правительства от 25 декабря 1800 г. (см.: Полн. собр. законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 26. С. 482), а также указом Святейшего Правительствующего Синода от 26 мая 1801 г. Свадьба родителей Гоголя состоялась 12 ноября 1805 г.; запрещение строить деревянную церковь и разрешение на строительство вместо нее каменной церкви Рождества Пресвятой Богородицы получено А. Д. Гоголем-Яновским в 1802 г., после обращения, по его просьбе, в Святейший Правительствующий Синод преосвященного Сильвестра (Лебединского), епископа Малороссийского и Переяславского (Российский государственный исторический архив (далее — *РГИА*). Ф. 796. Оп. 83. Ед. хр. 30) (право воздвижения новых церквей еще в 1726 г. было передано на усмотрение Святейшего Синода). 21 сентября 1821 г. с новой просьбой о постройке в Васильевке церкви обратился к епископу Полтавскому и Переяславскому Мефодию (Пишнячевскому) В. А. Гоголь-Яновский (см.: *Жаркевич Н. М., Кирилюк З. В., Якубина Ю. В.* Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820—1828) // Гоголеведческие студии. Нежин, 2002. Вып. 8. С. 26–27). Каменная церковь в Васильевке была построена в первой половине 1820-х гг., но еще в 1834 г. ее устройство не было завершено, и Гоголь по просьбе матери занимался тогда составлением «плана» для иконостаса (см. его письмо к матери от 15 декабря 1834 г.).

...алчного попа от<ца> Меркурия... — Иерей Меркурий Кириллович Яновский, священник Успенской церкви в с. Кононовка Лубенского уезда, двоюродный дядя Н. В. Гоголя по отцу. к стр. 92

85. Директору Гимназии высших наук кн. Безбородко Д. Е. Ясновскому

Впервые напечатано В. В. Гиппиусом в изд.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 286. Печатается по первой публикации.

На прошении имеется помета о поступлении прошения: «Октября 10»; и резолюция директора гимназии Д. Е. Ясновского:

«Изготовить к моему подпису просимое свидетельство. Директор Ясновский» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Т. 1. С. 287). Неизвестно, получил ли тогда Гоголь «надлежащий аттестат», хотя бы временный. Позднее, 20 ноября 1828 г., библиотекарь Нежинской гимназии Авг. И. Аман обратился к Д. Е. Ясновскому с письменным прошением не выдавать аттестата «воспитаннику Яновскому» до тех пор, пока тот не возвратит в библиотеку «книги "Записки и труды Московского общества древностей русских", две части, и первую часть "Русских достопамятностей"» (*Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в нежинской Гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 168). («Русские достопамятности» — издание Общества Истории и Древностей Российских, выходившее с 1815 г.) 30 ноября 1829 г. на основании этого рапорта Д. Е. Ясновский предлагает «сделать в Конференции заключение как о невыдаче аттестата, так и о том, что оных книг в течение более двух лет и даже при выпуске и выезде Яновского из Гимназии отобраны не были, и ему, г-ну директору, о том не донесено» (*Жаркевич Н. М., Кирилюк З. В., Якубина Ю. В.* Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820—1828) // Гоголеведческие студии. Вып. 8. Нежин, 2002. С. 171–172). Аттестаты об окончании гимназии были выписаны Гоголю и его соученикам 25 января 1829 г. К тому времени Гоголь был уже в Петербурге (выехал туда 13 декабря, на пути в Петербург останавливался, 14–15 декабря, в Нежине).

86. Петру П. Косяровскому

Письмо Н. В. Гоголя (как и сестры его, Марьи Васильевны) является припиской к письму М. И. Гоголь.

к стр. 94 *В Кибинцах мы провели время...* — Имеется в виду празднование 26 октября дня памяти св. великомученика Димитрия Солунского — именин Д. П. Трощинского.

Софья Александровна — Кудрявцева, мать О. Д. Трощинской.

87. А. С. Данилевскому

Речь в записке, вероятно, идет о поездке Гоголя и Данилевского, по пути в Петербург, в Кибинцы за рекомендательными письмами Д. П. Трощинского. 14 декабря 1828 г. О. Д. Трощинская сообщала в письме к мужу А. А. Трощинскому из Кибинец: «Третьего дни вечером приехала сюда Белянка <М. И. Гоголь>, и вчера после обеда выпроводили отсюда с рекомендательными письмами Никошу в Петербург, вместе с молодым Данилевским, который <т. е. Гоголь> был здесь на праздниках» (на именинах Д. П. Трощинского в Кибинцах 26 октября 1828 г. Гоголь был вместе с матерью) (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 287). 16 декабря

1828 г. М. И. Гоголь сообщала своему двоюродному брату Петру П. Косяровскому из Васильевки: «Вчера я возвратилась из Кибинец, проводя моего Николиньку в С.-Петербург, и грущу, что в такой холод он едет в дороге, но да будет воля Божия. Благодетель наш приметно ослабевает, насилу мог написать письмо к своему другу Кутузову < Голенищев-Кутузов Логгин Иванович (1765—1845), председатель ученого комитета Морского министерства> о моем сыне, в котором назвал его своим родственником и просил принять в свое покровительство. Будучи в Кибинцах 26-го, я просила благотворителя моего написать об Николиньке, полагая, что он вслед за письмом уедет, но по разным обстоятельствам ему надобно было остаться, да и дороги совсем не было; и при мне получил Дми<трий> Про<кофьевич> ответ на первое свое письмо по выезде уже Николиньки, дал мне прочесть; и я в жизнь свою не читала такого милого и простого слова, прямо от сердца истекающего, между прочим благодарит его за доставление случая сделать ему угодное, и заключает письмо тем, что он с нетерпением ожидает Николая моего, которому он хочет быть другом и путеводителем в его жизни; представьте себе, мой друг, что я тогда чувствовала, я не находила слов, как благодарить великого благодетеля моего, по милости его мой сын приедет в столицу не как бесприютный сирота, но как родственник будет принят в доме немаловажного человека. — По приезде моем Ольга Дмитриевна <Трощинская Ольга Дмитриевна (рожд. Кудрявцева) (1804—1839) — жена А. А. Трощинского> спросила меня, есть ли деньги у Николиньки на дорогу. Я сказала, что будет на первый случай, не пояснила, что мне стоило достать те деньги, хотя и небольшие, без закладу не могла никак получить и принуждена заложить кое-что из своих вещей. Она, видно, сказала Дми<трию> Про<кофьевичу>, так, как мне и хотелось, и он не дал ничего Николеньке денег и чрез то избавил меня, слава Богу, от зависти, которая бы преследовала меня до гроба» (цит. по автографу: *РНБ.* Ф. 199. Ед. хр. 15. Л. 40–41; фрагменты письма впервые опубликованы: *Шенрок В.* Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснение инициалов и других сокращений в издании Кулиша. С приложением неизданных отрывков из писем матери Н<иколая> В<асильевича> и его собственных. М., 1886. С. 44, 80; см. также: *Белозерская Н. А.* Мария Ивановна Гоголь. Биографический очерк // Русская Старина. 1887. № 3. С. 685; *Сажин В.* На пороге. Из архивных разысканий о Н. В. Гоголе // Звезда. 1984. № 4. С. 178).

88. М. И. Гоголь

Первое письмо Гоголя к матери из Петербурга.

Кутузов — Голенищев-Кутузов Логгин Иванович, председатель к стр. 96
ученого комитета Морского министерства. Гоголь имел к нему рекомендательные письма от Д. П. Трощинского.

Косяровский — Иван Петрович, двоюродный дядя Гоголя. См. о нем в наст. изд. в коммент. к идиллии «Ганц Кюхельгартен» в т. 7 и в сопроводит. статье к т. 5.

...мы... — Т. е. Гоголь и А. С. Данилевский.

89. М. И. Гоголь

Полностью письмо до нас не дошло. Настоящий отрывок приводит М. И. Гоголь в своем письме к И. М. Косяровскому от 18 апреля 1829 г.: «Николенька мой о сю пору не определен еще на службу. Покойный благодетель наш Дмитрий Прокофьевич (Д. П. Трощинский скончался 26 февраля 1829 г. — *И. В., В. В.*) говорил мне, чтобы я не скучала нескорым его определением, потому что Кутузов выискивает для него хорошую и выгодную должность, что чрезвычайно трудно теперь по штатской службе, где совершенно набито людей. Я о сем писала Николе своему, чтобы он не наскучил Кутузову и положился с терпением на его старание, а он мне отвечает: "Вы мне советуете не беспокоить Логгина Ивановича..."» (далее см. по тексту письма Гоголя). Приведя первый отрывок из письма сына, Мария Ивановна прибавляет: «И я должна была опять занять и послать ему денег. Видно, что он был в самом тревожном положении, что прибавил: "Недаром я..."» (далее следует вторая, краткая выдержка из письма сына). Дальнейшее содержание письма М. И. Гоголь передает в следующих выражениях: «А в конце письма несколько потешил меня, что надежда мелькнула ему, но что он не смеет еще предаваться ей и жалеет, что не взялся за сие прежде, и через то много потерял, и я не знаю, что он под этим разумеет» (*Шенрок В. И.* Указатель к письмам Гоголя, заключающий в себе объяснение инициалов и других сокращений в издании Кулиша. М., 1886. С. 45). Судя по следующему письму Гоголя к матери (№ 12), речь шла о вступлении на литературное поприще.

90. М. И. Гоголь

Окончание письма (со слов: «...нашего повета») печатается по автографу: *ГИМ*. Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 43.

С этого письма начинаются просьбы Гоголя к матери, родственникам и друзьям о присылке украинских этнографических и фольклорных материалов, необходимых ему для работы над «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Эти сведения Гоголь собирал в «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию».

Присланными матерью комедиями отца Гоголь также воспользовался в работе над своими произведениями — «Сорочинской ярмаркой», «Майской ночью». Содержание комедии «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом», опубликованной впервые П. А. Кулишом в журнале «Основа» (1862. № 2), где выведен образ бесхозяйственного и ленивого, но при этом очень набожного казака-«простака» Романа, отзывается у Гоголя во второй редакции

«Тараса Бульбы» (1842) — в воззваниях есаулов к «валяющимся по запечьям» казакам; в отрывке «Рим» — в словах автора о близорукости «политиков, упрекающих народ в беспечности и лени»; а также в образе столь же набожного и бесхозяйственного, как и герой «Простака», помещика Хлобуева во втором томе «Мертвых душ».

Другая комедия — «Овца-Собака», или «Собака-Вивця» — до нас не дошла. Содержание ее пересказывает П. А. Кулиш в «Записках о жизни Н. В. Гоголя» (СПб., 1856. Т. 1): «Солдат, квартируя у мужика, видел, как тот повел на ярмарку продавать овцу. Он условился с товарищем овладеть ею, и товарищ явился навстречу мужику. "Ба, мужичок! — сказал он. — Где ты ее нашел?" — "Кого? — отвечает мужик, — вивцю?" — "Нет, собаку". — "Яку собаку?" — "Нашего капитана. Сегодня сбежала у капитана собака, и вот она где! Где ты ее взял? Вот уж обрадуется капитан!" — "Та се, москалю, вивця", — говорит мужик. "Бог с тобою! какая вивца?" — "Та що бо ты кажешь! А клычь же: чы пиде вона до тобе?" Солдат, показывая сено из-под полы, говорит: "Цуцу, цуцу!". Овца начала рваться от хозяина к солдату. Мужик колеблется. А солдат начал представлять ему такие доводы, что разуверил его окончательно. Мало того: он обвинил его в воровстве, и тот, чтоб только отвязаться, отдал солдату овцу и еще *копу грошей*. "Будь ласков, служба, — просил он солдата, — не кажы, що вона була у мене. Мабуть, злодий, укравшы іи, укынув миний в загороду. Я пиду додому та визьму з загороды справжню вже вивцю, та й поведу на торг". Примечательно, как Гоголь дважды пытался "разыграть" эту комедию в жизни: один раз в Нежинской гимназии, когда с помощью "всевозможных доказательств" уверил своего школьного приятеля М. А. Риттера, что у него "не человечьи, а бычачьи глаза"» (*Пащенко Т. Г.* Черты из жизни Гоголя // Гоголь в воспоминаниях современников. С. 42–43), в другой — когда «с самым простодушным видом и серьезным голосом» уверял в 1839 г. продавца пряников, что тот «ошибся и захватил как-нибудь куски мыла вместо пряников» (см. коммент. к строкам первой главы первого тома «Мертвых душ» — *...пряниками, похожими на мыло...* — в т. 5 наст. изд.). Комедия отца приводила Гоголя и к серьезным размышлениям. В черновой редакции статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» он замечал, в частности, о сочинениях О. И. Сенковского: «Неужели уж в самом деле русская публика топором сделанный человек, которому даже можно вместо красной ассигнации дать синюю и уверить, что она красная».

Сохранился также отрывок еще одной не дошедшей до нас комедии Гоголя-отца (см.: *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.: Л., 1936. Т. 1. С. 324).

...я переменил... квартиру. — В апреле 1829 г. Гоголь переехал из дома Трута на Екатерининском канале на Большую Мещанскую, в дом каретника Иохима. к стр. 97

к стр. 98 *Маршанд де мод* — модистка (*фр.*).
к стр. 100 *Анна Матвеевна* — Трощинская (рожд. Косяровская).
Агафия Матв‹еевна› — Лукашевич (рожд. Косяровская).
Александра Федоровна — Тимченко.
Дедушка — Иван Матвеевич Косяровский.
Бабушка — Марья Ильинична Косяровская.

91. М. И. Гоголь

...сколько Елисею Васильевичу Надержинскому в сухом дереве, на котором нет ни хорошего листу, ни рясных ветвей. — Е. В. Надержинский — сосед Гоголей по имению. Вероятно, Гоголь вспоминает его суждение, о котором замечал позднее в статье «Несколько слов о Пушкине» (1832; опубл. 1835): «Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянувши на картину, покачал головою и сказал: “Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое”. В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе».

92. М. И. Гоголь — Н. В. Гоголю

Первые две выписки из письма к Гоголю его матери Марии Ивановны Гоголь-Яновской (рожд. Косяровской; 1791—1868) от 4 июня 1829 г. («*Головной убор* у девки... куньим мехом» и «Свадебные обряды... род комедии») находятся в составленной Гоголем рукописной «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии». Первое описание этой книги (неполное и неточное) было дано П. А. Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя» (СПб., 1856. Т. 1. С. 54–57). Описание рукописи с обширными цитатами было сделано также В. И. Шенроком в т. 7 10-го изд. Сочинений Н. В. Гоголя (СПб., 1896. С. 873–891). Более полная публикация книги была подготовлена Г. М. Фридлендером в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 9. <Л.>: Изд-во АН СССР, 1952. Оставшиеся неизданными материалы частично опубликованы: Неизданный Гоголь / Изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. С. 124–161. Печатается по копии Гоголя в «Книге всякой всячины...»: *РГБ*. Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 173, 230–231.

Последний отрывок («Еще один обряд... целой год не были») вклеен Гоголем в его записную книгу 1830—1834 гг., содержащую черновой автограф повести «Ночь перед Рождеством», черновые автографы повестей и статей сборника «Арабески», пять заметок хозяйственного содержания и др. Отрывок впервые опубликован: Соч. *Н. В. Гоголя* / Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. СПб., 1896. Т. 7. С. 903. Печатается

по автографу: *РГБ.* Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Между л. 38 об. — 39, вклейка.

Отрывок «Головной убор... куньим мехом» сопровожден Гоголем пометой: «(Из письма ко мне от 4 июня 1829 г.). М. Г<оголь>» и внесен в раздел «Одеяния малороссиян» «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии». Отрывок «Свадебные обряды... выходит у них род комедии» составил в книге целый раздел «О свадьбах малороссиян (извлечение из Письма 4 мая)». Последнее указание («4 мая» — переправленное в рукописи из «4 июня»), вероятно, ошибочно. Обе выписки, очевидно, сделаны Гоголем из одного письма к нему матери от 4 июня 1829 г. С просьбой о присылке сведений о Малороссии Гоголь обращался к матери в письме от 30 апреля 1829 г. (здесь, в частности, Гоголь просил прислать «название платья, носимого нашими крестьянскими девками, до последней ленты, также нынешнеми замужними и мужиками» и «обстоятельное описание свадьбы») и в письме от 22 мая 1829 г. — и получил от нее последовательно два письма с такими сведениями: от 4 июня и от 2 июля 1829 г. (см. также ниже коммент. к письму М. И. Гоголь-Яновской к Гоголю от 2 июля 1829 г. и коммент. к письму иерея Саввы Яновского к Гоголю от того же числа).

Выписки из письма матери от 4 июня 1829 г. были использованы Гоголем при создании повести «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», написанной в 1829 г. (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 1–2. С. 433). Позднее описания свадебного обряда, а также «еще одного обряда у малороссиян» из письма матери нашло отражение в повести Гоголя «Вий» (см.: *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студїї. Вип. 5. Ніжин, 2000. С. 84–108). (Это, в частности, дает дополнительные основания отнести два последних отрывка их к одному и тому же письму.)

...куньим мехом. — Далее в «Книге всякой всячины...» пояснение Гоголя: «(Из письма ко мне от 4 июня 1829 г.). М. Г<оголь>». к стр. 103

Свадебные обряды... — Этим словам в «Книге всякой всячины...» предшествует заглавие: «О свадьбах малороссиян (извлечение из Письма 4 мая)».

...не были. — Т. е. не били. к стр. 107

94. М. И. Гоголь — Н. В. Гоголю

Выписка из письма к Гоголю его матери от 2 июля 1829 г. находится в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (см. выше коммент. к письму М. И. Гоголь-Яновской к сыну от 4 июня 1829 г.). Печатается по копии Гоголя в «Книге всякой всячины...»: *РГБ.* Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 98 об. — 99.

Выписка из письма М. И. Гоголь-Яновской завершает в «Книге всякой всячины...» раздел «Игры, увеселения малороссиян».

Начальные записи этого раздела «У Пахвиля», «Пашок», «Хрещик», «У журавля» предшествуют письму Гоголя к матери от 22 мая 1829 г., где он просит ее «узнать» об этих играх (здесь же Гоголь просит узнать об игре «семь листов»). Полученные от матери сведения он и занес затем в «Книгу...», с пометой: «Из письма 2 июня». Указание на дату оказалось, очевидно, ошибочным. Вероятнее всего, письмо было получено Гоголем 2 июля, так как в письме к матери от 24 июля 1829 г. он благодарит ее за «драгоценные известия о малороссиянах». См. также выше коммент. к письму М. И. Гоголь-Яновской к сыну от 4 июня 1829 г. и коммент. к письму иерея Саввы Яновского к Гоголю от 2 июля 1829 г.

Описанием игры «у ворона» Гоголь воспользовался при создании повести «Майская ночь, или Утопленница» («“Давайте в ворона, давайте играть в ворона!” зашумели все...»). Игру «в свиньи», производившуюся с мячом, Гоголь, по-видимому, имеет в виду, упоминая в «Тарасе Бульбе» об игре «в мячик» (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Миргород. С приложением. М., 1996. С. 502). Описание игры в «крагли» нашло прямое отражение в повести «Вий» (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 1–2. С. 487).

95. Иерей Савва Яновский — Н. В. Гоголю

Выписка из письма к Гоголю иерея Саввы Яновского от 2 июля 1829 г. находится в гоголевской «Книге всякой всячины...» (см. выше коммент. к письму М. И. Гоголь-Яновской к сыну от 4 июня 1829 г.). Печатается по копии Гоголя в «Книге всякой всячины...»: *РГБ.* Ф. 74. К. 5. Ед. хр. 1. Л. 173.

Яновский Савва Кириллович, священник церкви с. Олиферовка Миргородского уезда, близ Сорочинец, двоюродный дядя Гоголя по отцу. Письмо отца Саввы было, по-видимому, приложено к письму М. И. Гоголь-Яновской к сыну от 2 июля 1829 г. Гоголь 30 апреля 1829 г., в частности, обращался к матери: «В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это всё называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиан...» В письме от 24 июля 1829 г. он благодарил мать: «Принося чувствительнейшую и невыразимую благодарность за ваши драгоценные известия о малороссиянах, прошу вас убедительно не оставлять и впредь таковыми письмами. <...> Благодарю также чувствительно почтеннейшего Савву Кирилловича. Прошу его также присылать приписочки в ваше письмо». См. также выше коммент. к письмам М. И. Гоголь-Яновской к сыну от 4 июня и 2 июля 1829 г.

Содержание письма нашло отражение в упоминании в «Ночи перед Рождеством» о том, что «канцелярист и дьяк третьего года взяли [синего сукна] синей китайки на [8] 6 рублей аршин» (черновая редакция) (в окончательной редакции: «Канцелярист и волостной

писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аршин»), а также о «приехавшем из архиерейской певческой родиче дьяка, в синем сюртуке».

...доложу вам... — Далее в «Книге всякой всячины...» пояснение Гоголя: «пишет ко мне иерей от<ец> Савва». к стр. 109

...снурком у затылка. — Далее в «Книге всякой всячины...» пояснение Гоголя: «(Из письма иерея отц<а> Саввы)».

96. М. И. Гоголь

Текст доверенности печатается по первой публикации: *Щеголев П. Е.* К биографии Н. В. Гоголя. Заметки и материалы. I–VII / IV. Доверенность, выданная Н. В. Гоголем матери перед первой поездкой за границу // Литературный Вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 60.

В заключение доверенности следует свидетельство: «1829 года июля 23 дня сие письмо С.-Петербургской Палаты Гражданского Суда в 1 Департаменте чиновник 14 класса Николай Гоголь-Яновский явил и лично на основании указа 1765 года сентября 5 дня объявил, что оное собственноручно им подписано и дано родительнице его Коллежской Ассесорше Марье Ивановне Гоголь-Яновской. Подлинную подписали: Заседатели Меняйлов и Секретарь Деркач».

«Для своей первой поездки за границу в 1829 году Н. В. Гоголь воспользовался теми деньгами, которые прислала ему М<ария> Ив<ановна> для внесения в Опекунский Совет. Гоголь решился взять их на поездку; он очень мучился этим присвоением чужих денег и, не зная, как оправдаться перед матерью, прислал ей доверенность на распоряжение его долей наследства после отца» (*Щеголев П. Е.* К биографии Н. В. Гоголя. С. 59).

Переживания, описанные Гоголем в настоящем послании, впоследствии легли в основу статьи «Женщина» (1831).

Еким (Яким) — Нимченко, крепостной человек Гоголя, бывший при нем камердинером и поваром в Петербурге в 1829—1836 гг. к стр. 113

Савва Кириллович — Яновский, священник церкви с. Олиферовка Миргородского уезда (см. письмо № 95). к стр. 114

97. М. И. Гоголь

...кафедральная церковь... — Marienkirche (церковь Св. Марии), начатая в 1163 и перестроенная в 1276 и 1310 гг. к стр. 117

98. М. И. Гоголь

...в огромной здешней кафедральной церкве. — См. коммент. к письму № 97. к стр. 119

Много есть таких картин, которым около 700 лет... — Наиболее примечательные произведения живописи Marienkirche относятся к XV—XVI вв. Произведений Альбрехта Дюрера среди них нет.

...необыкновенной величины часы... — Сделаны в начале XV в. Впечатлительной Марии Ивановне описание этих часов запомнилось, так что спустя более чем шесть лет они привиделись ей во сне за полгода до нового отъезда Гоголя за границу. 10 ноября 1835 г. он писал матери: «...Вам с идеею о мне вспомнились и те часы, о которых я писал вам из Любека, что когда бьет на них 12 часов, показываются 12 человеческих фигур. При этом, может быть, вы часто думали о моем будущем путешествии по Европе и вот вместе с этим что-нибудь взбрело вам на ум и о моем прежнем пребывании за границей».

99. М. И. Гоголь

Потрясение, пережитое Гоголем от письма матери и отразившееся в настоящем послании, легло позднее в основу сюжета петербургских повестей «Невский проспект» (1835) и «Нос» (1836). См. сопроводит. статью к т. 3 наст. изд.

100. М. И. Гоголь

к стр. 122 *Андрей Андреевич* — Трощинский. Ср. письмо № 102.

В скором времени я надеюсь определиться на службу. — См. письмо № 101.

101. Министру внутренних дел А. А. Закревскому

Прошение находится в «Деле № 1786 по прошению 14-го класса Гоголь-Яновского об определении его в департамент. Началось 18 ноября 1829 года; решено 25 февраля 1830 г. Входящий № по 3 отделению 4011».

На прошении имеются две канцелярские пометы: первая — «1 ноября 1829», вторая, карандашом, — «№ 14.716. Получен 1-го ноября 1829 г.». Далее надпись неизвестной рукой, тоже карандашом: «Справиться, есть ли ваканция». Позднее последовала резолюция, также написанная карандашом и принадлежащая, по-видимому, А. А. Закревскому (вступившему в должность министра внутренних дел в апреле 1828 г.; с 1830 г. — граф): «Употребить на испытание в деп<артамент> госуд<арственного> хозяйст<ва> и публичных зданий, и при первом докладе лично г-ну директору со мною объясниться. 15-го ноября 1829» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 288). Заключительная канцелярская помета на прошении: «18 ноября 1829». См. также письмо № 106.

102. М. И. Гоголь

к стр. 123 *...Андрею Андреевичу...* — Трощинскому.

к стр. 124 *...не верьте Светличному...* — Лицо неустановленное.

Милая сестрица — М. В. Гоголь.

103. М. И. Гоголь

...Вы недавно гостили у Политики... — Александр Иванович Полетика, помещик Роменского уезда Полтавской губернии, был знаком с М. И. Гоголь по своей второй жене Екатерине Васильевне (рожд. Капнист), дочери В. В. Капниста. М. И. Гоголь гостила у Полетики в его имении Аксютинцы, Роменского уезда. к стр. 125

...памятник Александру... — Александровская колонна, воздвигнутая по проекту Монферрана в 1834 г.

104. М. И. Гоголь

Пояснительные надписи к рисунку, приложенному Гоголем к письму, впервые опубликованы (вместе с рисунком): *Чаговец В.* На родине Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца под ред. Н. П. Дашкевича. Киев, 1902 (сборник вышел в 1903). Отд. 5. С. 34, вклейка. Печатаются по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 2. Рисунок воспроизведен также в изд.: «В лета моей юности». Н. В. Гоголь на Полтавщине. Фотоальбом. М., 1991. С. 101.

Дом в Васильевке был построен, как желал Гоголь, с лицевым фронтоном, поддерживаемым восемью дорическими колоннами по две вместе. См., в частности, рис. Н. А. Ярошенко «Дом в имении семьи Гоголя» (карандаш, 1876) в изд.: Николай Васильевич Гоголь в изобразительном искусстве и театре. М., 1953. С. 15. «В новом доме, как память о поэте, сохранилась дверь с цветными стеклами в венецианском стиле, сделанная по рисунку самого Гоголя (один из таких рисунков приложен к настоящей книге. — Примеч. В. А. Чаговца. — *И. В., В. В.*); там же находится конторка, на которой писал он 2-ой том "Мертвых душ"» (*Чаговец В.* На родине Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца под ред. Н. П. Дашкевича. Киев, 1902. Отд. 5. С. 34).

Сулея — шляга для вина или масла с широким горлом. к стр. 128

Шибка — плат, оконное стекло.

105. М. И. Гоголь

...должность... — служба в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий, где Гоголь служил с 15 ноября 1829 г. по 25 февраля 1830 г.

Арендт — Николай Федорович (1785—1859), доктор медицины и хирургии, тайный советник, лейб-медик Николая I. См. также коммент. к письму № 58. к стр. 129

...стрелы, которые во множестве были находимы в Псле. — На реке Псле стояли Ярески, где у Гоголей был хутор. к стр. 130

...одному вельможе, страстному любителю отечественных древностей... — «Любителем отечественных древностей» в тогдашнем

окружении Гоголя был представитель «первой славянофильской школы» русских литераторов (по словам Д. Н. Свербеева), издатель «Отечественных Записок» и основатель «Русского Музеума» П. П. Свиньин.

Катерина Ивановна — Ходаревская, сестра М. И. Гоголь.

Турецкие посланники не нахвалятся учтивостью и ловкостью нашего садовника — форрейтора Павла. — Речь идет о турецком посольстве, отправленном султаном к Николаю I после заключения Адрианопольского мира (1829). В начале января 1830 г. турецкие послы проезжали Кременчуг и Полтаву, и крепостному Гоголей «выпала честь» исполнять роль форейтора при лошадях из Васильевки, потребовавшихся для карет посольства. Шутка о «похвалах» турецких посланников «форрейтору Павлу» нашла, по-видимому, отражение в повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница», в образе головы Евтуха Макогоненка, удостоенного однажды «высокой чести» сидеть во время проезда Екатерины II в Крым на козлах с царицыным кучером.

106. Директору государственного хозяйства и публичных зданий И. У. Пейкеру

Прошение находится в «Деле № 1786 по прошению 14 класса Гоголь-Яновского об определении его в департамент. Началось 18 ноября 1829 года; решено 25 февраля 1830 г. Входящий № по 3 отделению 4011». См. также письмо № 101.

На прошении имеется канцелярская помета: «25 февраля 1830 г.»; а также резолюция, принадлежащая, очевидно, директору департамента: «Возвратить. 26 февраля 1830» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 288–289).

107. Вице-президенту Департамента уделов Л. А. Перовскому

Прошение находится в деле № 969 1-го отделения Департамента уделов «об определении и увольнении чиновников по 2-му отделению», началось 23 февраля, кончилось 21 октября 1830 г. На прошении имеются две канцелярские пометы: «По общ. вход. № 6253. По I отдел. № 2681»; «27 марта 1830» (*Ямпольский И. Г.* Документы о службе Гоголя в департаменте уделов // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 295).

Перовский Лев Алексеевич (1792—1856; с 3 апреля 1849 г. — граф), вице-президент Департамента уделов в 1828—1840 гг., с 1841 г. — товарищ министра уделов, с 1852 г. — министр уделов, управляющий кабинетом и Академией художеств, генерал-адъютант.

В Департаменте уделов Гоголь прослужил с апреля 1830 г. по февраль 1831-го, сначала в должности «старшего писца», а затем (с 10 июля 1830 г.) — помощником столоначальника. Именно здесь, в конце июня 1830 г., он был утвержден в чине «коллежского регистратора» и приведен на этот чин к присяге (см.: Н. В. Гоголь.

Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 297–298). Именно Департамент уделов был в Петербурге первым по части внешнего европейского «облагороживания» присутственных мест. Эти преобразования были сделаны здесь в 1827 г. министром Императорского Двора и уделов князем П. М. Волконским, после чего в следующем, 1828 г., 21 января, департамент посетил, с целью осмотра, Император Николай Павлович. Позднее непосредственный начальник Гоголя в Департаменте уделов В. И. Панаев (крайне неодобрительно отзывавшийся позднее о гоголевском «Ревизоре»: «...вдруг какой-то коллежский регистраторишка дерзает осмеивать... даже самих губернаторов»; *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 159) вспоминал: «Столы, стулья, конторки, шкафы, все явилось новое, просто, но изящно сделанное. Для хранения дел придуманы форменные картонки; на столах однообразные чернильницы; пол паркé, ковровые дорожки через анфиладу комнат. Это был первый пример благоприличного устройства присутственных мест, поданный князем Волконским» (Воспоминания *В. И. Панаева* // Вестник Европы. 1867. № 12. С. 143). Об отражении впечатлений Гоголя от службы в Департаменте уделов см. в сопроводит. статьях к т. 4 и 5 наст. изд. См. также письмо № 115.

108. М. И. Гоголь

...мне удалось наконец сыскать место... — 10 апреля 1830 г. Гоголь был принят в число канцелярских чиновников 2-го отделения Департамента уделов. к стр. 132

Андрей Андреевич — Трощинский. к стр. 133

Тетинька Катерина Ивановна — Ходаревская. к стр. 134

Лукерья Фед<оровна> — вероятно, сестра А. Ф. Тимченко.

Марья Бори<совна> — одна из приживалок М. И. Гоголь.

...для постройки домов особенный состав, которого главную часть составляет глина. — Здесь и далее Гоголь передает матери практические рекомендации, содержащиеся в рукописной книге, которая досталась ему от одного из школьных приятелей, В. В. Тарновского: «О построении зданий деревенских из мокрой глины. Сочинение Карла Штифера»; «Дешевый способ покрывать кровли сельских строений (его же)»; «Способ производить картофельные семена разных сортов»; «Вино из картофеля производится следующим образом...» (см. в т. 8 наст. изд. раздел <«Департамен<т> Сельского Хозяйства под управлен<ием> Голтвянского Помещика Николая Васильева сына Гоголь-[Яновского]» (статьи хозяйственного содержания в записной книге 1830—1834 гг.)>).

...начальник мой по службе... — Панаев Владимир Иванович. Крайне неодобрительно относился к «Ревизору»: «Вдруг какой-то коллежский регистраторишка дерзает осмеивать... даже самих губернаторов» (*Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 159). к стр. 135

к стр. 136 *Журнал* — «Отечественные Записки», во втором и третьем номерах которого за 1830 г. напечатан «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви».

...роман, подаренный мне самим автором. — Подразумевается «Ягуб Скупалов, или Исправленный муж. Нравственно-сатирический роман» (печатался анонимно в «Отечественных Записках» в 1821—1822 гг., в 1830 г. вышел отдельным изданием за подписью П. П. Свиньина, в том же году переиздан анонимно). Наиболее вероятный автор романа Александр Карлович Бошняк; возможно, однако, соавторство П. П. Свиньина, от которого Гоголь получил книгу.

к стр. 137 *...за статью, переведенную с французского...* — Статья не была напечатана и до нас не дошла.

109. М. И. Гоголь

к стр. 143 *...описание Полтавы господина Свиньина...* — Полтава. (Из живописного путешествия по России Издателя О<течественных> З<аписок>) // Отечественные Записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб., 1830. Ч. 42. Апрель. № 120. См. раздел «Приложение» в т. 7 наст. изд.

111. М. И. Гоголь

к стр. 145 *...что квартира моя на пятом этаже.* — Гоголь жил в это время в доме Зверкова, на Екатерининском канале, у Кокушкина моста. Этот дом, законченный в 1817 г., был первым в Петербурге домом в пять этажей. Пятиэтажный «дом Зверкова» упоминается в «Записках сумасшедшего».

Шамшевы — знакомые М. И. Гоголь в Полтаве.

112. М. И. Гоголь и М. В. Гоголь

к стр. 146 *Кагорлык* — местечко Киевской губернии и уезда, принадлежавшее Трощинским.

113. М. И. Гоголь

к стр. 148 *...отрывки из комедии Светский Быт...* — Отрывки из комедии в стихах П. П. Свиньина «Светский Быт» (славянофильского характера) печатались, без подписи автора, в «Отечественных Записках» 1830 г. № 117 (январь), № 119 (март), № 121 (май). Несколько сцен той же комедии появились в том же 1830 г. в альманахе «Радуга»; сцены, помещенные в альманахе, подписаны «П. Свиньин».

...роман Якуб Скупалов. — Сочинение А. К. Бошняка и П. П. Свиньина «Ягуб Скупалов, или Исправленный муж. Нравственно-сатирический роман. 4 части. Москва. 1830 года» вышло без имени авторов.

Что вы нашли моего в этом Лоскутке бумаги? и я... буду столько неблагодарен... чтобы позабыть мою редкую мать... для какой-нибудь девчонки. Даже имя, подписанное под этой статьею, не похоже на мое... В. Б—в. — Имеется в виду очерк «Лоскуток бумаги», напечатанный в № 122 «Отечественных Записок» (июнь 1830 г.), с подписью: «Вл. Б—в». Автор — писатель Владимир Павлович Бурнашев (1812—1888). Герой рассказа В. П. Бурнашева повергает к ногам «девчонки» Анеты денежное вознаграждение по службе. к стр. 148—149

Милая сестрица! — Начиная с этих слов, следует приписка, обращенная к М. В. Гоголь. к стр. 149

114. М. И. Гоголь

...уведомить о г. Шостаке... — Григорий Ильич Шостак (ум. после 1837), двоюродный дядя М. И. Гоголь по матери. к стр. 150

...насчет дела г-жи Клименковой... — «Дело» Марьи Васильевны Клименко, помещицы, знакомой М. И. Гоголь, касалось мужа Клименко, который будучи членом комиссии по построению Храма Христа Спасителя в Москве, был отрешен от должности за хищения, из-за которых была уничтожена и отдана под суд и самая комиссия. Еще в 1825 г. Клименко, через посредство В. А. Гоголя добившись протекции Д. П. Трощинского и Л. И. Голенищева-Кутузова, безрезультатно хлопотал в Петербурге о своей реабилитации. История эта нашла отражение в первом томе «Мертвых душ» (см. коммент. к строкам одиннадцатой главы поэмы — *...комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения* — в т. 5 наст. изд.). к стр. 151

...мои обстоятельства идут чем далее, тем лучше и лучше. — В течение января 1831 г. в «Литературной Газете» появились три статьи Гоголя, причем под статьей «Женщина» (письмо В. А. и М. И. Гоголям от 10 июня 1821 г. [не вошло в собрание Шенрока]) впервые была подписана его фамилия. В это же время (декабрь 1830 — январь 1831) Гоголь познакомился с В. А. Жуковским и П. А. Плетневым («Записки», I, с. 84). Плетнев предложил Гоголю место учителя истории в Патриотическом институте.

...места наши, слава Богу, благополучны. — Замечание связано с эпидемией холеры, свирепствовавшей в России 1831 г.

115. Н. В. Гоголь — вице-президенту Департамента уделов Л. А. Перовскому

Впервые напечатано: *Ямпольский И. Г.* Документы о службе Гоголя в департаменте уделов // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 300. Печатается по первой публикации.

Находится в деле № 1068 1-го отделения Департамента уделов «об определении и увольнении чиновников по 2-му отделению», началось 23 февраля, кончилось 24 декабря 1831 г. На прошении имеются пометы канцелярии: «23 февр<аля> 1831»; «24 февр<аля> 1831» (очевидно — дата прошения и дата резолюции). См. также письмо № 107.

116. М. И. Гоголь

к стр. 154 *Государиня приказала читать мне в находящемся в ее ведении институте...* — В Патриотический институт на должность преподавателя истории Гоголь был назначен 9 февраля 1831 г. по рекомендации П. А. Плетнева. Назначение было произведено обычным порядком через статс-секретаря Н. М. Лонгинова.

Осенью поступит ко мне Екатерининский институт... — Преподавание Гоголя в Екатерининском институте и еще в «двух заведениях» не осуществилось.

к стр. 155 *...здешних знатных дам...* — Давая частные уроки, Гоголь сделался коротким знакомым княгини А. И. Васильчиковой, В. О. Балабиной и Лонгиновой (жены Н. М. Лонгинова).

к стр. 156 *Петр Федорович Цуревский* — помещик, сосед Гоголей по имению, родственник А. С. Данилевского; пытался завести селитряный завод.

...о... поляке... они теперь люди подозрительные. — Речь идет о Павле Осиповиче Трушковском, впоследствии муже М. В. Гоголь. Гоголь намекает на польское восстание 1831 г.

119. А. С. Данилевскому

к стр. 157 *В доме Зверкова.* — См. коммент. к письму № 111.

120. М. И. Гоголь

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 22–23.

121. А. С. Данилевскому

к стр. 158 *Красненькой* — Н. Я. Прокопович; прозвище было дано ему Гоголем за румяный цвет лица.

...Беранжером и Близнецовым... — Лица неустановленные.

Сом — возможно, писатель и критик Орест Михайлович Сомов (1793—1833).

Смирдин — книгопродавец и книгоиздатель А. Ф. Смирдин (1795—1857).

Моя книга вряд ли выйдет летом... — Цензурное разрешение первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» было подписано 26 мая 1831 г.

...воин... — А. С. Данилевский, окончивший школу подпрапорщиков.

122. М. И. Гоголь

Нынешние всеобщие несчастия... — Имеется в виду эпидемия холеры.

к стр. 159 *Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село...* — Гоголь познакомился с А. С. Пушкиным 20 мая 1831 г. на литературном

вечере у П. А. Плетнева. В Павловске Гоголь жил в доме княгини А. И. Васильчиковой в качестве домашнего учителя.

123. М. И. Гоголь

...мне скоро не удастся читать его. — Царское Село и Павловск были отделены от Петербурга противохолерными карантинами, на которых все письма задерживались для дезинфекции.

Данилевский — Александр Семенович, уехав из Петербурга на к стр. 160 Кавказ, останавливался в своем имении Семереньках, возле Васильевки.

124. А. С. Пушкину

Гоголь прожил лето 1831 г. в Павловске в качестве домашнего учителя в доме княгини А. М. Васильчиковой, Пушкин — в Царском Селе. Письмо связано с невыполненным обещанием, данным Пушкину, заехать к нему из Павловска в Царское Село, чтобы взять посылку с рукописью «Повестей Белкина» для передачи в Петербурге П. А. Плетневу.

...большую глупость моего корреспондента... — Лицо неуста- к стр. 161 новленное.

125. А. С. Пушкину

Настоящее послание написано по приезде Гоголя в Петербург из Павловска (см. коммент. к письму № 124). Оно обнаруживает знакомство Гоголя с только что написанной, но еще не опубликованной в то время статьей А. С. Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (1831).

...посылку и письмо. — Рукопись «Повестей Белкина» и письмо А. С. Пушкина к П. А. Плетневу были, вероятно, привезены в Петербург княгиней А. И. Васильчиковой.

...свидание с типографией. — В типографии Департамента народного просвещения печаталась первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Рассказ Гоголя был использован Пушкиным в письме-отзыве о «Вечерах...», помещенном в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» (1831. № 79. 3 октября).

Фактор — «главный приказчик» («Коммерческий словарь» гоголевской «Книги всякой всячины»).

Александр Анфимович Орлов — писатель. См. коммент. к строкам повести «Невский проспект» — *...хвалят Булгарина... Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове...* — в т. 3 наст. изд.

Фадей (Фаддей) Бенедик<тович> (Венедиктович) Булгарин — к стр. 162 издатель, писатель и журналист. См. также коммент. к строкам «Невского проспекта» в т. 3 наст. изд. (см. выше).

...романтизм решительно восторжествовал над классицизмом... — Позднее, в статье «Петербургская сцена в 1835—36 г.», Гоголь писал: «...что такое романтизм?.. это больше ничего, как стремление подвинуться ближе к нашему обществу, от которого мы были совершенно отдалены подражанием обществу и людям, являвшимся в созданиях писателей древних... Но как только... выказывался талант великий, он... обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойством художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание. Так совершил это Вальтер Скотт и, имея столько же размышляющего, спокойного ума, совершил бы Байрон...» Однако Байрон не только не «подвинулся ближе к нашему обществу», но, как замечает Гоголь в статье «О поэзии Козлова» (1831—1832), напротив, — «от бессилия передать... светлость и величие» жизни создал себе «в замену отвергнутого собственный... нестройный и чудный мир». «Он слишком жарок, слишком много говорит о любви и почти всегда с исступлением. Это что-то подозрительно» (из письма к А. С. Данилевскому от 20 декабря 1832 г.). Еще менее Байрона, согласно статье «Петербургская сцена...», оказались способными к созданию нового «классического» произведения французские романтики во главе с В. Гюго. «Их имя, — пишет Гоголь, — не остается в числе чистых воспоминаний». Далее он замечает о драме «Венецианская актриса» В. Гюго: «В этой драме, как во всех других, показал Гюго в полной мере молодость и незрелость своего таланта...» В «напряженных произведениях необузданной французской музы» (повесть «Рим») обнаруживается, на взгляд Гоголя, отрыв от жизни едва ли не больший, чем в удаленных от современности созданиях «писателей древних». «Когда весь мир ладил под лиру Байрона... — размышляет он в «Петербургских записках 1836 года», — в этом стремлении было даже что-то утешительное. Но Дюма, Дюканж и другие стали всемирными законодателями!.. О Мольер, великий Мольер!.. Где... жизнь наша? где мы со всеми современными страстями?.. лжет самым бессовестным образом наша мелодрама...» (примечательно, что патетическим обращением к «классицисту» Мольеру Гоголь был обязан Пушкину; см. коммент. к строкам статьи «Петербургские записки 1836 года» — *О Мольер, великий Мольер! ты, который так обширно и в такой полноте развивал свои характеры...* — в т. 7 наст. изд.). В статье «Петербургская сцена в 1835—36 г.» Гоголь также писал: «Стремление к странному произвело... в такой степени отступление в драме, какого не производили прежние классические писатели педантическою аккуратностью и отчетливостью... Мольер... явившись в нынешнее время, изгнал бы нынешнюю... беззаконную драму».

Очевидно, таким образом, что замечание в настоящем письме о «торжестве» романтизма над классицизмом, будто «в Англии Байрон, во Франции необъятный величостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных

явлений», проникнуто, как и все письмо, глубокой иронией. Не случайно оба явления — романтизм и называемый здесь «кораном на ходульных ножках» классицизм — в своем равном отвлечении от реальной жизни одинаково подходят у Гоголя под определение (в статье «Об архитектуре нынешнего времени», 1835) «восточного воображения» — источника арабских «волшебных сказок» и «азиатской роскоши» — «воображения... горячего, чудесного, облекшегося в <г>иперболу и аллегорию, пролетевшего мимо жизни и прозаических нужд ее». Ср. замечание Гоголя о создателе Корана в лекции «Первобытная жизнь арабов. Переворот в образовании нации, произведенный Магометом...»: «Желая сильнее действовать на пламенную, чувственную природу арабов, обещал рай, облеченный всею роскошью восточных красок...» И слова Гоголя в «Авторской исповеди»: «Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к Тому, Кто есть источник жизни». Размышления о «раздоре мечты с существенностью» — об отвлеченности от жизни «романтизма» — нашли также отражение в повести Гоголя «Невский проспект». По наблюдению В. В. Гиппиуса, художник Пискарев, «отрицая действительность во имя воображения... питает свое воображение наркотиками и этим предсказывает дальнейшие пути и перепутья эстетического иллюзионизма в Европе, является первым в нашей литературе декадентом» (*Гиппиус В.* Гоголь // *Гиппиус В.* Гоголь; *Зеньковский В., <прот., проф.>*. Н. В. Гоголь. СПб., 1994. С. 47). См. также сопроводит. статьи к т. 3 и 4 наст. изд.; коммент. к строкам шестой главы первого тома «Мертвых душ» — *...какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой... он в небесах и к Шиллеру заехал в гости...* — в т. 5; коммент. к строкам шестого раздела статьи «О преподавании всеобщей истории» — *...вся Европа... валится в Азию... это великое событие порождает рыцарство...* — в т. 6; и коммент. к статье «Шлецер, Миллер и Гердер» в т. 7.

Надеждин Николай Иванович — критик и журналист, профессор Московского университета; резко критиковал романтические произведения Байрона, В. Гюго, раннего Пушкина, говорил о создании новой поэзии, которая бы соединяла в себе романтизм и классицизм.

Надежда Николаевна — Гоголь так ошибочно назвал Наталью к стр. 163
Николаевну Пушкину, жену А. С. Пушкина.

126. М. И. Гоголь

О болезни совсем и не слышно... — О холере.

Книжка вам будет приятна... — В отправленном Гоголем матери альманахе А. А. Дельвига «Северные Цветы на 1831 год» (цензурное разрешение 18 декабря 1830 г.) была напечатана «Глава из исторического романа», с подписью «0000» и датой «1830». П. А. Кулиш

со слов В. П. Гаевского объяснял подпись тем, что «О» встречается четыре раза в имени и фамилии автора: Николай Гоголь-Яновский (см.: <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Опыт биографии Н. В. Гоголя… СПб., 1854. С. 43).

127. А. С. Пушкин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано П. А. Кулишом в изд.: Библиографические Записки. 1858. Т. 1. № 3. Стб. 75. Печатается по изд.: *Пушкин* <*А. С.*> Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937—1950. Т. 14. № 663.

128. В. А. Жуковскому

к стр. 164 *...с своею книгою...* — первым томом «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Розетти — Александра Осиповна Россет.

к стр. 165 *Карантины* — были образованы в связи с эпидемией холеры.

Окна мелом... — цитата из «Евгения Онегина» (гл. 6, строфа XXXII).

Сказка ваша... окончена... — «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване Царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери». Позднее, в письме к княгине В. Ф. Вяземской из Франкфурта-на-Майне от 6/18 мая 1845 г., А. И. Тургенев сообщал, что приехавший накануне из Гомбурга Гоголь читал вслух стихотворную сказку Жуковского «Иван-царевич» (см.: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 4. С. 310). Запись об этом чтении сохранилась также в дневнике А. И. Тургенева: «*17 мая <1845>*… Читали *Одиссею, Ивана-царевича*» (*ИРЛИ.* Ф. 309. Ед. хр. 300. Л. 36 об.; опубл.: *Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 193).

...начата другая... — «Сказка о спящей царевне».

И Пушкин окончил свою сказку. — «Сказку о царе Салтане».

к стр. 165—166 *...воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол... да покланяются потомки и да имут место, где возносить умиленные молитвы свои.* — Образ несет в себе скрытые новозаветные реминисценции. Ср. в Послании св. апостола Павла к Ефесянам: «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным *камнем*, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе...» (гл. 2, ст. 19–21). В Первом Соборном послании св. апостола Петра: «Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (гл. 2, ст. 4–5). Примечательно, что в конце жизни Гоголь называл

А. С. Пушкина «нашим первоапостолом» (см.: Гоголь в воспоминаниях современников. С. 446). См. также коммент. к строкам письма Гоголя к М. П. Погодину от 1 декабря (н. ст.) 1838 г. — *Но мы можем, как первые христиане в катакомбах и затворах совершать наши творения*; и к строкам письма Гоголя к А. О. Смирновой от 28 декабря (н. ст.) 1844 г. — *К этому примешалась мысль о единстве Церкви в каком-то безотчетном, не объяснившемся для него самого соединении с литературой...*

129. М. И. Гоголь и М. В. Гоголь

...с радостным днем вашего Ангела... — 1 октября ст. ст., празднование Покрова Пресвятой Богородицы. к стр. 166

...эту небольшую книжку. — Первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (СПб., 1831).

130. М. И. Гоголь

Директор Опекунского совета мне знаком... — Управляющим петербургской ссудной казны был почетный опекун, князь Николай Леонтьевич Шаховской, директорами ссудной казны были А. П. Энгельсов и Г. И. Кузьминский. С кем из них был знаком Гоголь, — неизвестно. к стр. 168

133. А. С. Данилевскому

...если бы Купидо сердца не подогнало лозою... — из комедии Я. Б. Княжнина «Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду» (д. III, явл. I) (1790). к стр. 170

Я обращался к здешним артисткам указать мне лучшее... — Гоголь называет фрейлин С. А. Урусову и А. О. Россет «артистками» как любительниц музыки.

Сильфида Урусова — фрейлина Софья Александровна Урусова (1804—1889).

Ласточка Розетти — Александра Осиповна Россет (в замужестве Смирнова, 1809—1882). Гоголь называет А. О. Россет «ласточкой», имея в виду посвященное ей четверостишие князя П. А. Вяземского («К А. О. Россетти»), напечатанное в альманахе «Северные Цветы на 1831 год» (см. коммент. к письму № 126): «Красою смуглого румянца, / Смотрите, как она южна; / Она желтее померанца; / Живее ласточки она» (*Вяземский П. А.*, кн. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 4. С. 122).

Великодушная Смертная — Эмилия Александровна Клингенберг, позднее жена А. П. Шан-Гирея, двоюродного брата Лермонтова.

Титов Николай Александрович (1800—1875) — популярный композитор-дилетант, прозванный «дедушкой русского романса», сочинявший также танцы, марши и т. п. Гоголь имеет в виду французскую кадриль (a mol) «Vieux peches», сочиненную в 1824 г.

Порося мое давно уже вышло в свет. — «Вечера на хуторе близ Диканьки» появились в сентябре 1831 г. (см. письмо № 128).

Василий Иванович, совокупно с любезным зятем, Егором Львовичем... — отчим Данилевского и Е. Л. Лаппо-Данилевский, женатый на сестре А. С. Данилевского, Марье Семеновне.

...славы дань, кривые толки, шум и брань. — Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. I, строфа LX).

Ольдекопов словарь — Ольдекоп Евстафий Иванович (1787—1845), цензор, переводчик, издатель карманных немецко-русских и французско-русских словарей.

к стр. 171 *...я... не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице.* — Имеется в виду вспыхнувший в июне 1831 г. в Петербурге холерный бунт.

У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка. — Гоголь имеет в виду «Домик в Коломне», оконченный 10 октября 1830 г. в Болдине.

Одна (сказка) писана даже без размера, только с рифмами. — «Сказка о попе и работнике его Балде».

134. М. И. Гоголь

к стр. 172 *Домна Матвеевна* — Косяровская, тетка М. И. Гоголь.

Олимпиада Федоровна — Тимченко, сестра А. Ф. Тимченко.

...дедушке нанесена такая неприятность... — Речь шла о долге, которого несколько лет не мог взыскать с должника И. М. Косяровский, получив в конце концов взамен лишь небольшое имение Лукашевку в Хорольском уезде. По-видимому, об этой «неприятности» и упоминает Гоголь в письме. 30 апреля 1829 г. он писал матери: «Свидетельствую мое почтение дедушке. (Скажите пожалуста, что его тяжба? имеет ли конец)...». Через год, в апреле 1830 г., Мария Ивановна сообщала Петру П. Косяровскому: «Дело папиньки моего все в том же положении, как вы его оставили, зрение его притупляется с каждым днем, и сие несчастное его положение разрывает мою душу» (*РНБ*. Ф. 199. Ед. хр. 15. Л. 56 об.). Позднее Мария Ивановна вспоминала: «Один из братьев маменьки моей, меньшой <Шостак>, будучи небольшим, всегда задумывался, и когда его спрашивали, — о чем думает, то он отвечал: “Я ищу места вырыть колодезь такой, чтобы можно было черпать деньги”, — и в продолжение своей жизни точно имел большие деньги от прожектов своих, но окружен был всегда неблагонамеренными людьми, которые, получая от него по нескольку тысяч жалованья, обирали его. Он, по себе судя, не подозревал их. Он брал на откупа города, и случалось у него по миллиону, и потом ровно ничего, и опять наоборот. В одно время, имея деньги, он разослал в подарок сестрам своим по 10 тысяч, братьям по 25, а старшему брату, любящему жить хорошо, 50 тысяч, покуда еще не успели распорядиться его деньгами. Получа от него деньги, мои родители не успели еще рассудить, как полезнее их употребить для детей, как один

услужливый человек предложил отдать ему на процент, который будет платить с большой аккуратностью до востребования капитала. Но мои родители не только не получили проценту, но и капитала не могли вытребовать; и бедный отец мой должен был завесть иск, и весь свой век хлопотал по тому делу, всегда сам писал бумаги и при конце уже жизни получил именийце в Хорольском уезде в число тех денег» (*Виноградов И. А.* Новые мемуарные источники о Гоголе // Гоголевский вестник. Вып. 1. М., 2007. С. 249–250).

136. А. С. Данилевскому

Тут ты найдешь Языкова... — Н. М. Языков напечатал в «Се- к стр. 174
верных Цветах» на 1832 г. следующие стихотворения: «Песня» («Он был поэт: беспечными глазами...»), «Им», «Бессонница», «К<аролин>е К<арловн>е Я<ниш>ъ» («Вы, чьей душе во цвете лучших лет...»), «И. В. К<иреевскому>» («Щеки нежно пурпуровы...»), «А. А. Дельвигу» («Там, где картинно обгибая...»).

Кроме указанных Гоголем произведений Пушкина («Моцарт и Сальери» и «Делибаш»), в «Северных Цветах» были помещены его «Анфологические эпиграммы» («Царскосельская статуя», «Отрок», «Рифма», «Труд»), затем «Эхо», «Анчар», «Бесы», «Дорожные жалобы».

Жуковского Змия — «Сражение со змеем».

Я читал и рекомендацию ей от Булгарина в Северной Пчеле... — В «Северной Пчеле» (1831. № 219, 220) была помещена рецензия на «Вечера на хуторе близ Диканьки», подписанная инициалом *В.* и принадлежавшая, вероятно, В. А. Ушакову.

137. М. И. Гоголь

Булгаков Константин Яковлевич (1782—1835) — был в 1832 г. к стр. 175
петербургским почт-директором и директором Почтового департамента. Гоголь встречался с Булгаковым у В. А. Жуковского.

Очень рад, что сестре открывается такая хорошая партия. — Речь идет о замужестве М. В. Гоголь, вышедшей в начале 1832 г. за П. О. Трушковского.

138. М. И. Гоголь

Фрагмент письма, начиная со слов: «Маленькие сестрицы найдут в этой посылке...», — печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 51.

...кончик моей фамилии, я не знаю, где делся. — См. коммент. к разделу <«Департамен<т> Сельского Хозяйства под управлен<ием> Голтвянского Помещика Николая Васильева сына Гоголь-[Яновского]» (статьи хозяйственного содержания в записной книге 1830—1834 гг.)> в т. 8 наст. изд.

Варвара Семеновна — няня младших сестер Гоголя.

139. М. И. Гоголь

к стр. 177 *...письмо мое от 7-го, кажется, февраля...* — От 6 февраля. См. письмо № 138.

140. М. И. Гоголь

к стр. 178 *Мне очень странно... что вы столько хлопочете о Багрееве.* — Александр Алексеевич Фролов-Багреев (1785—1845), муж дочери М. М. Сперанского, Е. М. Фроловой-Багреевой (рожд. Сперанской; 1799—1857), служил гражданским губернатором в Чернигове; с 1824 г. стал членом совета Министерства финансов, с 1834-го — сенатором. Фролов-Багреев был полтавским помещиком, в 1832 г. с ним познакомилась мать Гоголя.

Зеленецкая — Варвара Степановна, соседка Гоголей по имению.

141. А. С. Данилевскому

к стр. 179 *...северная повелительница моего южного сердца...* — О ком идет речь — неизвестно.

143. А. С. Данилевскому

к стр. 181 *Руч* — модный петербургский портной. См. коммент. к строкам первого издания «Ревизора» — *...приеду домой в петербургском костюме...* — в т. 7 наст. изд. и к слову — *Руч* — в статье неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии в т. 8.

к стр. 182 *Ensemble* — всецело (*фр.*).

Хрия — риторические правила построения рассуждения.

Возвышенный — прозвище Н. В. Кукольника, данное ему Гоголем, вероятно, еще в Нежине за увлечение Ф. Шиллером. (Н. В. Кукольник выведен в образе «замечтавшегося двадцатилетнего юноши» в заключении шестой главы первого тома «Мертвых душ»; см. коммент. к строкам шестой главы первого тома «Мертвых душ» — *...какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой... он в небесах и к Шиллеру заехал в гости...* — в т. 5 наст. изд.). Нестор Кукольник был одним из ближайших учеников профессора немецкой словесности Нежинской гимназии Ф. И. Зингера, который прививал своим ученикам вкус к Шиллеру (впоследствии Кукольник написал о Зингере свои воспоминания). Цена «возвышенности» Кукольника была, однако, хорошо известна Гоголю. Соученики Гоголя и Кукольника братья А. Ю. и П. Ю. Артыновы вспоминали: «Пред Кукольником мы благоговели. Он когда еще приехал из Петербурга с отцом своим... то уже знал отлично языки французский, немецкий, итальянский... Словом, он стоял выше всех нас целою головою. И представьте себе, один Гоголь, эта, можно сказать, пешка, не хотел признавать достоинства Кукольника и называл его просто

шарлатаном... Оно, правду сказать, и Кукольник был порядочный гуляка. Особенно любил он игру на билиарде. Бывало целые ночи просиживал для этого в трактирах и только к 6-ти часам утра возвращался в корпус. При этом он отлично умел надувать надзирателей...» (*Мацеевич Л.* Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии // Русский Архив. 1878. Кн. 3. С. 192; воспоминания А. Ю. и П. Ю. Артыновых были переданы их братом Н. Ю. Артыновым). Примечательно при этом, что Кукольник, подобно своему наставнику Зингеру, отличался и изрядным «свободомыслием». В материалах «дела о вольнодумстве», расследовавшегося в стенах Нежинской гимназии, на этот счет говорится: «На... допросе, производившемся 17–29 мая <1828 г.>, ученики (Колышкевич и двое Котляревских) показали <...> что, до приезда нового директора, Кукольник и другие из меньшего возраста в саду и в классе, до прихода Зингера, говорили свои наставления с кафедры, подобно лекциям, о метафизике, эстетике и магнетизме, причем вольно и непристойно говорили о религии; что Кукольник давал ученикам своего сочинения трагедию "Марию", дерзко и непристойно написанную, и читал ее в классе большею частию перед лекциями Белоусова...» (*Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820—1832 гг.). Киев, 1879. С. 112–113). Александр Котляревский, сообщая на следствии 19 марта 1828 г. высказывания Зингера о мощах, добавлял, что Кукольник, вместе с некоторыми другими учениками, «говорил ему, Александру Котляревскому, в саду в августе месяце прошлого 1827-го года о Религии Христианской мнения свои весьма дерзкие; в прочем Александр Котляревский подтвердил показание Колышкевича о сочинениях Кукольника и прибавил, что сам Кукольник давал своего сочинения трагедию "Марию" ему, Александру Котляревскому, читать. На спрос же, какие точно слова говорил Кукольник насчет религии, то Александр Котляревский показал, что Кукольник именно говорил: что Христос был только великий философ, юрист; политик и великий человек; и что Лазарь, которого Христос воскресил, не умирал, а находился только в летаргическом сне от напитка, Петром апостолом ему умышленно данного, что апостолы были люди простые и что они не по нашествию Святаго Духа говорили разными языками, но были прежде уже научены тем языкам от Христа и прочее тому подобное» (Дело по обвинению Белоусова в нелепых словах, сказанных им в классе // Российский государственный исторический архив (далее — *РГИА*). Ф. 733. Оп. 69. Ед. хр. 61. Л. 1 об.; опубл.: *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. Харьков, 1908. С. 13). Следствие не без оснований усмотрело источник этих высказываний во взглядах «прогрессивных» профессоров, в том числе Ф. И. Зингера.

Пан Платон — Кукольник Платон Васильевич, брат Н. В. Кукольника.

Тасс — драма Н. В. Кукольника «Торквато Тассо» (СПб., 1833).

Красненькой — Н. Я. Прокопович (см. коммент. к письму № 121). к стр. 183

144. М. И. Гоголь

...об ответе Андрея Андреевича. — Трощинского.

Я очень одобряю на этот раз суеверие бабушек и желаю... чтобы этот брак... был заключен... в апреле. — Гоголь имеет в виду примету «кто женится в мае, тот весь век будет маяться», но «одобряет» эту примету лишь в шутку — чтобы ускорить брак сестры.

...вы уверили меня, что Александра Федоровна Тимченкова вышла замуж за Нежинцева... — Слух об этом не оправдался.

к стр. 184 *Николай Осипович* — лицо не установленное.

145. А. С. Данилевскому

Руч — см. коммент. к письму № 143.

146. М. И. Гоголь

к стр. 185 *Алексей Васильевич* — Капнист (1796—1869), сын В. В. Капниста и наследник имения Обуховка, с 1829 г. — миргородский уездный предводитель дворянства.

149. Статс-секретарю у принятия прошений, на Высочайшее имя подаваемых, Н. М. Лонгинову

Впервые напечатано: *Белозерская Н. А.* Н. В. Гоголь. Служба его в Патриотическом Институте, 1831—1835 // Русская Старина. 1887. № 12. С. 750. Печатается по первой публикации с уточнением по изд.: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813—1913 г. СПб., 1913. С. 271–277.

Лонгинов Николай Михайлович (1775—1853) — статс-секретарь по учреждениям ведомства Императрицы Марии, тайный советник; главный начальник Гоголя как учителя Патриотического института благородных девиц; впоследствии — член Государственного совета и сенатор. В 1831 г. Гоголь был домашним учителем детей Лонгинова.

10 июня 1832 г. начальница Патриотического института Л. К. Вистингаузен сопроводила прошение Гоголя запиской на имя Н. М. Лонгинова: «Учитель истории в Патриотическом Институте 14 класса, Николай-Гоголь-Яновский, желая воспользоваться наступающим вакантным от учения временем, просит об увольнении на сие время в отпуск Полтавской губернии в Миргородский повет, с выдачею надлежащего паспорта. О такой просьбе учителя Яновского честь имею представить на благорассмотрение Вашего Превосходительства». На это последовала резолюция: «Высочайше уволен. 13-го июня 1832 г.» (*Белозерская Н. А.* Н. В. Гоголь. Служба его в Патриотическом Институте, 1831—1835 // Русская Старина. 1887. № 12. С. 751; см. также: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813—1913 г. СПб., 1913. С. 271–277).

По прошению Гоголя ему был выдан паспорт: «По указу Его Величества Государя Императора Николая Павловича, Самодержца Всероссийского и проч., и проч., и проч. Предъявитель сего, служащий при состоящем под Высочайшим покровительством Государыни Императрицы Патриотическом Институте учителем 14-го класса Николай Васильевич сын Гоголь-Яновский, вследствие Высочайшего Ее Императорского Величества соизволения, уволен в Полтавскую губернию от сего числа на двадцать восемь дней, в уверение чего дан сей паспорт за подписанием моим и приложением герба моей печати.

С.-Петербург. Июня 1832 г.

Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего тайный советник, статс-секретарь у принятия прошений, на Высочайшее имя подаваемых, член комиссии прошений и комитета заслуженных гражданских чиновников и разных орденов кавалер Ник<олай> Лонгинов» (*Белозерская Н. А.* Н. В. Гоголь. Служба его в Патриотическом Институте, 1831—1835 // Русская Старина. 1887. № 12. С. 751; см. также: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813—1913 г. СПб., 1913. С. 271–277).

150. А. С. Данилевскому

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 1.

Счастлив ты в прелестных... Ты Сенпри в карикатурах. — Гоголь цитирует первую строфу эпиграммы Пушкина (на неизвестное лицо): «Счастлив ты в прелестных дурах, / В службе, в картах и в пирах; / Ты St. Priest в карикатурах, / Ты Нелединский в стихах». Эпиграмма впервые напечатана в «Северных Цветах на 1830 г.». Сенпри (St. Priest) — граф Эммануил Карлович (1803—1828), сын французского эмигранта, был известен своими карикатурами, до нас не дошедшими. к стр. 187

151. М. И. Гоголь

...товарищ мой... — А. А. Божко. к стр. 188

152. Н. Я. Прокоповичу

...приехать с братом... — Речь идет о В. Я. Прокоповиче, младшем брате Н. Я. Прокоповича.

153. М. П. Погодину

М. П. Погодин о знакомстве с Гоголем записал в своем дневнике под 11 июня — 7 июля 1832 г.: «Познакомился с рудым пасичником Гогелем Яновским <так в автографе> и имел случай сделать ему много одолжения. Гов<орили> с ним о Малорос<сийской> Истории,

и проч. — Большая надежда, если восстановится его здоровье. — Он [большая над<ежда>] рассказал много чудес о своем Курсе Истории в Педаг<огическом> инстит<уте> женском в Петерб<урге>. (Из его воспитанниц нет ни одной неуспевшей.)» (*Погодин М. П.* Дневник. 1829—1840; *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 83; опубл., с неточностями: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Т. 4. С. 113).

к стр. 189 *...за Ричардсоновой Клариссою...* — Роман в письмах английского писателя С. Ричардсона «Клариса» («Clarissa, or the History of a young lady», 1748; рус. пер. 1791—1792).

154. М. П. Погодину

М. П. Погодин, получив настоящее письмо Гоголя, записал в дневнике: «1832... Август... 5... Письмо от Гоголя пр<*нрзб.*>тное. — К Дядьк<овскому> об его здоровье... Шир<яев> не хочет покупать сказки Гог<оля>... Пис<ал> письмо к Гог<олю>» (*Погодин М. П.* Дневник. 1829—1840; *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 86 об.).

155. И. И. Дмитриеву

Гоголь познакомился с И. И. Дмитриевым, будучи проездом в Москве летом 1832 г.

Для понимания настоящего письма важно иметь в виду, что Гоголь приехал в Васильевку после почти трех с половиной лет пребывания в Петербурге, а потому поневоле был поражен представшим ему контрастом между столичной и провинциальной жизнью. При изобилии хлеба и «всего растительного» он увидел недоимки, расстроенные имения, бедность народа. Тревога о судьбе Малороссии и патриархальной России в целом вплотную поставила перед Гоголем вопрос о средствах, которые при невоздержности помещиков все-таки приостановили бы начавшееся истощение. Он начинает размышлять о невольной надобности заведения помещиками в своих имениях «мануфактур и фабрик», о «недостатке сообщения» — обо всем том, что, по его мнению, могло бы «возвысить доходы» (так же, как размышляет он в то время о применении «физической железной силы» в эпоху Крестовых походов перед угрозой арабо-мусульманского нашествия. В статье «Взгляд на составление Малороссии», начатой в 1832 г., он пишет о казаках: «Они поворотили против татар их же образ войны...»). Однако нравственная оценка этих средств остается прежней. Стоило Марии Ивановне, поддавшись на уговоры своего зятя П. О. Трушковского, приступить к заведению в Васильевке кожевенной фабрики, как Гоголь пишет ей: «Сколько раз я проклинал мысленно эту сапожную фабрику... Зачем нам деньги, когда они ценою вашего спокойствия? На эти деньги... мне все кажется, что мы будем глядеть такими глазами, как Иуда на сребреники...» (письмо от 8 июня 1833 г.).

Соответствующие высказывания можно встретить в гоголевских письмах 1830-х гг. и о «недостатке сообщения». 6 марта 1834 г. он пишет И. И. Срезневскому: «Песен я знаю и имею много... Но... бьюсь об чем угодно, что теперь же еще можно сыскать в каждом хуторе, подальше от большой дороги и разврата, десятка два неизвестных другому хутору»; 17 марта матери: «Я уже не говорю о том, что нанятые мастеровые всегда приносят с собою разврат, часто разные заразительные болезни в деревню». Не случайно и в «Мертвых душах» первое, что встречается на пути Чичикова, выезжающего из захолустья Коробочки на «столбовую дорогу», — трактир, и здесь, словно мимоходом замечает автор, содержательница трактира запрашивает с Ноздрева «вчетверо против того, что стоила водка».

Подробнее о содержании настоящего письма в контексте размышлений Гоголя над судьбой патриархальной Малороссии и России в целом см. в сопроводит. статье к т. 2 наст. изд.

...в деревне... какая описана... Карамзиным. — Имеется в виду к стр. 191
очерк Николая Михайловича Карамзина «Деревня» (1792).

157. Петру П. Косяровскому

Приписка в конце письма сделана Марьей Ивановной Гоголь.

158. И. И. Дмитриеву

Рад, что вам понравились мои несовершенные начатки... — к стр. 194
Речь идет о «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

159. П. А. Плетневу

В Курске Гоголь был проездом на обратном пути из Васильевки в Петербург.

...сестры мои, которых везу с собою в Патр<иотический> инст<итут>... — В конце февраля 1813 г. Императорским Женским Патриотическим Обществом был основан пансион, или институт, для дочерей раненых и погибших в войне офицеров. Назывался этот институт сначала Сиротским училищем 1812 года, затем — Училищем женских сирот 1812 года, Домом воспитания сирот 1812 года, Сиротским отделением 1812 года, Училищем Женского Патриотического Общества, Институтом Женского Патриотического Общества и даже просто Патриотическим Институтом. «... В 1817 году по повелению Государя Императора Николая Павловича это Училище было по особому указу официально названо “институтом”» (*Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813—1913 г. СПб., 1913. С. 7). С начала 1820 г. институт помещался в новом здании на Васильевском Острове, 10 линия, двухэтажный дом купца Бопре, достроенный третьим этажом

к 1820 г. (по соседству с Морским корпусом). Об обучении сестер Гоголя Анны и Елисаветы в Патриотическом институте см. коммент. к <Списку вещей, назначенных Н. В. Гоголем для покупки сестрам в 1839 г.> в т. 9 наст. изд.; коммент. к письму № 163 в наст. томе, а также статью: *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь в Патриотическом институте // Елизаветинские чтения. Памяти Императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Феодоровны: сб. науч. тр. М., 2006. С. 58–63).

160. М. И. Гоголь

Печатается по автографу: Отдел рукописей Государственного литературного музея (далее — *ГЛМ*). Ф. 67. Оп. 1. № 4 (сложенный вдвое лист почтовой, сильно пожелтевшей бумаги, размер 205 × 125; на обороте дарственная надпись племянника Гоголя Н. В. Быкова, сына Е. В. Быковой (рожд. Гоголь): «Дмитрию Александровичу Иванс<*нрзб.*> на память о его… родстве Гоголя от племянника Н. В. Гоголя Н. В. Быкова. 1908. 23 сентября. С. Васильевка»).

161. М. И. Гоголь

к стр. 196 *Москва так же радушно меня приняла, как и прежде…* — Впервые Гоголь побывал в Москве летом 1832 г. Он останавливался здесь проездом на родину в Малороссию. Настоящее письмо написано во время второго посещения Москвы, при возвращении осенью в Петербург. Несмотря на недолгие, всего по нескольку дней, остановки в Москве, Гоголь успел тогда познакомиться с целым кругом лиц, с которыми надолго сохранил тесные дружеские связи, — М. П. Погодиным, Аксаковыми, И. И. Дмитриевым, М. Н. Загоскиным, М. С. Щепкиным, Киреевскими, О. М. Бодянским, М. А. Максимовичем, Д. Н. Свербеевым и др. 8 декабря 1832 г. П. А. Плетнев сообщал В. А. Жуковскому из Петербурга: «Гоголь нынешним летом ездил на родину… В Москве он виделся с И. И. Дмитриевым, который принял его со всей любезностию своею. Вообще тамошние литераторы, кажется, порадовали его особенным вниманием к его таланту. Он не может нахвалиться Погодиным, Киреевским и прочими» (*Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 552).

162. М. И. Гоголь

Катерина Ивановна — Ходаревская.

163. М. И. Гоголь

…в институте произошли небольшие переделки, и помещения совсем нет. — Вопрос о принятии сестер Гоголя в Патриотический институт в то время еще не был решен. 13 ноября 1832 г. начальница института Л. К. Вистингаузен писала статс-секретарю Н. М. Лонгинову: «Учитель Патриотического института 14 класса Гоголь-Яновский, возвратясь из домового отпуска, привез с собою двух сестер

в том предположении, чтобы определить их в Патриотический институт для воспитания. Девицы сии не могут поступить ни на правах штатных воспитанниц, ни пансионерок (В правилах Патриотического института заключается статья, по которой «принимаются в сие заведение только дочери военных чинов». Н. Б. — Примеч. Н. А. Белозерской. — *И. В., В. В.*), но г. Гоголь просит, чтобы их поместить взамен его жалованья, коего производится ему от института 1200 р. в год. Принять сих девиц сверхкомплектными воспитанницами на таком положении, чтобы содержание их, как на платье, белье, так и на стол, производилось из экономии, без всяких для института особых издержек, я нахожу возможным и выгодным для института. Выгода сия дает еще новый способ составить особый капитал, если Вашему Превосходительству благоугодно будет исходатайствовать Высочайшее соизволение Ее Императорского Величества на обращение означенных остающихся в экономии 1200 р. для пенсионов служащих при заведении, тем более, что институт не имеет в виду особых сумм для такого назначения, но, считая обязанностию объяснить в сем случае мнение мое, я все сие предоставляю благоусмотрению Вашего Превосходительства». В ответ на эту записку последовала резолюция: «Ее Императорское Величество соизволила утвердить сие представление, с тем, чтобы милость сия не служила примером впредь для других, единственно по уважению к ходатайству г-жи начальницы института, повелев также и в списках воспитанниц и пансионерок девиц Гоголь-Яновских не считать, за неимением ими права на поступление в Патриотический Институт. 5-го декабря 1832 г. Н. Лонгинов» (*Белозерская Н. А.* Н. В. Гоголь. Служба его в Патриотическом Институте, 1831—1835 // Русская Старина. 1887. № 12. С. 752–753; см. также: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813—1913 г. СПб., 1913. С. 271–277). См. также коммент. к письму № 159.

...Борисовича... Борисовны... — См. коммент. к письмам № 66, 71. к стр. 197

164. М. П. Погодину

...завяз в хлопотах... — Речь идет об устройстве сестер в Патриотический институт благородных девиц (см. коммент. к письмам № 159, 163).

...сам как будто на земли, / А пред тобою небо открывалось. — к стр. 198
Цитата из «Фауста» Гете в переводе Д. В. Веневитинова: «Недаром иногда пороешься в пыли, / И, право, отрывать случалось / Такой столбец, что сам ты на земли, / А будто небо открывалось» (впервые опубл.: Соч. *Д. В. Веневитинова.* Ч. 1: Стихотворения. М., 1829. С. 121). Цитата также использована Гоголем в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» при характеристике взглядов швейцарского историка Иоганна Миллера (Мюллера; 1752—1809): «...они так высоки и глубоки, что открывшему их открывается, по выражению Вагнера в “Фаусте”, на земле небо».

Гаевский — Семен Федорович, петербургский врач.

166. М. И. Гоголь

Строки на обороте письма печатаются впервые по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 6–7.

к стр. 199 *Я был в Опекунском совете.* — По просьбе матери Гоголь выяснял в Опекунском совете дело об уплате процентов за заложенную Васильевку.

Губернатор — полтавский губернатор П. И. Могилевский.

167. М. А. Максимовичу

к стр. 200 *...виршу, говоренную запорожцами...* — См. коммент. к гоголевской «Книге всякой всячины...» в т. 9 наст. изд. В бумагах М. А. Максимовича оказалось несколько списков этой вирши, причем один из них, переданный в редакцию «Киевской Старины» С. И. Пономаревым, «писал собственной рукой Н. В. Гоголь» (Киевская Старина. 1882. № 4. С. 168; Житє і Слово. Львов, 1894. № 3. С. 444–449).

к стр. 201 *...поклон также земляку, живущему с вами...* — К этим строкам М. А. Максимович на подлиннике письма приписал: «Бодянскому, который, будучи тогда студентом, жил у меня в Ботаническом саду».

168. М. И. Гоголь

...хотите продать одну землю, а людей оставить... Ведь вам нужно, маминька, денег и в приказ отдать, и в Опекунский совет, и еще несколько тысяч на предполагаемый вами кожевенный завод. — Речь идет о продаже имения Лукашевки в Хорольском уезде, полученного отцом М. И. Гоголь И. М. Косяровским в счет долга (см. коммент. к письму № 134). Это имение И. М. Косяровский отдал дочери. Мария Ивановна позднее вспоминала: «Он отдал его мне. Я землю продала, так как она была вся в лоскутках, а людей перевела в Васильевку <очевидно, после 1832 г.>. За вырученные деньги послушала неопытных людей и завела кожевенную фабрику, на которую после еще занимала деньги, по просьбе моего зятя <П. О. Трушковского>. Он был очень солиден, хотя и молод. Попавшийся нам шарлатан, австрийский подданный, уверил его, что мы будем получать по 8000 годового доходу на первый случай, а дальше и еще больше, и такие резоны представлял, что можно было поверить. Из теляч<ь>ей кожи, стоющей с выделкой 1 р<убль> ассигнациями, сшивши сапоги, получается по крайней мере 8 р<ублей>. В тот год приехал сын мой (имеется в виду пребывание Гоголя в Васильевке с конца июля по конец сентября 1832 г. — *И. В., В. В.*) и советовал нам начать с маленького масштабу. Фабрикант сказал: «Зачем терять время даром! почему не получать вместо пяти тысяч сто?» Мой сын велел ему из отлично выделанных им кож сшить на пробу сапоги и прислать ему в С.-Петербург. Он сшил сам также отличные сапоги с золотыми гвоздиками

на подошве и калоши зимние — шерстью в средину, на лице незаметно, что они теплые, что для военных людей было бы очень нужно. Получа те вещи, сын мой, увидя такую изящную работу, познакомился нарочно для этого с фабрикантами тамошними, чтоб доставить нам выгоду. Они сказали, чтобы доставить на фабрику такую работу и разных ремешков в промежутки той работы, что могут и малолетние дети работать. Нанято было сапожников 25 человек, как подскочил страшный голод, покупали хлеб по 3 р<убля> пуд, а между тем фабрикант наш намочил кожи и сдал на руки ученикам, которые ничего не знали, а сам, набравши несколько сотен сапогов, поехал продавать. Люди, с ним поехавшие, не знали, почем он продавал, а только возили, куда он продал. Он, как мы после узнали, продавал даже по 2 рубля и, получа деньги, на шампанском со своими знакомыми пропил. Мы не знали, что он имел слабость пить. Когда начал управитель, тогда бывший у нас, спрашивать отчета, то он сказал, что ездил для больших для фабрики дел, а о такой безделице он не намерен отдавать отчета, что он договорился с полковником на ранцы. Тогда я его позвала и объявила, что больше на словах не верю ничего, когда не покажется на деле. Итак, как он долго не возвращался, то кожи, оставленные им, все испортились и он бежал, и мы не знали, что с теми кожами делать. Он обманул еще пять помещиков очень аккуратных и умных. Наконец умер, и столько наделал долгов, занимая в разных руках, что должны были заложить Васильевку, чтоб с ними расплатиться, на 26 лет и платить по 500 рублей серебром проценту. И винокурня уничтожена, земляная мельница уничтожена для толчения дубовой коры на выделку кож, — и совершенно осталось нам расстроенное имение» (*Виноградов И. А.* Новые мемуарные источники о Гоголе // Гоголевский вестник. Вып. 1. М., 2007. С. 250–251). Сохранилось свидетельство о займе денег сроком на 26 лет в сумме 18450 рублей, сделанном Гоголем и его сестрой М. В. Трушковской 31 января 1836 г. в Полтавском приказе общественного призрения.

Гаман — «род бумажника, где хранится огниво, кремень, трут, табак, иногда и деньги» (гоголевский словарь «Малороссийских слов, встречающихся в первом и втором томах»).

169. А. С. Данилевскому

Звегинцов — лицо неустановленное. к стр. 202

Гудим — возможно, Гудима Егор (Георгий) Васильевич (1812—1870), поступил в Нежинскую гимназию в августе 1825 г., окончил в 1832 г. (см.: *Супронюк О. К.* Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Библиографический словарь. Киев, 2009).

170. А. С. Данилевскому

...жениться на какой-то актрисе... — Брак Н. Я. Прокоповича и актрисы М. Н. Трохневой состоялся в апреле 1833 г. (см.: *Супронюк О. К.* Новые материалы о Н. Я. Прокоповиче (к изучению к стр. 203

литературного окружения молодого Гоголя) // Гоголь. Материалы и исследования. М., 1995. С. 249). См. также <Дружеское шутливое пари> в т. 9 наст. изд.

Драгун — Василий Яковлевич Прокопович, младший брат Н. Я. Прокоповича.

Великий князь — Михаил Павлович.

171. В. И. Григоровичу

Григорович Василий Иванович (1786—1865) — историк и критик искусства, конференц-секретарь Академии художеств (с 1829), издатель «Журнала изящных искусств» (1823—1825).

174. М. П. Погодину

к стр. 204 *...уже готова драма...* — Имеется в виду драма М. П. Погодина «История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове» (отрывок из драмы впервые опубл.: Современник. 1837. Т. V; отд. изд. — 1835 г., 2-е изд. — 1868 г.).

к стр. 205 *...в Петре вашем драматическое искусство... совершеннее, нежели в Марфе.* — Речь идет о трагедиях М. П. Погодина «Петр I» (закончена 24 июня 1831 г.; запрещена для отдельного издания личным распоряжением Императора Николая I в декабре 1831 г.; отрывки напечатаны: Новоселье. 1833. Ч. 1; Московский Наблюдатель. 1835. Ч. 1. Октябрь. Кн. 2; полное изд. — М., 1873) и «Марфа, посадница новгородская» (М., 1830; напечатана без имени автора).

...ваших Афоризмов... целая книга. — Книга была издана позднее: Исторические афоризмы Михаила Погодина. М., 1836. См. в т. 7 наст. изд. коммент. к разделу <Рецензии, помещенные в «Современнике»>.

...прибавьте боярам несколько глупой физиогномии. — Еще в 1828 г., в письме к матери из Нежина (от 1 марта), Гоголь писал: «Видел я здесь и тех, которые находились под особым покровительством. Им только лучше ставили классные шары, а, впрочем, они были глупее прочих, потому что они совершенно ничем не занимались». Ср., напротив, характеристику бурсаков в «Тарасе Бульбе», «плохое содержание» и «частые наказания» которых «голодом» рождали «в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье». «Это было, точно, необыкновенное явленье русской силы, — писал Гоголь в «Тарасе Бульбе» о возникновении запорожского казачества, — его вышибло из народной груди огниво бед». Эту же мысль Гоголь повторял позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847), размышляя о судьбе всей патриархальной России в эпоху петровских преобразований: «...европейское просвещение было огниво <«огниво бед»>, которым следовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массе». См. также: *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М., 2000. С. 121–122.

Журнальца, который ведут мои ученицы... — Н. П. Барсуков писал: «Погодин так заинтересовался педагогической деятельностью Гоголя, что тотчас написал Плетневу просьбу прислать ему для просмотра тетради Гоголевых учениц в Патриотическом Институте. На эту просьбу Плетнев отвечал Погодину: "Не думаю, чтобы тетради учениц Гоголя могли вам на что-нибудь пригодиться. Их рассказ уроков его очень приятен, потому что Гоголь останавливает внимание учениц больше на подробностях предметов, нежели на их связи и порядке. Я после вашего письма нарочно пересматривал эти тетради и уверился, что ученические записки все равны, т. е. с ошибками грамматическими, логическими и пр., и пр. Что касается до порядка в Истории или какого-нибудь придуманного Гоголем облегчения — этого ничего нет. Он тем же превосходит товарищей своих как учитель, чем он выше стал многих как писатель, т. е. силою воображения, которое под его пером всему сообщает чуждую <чудную? — *И. В., В. В.*> жизнь и увлекательное правдоподобие"» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 113–114).

Я только теперь прочел... Беттигера. — Гоголь прочел переведенный с немецкого под руководством М. П. Погодина учебник «Всеобщая история. Гимназический курс. Сочинение эрлангенского профессора Беттигера» (М., 1832). Этой книгой Гоголь широко пользовался при составлении своих лекций (см. коммент. в 8 т. наст. изд.).

...спрашиваете об Вечерах Диканских... Я не издаю их. — См. к стр. 206
письмо № 154.

175. М. И. Гоголь

...плут Лукашевич ввел вас в такие беспокойства и не плотит денег. — Речь идет о продаже Марией Ивановной имения Лукашевки в Хорольском уезде. См. коммент. к письму № 168.

...один процент казна сбавляет. — Правила 1 января 1830 г. к стр. 207
о вкладах и ссудах в государственных банковских установлениях понизили выдаваемый по вкладам процент с 5 до 4.

Леонтьев Владимир Юрьевич — генерал, сводный брат А. А. Трощинского.

...Матрена с супругом возвратились из балаганов... — Матрена и ее супруг Яким Нимченко, крепостные слуги Гоголя в Петербурге. Балаганные представления, начиная с 1827 г., устраивались в Петербурге на народных гуляньях «под горами» (то есть вокруг ледяных катальных гор) на Дворцовой и Адмиралтейской площадях. Неизменный интерес у зрителей вызывала среди этих представлений французская пантомима-арлекинада (с участием Коломбины, Пьеро и Арлекина), составлявшая «гвоздь программы» масленичного балагана И. А. Лемана. Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н. В. Гоголя // Русская литература. 1999. № 1. С. 36–44).

к стр. 208 *Марья Алексеевна* — Данилевская, родственница А. С. Данилевского.

176. А. С. Данилевскому

Соф<ья> В<асильевна> Капнист — вышла замуж за Василия Антоновича Скалона (1805—1882), армейского офицера, преподавателя Полтавского кадетского корпуса.

М<арья> Ал<ексеевна> — Данилевская. См. письмо № 175.

Ланг — лесничий придворного ведомства.

Гаврюшка — слуга В. И. Черныша, отчима Данилевского.

Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. — Об этом же сообщал, в частности, П. А. Плетнев в письме к В. А. Жуковскому от 17 февраля 1833 г.: «...Пушкин... ничего не делает, как только утром перебирает... старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной» (*Плетнев П. А.* Соч. и переписка. Т. 3. С. 524).

Пестрые сказки — Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою... (СПб., 1833)

к стр. 209 *Бедный Гнедич уже не существует.* — Н. И. Гнедич умер 3 февраля 1833 г.

Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — поэт.

Шишков Александр Семенович (1754—1841) — адмирал, министр народного просвещения в 1824—1828 гг.; председатель «Беседы Любителей Русского Слова».

Мазепа — второй после «Дмитрия Самозванца» (1830) исторический роман Ф. Б. Булгарина (СПб., 1833—1834. Ч. 1–2).

...из Языкова... Несколько строчек, однако ж, приведу... — Гоголь цитирует стихотворение Н. М. Языкова «Вино», пропуская три первые строки и делая ошибку в шестой строке (нужно: «И блистательно чиста»).

Тиссон — лицо неустановленное.

Тушинский — лицо неустановленное.

Афанасий — слуга А. С. Данилевского.

к стр. 210 *...7 трагедий...* — К этому времени Н. В. Кукольником были закончены лишь трагедии «Торквато Тассо», «Рука Всевышнего отечество спасла» и, возможно, «Джулио Мости».

Поза, Поза, Поза. — Маркиз Поза, герой драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1785), испанец, возвышенный мечтатель.

Возвышенный — прозвище Н. В. Кукольника. См. коммент. к письму № 143.

...душит трагедией... — Выражение из «Евгения Онегина» (гл. IV, строфа XXXV).

Грыць — лицо неустановленное.

...бойрендом, духтером — припев к народной песне: «Ой у поля долина, / А в долині калина... / Бойрендом, янтером, / Духрейдом, духтером».

177. М. П. Погодину

Журнал девиц — тетради учениц Гоголя по Патриотическому институту.

Беттиг<ер> (Bottiger) Карл Август — немецкий историк. См. коммент. к письму № 174. к стр. 211

Пушкин недавно говорил о тебе с Государем насчет Петра... — Речь идет о привлечении Погодина к совместной с Пушкиным работе над «Историей Петра». Согласие царя было получено, но сотрудничество не состоялось.

Новоселье — первая книга альманаха Александра Филипповича Смирдина (1795—1857) «Новоселье», изданная в 1833 г. к стр. 212

Брамбеус — псевдоним О. И. Сенковского. В альманахе «Новоселье» за подписью Брамбеуса были опубликованы его повести «Антар», «Незнакомка» и фельетон «Большой выход у сатаны».

Альманах — инициатором издания альманаха, которому предполагалось дать название «Шехерезада», был Николай Александрович Мельгунов, московский литератор, знакомый Гоголя. Предполагалось участие в нем Е. А. Баратынского, И. В. Киреевского, Н. М. Языкова, П. Я. Чаадаева, И. И. Козлова, князя П. А. Вяземского, а также А. С. Пушкина и Гоголя (см.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 545).

Комета Галлея — повесть М. П. Погодина «Галеева комета», опубликованная в альманахе «Комета Белы» (СПб., 1833).

178. М. И. Гоголь

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 8.

179. М. И. Гоголь

Отец Емельян — священник в имениях Трощинского, сперва в Кибинцах, потом в Кагорлыке. Он был в хороших отношениях с В. А. Гоголем. О. Д. Трощинская должна была передать ему в Кагорлык письмо с просьбой Гоголя о записывании напевов народных песен. Письмо это нам неизвестно. к стр. 213

180. М. И. Гоголь

Ларион Тро<щинский> — Илларион (Ларион) Иванович Трощинский, внучатый племянник Д. П. Трощинского. В 1820-х гг. был студентом Харьковского университета (см. коммент. к письму № 1); позднее служил в Петербурге; в 1845 г. занимал место старшего столоначальника в Провиантском департаменте Военного министерства. См. также письмо № 236.

Благодарю вас, тетинька Катерина Ивановна... — Приписка, обращенная к К. И. Ходаревской. к стр. 214

181. М. И. Гоголь

к стр. 215 *Целую сестру и очень благодарен ей за племянника.* — В апреле 1833 г. у М. В. Трушковской родился сын Николай, названный так в честь дяди.

182. М. П. Погодину

к стр. 216 *Краевский* Андрей Александрович (1810—1889) — журналист; начинал свою литературную карьеру как сотрудник С. С. Уварова, министра народного просвещения; был помощником редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения». В конце 1830-х — начале 1840-х гг. занял откровенно прозападническую позицию. В. А. Жуковский в письме к Гоголю от 1 августа (н. ст.) 1844 г. назвал редактируемые А. А. Краевским «Отечественные Записки» «бесовским чтением».

...рад, что уже Самозванец пишется. — Имеется в виду «История в лицах о Димитрии Самозванце», напечатанная в Москве в 1835 г. (отзыв Гоголя см. в его письме к М. П. Погодину от 18 января 1836 г.).

Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. — К 22 мая 1883 г. А. С. Пушкиным было написано шесть глав «Истории Пугачева»; сочинение было полностью завершено лишь 2 ноября 1834 г.

...Максимович печатает... Наума... — Имеется в виду «Книга Наума о великом Божием мире» (М., 1833).

Киреевский — Имеется в виду один из братьев Киреевских Петр или Иван.

Афоризмы — см. коммент. к письму № 174.

183. М. И. Гоголь

к стр. 217 *Кочубей* — князь Виктор Павлович Кочубей (1768—1834).

Диканька — родовое имение Кочубеев, в Миргородском уезде, Полтавской губ., в 25 верстах от гоголевской Васильевки.

Яворивщина — яворовый лес с небольшим хутором, принадлежавший Гоголям и граничивший с владениями князя Кочубея.

к стр. 218 *Лукашевка* — владение М. И. Гоголь в Хорольском уезде (см. коммент. к письмам № 134, 168, 175).

184. М. И. Гоголь

к стр. 219 *...ищу... квартиру, потому что старая... меня заморозила...* — Зиму 1832/33 г. Гоголь прожил в доме Демута-Малиновского, в Новом переулке.

185. М. А. Максимовичу

...за Наума и Размышления... — «Книга Наума о великом Божием мире» (М., 1833) и «Размышления о природе» (М., 1833).

См. коммент. к <Предисловию к сборнику «Арабески»> в т. 7 наст. изд. и к письму № 193.

Бросьте... кацапию... — Это и некоторые подобные шутливые к стр. 220 выражения не отражают, конечно, подлинного отношения Гоголя к России и русскому народу.

...для Денницы вашей употреблю все силы... — Обещание написать что-нибудь для третьей книги издаваемого М. А. Максимовичем альманаха «Денница» (первые две книги вышли в 1830 и 1831 гг.) осталось неосуществленным.

...московский водопой... — Летом 1833 г. М. А. Максимович пользовался московскими искусственными водами.

187. М. И. Гоголь

Старая квартира — в Новом переулке, в доме Демута-Мали- к стр. 221 новского.

Сделайте милость, не приписывайте мне всякого вздору... — Ср. письмо Гоголя к матери от 19 декабря 1830 г. (№ 108).

...я в первый раз слышу... что существует книга под названием Кулябка. — «Гоголь прав: ни книги с таким заглавием, ни такого автора в действительности не было. Но в 1833 г. в Петербурге вышли “Рассказы прадеда”. Картины нравов, обычаев и домашнего быта малороссов. Кн. I. Один из рассказов этой книжки и носил заглавие “Семейство Кулябки”. Н. Полевой в “Московском телеграфе” дал резкий отзыв о “Рассказах прадеда”: “Неужели сочинитель думает быть народным, представляя своим читателям разные грубые, комические описания, напр<имер>, как отец бил прекрасную Оксану плетью... как щенок вскарабкался в окно, уронил ендову с пирогами, выпачкался в сметану, и уплетал, разбойник, пироги, без зазрения совести” и т. д. Но свой суровый отзыв Н. Полевой заканчивал указанием “смягчающих обстоятельств” для автора: “Кажется, грех на душе *Рудого Панька:* он соблазнил сочинителя “Рассказов прадеда” (“Московский телеграф” 1833 г. 51, стр. 466–468). Весьма сомнительно, чтобы Гоголь, ревниво относившийся к суждениям критики об его произведениях, не натолкнулся на этот отзыв, притом напечатанный в виднейшем журнале эпохи» (*Десницкий В. А.* «Мертвые души» Гоголя как поэма дворянского возрождения // *Десницкий В. А.* На литературные темы. М.; Л., 1933. С. 227).

190. М. П. Погодину

...женитьбою твоею... — М. П. Погодин 9 июля 1833 г. женился к стр. 222—223 на Елизавете Васильевне Вагнер.

...для альманаха... — Для третьей книги альманаха М. А. Мак- к стр. 223 симовича «Денница».

...двух начал двух огромных творений... — «Истории Малороссии» и «Всеобщей истории» (см. коммент. к статье «Взгляд на составление Малороссии» в т. 7 наст. изд.).

...повесть мою... — «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», напечатанную во второй книге альманаха А. Ф. Смирдина «Новоселье» (СПб., 1834).

191. В. В. Тарновскому

к стр. 224 *Рудановский* Леонид Платонович (1814—1877) — выпускник Нежинской гимназии.

Антоновка — имение Тарновских в Пирятинском уезде Полтавской губернии.

...какой-то странный карьер... — Уход В. В. Тарновского из департамента (контрольное ведомство) и работа учителем в Житомирской гимназии.

Моисеев Кирилл Абрамович (1790—1853) — профессор истории и статистики в нежинской Гимназии высших наук.

192. М. И. Гоголь

к стр. 228 *Вы спрашиваете у меня насчет ревизии.* — Речь идет об ожидавшейся восьмой ревизии. «Ревизские сказки» были поданы М. И. Гоголь в ревизскую комиссию Миргородского уезда 26 апреля 1835 г.

193. М. А. Максимовичу

...от всей души и сердца любимый мною земляк. — Особо доверительный тон в письмах Гоголя к М. А. Максимовичу появляется после прочтения им летом 1833 г. изданных Максимовичем «Книги Наума о великом Божием мире» (М., 1833) и «Размышлений о природе» (М., 1833). В предисловии к последней книге Максимович, в частности, писал: «В природе... каждый предмет есть и мысль Творца, и вместе явление оной...» (см. также коммент. к <Предисловию к сборнику «Арабески» в т. 7 наст. изд.). 2 июля 1833 г. Гоголь, благодаря Максимовича за присылку этих книг, прибавлял: «...поручая вас деятельности, молю Бога, да ниспошлет вам здоровье и силы, что лучше всего на этом грешном мире» (ср. также письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 23 декабря 1833 г.). Письма к Максимовичу 1834 г. он также неизменно заключает: «...Поручаю тебя охранению невидимых благих сил» (от 7 апреля); «Поручаю тебя Ангелу Хранителю твоему» (от 20 апреля); «Да хранят тебя небеса...» (от 8 июня); «...Да почиет над тобою благословение Божие!» (от 27 июня). Именно Максимович — в роду которого был святой — святитель Иоанн (Максимович), митрополит Сибирский и Тобольский († 1715) (позднее из этого же рода вышел владыка Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, 1896—1966), был одним из тех, с кем Гоголь в 1830-х гг. мог «соутешаться общею верою» (Рим. 1, 12). Максимовичу Гоголь, не таивший от него своего внутреннего мира, неожиданно раскрылся летом 1835 г. самой сокровенной стороной при посещении святых мест Киева. «Нельзя было

мне не заметить перемены в его речах и настроении духа, — вспоминал позднее Максимович о прогулках Гоголя по Киеву в августе этого года, — он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым... Я думаю, что именно в то лето начался в нем крутой переворот в мыслях — под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссиян XVII века назывался “Русским Иерусалимом”» (*Максимович М. А.* Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде. СПб., 1871. С. 55–56). Максимович был близок также к известному духовному писателю и проповеднику святителю Иннокентию (Борисову), епископу Харьковскому (с 1841 г., с 1845 г. — архиепископу), с 1848 г. архиепископу Херсонскому и Таврическому; он оставил о владыке свои воспоминания. 22 мая 1842 г. Гоголь, посылая письмо к святителю Иннокентию, писал: «Обнимите за меня Максимовича...»

Ходаковский — Зориан Доленга-Ходаковский, псевдоним польского историка и этнографа Адама Чарноцкого. Рукописный сборник «Украинские песни, собранные Ходаковским», принадлежавший Максимовичу, находится в настоящее время в ОР ЦНБ АН Украины в г. Киеве. Сборник был предоставлен Максимовичем на некоторое время в распоряжение Гоголя. См. об этом: *Красильников С. А.* Источники собрания украинских песен Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2.

In quarto — в четвертую долю листа (*лат.*). к стр. 229

194. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 13–14.

Що се братця як барятця! — См. письмо № 196.

Почтмейстер — полтавский почтмейстер, коллежский советник Иван Александрович Ротмистров.

Вы очень хорошо делаете, что отдаете Олиньку в пансион. — к стр. 230 Намерение М. И. Гоголь не осуществилось.

195. М. И. Гоголь

Павел Осипович — Трушковский. к стр. 231

...я думаю ехать на два или три месяца в Ревель. — По-видимому, отъезд в Ревель был Гоголем вымышлен, чтобы отклонить поездку Трушковского в Петербург.

196. М. А. Максимовичу

Представь, я тоже думал... в Киев!.. — М. А. Максимович, по- к стр. 232 видимому, предлагал Гоголю добиваться кафедры всеобщей истории во вновь открываемом университете Св. Владимира в Киеве, куда сам собирался переехать из-за расстроенного здоровья (см. коммент. к письму № 213).

...да ты надуешь... — На подлиннике Максимович приписал к этим словам: «А вышло наоборот! И я изведал то, чего он так боялся».

...каких-то немцев... — Профессорами нового университета были, по преимуществу, поляки — преподаватели незадолго перед тем закрытого Волынского (Кременецкого) лицея. См. коммент. к письму № 227.

...говорил Пушкину о стихах. — Гоголь просил А. С. Пушкина дать какие-либо стихотворения в третий выпуск альманаха М. А. Максимовича «Денница».

...две большие пиесы... — «Анджело» и «Медный всадник».

...жду... обещанной тетради песен... — Возможно, речь идет о собрании народных песен З. Доленги-Ходаковского, которые Гоголь через некоторое время получил от М. А. Максимовича.

197. А. С. Пушкину

к стр. 233 *...план преподавания...* — См. коммент. к статье «О преподавании всеобщей истории» в т. 6 наст. изд.

к стр. 234 *...во взгляде на жизнь Гётте.* — «Взгляд на жизнь Гете» был напечатан по-французски и в русском переводе И. И. Давыдова в 1833 г.

...о мыслях его по случаю экзаметров... — Статьи в защиту русского гекзаметра, опубликованные графом С. С. Уваровым в 1813—1815 гг. в «Чтениях в Беседе Любителей Русского Слова».

Гизо Франсуа Пьер Гийом — французский историк; в 1833 г. был назначен министром народного просвещения Франции.

...в Естественной истории... — Имеется в виду книга М. А. Максимовича «Размышления о природе» (М., 1833). См. коммент. к письму № 193.

...на галиматью Надеждина. — Вероятно, подразумеваются натурфилософские статьи Н. И. Надеждина в «Телескопе».

198. М. А. Максимовичу

к стр. 235 *...благодарю тебя за Денницу.* — Имеется в виду третья книжка альманаха «Денница» (цензурное разрешение 24 октября 1833 г.).

...собрание галицких песенъ... — Piésni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Sipinskiego / Zebrał i wydał Wacław z Oleską. We Lwowie, 1833.

...гадаемое собрание. — Предполагаемое, задуманное собрание.

199. М. П. Погодину

к стр. 236 *Счастлив ты, златой кузнечик...* — Реминисценция из стихотворения Г. Р. Державина «Кузнечик» сборника «Анакреонтические песни» (1804).

...первый № смирдинской «Библиотеки»... — «Библиотека для Чтения» — ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств,

промышленности, новостей и мод», выходивший в Петербурге с 1834 г. Редактором журнала был О. И. Сенковский (до 1836 г. совместно с Н. И. Гречем), издателем — А. Ф. Смирдин. В числе сотрудников «Библиотеки для Чтения» в первой книжке было названо имя Рудого Панька (Гоголь готовил для февральского номера журнала главу «Кровавый бандурист» из романа «Гетьман»).

...которого «Фантастические путешествия» даже лучше его собственных. — Имеются в виду «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» О. И. Сенковского (СПб., 1833) и очерки Ф. В. Булгарина «Правдоподобные небылицы» (1824) и «Невероятные небылицы» (1825).

Пчела — «Северная Пчела» — первая крупная частная газета в России, издававшаяся в Петербурге Ф. В. Булгариным (с 1825 по 1830 г. единолично, с 1831 по 1859 г. совместно с Н. И. Гречем). к стр. 237

...твои Афоризмы. — В первом томе «Библиотеки для Чтения» была опубликована часть «Исторических афоризмов» М. П. Погодина, изданных позднее отдельно (М., 1836).

Правда ли, что он печатает русские песни? — Первая часть собрания русских народных песен П. В. Киреевского вышла в свет только в 1848 г.

200. К. С. Сербиновичу

Все ваши и Сергея Семеновича замечания... — Замечания министра народного просвещения С. С. Уварова и редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения» К. С. Сербиновича, относящиеся к статье Гоголя «План преподавания всеобщей истории», представленной для публикации и вскоре напечатанной во втором номере министерского журнала за 1834 г.

...присовокупление о истинной религии. — Имеется в виду замечание о Ветхозаветной Церкви в шестом разделе статьи: «Я должен изобразить Восток с его древними патриархальными царствами, с религиями, облеченными в глубокую таинственность, так непонятную для простого народа, кроме религии евреев, между коими сохранилось чистое, первобытное ведение истинного Бога» (см. коммент. к этой фразе в т. 6 наст. изд.).

201. М. И. Гоголь

Иван Данилевский — Иван Семенович Данилевский, брат А. С. Данилевского. к стр. 238

202. К. С. Сербиновичу

...журнал ваш. — Речь идет о первом номере основанного в 1834 г. С. С. Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения». О значении статьей, вошедших в этот номера журнала, для формирования замысла «Мертвых душ» см. в сопроводит. статье к т. 5 наст. изд.

203. М. А. Максимовичу

к стр. 239 *...пишешь за Киев.* — Пишешь о Киеве (*укр.*).

Брадке Егор Федорович (1796—1861) — попечитель Киевского учебного округа с 1833 по 1839 г.

...а гливы! а рогиз! а соняшники! а паслин! а цыбуля! а вино хлебное, как говорит приятель наш Ушаков. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, дерен... — *Глива* — сорт груши; *рогиз* — болотное растение; *соняшник* — подсолнух; *паслин* — паслён; *цыбуля* — лук; *морели* — абрикосы; *дерен* — кизил. *Ушаков* Василий Аполлонович — литератор, автор рецензии на «Вечера на хуторе близ Диканьки» (Северная Пчела. 1831. № 219–220), а также посвященной «пасичнику Рудому Паньку» книги «Досуги Инвалида» (М., 1832) (см.: *Каллаш В.* Гоголь и В. А. Ушаков // Литературный Вестник. 1902. Кн. I. С. 5–9).

Запорожская Старина — *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1833. Ч. 1. <Кн. 1–2>; 1834. Ч. 1. Кн. 3; Ч. 2. <Кн. 1>; 1835. Ч. 2. Кн. 2; 1838. Ч. 2. Кн. 3.

к стр. 240 *Экземпляра песень галицких...* — См. коммент. к письму № 198. Имеется в виду изд.: Piésni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Sipinskiego / Zebrał i wydał Wacław z Oleską. We Lwowie, 1833.

...мой же собственный у меня замотал один задушевный приятель. — Как указал Я. И. Ясинский, принадлежавшим Гоголю экземпляром собрания «Piésni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego» пользовался в мае—июне 1834 г. А. С. Пушкин (*Ясинский Я. И.* Работа Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М., 1941. С. 343–344). См. также письмо № 210.

204. И. И. Срезневский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Срезневский Вс. Изм.* Н. В. Гоголь в переписке с И. И. Срезневским в 1834—1835 гг. // Русская Старина. 1892. № 3. С. 754–755. Печатается по первой публикации.

Заочное знакомство Гоголя с И. И. Срезневским началось с настоящего письма. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1834 г., незадолго до выхода в свет «Миргорода» и «Арабесок», в газете «Северная Пчела» было опубликовано извещение И. И. Срезневского о том, что читатели, подписавшиеся на первую часть «Запорожской Старины» «в непродолжительном времени получат в добавок к трем книжкам этой части издания... книжку первую *литературных прибавлений*». В числе произведений других авторов здесь были обещаны повести «Рудаго Панька» (издание не состоялось) (см.: Новые книги // Северная Пчела. 1834. 15 ноября. № 260 (цензурное разрешение 14 ноября; цензор А. В. Никитенко). С. 1037). Очное знакомство Гоголя и Срезневского состоялось в 1839 г., когда Срезневский, отправляясь в путешествие по славянским землям,

несколько дней провел в Москве. 7 октября 1839 г., в письме к матери, он сообщал о визите к М. П. Погодину и давал следующую характеристику Гоголя: «Очень молодой человек, хорошенький собою, умненький, любящий всё славянское, всё малороссийское, но с первого виду мало обещающий» (Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842. СПб., 1895. С. 15). 10 октября 1839 г. Гоголь посетил Срезневского вместе с актером М. С. Щепкиным. По словам Срезневского (в письме к матери от 15 октября), на вечере говорили «всё о Малороссии», читали украинские песни, баллады и думы (см.: Живая Старина. 1892. Вып. 1. С. 71) (см. также коммент. к письму № 1). Почти в то же время Срезневский, по свидетельству В. Г. Белинского в письме к В. П. Боткину из Петербурга от 22 ноября 1839 г., вдруг неожиданно критически отзывался о «Тарасе Бульбе» Гоголя: «...Говорит, что... "Старосветские помещики" — превосходное, гениальное создание, а "Тарас Бульба" — дрянь и прочее в этом роде» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953—1959. Т. 11. С. 419). Позднее сын Срезневского, Всеволод Измайлович, публикуя переписку Гоголя с его отцом, писал: «Знакомые с личностью И. И. Срезневского, знакомые с его несочувственными взглядами, как на самого Гоголя, так и на его литературную деятельность, вероятно, удивятся, прочитав печатаемые здесь их дружеские, радушные письма» (*Срезневский В. И.* Н. В. Гоголь в переписке с И. И. Срезневским в 1834—1835 гг. // Русская Старина. 1892. № 3. С. 751).

...читавших № <34>... — Пропуск в оригинале (письмо печатается с черновика); здесь подразумевается № 34, в котором было напечатано известное объявление Гоголя «Об издании Истории малороссийских казаков». — Примеч. В. И. Срезневского.

205. И. И. Срезневскому

...польскими историками... — В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина Гоголь, в частности, обратил особое внимание на отрывки из «Хроники Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» М. Стрыйковского (см. коммент. к статье «Взгляд на составление Малороссии» и к <Наброскам к статье «Взгляд на составление Малороссии»> в т. 7 наст. изд.). к стр. 242

Кониский — имеется в виду «История русов, или Малой России», приписывавшаяся святителю Георгию (Конисскому), архиепископу Могилевскому и Белорусскому. Составленная в конце XVIII или начале XIX в., она была впервые опубликована в 1846 г., однако задолго до этого получила широкую известность благодаря многочисленным спискам. Гоголь, вероятно, познакомился с «Историей русов» в 1831 г. через А. С. Пушкина или через М. А. Максимовича. «Историей русов» Гоголь пользовался при создании «Тараса Бульбы» (см. коммент. в т. 2 наст. изд.).

к стр. 243 *...летописей... Шафонского, Ригельмана.* — Имеется в виду краткое географическое и историческое описание Малой России А. Ф. Шафонского (опубл. 1851), «Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще...» А. И. Ригельмана (опубл. 1847).

Пространная повесть об Украине до смерти Хмельницкого. — Об этом источнике упоминает Срезневский в предисловии ко второй книге «Запорожской Старины».

Бандыш-Каменский (Бантыш-Каменский) — имеется в виду «История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края» Д. Н. Бантыша-Каменского (М., 1822. Т. 1–4; 2-е изд. СПб., 1830. Т. 1–3).

206. М. И. Гоголь

к стр. 244 *В Ревель я уже не еду.* — См. коммент. к письму № 195.

Отец Иван — священник церкви в Васильевке.

207. М. А. Максимовичу

...ни гадки... — Ни помышления.

208. М. П. Погодину

к стр. 245 *Скажи Надеждину, что эта же самая причина помешала мне прислать обещанный ему отрывок из истории.* — Гоголь, по-видимому, обещал для помещения в «Телескопе» Н. И. Надеждина отрывок из задуманной «Истории Малороссии». Опубликовать этот отрывок он предпочел в «Журнале Министерства Народного Просвещения» С. С. Уварова.

Выговоры ваши за объявление... — Имеется в виду «Объявление об издании Истории Малороссии», или «Об издании истории малороссийских казаков» (см. коммент. в т. 7 наст. изд.) («Северная Пчела» 1834, № 24, от 30 января; перепечатано в «Московском Телеграфе» 1834 г., кн. 3, с. 523, и в «Молве» 1834 г., № 8, с. 118–119).

...охота тебе вступаться за Бандыша! ведь он... замотал у многих честных людей многие материалы и рукописи. — Речь, возможно, идет о «материалах и рукописях» директора Нежинской гимназии И. С. Орлая (см. коммент. к «Объявлению об издании Истории Малороссии» в т. 7 наст. изд.).

Популярная история твоя скоро выйдет? — Вероятно, имеется в виду книга М. П. Погодина «Начертание русской истории для училищ» (М., 1835). Отзыв Гоголя об этой книге содержится в письме к М. П. Погодину от 18 января 1836 г.

209. М. И. Гоголь

к стр. 246 *...фабрикант, взявши деньги, вдруг вздумает улизнуть.* — См. коммент. к письму № 168.

...я советовал вам... и т. д. — См. письмо М. И. Гоголь от 9 марта 1834 г. к стр. 247

210. М. А. Максимовичу

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878).

Вацлав... отжилен у меня... одним молодцом... — Речь идет о сборнике песен Вацлава з Олеска: Piésni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Sipinskiego / Zebrał i wydał Wacław z Oleską. We Lwowie, 1833. См. коммент. к письму № 203. к стр. 248

Поговорим об объявлении твоем... — Судя из дальнейших слов Гоголя, «объявлением» он называет присланный ему М. А. Максимовичем отдельный лист (типографский, включающий в себя несколько страниц) с «Предисловием» к сборнику «Украинские народные песни» (М., 1834; цензурное разрешение 23 марта), в котором содержится классификация народных песен (с. III–VII). См. также коммент. к письмам № 216, 224, 225.

211. М. А. Максимовичу

Цых — см. коммент. к письму № 224. к стр. 249

Посылаю тебе за Нечая другой список Нечая... Каневский переменен на Потоцкого... — Посланный Гоголем список песни про Нечая был включен М. А. Максимовичем в его издание «Украинских народных песен» (М., 1834). Песня была приведена здесь в двух вариантах (с. 97–100), а во вводной заметке издатель упоминал о Потоцком вместо Каневского в одном из имеющихся у него списков.

212. М. П. Погодину

Греч Николай Иванович (1787—1867) — редактор «Сына Отечества» (1812—1839) и издатель (совместно с Ф. В. Булгариным) «Северной Пчелы».

213. А. С. Пушкин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 18. 1788. № 3. С. 2. Печатается по изд.: *Пушкин <А. С.>* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937—1950. Т. 15. № 909.

Записка представляет собой ответ на несохранившееся письмо Гоголя, в котором тот, вероятно, просил Пушкина ходатайствовать за него перед министром народного просвещения С. С. Уваровым о назначении на кафедру истории в только что основанном Киевском университете (см. письмо Пушкина к Гоголю от 13 мая 1834 г.). Указ «Об учреждении в городе Киеве Императорского Университета Св. Владимира» был издан 8 ноября 1833 г. Этот указ, а также указ «О приведении в действие Проекта Устава и Штата Университета Св. Владимира» от 25 декабря 1833 г. были опубликованы

в том же номере «Журнала Министерства Народного Просвещения», где появился гоголевский «План преподавания Всеобщей Истории» (см.: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 2. С. LXXXIX–LCV). Устав и штат университета Св. Владимира был также утвержден 25 декабря 1833 г. В тот же день был издан и указ «О мерах к открытию Университета Св. Владимира». В число таких мер входил «выбор и назначение Ординарных и Экстраординарных Профессоров и Адъюнктов»; Сборник постановлений Министерства Народного Просвещения. СПб., 1864. Т. 2. Отд. 1. С. 499).

Поверх текста записки Гоголь написал письмо к Максимовичу от 7 апреля 1834 г. (письмо № 215).

214. М. И. Гоголь

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 36.

215. М. А. Максимовичу

См. коммент. к письму № 213.

к стр. 251 *...у министра.* — Имеется в виду С. С. Уваров.

216. М. А. Максимовичу

...дело твое подтвердилось... официально. — Назначение Максимовича профессором русской словесности Киевского университета состоялось 4 мая 1834 г.

к стр. 252 *Министр* — С. С. Уваров.

...читаю твои толстые книги... — Речь идет о двух томах собрания народных песен З. Доленги-Ходаковского.

Отпечатанные листки... — Отдельные листы (типографские) сборника «Украинских народных песен, изданных Михаилом Максимовичем» (М., 1834) сам Максимович высылал Гоголю по мере печатания. Первый лист, не считая высланного ранее «Предисловия», с отдельной пагинацией (см. письмо № 210), состоял из с. 1–16; второй — с. 17–32; третий — с. 33–48 (далее см. коммент. к письмам № 224, 225).

к стр. 253 *Федора Безродного...* — Пример взят из «Думы о Федоре Безродном», открывавшей издание Максимовича (с. 5–8).

Вот всё, что отстоялось от прежних дум, от прежних лет! — Неточная цитата из стихотворения Дельвига «К П.***» (П. А. Плетневу), напечатанного в № 55 «Литературной Газеты» за 1830 г.: «Броженье юности унялось, / Остепенился твой поэт: / И вот ему что отстоялось / От прежних дел, от прошлых лет...»

...в последний... отдел твоего первого тома. — Последний отдел первой части в сборнике Максимовича составляют «Песни казацкие бытовые».

За Песнями Люду Галичского я послал в Варшаву... — См. коммент. к письму № 198. Затруднения с приобретением книг на польском языке были следствием польского восстания 1830—1831 гг.

...чтобы он скорее пристроил твоего Наума. — Речь, возможно, идет о новом предполагаемом издании «Книги Наума о великом Божием мире» (М., 1833) (переиздавалась неоднократно). к стр. 254

...на праздниках... они все как шальные... мечутся шитые мундиры... — Письмо написано за несколько дней до Светлого Христова Воскресения, которое праздновалось в 1834 г. 22 апреля. Гоголь выражает недовольство тем, что чиновничьи поздравления на Пасху становятся главным содержанием праздника. Одна из «Пестрых сказок» князя В. Ф. Одоевского (1833), в издании которых Гоголь принимал участие, кстати, так и называлась: «Сказка о том, по какому случаю Коллежскому Советнику Ивану Богдановичу Отношению не удалось в Светлое Воскресение поздравить своих начальников с праздником».

217. М. И. Гоголь

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 9–10.

Поручение... к Князю Кочубею... — Могло быть в связи с размежеванием владений кн. В. П. Кочубея в Диканьке и Гоголей в Яворивщине (см. письмо № 183).

...автор Барона Брамбеуса... — О. И. Сенковский. к стр. 255

218. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 11–12.

219. М. И. Гоголь

Получили вы семена... — См. письмо № 214. к стр. 256

Кордон испанский — испанский артишок. к стр. 257

220. А. С. Пушкину

Левашев Василий Васильевич, граф (1783—1848) — в 1832—1835 гг. киевский генерал-губернатор.

221. А. С. Пушкин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано П. А. Кулишом в изд.: Библиографические Записки. 1858. Т. 1. № 3. Стб. 76. Печатается по изд.: *Пушкин <А. С.>* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937—1950. Т. 15. № 938.

222. А. С. Пушкину

Автограф хранится: *ГЛМ.* Ф. 255. Оп. 1. № 12. Из собрания автографов, принадлежавших О. М. Бодянскому. На обороте рукою

А. С. Пушкина записан отрывок украинской песни: «Черна роля заорана / Гей, гей» и т. д.

223. К. С. Сербиновичу

к стр. 258 *...отпечатаные для меня листки моих статей...* — Речь идет о статьях «Отрывок из Истории Малороссии» и «О малороссийских песнях», впервые напечатанных в № 4 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1834 г. См. коммент. к письму № 225. Подробнее о сотрудничестве Гоголя с министром народного просвещения С. С. Уваровым см. в сопроводит. статье к т. 8 наст. изд.

Он дал мне тему для статьи в журнал... — По-видимому, речь идет о статье, напечтанной позднее в № 9 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1834 г. — «О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем» (см. коммент. к этой статье в т. 7 наст. изд.).

...о моей участи. — Гоголь имеет в виду свое намерение занять кафедру в университете Св. Владимира в Киеве (см. коммент. к письму № 213).

...на Кавказ с одним моим приятелем... — Лицо неустановленное. Предполагаемая поездка на Кавказ не состоялась.

224. М. А. Максимовичу

к стр. 259 *Благодарю тебя за лист песень... по моему счету, 4-й.* — На четвертом листе (с. 49–64) из сборника «Украинских народных песен, изданных Михаилом Максимовичем» (М., 1834), присланном Гоголю, находится малороссийская дума XVII в. о казаке Иване (Ивасе) Коновченко, а также толкование слова «оковитая», встречающегося в этой думе. Об отражении содержания этой думы в «Тарасе Бульбе» см. сопроводит. статью ко 2 т. наст. изд. (О других полученных Гоголем от Максимовича листах «Украинских народных песен...» см. коммент. к письмам № 210, 216, 225.)

О Введении твоем ничего не могу сказать, потому что я не имею его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. — В сборнике Максимовича есть «Предисловие» (с. III–VII), содержащее предложенную М. А. Максимовичем классификацию песен, о которой Гоголь уже высказывал свое мнение (см. письмо № 210). Однако по сути и по содержанию это «Предисловие» никак не может претендовать на роль действительного введения к книге — и потому Гоголь принял его ранее за «объявление», а позднее (при написании настоящего послания) «естественно» предположил, что введение к сборнику он еще не получал.

...кто это Цых? кажется, Погодин его знает. — Владимир Францевич Цых (Цих, 1805—1837, по происхождению из Венгрии или Чехии, уроженец Харьковской губернии), воспитанник Екатеринославской гимназии и Харьковского университета, впоследствии

профессор всеобщей истории и ректор университета Св. Владимира в Киеве. О знакомстве с В. Ф. Цыхом М. П. Погодин 26 октября 1833 г. записал в дневнике: «Цых» (*Погодин М. П.* Дневник. 1829—1840 // *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1).

225. М. А. Максимовичу

Благодарю... за листки песень. — Речь, по-видимому, идет о пятом (с. 65–80) и шестом (с. 81–82) листах «Украинских народных песен, изданных Михаилом Максимовичем» (см. коммент. к письмам № 210, 216, 224). к стр. 260

...изданиях — твоем и Цертелева. — Имеются в виду «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем» (М., 1827) и «Опыт собрания старинных малороссийских песней» князя Н. А. Цертелева (СПб., 1819). В журнальном тексте статьи о собраниях Максимовича и Срезневского только упомянуто в сноске; кроме того, в тексте статьи приведена цитата из Максимовича; в «Арабесках» о собрании Максимовича в той же сноске сказано несколько больше, а указание на Срезневского исключено; о Цертелеве вообще не было упоминания.

...особый отпечатанный листок, также и листок из истории Малороссии... — Печатные оттиски из «Журнала Министерства Народного Просвещения» (см. письмо № 223).

226. И. И. Срезневскому

Я... был в отсутствии. — В марте—мае 1834 г. Гоголь, по-видимому, из Петербурга не выезжал. к стр. 261

Поблагодарите также земляка нашего... — Лицо неустановленное.

227. М. А. Максимовичу

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839). к стр. 262

Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785—1864).

Кременецкий Лицей (1806—1831) — закрыт вскоре после ликвидации польского восстания 1830—1831 гг.; часть преподавательского состава лицея была переведена в университет Св. Владимира в Киеве.

228. М. А. Максимовичу

На обороте последней страницы письма помета М. А. Максимовича: «Ответ 23 июня».

...почула... — Услышала, почуяла. к стр. 263

229. М. И. Гоголь

...новым племянником... — Имеется в виду второй сын М. В. Трушковской — Иван (умер в раннем детстве).

Здесь теперь большой съезд. — Имеется в виду предстоящее открытие Александровской колонны 30 августа 1834 г.

230. М. П. Погодину

к стр. 264 *...предложение твое об адъюнктстве...* — По-видимому, М. П. Погодин предлагал Гоголю просить места адъюнкта в Московском университете. Еще осенью 1832 г. Гоголь, вероятно, договаривался с Погодиным о своем скором переезде в Москву. Вернувшись тогда в Петербург, он писал ему: «...до весны надеюсь быть у вас в Москве... Досада только, что творческая сила меня не посещает до сих пор. Может быть, она ожидает меня в Москве» (письмо от 25 ноября 1832 г.). «Вся Москва, кажется, забыла меня, — сетовал он в письме к нему же в январе 1833 г. — Тогда как ее беспрестанно вижу в мыслях...»

...рад, что тебе понравились мои статьи... — Три статьи, напечатанные во втором и четвертом номерах «Журнала Министерства Народного Просвещения»: «План преподавания всеобщей истории» (№ 2), «Отрывок из Истории Малороссии» и «О малороссийских песнях» (№ 4).

233. М. И. Гоголь

к стр. 269 *...я не вижу даже большой необходимости ехать вам в Воронеж.* — М. И. Гоголь собиралась на богомолье в Воронеж, где двумя годами ранее, 8 августа 1832 г., состоялось торжественное открытие мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского. По свидетельству Г. П. Данилевского, посетившего Васильевку в 1852 г., образ святителя Митрофана Воронежского висел во флигеле, где жил Гоголь, над его кроватью. Ф. В. Чижов, вспоминая о пребывании Гоголя в Риме в 1843 г., сообщал П. А. Кулишу: «В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна... Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: “Была ли она у Святителя Митрофана?” Я отвечал: “Не знаю”. — “Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба...”» (<*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 1. С. 329).

Если бы я поехал теперь, я бы потерял по службе. — Гоголь имеет в виду свои хлопоты о кафедре в Киеве (см. коммент. к письму № 213).

Смирдина журнал — «Библиотека для Чтения».

234. М. А. Максимовичу

к стр. 270 *...твои экземпляры песень...* — Сборник М. А. Максимовича «Украинские народные песни» (М., 1834).

...преинтереснейший и прелюбезнейший человек... сохранивший всё то, что требуется для молодости, несмотря на то, что

ему за сорок лет... служил по ученой части... потом в таможнях, изъездил всю Русь, охотник страшный до степей и Крыма... — Речь идет о Семене Даниловиче Шаржинском (о его службе «в таможнях» Гоголь упоминает также в письме к М. А. Максимовичу от 14 августа 1834 г.). С. Д. Шаржинский, общий знакомый А. С. Пушкина, П. А. Плетнева, а также соученика Гоголя по Нежинской гимназии художника А. Н. Мокрицкого, стал впоследствии одним из прототипов главного героя поэмы «Мертвые души» Чичикова. П. А. Кулиш, опубликовавший настоящее письмо, к словам «охотник страшный до степей», сделал примечание (очевидно, со слов П. А. Плетнева): «Из его рассказов Гоголь заимствовал много красок для своего "Тараса Бульбы", например, степные пожары и лебеди, летящие в зареве по темному ночному небу, как красные платки» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. С. 76). С Шаржинским познакомил Гоголя А. С. Пушкин. Позднее, 4 ноября 1851 г., со слов Пушкина П. В. Нащокин рассказывал П. И. Бартеневу, что Шаржинский «очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в Бульбу описание степи». С. А. Соболевский подтвердил П. И. Бартеневу переданный П. В. Нащокиным рассказ, заметив, что это произошло при нем (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей *П. И. Бартеневым* в 1851—1860 годах. Л., 1925. С. 45). (Как заметил М. А. Цявловский, знакомство Гоголя с Шаржинским «состоялось, вероятно, летом 1834 г., когда в Петербурге жил и С. А. Соболевский»; Там же. С. 117.)

Подобно Шаржинскому, изъездившему «всю Русь», немало поколесил у Гоголя по России и Чичиков. Примечательно пристрастие героя поэмы к Херсонской губернии, куда он думает «переселять» свои «мертвые души» («О, там отличные земли, не заселено только, — сказал председатель и отозвался с большою похвалою насчет рослости тамошних трав» — глава седьмая). По-видимому, это пристрастие Гоголь «позаимствовал» для своего героя именно у Шаржинского — «охотника страшного до степей и Крыма». Со слов о незаселенности Новороссии, куда входила образованная в 1778 г. Херсонская губерния, и начинается восходящее к рассказам Шаржинского описание степей в «Тарасе Бульбе»: «...высокая трава, обступивши, скрыла их... Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию... было зеленою девственною пустынею». Одинаков и возраст Чичикова — Шаржинского: «нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» — «сохранивший все то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорок лет». Некоторые герои «Мертвых душ» (жандармский полковник, помещики Ноздрев и Тентетников) принимают также Чичикова за занятого какими-то «учеными предметами» — Шаржинский «служил по ученой части».

Со временем тон сообщений Гоголя о Шаржинском становится вольнее: «Шаржинский, как вам известно, навостряет лыжи

в Радзивил<л>ов почтмейстером и, вероятно, скоро удерет оттуда опять в Петербург, если только какая-нибудь полька не сядет верхом на его синие очки» (письмо к Н. Д. Белозерскому от 21 февраля 1836 г.). Предположение о «какой-нибудь польке», могущей прельстить бывшего таможенника Шаржинского в Радзивиллове, отзывается в ссоре Чичикова со своим товарищем на радзивилловской таможне «за какую-то бабенку». Есть соответствующее упоминание о «таможенных чиновниках» (а также о Радзивилловском монастыре) в «Тарасе Бульбе», при создании которого Гоголь воспользовался рассказами Шаржинского...

То, как с самого начала аттестует Гоголь Шаржинского — «преинтереснейший и прелюбезнейший человек», — в свою очередь, заставляет вспомнить характеристику, данную «любезнейшему и обходительнейшему» Чичикову в его жизнеописании: «Не загляни автор поглубже ему в душу... все... приняли бы его за интересного человека».

П. А. Плетнев, подписавший в 1842 г. свою статью о «Мертвых душах» инициалами Шаржинского («С. Ш.»), вероятно, узнал в гоголевском герое его прототип. При этом Гоголь, живший за границей, не зная, кто был настоящим автором публикации, был так заинтригован этой подписью (предположив, вслед за Н. Я. Прокоповичем, что статью действительно написал Шаржинский), что, признавшись сначала в своем «страшном» желании прочесть этот разбор «Мертвых душ» («я бы страшно хотел прочесть»), впоследствии собственноручно переписал для себя статью Плетнева (см. в т. 17 наст. изд.). Плетнев был довольно близко знаком с Шаржинским (вероятно, еще по Педагогическому институту, где они вместе учились); в его кабинете висел даже портрет Шаржинского (см.: Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей *П. И. Бартеневым* в 1851—1860 годах. С. 45). Интересно также свидетельство Плетнева о Шаржинском, переданное художником А. Г. Венециановым в письме Л. А. Строmиловой от апреля 1843 г.: «...Плетнев мне сказал, что Шержинский <так в источнике> по ветрености своей не может кому-либо помогать, но свои здесь долги худо платит» (*Корнилова А. В.* А. Г. Венецианов. Л., 1980. С. 204). См. также коммент. к письму № 238.

...лист под названием Голоса... — Имеются в виду «Голоса украинских песен», положенные на ноты А. А. Алябьевым; первая тетрадь (25 песен) вышла несколько ранее «Украинских народных песен» Максимовича; Гоголь упомянул о «Голосах» в примечании к статье «О малороссийских песнях» при перепечатке ее в «Арабесках».

235. М. П. Погодину

к стр. 271 *Редькин* (Редкин) Петр Григорьевич (1808—1891).

236. М. И. Гоголь

к стр. 269 *Я теперь только профессор здешнего университета и больше никакой не имею должности.* — 24 июля 1834 г. Гоголь был назначен

адъюнктом по кафедре истории при Петербургском университете, но вплоть до июня 1835 г. продолжал состоять и в числе преподавателей Патриотического института.

...Ларию Ив<ановичу> Трощинскому... — О Л. И. Трощинском см. письмо № 180.

237. В. В. Тарновскому

Впервые напечатано в «Киевской Старине» 1882, № 3, с. 826–827.

Нибур (Niebuhr) — Бартольд Георг (1776—1831) — знаменитый историк. Гоголь имеет в виду его «Римскую историю» (Romische Geschichte), выходившую с 1811 по 1832 г., так и не законченную автором. На русский язык переведена не была.

Гриша Степанович — Григорий Степанович Тарновский, дядя В. В. Тарновского.

Что болящий? — Возможно, другой дядя В. В. Тарновского — Владимир Васильевич.

Марков Владимир Михайлович — товарищ Гоголя по Гимназии к стр. 273
высших наук.

238. М. А. Максимовичу

На подлиннике имеется помета Максимовича «25 авг<уста>».

...дал... пидплесня... — дал пинка, шлепка (*укр.*).

...князь Корсаков... — Князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков. к стр. 274

...ставлю пиесу... да еще готовлю из-под полы другую. — Первой пьесой была, вероятно, «Женитьба». Судить о том, какой пьесой была вторая, затруднительно в виду отсутствия определенных указаний.

В Нежин не изъявляет желания... знает, что тамошние к стр. 275
профессора большие бестии, от которых уже товарищи его, вместе с ним воспитывавшиеся и бывшие там профессорами, пострадали. — Сообщая, что С. Д. Шаржинский «не изъявляет желания» служить в Нежинской гимназии по той причине, что его друзья по Педагогическому институту пострадали от «тамошних профессоров», Гоголь имеет в виду так называемое «дело о вольнодумстве», начатое в Не-жине в 1826 г. и завершившееся в 1830-м наказанием, по личному распоряжению Императора, четырех нежинских профессоров, связанных тесными масонскими узами, противопоставлявших себя остальным преподавателям, в том числе законоучителю протоиерею Павлу Волынскому. С. Д. Шаржинский, в свою очередь, как и его друзья, был членом масонской ложи (см.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 884, 1121).

Историками гимназии неоднократно отмечалось, что по своему содержанию нежинское дело было «совершенно однородно», «при некоторых особенностях», с тогдашними подобными историями в Петербургском, Казанском и Харьковском университетах (см.: *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. С. 94–95; *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. Харьков, 1908. С. 4). С другой стороны, в «деле о вольнодумстве» в Нежине немаловажную роль сыграли не только главные мотивы противостояния (см., в частности, коммент. к письму № 143), но и побочные обстоятельства — личные мотивы распри. Последние для окружающих были если не значительнее, то, во всяком случае, не менее заметны. Прежде всего этими частными обстоятельствами — широко известными учащимся гимназии (которые принимали непосредственное участие во вражде сторон), и объясняется критический отзыв Гоголя об организаторах следственного дела, высказанный в настоящем письме. Кроме того, в резких словах о «консервативных» профессорах сказалась и обида юного Гоголя на незаслуженно, по его мнению, заниженный при выпуске из гимназии чин 14-го класса (вместо ожидаемого 12-го) — по «вине» профессоров-«школяров». По-видимому, Гоголь — не достаточно посвященный в суть раздоров между профессорами Нежинской гимназии — не знакомый в полном объеме с содержанием самого «дела о вольнодумстве» — не вполне верил в серьезность выдвинутых против «пострадавших» профессоров обвинений. Позднее сам Гоголь существенно переосмыслил свое раннее отношение к нежинскому делу, воплотив новое видение в образе Тентетникова во втором томе «Мертвых душ». Такое же переосмысление в отношении к Шаржинскому совершилось еще ранее — в первом томе «Мертвых душ», одним из прототипов героя которых послужил Гоголю Шаржинский (см. коммент. к письму № 234). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004.

239. М. А. Максимовичу

...в вашей библиотеке... — Подразумевается библиотека недавно открытого университета Св. Владимира в Киеве, в которую, помимо других собраний, вошла богатая библиотека Кременецкого лицея.

Я получил много подвозу... — Гоголь имеет в виду получение новых записей песен из дому — от родных и знакомых.

к стр. 276 *Берлинский* Максим Федорович (1764—1848) — историк, археолог, преподаватель, с 1834 г. — инспектор Киевской гимназии; автор «Краткого описания города Киева...» (Киев, 1820. Ч. 1–2) и др.

У монахов... — В монастырских библиотеках, прежде всего Киево-Печерской лавры.

Я тружусь, как лошадь... не над лекциями. — Гоголь работал в это время над произведениями сборников «Арабески» и «Миргород».

240. В. В. Тарновскому

Гоголь написал Максимовичу о Тарновском (см. письмо М. А. Максимовичу от 22 января 1835 г.; ср. также письмо М. А. Максимовичу от 22 марта 1835 г.). Максимович мог представить Тарновского только по кафедре словесности. Тарновский согласился на это, но попечитель Киевского учебного округа Брадке не утвердил представления Максимовича (см.: *Максимович М.* Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде. СПб., 1871).

Есть ли у тебя история Мишеле новая, или средняя Демишеля, и если неполные, то, по крайней мере, Précis? — *Мишле* (Michelet, Jules; 1798—1874) — французский историк и публицист. Упоминаемые Гоголем книги Мишле: «Tableau chronologique de l'histoire moderne» (1825), «Précis de l'histoire moderne» (1829). В библиотеке Гоголя был также труд Мишле «Introduction à l'histoire Universelle...» (см. коммент. к разделу <Списки книг> в т. 9 наст. изд.). Впоследствии Гоголь относился к Мишле как к историку иронически (см. письмо к А. О. Смирновой от 7 ноября 1838 г.).

Демишель (Desmichels, Ovide-Chrysanthe; 1793—1866) — автор книг по истории Средних веков: «Histoire générale du moyen âge» (1831 и 1835), «Précis de l'histoire du moyen âge» (1827). См. отзыв Гоголя о Демишеле в «Библиографии средних веков». См. также коммент. к письму № 242.

Булыч — лицо неустановленное. к стр. 277

241. К. С. Сербиновичу

...за присылку корректуры. — Гоголь благодарит редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения» К. С. Сербиновича за присылку корректуры статьи «О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем», напечатанной в № 9 «Журнала Министерства Народного Просвещения».

Слова чутья никак не могу переменить. — См. коммент. к строкам статьи «О Средних веках» — *...нужно быть одарену... чутьем, которым обладают немногие историки...* — в т. 7 наст. изд.

242. М. П. Погодину

М. П. Погодин, получив настоящее письмо, записал в дневнике: «1834... Ноябрь... 12 <ноября>... Смешн<ое> письмо от Гоголя» (*Погодин М. П.* Дневник. 1829—1840; *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 121).

...Журнал... — Имеется в виду «Московский Наблюдатель», разрешение на издание которого было получено 9 декабря 1834 г.

...печатаю кое-какие вещи... — Подразумеваются сборники к стр. 278 «Арабески» и «Миргород».

Охота тебе... возиться около Герена... — Замечание Гоголя связано с готовившейся М. П. Погодиным к изданию книгой: Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов Древнего мира (М., 1835. Ч. 1; цензурное разрешение 13 июня 1835 г.; цензор М. Т. Каченовский).

Печатаешь ли ты Демишеля... — «История Средних веков» Демишеля (см. коммент. к письму № 240), переведенная студентами Московского университета под редакцией М. П. Погодина, была издана в 1836 г.

243. М. И. Гоголь

к стр. 279 *...после нового года я получу сколько-нибудь денег.* — Гоголь рассчитывал получить деньги от продажи «Арабесок» и «Миргорода», а также от второго издания «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Я всё тем же, чем и был, т. е. коллежским асессором. — С этим чином 8 класса Гоголь вышел в 1835 г. в отставку.

244. А. С. Пушкин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано П. А. Кулишом в изд.: Библиографические Записки. 1858. Т. 1. № 3. Стб. 75. Печатается по изд.: *Пушкин <А. С.>* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937—1950. Т. 15. № 1009. Обоснование датировки см. в изд.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 248–249.

Речь в письме идет о повести «Невский проспект».

245. М. П. Погодину

к стр. 280 *...не гляди на мои исторические отрывки...* — Имеются в виду три статьи, напечатанные в 1834 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения»: «План преподавания всеобщей истории» (№ 2), «Отрывок из Истории Малороссии» (№ 4), «О малороссийских песнях» (№ 4), получившие ранее одобрение М. П. Погодина (см. коммент. к письму № 230).

к стр. 281 *Печатаю я всякую всячину.* — Речь идет о сборнике «Арабески».

Пришли... лекции хоть в корректуре. — Вероятно, «лекции по Герену» (см. коммент. к письму № 242).

246. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 15.

...тяжелые годы. — Имеется в виду неурожай 1832 и, особенно, 1833 гг., а также малоурожайный 1834 г.

к стр. 282 *Байбак* — сурок; лентяй, лежебока.

Содержание

Переписка
1820–1834

1820

1821

1822

1823

1824

1828

1829

1830

1831

Комментарии

УДК 820 (73)
ББК 76.006.5
Г58

Письма к Гоголю подготовлены
к изданию при финансовой поддержке
Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ).
Проект № 08–04–0000261а

Гоголь Н. В.

Г58 Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 10: Переписка 1820–1834 / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 392 с.

В том вошла переписка Гоголя 1820–1834. Ответные письма адресатов включаются в собрание сочинений Гоголя впервые.

ISBN 978-5-88017-087-6
ISBN 978-5-88017-105-7

Координаторы проекта:
иеромонах Симеон (Томачинский) — Россия
Анисимов Василий Семенович — Украина

Издательство Московской Патриархии
выражает благодарность за содействие
в издании Полного собрания сочинений
и писем Н. В. Гоголя

Раздорожному Валерию Викторовичу
Чип Олегу Александровичу
Биденко Николаю Андреевичу
Шевченко Тарасу Вячеславовичу
Швецу Николаю Николаевичу

Составление, подготовка текстов и комментарии:
И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы РАН
В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета
«История мировой культуры» РАН
Художественное оформление:
В. А. Белан, А. В. Белан

На фронтисписе портрет Н. В. Гоголя
работы неизвестного художника (1840-е гг.)

Николай Васильевич
ГОГОЛЬ

Полное собрание сочинений и писем
в семнадцати томах

Том X
Переписка
1820–1834

Главный редактор
протоиерей Владимир Силовьев

Заведующая редакцией
Т. А. Тарасова

Редактор
О. П. Вилкова

Художественное оформление
В. А. Белан, А. В. Белан

Технический редактор
З. С. Кондрашова

Корректоры
Е. А. Рипс, Т. А. Горячева

Верстка
Ю. В. Рахманина

Дар «Полтавского землячества»